ВЕСТНИК АРХИВИСТА

VESTNIK ARHIVISTA / HERALD OF AN ARCHIVIST

ISSN 2073-0101

2022
№ 1

ЯНВАРЬ–МАРТ
JANUARY–MARCH

Основан в 1991 г.
Founded in 1991

В ближайших номерах	Coming soon
Новые документы о режиме порто-франко в Крыму	New Document on the Porto Franco Regime in Crimea
Особенности процесса становления областной организации РКП(б) Марийской автономной области в 1921–1923 гг.	Features of the Process of Formation of Regional Organization of the RCP (B) in the Mari Autonomous Region in 1921–23
Письма во власть о необходимости восстановления Института народов Севера в Ленинграде. 1947–1948 гг.	Letters to Power Demanding Reestablishment of the Institute of the Peoples of the North in Leningrad: 1947–48
Нереализованный в Московской области в 1951 г. проект переподчинения 26 селений, в которых имелись действующие церкви	The Unrealized Project of Demolition of 26 Villages in the Moscow Region (1951) in Which There Were Functioning Churches

Вестник архивиста.ru: www.vestarchive.ru

Вестник архивиста.com: www.herald-of-an-archivist.com

Вестник архивиста.TV: www.vestarchive.tv

Вестник архивиста.Vk.com: www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ (РОИА)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Анфертьев, И. А., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артизов, А. Н., доктор исторических наук, Федеральное архивное агентство, г. Москва, Российская Федерация

Афиани, В. Ю., кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Безбородов, А. Б., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Брянцев, М. В., доктор исторических наук, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

Гагиева, А. К., доктор исторических наук, Коми республиканская академия государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Иноземцева, З. П., кандидат исторических наук, заместитель главного редактора, г. Москва, Российская Федерация

Исакова, М. С., доктор исторических наук, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Калашникова, Н. П., доктор политических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Кечкемети, Ш., доктор филологии, Школа хартий, Сорбонна, г. Париж, Франция

Козлов, В. П., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Коровин, В. В., доктор исторических наук, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Кулинок, С. В., кандидат исторических наук, Национальный архив Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Ланской, Г. Н., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Ларин, М. В., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Мазур, Л. Н., доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Мироненко, С. В., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Государственный архив Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Нуйкина, Е. Ю., кандидат исторических наук, первый заместитель главного редактора, г. Москва, Российская Федерация

Петин, Д. И., кандидат исторических наук, Исторический архив Омской области, Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

Пивовар, Е. И., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Пивоваров, Ю. С., доктор политических наук, академик Российской академии наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Прозорова, В. Б., кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе, г. Париж, Франция

Синиченко, В. В., доктор исторических наук, Академия управления МВД, г. Москва, Российская Федерация

Солдатова, О. Н., доктор исторических наук, Российский государственный архив в г. Самаре, г. Самара, Российская Федерация

Трошина, Т. И., доктор исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

Тюрина, Е. А., кандидат исторических наук, Российский государственный архив экономики, г. Москва, Российская Федерация

Хорхордина, Т. И., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Чернобаев, А. А., доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Чубарьян, А. О., доктор исторических наук, академик Российской академии наук, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

FOUNDER AND PUBLISHER

THE RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS AND ARCHIVISTS (ROIA)

EDITOR-IN-CHIEF

Anfertiev, Ivan A., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Artizov, Andrey N., PhD in History, Federal Archival Agency, Moscow, Russian Federation

Afiani, Vitaly Yu., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bezborodov, Alexander B., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bryantsev, Mikhail V., PhD in History, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation

Gagieva, Anna K., PhD in History, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russian Federation

Inozemtseva, Zinaida P., PhD in History, deputy editor-in-chief, Moscow, Russian Federation

Isakova, Mukhae S., PhD in History, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Kalashnikova, Nataliya P., PhD in Political Sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Kecskemeti, Charles, PhD in Philology, École Nationale des Chartes, Sorbonne, Paris, France

Kozlov, Vladimir P., PhD in History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Korovin, Vladimir V., PhD in History, South-West State University, Kursk, Russian Federation

Kulinok, Svyatoslav V., PhD in History, National Archive of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Lanskoi, Grigory N., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Larin, Mikhail V., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Mazur, Lyudmila N., PhD in History, First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Mironenko, Sergey V., PhD in History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russian Federation

Nuykina, Elena Yu., PhD in History, first deputy editor-in-chief, Moscow, Russian Federation

Petin, Dmitry I., PhD in History, Historical Archive of the Omsk region, Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

Pivovar, Efim I., PhD in History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Pivovarov, Yury S., PhD in Political Sciences, member of the Russian Academy of Sciences, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prozorova, Victoria B., PhD in History, head of the branch of the "Herald of Archivist" in Europe, Paris, France

Sinichenko, Vladimir V., PhD in History, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation

Soldatova, Olga N., PhD in History, Russian State Archive in Samara, Samara, Russian Federation

Troshina, Tatiana I., PhD in History, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

Tyurina, Elena A., PhD in History, Russian State Archive of Economy (RGAE), Moscow, Russian Federation

Khorkhordina, Tatiana I., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Chernobaev, Anatoly A., PhD in History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Chubaryan, Alexander O., PhD in History, member of the Russian Academy of Sciences, World History Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

Янгутов, Л. Е., Орбодоева, М. В. О переводах буддийских сутр в эпоху Наньбэйчао Южных и Северных царств. 420–589 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 11–23. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-11-23 11

Усачев, А. С. Статус в миру и церковная карьера в России XVI века // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 24–35. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-24-35 24

Дружинина, И. А. К истории создания альбома полковника Д. А. Вырубова из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН и его подлинном авторе // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 36–53. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-36-53 36

Корнева, Н. М., Раскин, Д. И. Из истории архива Государственного совета Российской империи. 1810–2021 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 54–65. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-54-65 54

Красильникова, Е. И., Петин, Д. И. Памятник жертвам взрыва 1 августа 1918 г. в Омске: история частной коммеморации в городском мемориальном пространстве // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 66–80. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-66-80 66

Голдин, В. И. Н. В. Чайковский и А. И. Деникин: диалог, сотрудничество и противоречия лидеров антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. По страницам документов российских и зарубежных архивов // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 81–97. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-81-97 81

Красноженова, Е. Е., Кулинок С. В. Преступления нацизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам архивов Северо-Запада России и Республики Беларусь // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 98–120. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-98-120 98

Горбачев, О. В. Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. как источник по истории городской семьи // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 121–136. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-121-136 121

Пермяков, И. А., Джалилов, Т. А., Пивоваров, Н. Ю. После Хрущева: деятельность Президиума ЦК КПСС в октябре 1964 – июне 1965 г. по записям В. Н. Малина // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 137–153. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-137-153 137

Дмитриева, А. И. Фотофонд Государственного архива Свердловской области: проблемы комплектования, систематизации, поиска и использования фотодокументов // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 154–163. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-154-163 154

Люди. События. Факты

Морозова, О. М. Во главе чернознаменного войска: Маруся Никифорова в 1917–1918 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 164–185. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-164-185 164

Научная публикация архивных документов

Абдрахманов, К. А. «Препятствий к выдаче названным торговцам разрешительных свидетельств никаких не имеется...». Письма военного губернатора Уральской области Н. А. Веревкина оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому. 1872–1873 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 186–200. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-186-200 186

Новак, В. Н. Освящение Троицкого храма в селе Конобеево Бронницкого уезда: к проблеме субординации местного духовенства в начале XX века // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 201–213. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-201-213 201

Исторические исследования

Бахтурина, А. Ю., Ростиславлева, Н. В., Бок, Ханнес. Семьи «враждебных иностранцев» в России и Германии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 214–228. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-214-228 214

Белова, И. Б. «Людские волны»: дневниковые записи Ф. А. Кудринского о беженцах Первой мировой войны. 1915 г. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 229–241. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-229-241 229

Брянцев, М. В. «А хороший человек был Ленин, кто-то теперь?». Реакция населения на смерть В. И. Ленина // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 242–256. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-242-256 242

Анфертьев, И. А. Участие контрольных комиссий РКП(б) в составе Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции в формировании командно-административной системы СССР. 1923–1924 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 257–272. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-257-272 257

Музейные и архивные коллекции

Михальченко, С. И., Ткаченко, Е. В. Неопубликованные письма А. Д. Билимовича из Королевства сербов, хорватов и словенцев В. В. Шульгину как исторический источник. 1921–1926 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 273–284. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-273-284 273

Обзоры архивных фондов и коллекций

Мамонтова, М. А., Фролова, А. А. Повседневность женщин Ишима в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 285–296. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-285-296 285

Критика и библиография

Воронцов, В. С. Об издании сборника документов «На началах самоопределения... К 100-летию государственности Удмуртии» // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 297–304. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-297-304 297

Храмкова, Е. Л., Тузова, О. В. «Материально-техническое обеспечение РККА: 1928–1945 гг.»: к изданию Российским государственным архивом в г. Самаре нового сборника документов // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 305–311. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-305-311 305

Указатель материалов / Index of materials

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста / *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*» в 2021 г. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 312–319 312

Contents

Archive Science, Source Studies, Document Science and Archaeography Issues

YANGUTOV, L. E., ORBODOEVA, M. V. *O perevodakh buddiiskikh sutr v epokhu Nan'beichao Yuzhnykh i Severnykh tsarstv. 420–589 gg.* [On Translations of Buddhist Sutras in the Nanbeichao Period Southern and Northern Kingdoms, 420–589. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 11–23. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-11-23 11

USACHEV, A. S. *Status v miru i tserkovnaya kar'era v Rossii XVI veka* [Status in the World and Church Career in Russia in the 16th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 24–35. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-24-35 24

DRUZHININA, I. A. *K istorii sozdaniya al'boma polkovnika D. A. Vyrubova iz fondov Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamery) RAN i ego podlinnom avtore* [Revisiting the Creation of Colonel D. A. Vyrubov's Album from the Fonds of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences and Its Real Author. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 36–53. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-36-53 36

KORNEVA, N. M., RASKIN, D. I. *Iz istorii arkhiva Gosudarstvennogo soveta Rossiiskoi imperii. 1810–2021 gg.* [From the History of the State Council of the Russian Empire: 1810–2021. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 54–65. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-54-65 54

KRASILNIKOVA, E. I., PETIN, D. I. *Pamyatnik zhertvam vzryva 1 avgusta 1918 g. v Omske: istoriya chastnoi kommemoratsii v gorodskom memorial'nom prostranstve* [The Monument to the Victims of the Explosion on August 1, 1918 in Omsk: The History of a Private Commemoration in the City Memorial Space. In Russ.]. IN: *Vestnik* arhivista */ Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 66–80. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-66-80 66

GOLDIN, V. I. *N. V. Chaikovskii i A. I. Denikin: dialog, sotrudnichestvo i protivorechiya liderov antibol'shevistskogo dvizheniya v gody Grazhdanskoi voiny v Rossii. Po stranitsam dokumentov rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov* [N. V. Tchaikovsky and A. I. Denikin: Dialogue, Collaboration, and Controversy of the Anti-Bolshevik Movement Leaders in the Days of the Civil War in Russia: Documents from Russian and Foreign Archives. In Russ.]. *IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 81–97. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-81-97 81

KRASNOZHENOVA, E. E., KULINOK, S. V. *Prestupleniya natsizma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. po dokumentam arkhivov Severo-Zapada Rossii i Respubliki Belarus'* [Crimes of Nazism in the Days of the Great Patriotic War of 1941–45 in Documents from the Archives of the North-West of Russia and the Republic of Belarus. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 98–120. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-98-120 98

GORBACHEV, O. V. *Materialy Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 g. kak istochnik po istorii gorodskoi sem'i* [Materials of the 1959 All-Union Population Census as a Source on the History of Urban Family. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 121–136. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-121-136 121

PERMYAKOV, I. A., DZHALILOV, T. A., PIVOVAROV, N. Yu. *Posle Khrushcheva: deyatel'nost' Prezidiuma TsK KPSS v oktyabre 1964 – iyune 1965 g. po zapisyam V. N. Malina* [After Khrushchev: Activities of the Presidium of the Central Committee of the CPSU in October 1964 – June 1965 According to V.N. Malin's Notes. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 137–153. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-137-153 137

DMITRIEVA, A. I. *Fotofond Gosudarstvennogo arkhiva Sverdlovskoi oblasti: problemy komplektovaniya, sistematizatsii, poiska i ispol'zovaniya fotodokumentov* [The Photo Fond of the State Archive of the Sverdlovsk Region: Issues of Acquisition, Systematization, Search, and Use of Photographic Documents. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 154–163. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-154-163 154

People. Events. Facts

MOROZOVA, O. M. *Vo glave chernoznamennogo voiska: Marusya Nikiforova v 1917–1918 gg.* [At the Head of the Black Banner Army: Marusya Nikiforova in 1917–18. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 164–185. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-164-185 164

Scientific Publication of Archival Documents

ABDRAKHMANOV, K. A. *"Prepyatstvii k vydache nazvannym torgovtsam razreshitel'nykh svidetel'stv nikakikh ne imeetsya...". Pis'ma voennogo gubernatora Ural'skoi oblasti N. A. Verevkina orenburgskomu general-gubernatoru N. A. Kryzhanovskomu. 1872–1873 gg.* ["There Are No Obstacles to Issuing Permits to the Said Merchants...". Letters of the Military Governor of the Ural Oblast N. A. Verevkin to the Orenburg Governor General N. A. Kryzhanovskii (1872–73). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 186–200. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-186-200 186

NOVAK, V. N. *Osvyashchenie Troitskogo khrama v sele Konobeevo Bronnitskogo uezda. K probleme subordinatsii mestnogo dukhovenstva v nachale XX veka* [Consecration of the Trinity Church in the Village of Konobeyevo, Bronnitsky Uezd: Revisiting the Problem of Subordination of Local Clergy in the Early 20th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 201–213. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-201-213 201

Historical Research

BAKHTURINA, A. Yu., ROSTISLAVLEVA, N. V., BOCK, Hannes. *Sem'i "vrazhdebnykh inostrantsev" v Rossii i Germanii v gody Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg.* [Families of "Enemy Foreigners" in Russia and Germany in the Days of the First World War 1914–18. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 214–228. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-214-228 214

BELOVA, I. B. *"Lyudskie volny": dnevnikovye zapisi F. A. Kudrinskogo o bezhentsakh Pervoi mirovoi voiny. 1915 g.* ["The Human Waves": F. A. Kudrinsky's Diary Entries about the Refugees of the First World War (1915). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 229–241. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-229-241 229

BRYANTSEV, M. V. *"A khoroshii chelovek byl Lenin, kto-to teper'?". Reaktsiya naseleniya na smert' V. I. Lenina* ["Such a Good Man Lenin Was, and Who Is to Take His Place?": Reaction of the Population to the Death of V. I. Lenin. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 242–256. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-242-256 242

ANFERTIEV, I. A. *Uchastie kontrol'nykh komissii RKP(b) v sostave Narkomata Raboche-krest'yanskoi inspektsii v formirovanii komandno-administrativnoi sistemy SSSR. 1923–1924 gg.* [Participation of the Control Commissions of the RCP (B) under the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection in the Formation of Command-and-Control System in the USSR: 1923–24. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 257–272. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-257-272 257

Museum and Archival Collections

MIKHALCHENKO, S. I., TKACHENKO, E. V. *Neopublikovannye pis'ma A. D. Bilimovicha iz Korolevstva serbov, khorvatov i sloventsev V. V. Shul'ginu kak istoricheskii istochnik. 1921–1926 gg.* [Unpublished Letters Written by A. D. Bilimovich in the Kingdom of Slovenes, Croats and Serbs and Addressed to V. V. Shulgin as a Historical Source (1921–26). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 273–284. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-273-284 273

Archival Fonds and Collections Synopsis

MAMONTOVA, M. A., FROLOVA, A. A. *Povsednevnost' zhenshchin Ishima v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Daily Life of the Ishim Women in the Days of the Great Patriotic War of 1941–45. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 285–296. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-285-296 285

Criticizm and Bibliography

VORONTSOV, V. S. *Ob izdanii sbornika dokumentov "Na nachalakh samoopredeleniya... K 100-letiyu gosudarstvennosti Udmurtii"* [On Publication of the Documents Collection "On the Basis of Self-Determination... To the 100th Anniversary of Statehood of Udmurtia". In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 297–304. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-297-304 297

KHRAMKOVA, E. L., TUZOVA, O. V. *"Material'no-tekhnicheskoe obespechenie RKKA: 1928–1945 gg.": k izdaniyu Rossiiskim gosudarstvennym arkhivom v g. Samare novogo sbornika dokumentov* ["Material and Technical Support of the Red Army: 1928–45": Publication of a New Documents Collection at the Russian State Archive in Samara. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 305–311. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-305-311 305

Index of materials

Index of Materials Published in the Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2021/ Information. In Russ. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 312–319 312

Научная статья / Scientific article
УДК 94 (510)+24+31
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-11-23

Янгутов, Л. Е., Орбодоева, М. В.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

О переводах буддийских сутр в эпоху Наньбэйчао Южных и Северных царств. 420–589 гг.

Yangutov, Leonid E., Orbodoeva, Marina V.
Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation.

On Translations of Buddhist Sutras in the Nanbeichao Period Southern and Northern Kingdoms. 420–589

Аннотация
Перевод буддийских текстов с санскрита на китайский язык имел огромное значение для распространения и последующего становления буддизма в Китае. Вместе с тем история перевода этих текстов до сих пор не получила достаточно полного и всестороннего освещения в отечественной литературе. Актуальность этой темы обусловлена тем, что исследование процесса перевода буддийской литературы на китайский язык, растянувшегося на несколько веков, имеет большую значимость для понимания истории буддизма в Китае,

поскольку он явился одним из важнейших факторов трансформации и китаизации буддизма в этой стране. Данная статья посвящена наименее изученному периоду истории перевода буддийских текстов – периоду Наньбэйчао (Южных и Северных царств, 420–589 гг.). Этот период составляет особую значимость в истории буддизма в Китае, поскольку именно тогда была окончательно сформирована социальная, культурная и религиозная почва для формирования школ китайского буддизма, ознаменовавшая окончательное становление буддизма в Китае. Целью данной статьи является исследование переводческой деятельности буддийских миссионеров в Южных и Северных царствах. В соответствии с этой целью ставятся задачи: проанализировать процесс перевода буддийской литературы в обоих царствах; определить преемственность и различие переводов указанного периода с переводами предыдущих эпох; определить их историческую значимость. Решение данных задач основано на методе системного и сравнительного анализа. В статье показано, что, несмотря на различие политической, экономической и социальной обстановки в обоих царствах, переводческая деятельность в них особо не различалась. Она продолжила переводческие традиции эпохи Восточной Цзинь (316–420 гг.). Определено, что в этот период большое внимание уделялось переводу литературы школы йогачаров, что явилось отражением развития буддизма в Индии. Обращалось также внимание на перевод текстов Махаяны, которые сыграли огромную роль в становлении философских и сотериологических принципов китайского буддизма. В ходе исследования были введены в научный оборот малоизвестные переводы буддийских источников и имена их авторов. Было выявлено, что в рассматриваемый период придавалась большая значимость повторным переводам, что свидетельствовало о дальнейшем совершенствовании техники перевода. Было определено, что повторные переводы сыграли большую роль в формирования доктрин школ китайского буддизма. В результате исследования был сделан вывод о том, что история перевода буддийских текстов периода Наньбэйчао представляет собой ценный источник изучения не только истории буддизма этого периода, но и социальной, политической истории средневекового Китая, она может прояснить многие вопросы, связанные с адаптацией ценностей индийского буддизма к китайской культурной среде.

Abstract

Translation of Buddhist texts from Sanskrit into Chinese was of great importance for spreading and emergence of Buddhism in China. And yet the history of these texts translation has not yet received a suffi-

ciently complete and comprehensive coverage in the Russian literature. The relevance of studying this topic is determined by the importance of studying the centuries-long process of translating Buddhist literature into Chinese for understanding the history of Buddhism in China. It was one of the most important factors in transformation and Sinification of Buddhism in the country. This article is devoted to the least known period in the history of Buddhist texts translation, i.e. the period of Nanbeichao (Southern and Northern Kingdoms, 420–589). This period is of particular importance for the history of Buddhism in China, since it was then that social, cultural, and religious fodder had developed for the emergence of schools of Chinese Buddhism, which marked the definitive formation of Buddhism in China. The article is to study the translation activities of Buddhist missionaries in the Southern and Northern Kingdoms. Therefore, it sets several tasks: to analyze the process of translating Buddhist literature in both kingdoms; to determine the continuity and differences in translations of the specified period and those of the previous eras; and to assess their historical significance. The solution to these problems rests on the method of systematic and comparative analysis. The article shows that, despite the difference in political, economic, and social situations in both kingdoms, translation activities did not differ much. They followed translation traditions of the Eastern Jin period (316–420). Much attention was paid to translation of the Yogachara school literature, reflecting the development of Buddhism in India. Attention was also paid to translation of the Mahayana texts, which played a huge role in the formation of philosophical and soteriological principles of Chinese Buddhism. The research has introduced into scientific use some little-known translations of Buddhist sources and named their translators. It has been revealed that, in the period under review, the greatest importance was attached to repeated translations, which indicated further improvement of translation technique. It has been determined that re-translations played an important role in the shaping of doctrines of the schools of Chinese Buddhism. The study concludes that the history of translation of Buddhist texts in the Nanbeichao period is a valuable source for studying not only history of Buddhism of the period, but also social and political history of medieval China. It can clarify many issues related to adaptation of the Indian Buddhism values to the Chinese cultural environment.

Ключевые слова
Исторические источники, буддизм, китайский язык, санскрит, переводческая деятельность, буддийские тексты, махаяна, китайский буддизм.

Keywords
Historical sources, Buddhism, Chinese language, Sanskrit, translation, Buddhist texts, Mahayana, Chinese Buddhism.

История переводов буддийских сутр периода Южных и Северных царств (Наньбэйчао, 420–589 гг.) представляет собой одну из малоизученных страниц в отечественной историографии. И это не удивительно, поскольку указанный период не отличился знаковыми прорывами в истории переводов буддийских сутр в Китае. А между тем он представляет собой большой научный интерес с точки зрения понимания окончательного становления буддизма в этой стране. Отечественные работы, посвященные буддизму в Китае, рассматривают этот период лишь в контексте общей истории буддизма. Это работы А. В. Чебунина, Е. А. Торчинова, М. Е. Ермакова, Т. Г. Комиссаровой.

История перевода буддийских текстов периода Наньбэйчао получила достаточно широкое освещение в китайской историографии. Здесь в первую очередь необходимо назвать имена Тан Юнтуна, Жэнь Цзиюя, Фан Литяня, Хун Сюпина, Ян Вэйчжуна, Фэн Юланя и др. В западной литературе необходимо отметить таких авторов, как К. Чэнь, Э. Цюрхер, А. Райт.

Начальный этап переводческой деятельности буддийских монахов пришелся на ханьский период (206 г. н. э. – 220 г. н. э.) и эпоху Троецарствия (220–280 гг.). Высший расцвет переводческой деятельности, обусловленный созданием новых методов передачи смыслового значения буддийской терминологии на язык, не имевший до этого опыта заимствования чужих идей, пришелся на период Восточной Цзинь (317–420 гг.). Окончательное становление переводческой традиции в Китае, после которого началась эпоха «новых переводов» пришлось на период династии Тан (618–907 гг.).

Период Южных и Северных царств не прославился именами выдающихся переводчиков, оставивших яркий след в истории переводов буддийских сутр, но вместе с тем нельзя обойти его молчанием, поскольку он составляет неотъемлемую часть истории буддизма в Китае. Растянувшаяся на мно-

гие века история переводов буддийских сутр это не просто история переводов, а это отражение длительной адаптации буддийского учения к местной культуре, отражение постепенного знакомства китайцев с иноземным учением. Дело в том, что Китай к моменту знакомства с буддизмом представлял страну с высоким уровнем письменной культуры. Для китайцев было естественным стремление понять новое учение через письменные источники. Отсюда и великая значимость переводной литературы для продвижения буддийских идей в Китае. Отсюда и неотъемлемость истории перевода буддийских текстов об истории буддизма в Китае, а также неотъемлемость истории перевода буддийских сутр периода Южных и Северных царств об истории буддизма в Китае. Тем более, что этот период стал своего рода предтечей формирования собственно китайских школ буддизма, появление которых ознаменовало окончательное становление буддизма в Китае, оформления его нового направления на Дальнем Востоке, известного как «китайский буддизм».

С разделением Китая на Южные и Северные царства экономическое, политическое и духовное развитие в этих царствах пошло по-разному. На Севере, где власть захватили тобийские племена, были достигнуты определенные успехи в политической и экономической жизни страны. Главным достижением тобийцев стало укрепление императорской власти, централизация аппарата управления. При этом тобийцы во многом переняли опыт государственного обустройства оседлого Китая. Постепенно происходила китаизация тобийского государства и ассимиляция населения. С другой стороны, в административных структурах тобийцев все более увеличивалось число этнических китайцев[1].

На Юге продолжали господствовать китайские династии. Власть там, как и во времена Восточной Цзинь, продолжала оставаться слабой и нерешительной. Население в основном состояло из китайцев. Сюда, спасаясь от нашествий кочевников, бежало коренное население Китая, привнося на Юг земледельческий опыт, а также исконно китайскую культуру[2].

Однако, несмотря на отличие в политической и экономической сфере, отношение властей Севера и Юга к буддизму

в основном было одинаково доброжелательным, хотя и были определенные периоды гонения на буддизм[3]. Что касается взаимоотношений государственного аппарата обоих царств и буддийской общины (сангхи), то они складывались по-разному. На Севере, где власть была крепкой, государственный аппарат полностью подчинил под свой контроль деятельность буддийской сангхи. На Юге же сангха, пользуясь слабостью аппарата власти, сохранила за собой относительную свободу действий. Что касается развития самого буддизма, то оно как на Юге, так и на Севере одинаково продолжило традиции Восточной Цзинь, которые характеризовались постепенным завершением адаптации буддизма к социальным, культурным и ментальным традициям этой страны и началом формирования собственно китайских принципов буддизма. Одинаково развивалась и переводческая деятельность в обоих царствах.

К моменту образования Северных и Южных царств в Китае уже были переведены основные сутры Махаяны: сутры Праджняпарамиты (Божеболоми цзин); «Саддхармапундарика-сутра» («Мяо фа лянь хуа цзин»); «Аватамсака-сутра» («Хуаянь цзин»). Благодаря инициативе Кумарадживы, буддийские тексты стали переводиться по второму и третьему разу. Несмотря на то, что в эпоху Цзинь к переводу буддийской литературы подключились этнические китайцы, тем не менее из Индии продолжали прибывать миссионеры, которые начинали заниматься переводом буддийской литературы. Эта традиция продолжилась и при Северных и Южных царствах. Наиболее известными переводчиками, прибывшими на Север, были Дхармаручи (Таньмолючжи), Бодхиручи (Путилючжи), Ратнамати (Лэнамоти), Буддхасанта (Фотошаньдо)[4]. Дхармаручи прибыл в Гуань-чжун в 405 г., привезя с собой текст «Сравастивада-виная-сутры» и начал переводить его на китайский язык. Его деятельность по переводу текста Винаи приветствовал знаменитый патриарх китайских буддистов Хуй Юань (334–416 гг.), основные годы жизни и деятельности которого пришлись на период Восточной Цзинь. Он отправил Дхармаручи послание, в котором было сказано: «Поначалу Учение Будды утвердилось

в Вашей великолепной стране, а затем проникло в Китай. С тех пор минуло более четырехсот лет, и нехватка установлений и запретов для шрамана ощущается все более. Праведник из западных краев, уроженец Кашмира, Пуньятара наизусть читал индийский оригинал "Сарвастивада-виная", а законо-наставник Кумараджива, сполна одаренный талантами и знаниями, был переводчиком. Но едва они миновали середину текста, как Пуньятара скоропостижно скончался. Они остановились на полдороге, так и не исполнив своего великого предназначения. Мы сожалели о том и глубоко скорбели. Но дошло до меня известие, что Вы, Ваша милость, имеете при себе сей текст, и я чрезвычайно обрадовался такому везению»[5]. Такое внимание к текстам Винаи было обусловлено социальными потребностями организации сангхи, а также растущим количеством монахов, поведение которых нуждалось в регламентации. Начало переводам текстов Виная на китайский язык положил еще Дхармакала (Танкэцзяло), прибывший в Китай в эпоху Троецарствия (220–280 гг.)[6].

Дхармаручи застал в живых и другого знаменитого патриарха Восточной Цзинь – Кумарадживу. Он успел перевести с Кумарадживой текст Винаи «Ши сун лю»[7].

Бодхиручи (Путилючжи) прибыл в Лоян в 508 г. из Северной Индии. В этот период в Индии большой популярностью пользовались идеи йогачары, изложенные в сочинениях Асанги и его брата Васубандху. Прибывавшие в Китай индийские миссионеры начинали знакомить китайцев с этими идеями. И если в период Восточной Цзинь переводчики проявляли исключительный интерес к текстам Праджняпарамиты, то в период Северных царств их интерес наметился в сторону текстов йогачары. Бодхиручи и два других переводчика – Ратнамати и Буддхасанта, прибывшие в Китай в одно и то же время, стали одними из тех, кто первым начал переводить тексты йогачары на китайский язык. По словам известного ученого Ян Вэйчжуна, Бодхиручи сыграл огромную роль в истории ранних переводов текстов йогачары[8]. Наиболее известный перевод, осуществленный им, – это перевод «Дашабхуми-утра-шастры» (Шиди цзинлунь), написанной Васубандху, которая имела исключительную значимость

в йогачаре. Перевод этого текста он начал совместно с Ратнамати и Буддхасантой. Однако впоследствии из-за разногласий они разошлись[9]. Впоследствии им были переведены «Ланкаватара-сутра» (Жулэнцзя цзин) и другие тексты, в основном йогачаровского направления. Кроме того, ему принадлежит повторный перевод «Алмазной сутры» (Цзиньган божэ цзин). Здесь необходимо отметить, что в период Северных и Южных царств переводчики часто брались за повторный перевод, переведенных уже текстов. Первоначальные переводы, особенно переводы эпохи Троецарствия, были далеки от совершенства. Неточность переведенной литературы порождала многочисленные разночтения и домыслы.

После расставания с Бодхиручи Ратнамати продолжил перевод «Дашабхуми-сутра-шастры», собрав вокруг себя единомышленников.

Буддхасанта перебрался в монастырь «Белой лошади», перевел там «Махаяна самграху» (Шэдачэн лунь), «Ваджраманда-дхарани-сутру» (Цзиньган шанмэй толони цзин) и другие тексты[10].

Наибольшую известность в Северных царствах, как переводчик буддийских текстов, приобрел Дхармакшема, прибывший в Китай по приглашению удельного правителя земель Хэси, который «узурпировал Лянчжоу и провозгласил себя государем»[11]. С его именем связан перевод двух знаковых текстов Махаяны – «Маха-пари-нирвана-сутры» (Да бо непаь цзин), известной как «Нирвана-сутра» и «Ланкаватара-сутры» (Лэн цзя цзин). Перевод этих сутр имел исключительно важное значение для дальнейшего развития философских сотериологических идей буддизма в Китае. Текст «Нирвана-сутры» содержал в себе идею о том, что природа Будды содержится во всем сущем. Это положение сутры дало возможность ученику Кумараживы Дао Шэну выдвинуть знаменитый тезис о возможности мгновенного достижения (дунь у чэн фо). Этот тезис стал основополагающим ориентиром в формировании сотериологии буддийских школ, сформировавшихся в Ките.

«Нирвана-сутра» позже неоднократно вновь переводилась, однако пальма первенства в ее переводе остается за

Дхармакшемой. «Ланкаватара-сутра» имела большую значимость в формировании в Китае школ йогачары и чань.

Весьма успешно развивалась переводческая деятельность и в Южных царствах. Сюда в период Лю Сун (420–588 гг.) прибыли такие переводчики, как Фотушэнь, Таньмомидо (Дхармамитра), Цюнабам, Ишеболуо, Сенцзябамо, Цюнабатоло (Гунабхадра), Фотоши (Буддхаджива), Калаяшас (Цзянлян-еше)[12]. Таньмомидо (Дхармамитра) стал известным в Китае как «Великий наставник дхьяны» (чаньна). На тот период еще не было сформировано учение чань-буддизма, однако отдельные тексты, посвященные дхьяне (чань), уже переводились. Дхармамитра перевел и опубликовал ряд текстов, посвященных дхьяне, – «Чань цзин», «Чань фа яо» и др[13].

Гунабхадре принадлежит вторичный перевод «Ланкаватара-сутры», а также «Самъюкта-агама-сутры» (Цзаахань цзин). Калаяшас перевел «Сутру о созерцании Будды Амитаюса» (Гуань уляншоу цзин). Это сутра о Чистой земле Амитабхи. Отдельные тексты о земле Амитабхи начались переводиться еще в эпоху Троецарствия. Однако перевод Калаяшаса отличался большей точностью. Его перевод оказал огромное влияние на развитие и формирование школы цзинту (школы Чистой земли). С именем Буддхадживы связано завершение переводов всех текстов Винаи.

Самым известным переводчиком буддийских текстов в Южных царствах стал Парамартха (Чжэньди, 499–569 гг.). За 23 года своего пребывания в Китае он перевел 49 текстов объемом в 142 цзюаня. Его переводы посвящены главным образом текстам йогачары, а также известен знаменитый «Трактат о пробуждении веры в Махаяну» или «Махаяна-шраддхотпада-шастра», которая приписывается Ашвагхоше. Эта шастра сыграла большую роль в формировании учения школ китайского буддизма тяньтай, чань и хуаянь. По словам известного ученого Фэн Юланя, эта шастра стала своего рода учебным пособием для китайцев[14].

Деятельность переводчиков буддийской литературы в Китае, начиная с эпохи Хань (206 до н. э. –220 н. э.) и до эпохи Южных и Северных царств (420–589) включительно, достигла такого обилия переводов, что настала необходимость

создания каталогов буддийских текстов (чжунцзин мулу). И уже в начале VI в. было составлено три каталога. Первый был издан монахом Сэншао в 515 г., второй – Баочаном в 518 г. и третий – монахом Сэн Ю под названием «Собрание сведений о переводах Трипитаки» (Чусаньцзан цзицзи). До нашего времени дошел только каталог, изданный Сэн Ю. На сегодняшний день он представляет собой бесценный исторический источник[15].

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что переводческая деятельность буддийских миссионеров эпохи Южных и Северных царств, несмотря на политические, экономические и социальные трудности, неуклонно продолжалась. В эту эпоху в орбиту переводческой деятельности чаще всего попадали тексты школы йогачары, что явилось отражением развития буддизма в Индии. Тексты йогачары интенсивно переводились как на Севере, так и на Юге. Кроме того, и на Юге, и на Севере большое значение приобрели повторные переводы, которые передавали более точно содержание буддийских текстов. Именно они в последующем окажут большое влияние на формирование доктринального содержания школ китайского буддизма. Весьма примечательным явлением стал перевод «Нирвана-сутры», которая наряду с текстами сутр Праджняпарамиты (Божеболомидо цзин), «Аватамсака-сутры» (Хуаянь-цзин) и «Лотосовой сутры» (Фахуа цзин) станет основополагающим каноном, определившим основное направление развития философско-сотериологической концепции китайского буддизма. Таким образом, переводы эпохи Южных и Северных царств не только продолжили переводческие традиции Восточной Цзинь, но и внесли свой существенный вклад в развитие буддизма в Китае, подготовив текстологическую почву для формирования школ китайского буддизма, которое началось в последующую эпоху Суй (581–618 гг.) и завершилось в эпоху Тан (618–907 гг.).

Примечания / Notes

[1] История Китая с древнейших времен до начала XXI в. Т. 3. – М.: Наука – Восточная литература, 2014. – С. 129–130. *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka* [History of China from the ancient times to the early 21st century. In Russ.]. Vol. 3, Moscow, Nauka – Vostochnaya literatura publ., 2014, pp. 129–130.

[2] Там же. Ibid.

[3] Гонениям буддизм подвергался в период правления императора династии Северной Вэй Тай У-ди (423–452), а также императора Северной Чжоу У-ди (561–578).

[4] Чжунго фоцзяо (Китайский буддизм). – Шанхай: Восток, 1996. – С. 30. *Zhongguo fojiao* [The Chinese Buddhism. In Chinese]. Shanghai, Dongfang chuban she, 1996, p. 30.

[5] *Хуэй-цзяо*. Гао сэн чжуань («Жизнеописания достойных монахов») / Пер. с китайского, исслед., коммент. и указатели М. Е. Ермакова. В 3 т. Т. 1. (Раздел 1: Переводчики) / отв. ред. Л. Н. Меньшиков. – М.: Наука; ГРВЛ, 1991. – С. 145. HUI-JIAO. *Gao seng zhuan (Zhizneopisaniya dostoinykh monakhov)* [MEN'SHIKOV, L. N. (ed.), ERMAKOV, M. E. (transl.). Biographies of Eminent Monks. In Russ.]. Moscow, Nauka; GRVL publ., 1991, p. 145.

[6] Там же. С. 109–110. Ibid., pp. 109–110.

[7] Там же. С. 145. Ibid., p. 145.

[8] *Ян, Вэйчжун*. Чжунго вэйши цзун тунши (Всеобщая история китайской школы только сознания). Т. 1. – Нанкин: Фэнхуан. – С. 16. YAN WEIZHONG. *Zhongguo weishi zong tongshi»* [General History of the Chinese Consciousness-Only School. In Chinese]. Vol. 1. Nanjing, Fenghuang chuban she, p. 16.

[9] Там же. С. 32. Ibid., p. 32.

[10] Чжунго фоцзяо. Указ. соч., 1996. – С. 30. *Zhongguo fojiao*, 1996, p. 30.

[11] *Хуэй-цзяо*. Указ. соч., 1991. – С. 156. HUI-JIAO, 1991, p. 156.

[12] Чжунго фоцзяо. Указ. соч., 1996. – С. 30. *Zhongguo fojiao,* 1996, p. 30.

[13] *Хуэй-цзяо*. Указ. соч. – С. 184. HUI-JIAO, 1991, p. 184.

[14] Чжунго чжэсюэ ши ляо чу чао (Обзор источников по истории китайской философии). – Шанхай, 1962. – С. 118. *Zhongguo zhexue shi liao chu chao* [Review of Sources on the History of Chinese Philosophy. In Chinese]. Shanghai, 1962, p. 118.

[15] Чжунго фоцзяо. Указ. соч., 1996. – С. 30. *Zhongguo fojiao*, 1996, p. 30.

Список литературы

История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. III: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / отв. ред. И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова. – М.: Наука – Восточная литература, 2014. – 991 с.

Хуэй-цзяо. Гао сэн чжуань (Жизнеописания достойных монахов) / Пер. с китайского, исслед., коммент. и указатели М. Е. Ермакова. В 3 т. Т. 1. (Раздел 1: Переводчики) / отв. ред. Л. Н. Меньшиков. – М.: Наука; ГРВЛ, 1991. – С. 145.

Чжунго фоцзяо (Китайский буддизм). Т. 1. – Шанхай: Восток, 1996. – 489 с.

Ян, Вэйчжун. Чжунго вэйши цзун тунши (Всеобщая история китайской школы только сознания). Т. 1. – Нанкин: Фэнхуан, 2008. – 447 с.

References

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka [TIKHVINSKII, S. L. (ed.). History of China from the ancient times to the early 21st century. In Russ.]. In 10 vols. Vol. 3: *Troetsarstvie, TSzin', Yuzhnye i Severnye dinastii, Suy, Tan* [POPOVA, I. F., KRAVTSOVA, M. E. (eds.). Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang (220 – 907). In Russ.]. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura publ., 2014, 991 p.

HUI-JIAO. *Gao seng zhuan (Zhizneopisaniya dostoinykh monakhov)* [MEN'SHIKOV, L. N. (ed.), ERMAKOV, M. E. (transl.). Biographies of Eminent Monks. In Russ.]. Vol. 1. Moscow, Nauka; GRVL, publ., 1991, 251 p.

Zhongguo fojiao (Kitaiskii buddizm) [Buddhism of China. In Chinese]. Vol. 1, Shanghai, Dongfang chuban she, 1996, 489 p.

YANG, WEIZHONG. *Zhongguo weishi zong tongshi (Vseobshchaya istoriya kitayskoy shkoly tol'ko soznaniya* [The General History of the Chinese Consciousness-Only School. In Chinese]. Vol. 1, Nanjing, Fenghuang chuban she, 2008, 447 p.

Сведения об авторах

Янгутов Леонид Евграфович, доктор философских наук, профессор, Российская академия наук, Сибирское отделение РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, отдел философии, культурологии и религиоведения, главный научный сотрудник, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 8-914-984-98-83, yanguta@mail.ru

Орбодоева Марина Валерьевна, кандидат исторических наук, Российская академия наук, Сибирское отделение РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, отдел философии, культурологии и религиоведения, младший научный сотрудник, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 8-964-403-85-86, orbodoevamv@yandex.ru

About the authors

Yangutov Leonid Evgraphovich, PhD in Philosophy, professor, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, department of philosophy, culturology, and religious studies, chief researcher, +7-914-984-98-83, yanguta@mail.ru

Orbodoeva Marina Valerievna, PhD in History, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, department of philosophy, culturology, and religious studies, junior researcher, +7-964-403-85-86, orbodoevamv@yandex.ru

Сведения о грантах

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 21-18-00074, https://rscf.ru/project/21-18-00074/. «Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов».

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Science Foundation within the frameworks of scientific research project no. 21-18-00074, https://rscf.ru/project/21-18-00074/. "Worlds of Mahayana Buddhism in the context of world civilizational processes."

В редакцию статья поступила 13.09.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Янгутов, Л. Е., Орбодоева, М. В. О переводах буддийских сутр в эпоху Наньбэйчао Южных и Северных царств. 420–589 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 11–23. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-11-23

Submitted 13.09.2021, published (for citation):

YANGUTOV, L. E., ORBODOEVA, M. V. *O perevodakh buddiiskikh sutr v epokhu Nan'beichao Yuzhnykh i Severnykh tsarstv. 420–589 gg.* [On Translations of Buddhist Sutras in the Nanbeichao Period Southern and Northern Kingdoms, 420–589. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 11–23. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-11-23

Научная статья / Scientific article
УДК 94(470)+322+94(271.2)
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-24-35

Усачев, А. С.
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Статус в миру и церковная карьера в России XVI века

Usachev, Andrei S.
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Status in the World and Church Career in Russia in the 16th Century

Аннотация
В статье рассматриваются особенности биографий ряда руководителей Русской церкви XVI в. Показано, что для успешной церковно-административной карьеры покровительства представителей политической и церковной элиты, как правило, было недостаточно. Оно позволяло лишь успешно продолжить путь инока к хиротонии. Для того чтобы начать его и войти в узкий круг лиц, из которых избирались кандидаты на замещение вакантных кафедр, было необходимо соблюдение иных условий. Как правило, требовалось принятие пострига в относительно раннем возрасте, значительный иноческий «стаж» (чаще всего не менее двух-трех десятилетий), а также определенный уровень подготовки (прежде всего, образования), включавший в себя знание Св. Писания, святоотеческой и агиографической литературы, а также основ богослужения. Знатное происхождение существенной роли не играло: автору статьи удалось выявить лишь четырех архиереев (из примерно 120), происходивших из аристократических родов, входивших в Боярскую думу. В работе отмечается ряд случаев отклонения от данной нормы – новгородский архиепископ Серапион I (1506–1509 гг.), митрополиты Афанасий (1564–1566 гг.) и Дионисий (1581–1586 гг.), а также казанский митрополит (1589–1606 гг.), позднее патриарх (1606–1612 гг.) Гермоген

возглавили кафедры (в том числе Всероссийскую), имея за своими плечами незначительный иноческий «стаж» (от 1 до несколько лет). Некоторым из них покровительствовали великие князья. Выясняется, что исключительно к этому причины их стремительного карьерного роста сводить нельзя. Устанавливается, что в ряде случаев речь шла об особом варианте духовной карьеры. Четыре рассматриваемых иерарха вышли из среды белого духовенства и в силу специфики своей деятельности основную часть знаний и навыков, необходимых руководителю Церкви (текстов Св. Писания и основ богослужения), получили уже в миру. Это выделяло их среди прочих иноков, происходивших из иных социальных слоев, тративших десятилетия на приобретение соответствующих знаний и навыков. На основе изучения ряда фактов биографии вологодского архиепископа (1588–1603 гг.), ростовского митрополита (1603 – между 1604 и 1605 гг.) Ионы (Думина) высказывается предположение о его происхождении из этой же среды. Автором установлено, что уже для XVI в. была характерна тенденция к занятию высших позиций в церковной иерархии выходцами из белого духовенства, которая более наглядно проявилась в XVIII–XIX вв. Если в XVI в. выходцев из этого слоя среди архиереев около 43%, то к концу XIX в. их доля возросла до 87,67%.

Abstract

The article reviews the peculiarities in the biographies of some Russian church leaders. The author shows that successful church and administrative career demanded more than patronage of the representatives of political and church elite. The latter only paved the monk's way to consecration. To enter the narrow circle from which the candidates for vacant cathedral were elected demanded observation of other rules: usually, monastic vows taken at early age, lengthy monastic service (30 years in the least), as well as education (knowledge of the Holy Scriptures, Patristic literature, and hagiography, basics of worship). Noble origin didn't play any significant role. The author has managed to discover only four bishops (out of 120) belonging to aristocratic families from the Boyar Duma. The article notes several exemptions of these rules: the Novgorod archbishop Serapion I (1506–09), metropolitan Afanasii (1564–66), metropolitan Dionisii (1581–86), and also the Kazan metropolitan (1589–1606) and later patriarch (1606–1612) Germogen became heads of their dioceses after a short monastic service (1 to several years). Some were under the patronage of grand princes. However, their successful career cannot be explained by that reason only. It has been established that in some cases there was a special variant of the church career. These 4 representatives

of the church elite began their careers as white priests, thus obtaining the necessary knowledge and skills to head of the church. They differ from other monks belonging to other social groups who spent decades on obtaining the necessary knowledge and skills. The study of the biography of the Vologda archbishop (1588–1603) and the Rostov metropolitan (1603–1604/1605) Iona (Dumin) gives reason to suppose that he also belonged to the white clergy group. The author demonstrates that the 16th century saw an emergence of this tendency (when the representatives of the white clergy took higher positions in the church hierarchy), which manifested itself more clearly in the 18th and 19th centuries. If in the 16th century white clergy numbered about 43% of bishops, by late 19th century their proportion reached 87,67%.

Ключевые слова
История России, история Церкви, XVI век, церковная иерархия, духовенство, епископат, Освященный собор, церковно-государственные отношения, митрополит Афанасий, патриарх Гермоген.

Keywords
Russian History, church history, 16th century, church hierarchy, clergy, episcopate, Church Council, church-state relations, Metropolitan Afanasii, Patriarch Hermogenes.

В русской истории эпохи Средневековья ключевую роль играли представители политической и церковной элит. Если происхождение, персональный состав и карьерные траектории первых благодаря трудам Н. П. Лихачева, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, В. Б. Кобрина, В. Д. Назарова, А. П. Павлова и других исследователей неоднократно рассматривались, то вторые до сих пор остаются в историографической тени. Хотя А. А. Зиминым, В. А. Колобковым, Макарием (Веретенниковым), автором этих строк и иными учеными рассмотрены биографии ряда значимых руководителей Церкви (митрополитов Макария, Афанасия, Филиппа (Колычева), новгородского архиепископа Геннадия, Иосифа Волоцкого и некоторых других), а также значимые внутрицерковные группы, однако церковная элита в целом как целостный феномен еще не стала объектом изучения. Из почти 120 архиереев и нескольких сотен настоятелей значимых монастырей XVI в. изучены биографии лишь очень немногих. Итоги их

рассмотрения, позволяя «закрыть» ряд лакун в исследовании конкретных событий церковной истории, не дают возможности проникнуть в мир церковной элиты, формирующейся и функционирующей по своим законам. К числу важнейших вопросов в ее истории относится вопрос о факторах, которые, обеспечивая инокам успешную церковно-административную карьеру, определяли ее состав. Что же влияло на успешность карьеры немногих иноков, ставших архиереями?

На первый взгляд, ответ очевиден. Немалую, неоднократно отмечаемую в историографии, роль играли как принадлежность инока к той или иной влиятельной внутрицерковной группе, так и его связь со значимыми представителями политической элиты. Однако обратим внимание на исключительно важный факт: эти обстоятельства способствовали *продолжению* карьеры, а не ее *началу*. Решение митрополита, других членов Освященного собора и, конечно, великого князя было определяющим при отборе кандидата на ту или иную вакантную кафедру. Но для того, чтобы войти в узкий круг тех лиц, из которого избирали архиерея влиятельные персоны, требовались определенные условия.

В отличие от западного христианства в восточном и, в частности, в Русской церкви знатное происхождение инока в подавляющем большинстве случаев не играло существенной роли. Вершину церковно-административного олимпа России XVI в. не заполняли выходцы из аристократических родов, входивших в Боярскую думу. Тверские епископы Вассиан (Стригин-Оболенский) (1477–1508 гг.) и Нил Грек (вероятно, Траханиотов) (1509–1521 гг.), митрополит Филипп (Колычев) (1566–1568 гг.) и суздальский (1551–1564 гг.), а затем полоцкий (1566–1568 гг.) владыка Афанасий (Палецкий) теряются на фоне почти 116 прочих несравнимо более «худородных» архиереев. Среди них мы без труда находим выходцев из холопов, посадских людей, провинциального духовенства и измельчавших служилых родов.

Это обусловлено господством меритократических критериев отбора будущих руководителей Церкви из среды прочих иноков. Для успешной карьеры требовались два взаимосвязанных качества. Первым являлся значительный иноческий

«стаж», чаще всего составлявший не менее двух-трех десятилетий. Неудивительно, что, как правило, архиереями становились лица весьма преклонного по меркам Средневековья возраста, разменявшие шестой, седьмой и даже восьмой десяток[1]. Вторым качеством был уровень подготовки (прежде всего, образования), включавший в себя знание Св. Писания, святоотеческой и агиографической литературы, а также основ богослужения. В некоторых случаях мы наблюдаем отклонения от этого правила. Иногда архиереями (в том числе и первосвятителями) становились лица, порой пользовавшиеся покровительством значимых представителей церковной и политической элиты, но имевшие весьма скромный иноческий «стаж». Закономерен вопрос: шла ли речь о нарушении меритократических принципов отбора в угоду пожеланиям влиятельных персон или мы имеем дело с особым вариантом развития духовной карьеры? Иными словами, в данных случаях речь шла исключительно о «внешних» по отношению к Церкви факторах или все-таки о «внутренних»? Обратим внимание на тех иерархов, которые, с точки зрения продолжительности иноческого «стажа», выделяются среди архиереев XVI – начала XVII в. – новгородского архиепископа Серапиона I, митрополитов Афанасия и Дионисия, а также патриарха Гермогена[2].

Согласно Житию новгородского архиепископа Серапиона I (1506–1509 гг.), после пострига (место и дата его принятия неизвестны) он, похоронив родителей, перебрался в Успенский Стромынский монастырь. «Мало быв» (от нескольких месяцев до несколько лет?) в нем, Серапион возглавил его «по благословению» троицкого настоятеля Симона (1490–1495 гг.). После поставления Симона на Всероссийскую кафедру Серапион стал игуменом Троицы (1495–1506 гг.), а затем, вероятно, при поддержке Симона и по воле Ивана III вскоре после его кончины занял Новгородскую кафедру[3]. Трудно сомневаться в том, что иноческий «стаж» Серапиона до начала руководства монастырями не исчислялся многими десятилетиями.

Митрополит Афанасий (1564–1566 гг.) – в миру протопоп Благовещенского собора и духовник Ивана IV Андрей – пост-

риг принял в кремлевском Чудовом монастыре около 1562 г., а спустя уже два года, надо думать, не без участия своего духовного сына занял Всероссийскую кафедру.

Весьма стремительно развивалась и карьера поставленного на нее же из казанских архиереев патриарха Гермогена (1606–1612 гг.). Он принял постриг в 1587 г., а уже вскоре возглавил главную обитель Казанской епархии – Спасо-Преображенский монастырь. В 1589 г. он уже занял 3-ю строку в иерархии Русской церкви (после патриарха и новгородского митрополита), став казанским владыкой.

Судя по косвенным данным, не слишком продолжительным был иноческий «стаж» митрополита Дионисия (1581–1586 гг.) до поставления на Всероссийскую кафедру. Хотя время пострига Дионисия точно неизвестно, очевидно, что значимые позиции в Русской церкви он занял в сравнительно раннем возрасте: в 1577 г. источники фиксируют его в роли игумена Спасо-Хутынского монастыря. Спустя четыре года он был возведен на Всероссийскую кафедру. Дионисий занимал ее 5 лет, а после смещения с нее прожил еще не менее 18 лет (последнее известное его упоминание относится к 1604 г.).

Если в случае с Серапионом I можно говорить о покровительстве митрополита Симона и великого князя Ивана III, а стремительную карьеру Афанасия по крайней мере отчасти связывать с его близостью к Ивану IV, то о контактах Гермогена в 1587–1589 гг. со значимыми лицами известные нам источники ничего не сообщают. Обстоятельства стремительного карьерного роста Дионисия требуют специального изучения. С чем же могло быть связано их относительно быстрое восхождение по ступеням духовной иерархии? Обратим внимание на особенности жизни в миру этих иерархов.

Согласно Житию Серапиона I (ум. 1516 г.), до пострига он успел заключить брак и некоторое время служил священником в Покровской церкви подмосковного села Пехры (Пехорки). Овдовев через год после поставления в попы, Серапион удалился в Успенский Стромынский монастырь (если правило о поставлении в иереи в 30 лет было соблюдено, то его возраст к этому времени мог составлять 31 год). Через непродолжительное время настоятель скончался и по просьбе братии

Серапион стал его «строителем». После поставления Симона на Всероссийскую кафедру Серапион возглавил Троицу (1495–1506 гг.), а затем Новгородскую кафедру.

Андрей (ум. между 1567 и 1575 гг.) не позднее 1530 г. стал священником Спасо-Преображенского собора Переславля, не позднее 1547 г. – его протопопом. Ок. 1550 г. он – протопоп столичного Благовещенского собора. Возможно, овдовев, около 1562 г. Андрей удалился в Чудов монастырь. Иными словами, к моменту пострига опыт его служения в белом духовенстве составлял не менее 34 лет.

Нечто подобное мы наблюдаем и в случае с Гермогеном (родился около 1530 г.). Не позднее 1570-х гг. он являлся священником казанской церкви Николы Гостунского. Как видим, к моменту пострига в 1587 г. за плечами Гермогена, по-видимому, был очень значительный опыт служения в белом духовенстве – вероятно, около трех десятилетий (в диаконы могли поставлять с 25-летнего возраста).

Судя по косвенным данным, к белому духовенству в миру принадлежал и Дионисий. После устранения с Всероссийской кафедры он какое-то время проживал в Спасо-Хутынском монастыре вместе со своим сыном – священником неустановленной Пятницкой церкви Матфеем (в иночестве Макарий)[4]. Трудно поверить в то, что Дионисий принял бы постриг во время малолетства своего сына. Скорее всего, он ушел от мира, когда тот уже достиг совершеннолетия. Соответственно, Дионисий принял постриг не ранее 35–40 лет, несколько ранее 1577 г. и после этого прожил еще не менее 27 лет.

Нетрудно заметить общую черту, присущую этим лицам. Все они до пострига какое-то время – в случае с Афанасием и Гермогеном очень значительное – являлись белыми священниками. В силу специфики своей деятельности в миру к моменту ухода от него они уже располагали теми познаниями в области Св. Писания, святоотеческой литературы и богослужебной практики, на получение которых у иноков, происходивших из иной социальной среды, уходили десятилетия[5]. Очевидно, что это давало весьма заметные преимущества Серапиону I, Афанасию, Дионисию и Гермогену, выделяя их из многих сотен прочих иноков. Конечно, при этом свою

роль играли и иные факторы – покровительство значимых представителей церковной и политической элиты, а также несколько волн морового поветрия рубежа 60–70-х гг. XVI в., резко сокративших число насельников крупнейших обителей. Так, потерявший в этот период подавляющее большинство иноков Иосифо-Волоколамский монастырь, из недр которого длительное время выходили архиереи, утратил былое влияние на формирование состава епископата. Этим во многом и обусловливалось поставление на кафедры в последней трети XVI в. иноков из ранее заметно менее влиятельных обителей[6]. Падение «волоколамской гегемонии», в частности, могло способствовать стремительной карьере Гермогена. Казанскую кафедру на протяжении почти 26 лет (с 1555 по 1581 г.) с незначительным перерывом занимали пять выходцев из обители Иосифа: Гурий (1555–1563 гг.), Герман (1564–1567 гг.), Лаврентий (1568–1574 гг.), Тихон (1575–1576 гг.) и Иеремия (1576–1581 гг.).

С известной долей гипотетичности можно предполагать, что в целом аналогичный путь проделал и вологодский архиепископ (1588–1603 гг.), ростовский митрополит (1603 – между 1604 и 1605 гг.) Иона (Думин) (умер 7 марта 1608 г.)[7]. Судя по всему, он принял постриг во Владимирском Рождественском монастыре уже достаточно зрелым человеком между 1574 и осенью 1578 г. Не позднее первой половины января 1580 г. он стал его архимандритом, имея за плечами от 1 года до 6 лет иноческого «стажа». До конца 1580-х гг. источники не фиксируют тесных контактов Ионы с патриархом Иовом и влиятельными в этот период Годуновыми, которые могли заметно сократить его путь к хиротонии. Скорее всего, Иона, как и Серапион I, Афанасий, Дионисий и Гермоген, пришел в монастырь из духовной среды, пребывание в которой еще до пострига дало ему основную часть тех знаний и навыков, которые были необходимы руководителю Церкви.

На заметные преимущества выходцев именно из духовной среды при отборе кандидатов на замещение кафедр указывает и социальный состав русского епископата. По нашим предварительным подсчетам, из 44 архиереев XVI в., статус которых в миру с бóльшей или мéньшей степенью гипотетич-

ности устанавливается, 19 (т. е. около 43%) вышли из среды белого духовенства. В рассматриваемый период мы наблюдаем явственно наметившуюся тенденцию – она лучше освещена источниками XVIII–XIX вв. – к постепенному оформлению духовного сословия, из недр которого преимущественно и выходили руководители Церкви[8]. В Новое время эта тенденция, ощущаемая уже в XVI в., лишь усилится. Если в рассматриваемый период около 43% архиереев вышли из среды белого духовенства, то на рубеже XIX–XX вв. – уже 87,67%[9].

Примечания / Notes

1 *Усачев, А. С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. – 2017. – № 5. – С. 105–109. USACHEV, A. S. *Pochemu zakonchilas' "volokolamskaya gegemoniya" v Russkoi tserkvi XVI v.?* [Why did the "Volokolam hegemony" in the Russian church of the 16th century come to an end? In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2017, no. 5, pp. 105–109.

2 Без сомнений поставленный по воле Василия III на Всероссийскую кафедру Даниил (1522–1539 гг.) был очень молод. Однако данными о его возрасте, статусе в миру и продолжительности иноческого «стажа» мы не располагаем.

3 *Моисеева, Г. Н.* Житие новгородского архиепископа Серапиона // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1965. – Т. 21. – С. 152–155. MOISEEVA, G. N. *Zhitie novgorodskogo arkhiepiskopa Serapiona* [The Life of Archbishop Serapion of Novgorod. In Russ.]. IN: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, Leningrad, Nauka publ., 1965, vol. 21, pp. 152–155.

4 *Усачев, А. С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. В 2 т. Т. 1. – М.; СПб.: Альянс-Археo, 2018. – С. 341. USACHEV, A. S. *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei* [Russian manuscripts of the 16th century: Materials of dated colophons. In Russ.]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo publ., 2018, p. 341.

5 Впрочем, далеко не всегда выходцы из белого духовенства делали стремительную карьеру. Порой она была вполне «стандартной». Так, сын священника из Серпухова тверской епископ (1567–1570 гг.) Варсонофий (родился около 1495 г.), в юности готовившийся к принятию сана, постригся в сравнительно раннем возрасте. Игуменом Николо-Песношского монастыря он стал в 1544 г., т. е. примерно в 49-летнем возрасте, а архиереем примерно в 72 года.

6 *Усачев, А. С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония...». – С. 109–113. USACHEV, A. S., 2017, pp. 109–113.

[7] Обзор основных фактов его биографии см.: *Башнин, Н. В.* Митрополит Иона (Думин): книжник и политик // Российская история. – 2021. – № 5. – С. 48–60. BASHNIN, N. V. *Mitropolit Iona (Dumin): knizhnik i politik* [Metropolitan Iona (Dumin): Bibliognost and politician. In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2021, no. 5, pp. 48–60.

[8] Например, см.: *Матисон, А. В.* Православное духовенство русского города XVIII века: генеалогия священно-церковнослужителей Твери. – М.: Старая Басманная, 2009. MATISON, A. V. *Pravoslavnoe dukhovenstvo russkogo goroda XVIII veka: genealogiya svyashchenno-tserkovnosluzhitelei Tveri* [Orthodox clergy of the Russian city of the 18th century: Genealogy of the Tver clergy. In Russ.]. Moscow, Staraya Basmannaya publ., 2009; *Запальский, Г. М.* Настоятели мужских монастырей в России в синодальный период и их социальное происхождение // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – С. 279–287. ZAPAL'SKII, G. M. *Nastoyateli muzhskikh monastyrei v Rossii v sinodal'nyi period i ikh sotsial'noe proiskhozhdenie* [Abbots of male monasteries in Russia of the Synodal period and their social origin. In Russ.]. IN: *Monastyrskaya kul'tura kak transkonfessional'nyi fenomen* [Monastic culture as a trans-confessional phenomenon]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya publ., 2020, pp. 279–287.

[9] *Запальский, Г. М.* Настоятели мужских монастырей... – С. 285–286. ZAPAL'SKII, G. M., 2020, pp. 285–286.

Список литературы

Башнин, Н. В. Митрополит Иона (Думин): книжник и политик // Российская история. – 2021. – № 5. – С. 48–60.

Запальский, Г. М. Настоятели мужских монастырей в России в синодальный период и их социальное происхождение // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – С. 279–287.

Матисон, А. В. Православное духовенство русского города XVIII века: генеалогия священно-церковнослужителей Твери. – М.: Старая Басманная, 2009. – 266 с.

Моисеева, Г. Н. Житие новгородского архиепископа Серапиона // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1965. – Т. 21. – С. 147–165.

Усачев, А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. – 2017. – № 5. – С. 97–113.

Усачев, А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. В 2 т. Т. 1. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. – 472 с.

References

BASHNIN, N. V. *Mitropolit Iona (Dumin): knizhnik i politik* [Metropolitan Iona (Dumin): Bibliognost and politician. In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2021, no. 5, pp. 48–60.

ZAPAL'SKII, G. M. *Nastoyateli muzhskikh monastyrei v Rossii v sinodal'nyi period i ikh sotsial'noe proiskhozhdenie* [Abbots of male monasteries in Russia of the Synodal period and their social origin. In Russ.]. IN: *Monastyrskaya kul'tura kak transkonfessional'nyi fenomen* [Monastic culture as a trans-confessional phenomenon]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya publ., 2020, pp. 279–287.

MATISON, A. V. *Pravoslavnoe dukhovenstvo russkogo goroda XVIII veka: genealogiya svyashchenno-tserkovnosluzhitelei Tveri* [Orthodox clergy of the Russian city of the 18th century: Genealogy of the Tver clergy. In Russ.]. Moscow, Staraya Basmannaya publ., 2009, 268 p.

MOISEEVA, G. N. *Zhitie novgorodskogo arkhiepiskopa Serapiona* [The Life of Archbishop Serapion of Novgorod. In Russ.]. IN: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Nauka publ., 1965, vol. 21, pp. 147–165.

USACHEV, A. S. *Pochemu zakonchilas' "volokolamskaya gegemoniya" v Russkoi tserkvi XVI v.?* [Why did the "Volokolam hegemony" in the Russian church of the 16th century come to an end? In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2017, no. 5, pp. 97–113.

USACHEV, A. S. *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei* [Russian manuscripts of the 16th century: Materials of dated colophons. In Russ.]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo publ., 2018, 472 p.

Сведения об авторах

Усачев Андрей Сергеевич, профессор РАН, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра истории и теории исторической науки, профессор, г. Москва, Российская Федерация, 8-917-540-4379, asuuas1@mail.ru

About the authors

Usachev Andrei Sergeevich, professor of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, department of history and theory of historical science, professor, Moscow, Russian Federation, +7 917-540-4379, asuuas1@mail.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

Grant information

The article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00218).

В редакцию статья поступила 07.08.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Усачев, А. С. Статус в миру и церковная карьера в России XVI века // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 24–35. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-24-35

Submitted 07.08.2021, published (for citation):

USACHEV, A. S. *Status v miru i tserkovnaya kar'era v Rossii XVI veka* [Status in the World and Church Career in Russia in the 16th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 24–35. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-24-35

Научная статья / Scientific article
УДК 930.253+94(470.6)+94(470)
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-36-53

Дружинина, И. А.
Институт востоковедения РАН, г. Москва,
Российская Федерация

К истории создания альбома полковника Д. А. Вырубова из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН и его подлинном авторе

Druzhinina, Inga A.
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Revisiting the Creation of Colonel D. A. Vyrubov's Album from the Fonds of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences and Its Real Author

Аннотация
В статье впервые поднимается вопрос об авторстве одного из ключевых источников по археологии и этнографии народов Северного Кавказа, в первую очередь балкарцев, кабардинцев, карачаевцев и абазин – альбома с акварельными рисунками крепостей, церквей, погребальных памятников, элементов костюма горцев, находящегося на хранении в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН. В историографии этот источник получил название по имени своего первого владельца, начальника Нальчикского округа Терской области Д. А. Вырубова. Приведены аргументы в пользу того, что автором альбома является русский и советский художник, археолог, военный корреспондент Иван Алексеевич Владимиров (1869–1947). На это указывает подтвержденное почерковедческой экспертизой соответствие почерков рукописных

текстов альбома и отчетов об археологических исследованиях, проведенных И. А. Владимировым в Нальчикском округе, единые хронологические рамки создания альбома и выездов И. А. Владимирова на Кавказ для занятий живописью и археологией, общая география расположения представленных в источниках памятников, взаимосвязанные и дополняющие друг друга сведения о целом ряде памятников археологии и древней архитектуры, а также людях, оказавших содействие И. А. Владимирову в его полевых исследованиях, – о начальнике Нальчикского округа Дмитрии Алексеевиче Вырубове и чегемском таубии Дадаше Дохшуковиче Балкарокове. Показано, что период 1892–1898 гг. – со времени первого появления И. А. Владимирова в Нальчикском округе и до перевода полковника Д. А. Вырубова во Владикавказ, представляется наиболее вероятным временем создания альбома. Установление личности художника, создавшего альбом, существенно расширило информационные возможности самого источника, поскольку позволило рассматривать его в комплексе с научными отчетами И. А. Владимирова об археологических работах. Это, в свою очередь, предоставило возможность для идентификации ряда объектов, в том числе древней полуразрушенной христианской церкви у селения Былым. Помимо того, в результате компаративного изучения источников была получена новая информация о памятниках. Так, альбом содержит рисунки и обмеры мавзолеев и склепов у селения Гунделен, церкви на р. Кисанты, мавзолеев и гробниц в этой же местности, в то время как в отчете И. А. Владимирова имеются фотографии данных объектов, их ситуационные планы и чертежи. Выявлены не известные ранее факты из истории первой археологической экспедиции, проведенной И. А. Владимировым в 1896 г.

Abstract

The article for the first time raises the question of authorship of one of the key sources on archaeology and ethnography of the peoples of the North Caucasus, first and foremost the Balkars, Kabardins, Karachais, and Abazins – an album with watercolour drawings of fortresses, churches, funerary monuments, elements of costume of mountain peoples, etc. stored in the fonds of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera). This source is known in historiography under the name of its first owner, D.A. Vyrubov, head of the Nalchik district of the Terek region. The article argues that the author of the album was Ivan A. Vladimirov (1869-1947), Russian and later Soviet artist, archaeologist, and military correspondent. Handwriting experts' examination of handwritten notes in the album and I.A. Vladimirov's reports on archaeological investigations

conducted in the Nalchik district confirms this; chronology and geography of the album coincides with I.A. Vladimirov's visits to the Caucasus. There is interconnected and complementary information on a number of archaeological and ancient architectural monuments, as well as on people who supported Vladimirov in his field research – Dimitri Alekseyevich Vyrubov, the chief of the Nalchik district, and Dadashe Dohshukovich Balkarokov, a Chegem taubian. It is shown that the period from 1892 to 1898, that is, from I.A. Vladimirov's first appearance in the Nalchik district to Colonel D.A. Vyrubov's transfer to Vladikavkaz, is the most probable time of the album's creation. Establishing the identity of the artist who created the album has significantly broadened the information capacity of the source itself, as it now can be considered in conjunction with I. A. Vladimirov's scientific accounts of his archaeological work. This, in turn, facilitates identification of a number of objects, including ancient half-destroyed Christian church near Bylym village. In addition, comparative study of the sources has yielded new information on the monuments. Thus, the album contains drawings and measurements of mausoleums and crypts near the village of Gundelen, church on the Kisanty river, mausoleums and tombs in the same area, while I.A. Vladimirov's report contains photos of these objects, their site layout plan and drawings. Some previously unknown facts from the history of the first archaeological expedition conducted by I.A. Vladimirov in 1896 have also been revealed.

Ключевые слова
Исторический источник, Альбом полковника Вырубова, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, И. А. Владимиров, археология, этнография, кавказоведение.

Keywords
Historical source, Colonel Vyrubov's album, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, I. A. Vladimirov, archaeology, ethnography, Caucasian studies.

В 1902 г. в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) в Санкт-Петербурге из Педагогического музея военно-учебных заведений поступили «присланные по поручению начальника Владикавказского округа Терской области полковника Д. А. Вырубова две модели кавказских горных

построек и альбом с рисунками местных зданий и костюмов»[1]. Имя создавшего альбом художника указано не было, а потому этот важный источник по археологии и этнографии горцев получил название по имени своего первого владельца – Альбом полковника Д. А. Вырубова (далее – Альбом).

В Альбоме на 24 листах размером 32,5×20 см, в переплете, представлен список из 132 тамг (Л. 2–3 об.), акварельные рисунки: боевой башни, идентифицируемой как башня Акъкъала[2], ее план с обмерами и подпись: «4 этажа. Между Хуламом и Безенги» (Л. 4), крепости с башней, план с обмерами и подпись «Безенги» (определена как крепость в сел. Джабоево[3], интерпретация оспорена[4]) (Л. 5), стены христианской церкви с изображением четырех человек альфреско (Л. 6)[5], двух башен (правая определена как башня Абаевых у сел. Кюнюм[6], версия оспорена[7]) (Л. 7), трех башен (Л. 8), крепостных укреплений, определяемых как замок Курнаят[8], план памятника (Л. 9 об.), крепостных сооружений, определяемых как замок Борзиевых в Зилги и башня Балкароковых в Верхнем Чегеме[9] (Л. 10), церкви с ее планом и обмерами (Л. 11), двух мавзолеев и их карнизов с эпитафиями братьев Александра Бековича-Черкасского, сподвижника Петра I – князя Хаджи-Батука (ум. в 1749 г.) и Темира-Булата (ум. в 1762 или 1763 г.)[10], план мавзолея и подписи: «юго-западъ на Чегемъ» и «Югъ» (Л. 12), склепа с обмерами и подписью: «Высота бывает до 9 ар / Чегемъ» (Л. 13), пяти мавзолеев и склепов с обмерами и подписями: «8 граней», «Правый берегъ Гунделена» (Л. 14), пяти надмогильных сооружений из камня с обмерами и подписями: «Балкария», «Ю. 10 граней – внутри костяки. Чегемъ», «Блисъ С. Гунделен» (Л. 15), мавзолея и склепа с подписью: «Могила Камгута на правом берегу Баксана» (Л. 16), надгробия (Л. 17) «дочери Исмаила», выполненного мастером Умаром[11], надгробий с арабскими надписями (Л. 18), склепов с планами, разрезами и надписями: «Балкария близъ П. Тура-Хабль», «Высота перекрытия 7 четвертей», «Высота $3^1/_2$ ар. Потолок овальный каменный», «Потолок *круглый из камня* деревянный»[12], «Потолок каменный овальный», «Кладка на извести. Потолок деревянный» (Л. 19), склепов с планами и обмерами (Л. 20), этнической одежды горянок (Л. 21–23), набросок каменного сооружения (Л. 24).

Публикации и анализу этого источника посвящена серия работ Л. И. Лаврова[13]. При этом до сегодняшнего дня без внимания оставалась проблема идентификации личности художника, создавшего альбом. Между тем, вопрос этот далеко не праздный – ответ на него не только существенно расширяет информационные возможности самого источника, но и открывает новые страницы из истории кавказоведения последней четверти XIX в.

Это время связано с проведением в 1881 г. V Археологического съезда. В рамках его подготовки была разработана программа изучения памятников Кавказа, которая претворялась в жизнь на протяжении двух следующих десятилетий. Эти исследования проводили не только специалисты Московского археологического общества и Императорской Археологической Комиссии (ИАК), но и независимые энтузиасты. Так, по поручению ИАК статский советник, преподаватель Владикавказского училища В. И. Долбежев в 1884–1904 гг. изучал памятники археологии на Тереке; в 1886 г. художник Д. М. Струков в ущелье Большого Зеленчука зафиксировал памятники, которые позднее оказались утраченными; секретарь Статистического комитета Кубанской области Е. Д. Фелицын многие годы посвятил изучению древностей Закубанья[14].

В ряду этих увлеченных историей Кавказа людей необходимо назвать имя русского, затем советского художника Ивана Алексеевича Владимирова (1869–1947). В 1896–1900 гг. в Терской области он провел археологические раскопки памятников различного культурно-хронологического диапазона – от курганов эпохи бронзы до склепов-кешене XVII в. В 1899–1900 г. И. А. Владимиров исследовал христианские памятники (Сентинский храм X в., храм на р. Амгата, церковь в Хосте), а также крепостные укрепления близ Сочи. По полноте и точности описания археологических объектов полевые работы И. А. Владимирова для своего времени стали образцовыми[15].

Изучение в архиве Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) отчетов художника о проведенных исследованиях выявило целый

комплекс фактов, указывающих на то, что именно он является автором Альбома.

В первую очередь, об этом говорит сам характер источника. Рисунки в Альбоме выполнены профессиональным художником, при этом, помимо изображений древних памятников, в Альбоме приведена информация об их размерах, строительных материалах, особенностях конструкций, а также ряд глазомерных планов. Эти детали не случайны, они говорят о том, что автор Альбома владел не только художественным мастерством, но и *навыками археологических исследований*.

Археология с детства являлась частью среды, в которой рос и воспитывался И. А. Владимиров. Его отец – Алексей Порфирьевич, был устроителем и заведующим публичной библиотекой и музеем древностей Северо-Западного края в г. Вильно. В своих альбомах маленький Джон (это имя мальчик получил в честь деда – британского капитана Джона Вагхорна, и именно так в семье называли будущего художника) рисовал старинное оружие и древности, которые он видел в музее[16]. Уже в годы обучения в Императорской Академии художеств И. А. Владимиров прослушал курс лекций в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте, что позволило ему профессионально заниматься изучением памятников археологии на Кавказе.

Почерк. Рукописные тексты научных отчетов И. А. Владимирова и подписи к рисункам из Альбома создавались в различных условиях: одни – в кабинете, за письменным столом, другие – при фиксации памятников в полевой обстановке. Тем не менее, в более небрежных подписях к акварелям в Альбоме безошибочно угадывается почерк И. А. Владимирова (рис. 1), что подтвердили результаты почерковедческой экспертизы, проведенной ООО «Судебные экспертизы и исследования «КримЭкс», г. Москва.

Ряд подписей, которые не были прочитаны при публикации материалов Альбома, удалось распознать благодаря подсказкам в виде аналогичных слов в отчетах И. А. Владимирова. Так, восстанавливается подпись под рисунком мавзолея на Л. 15: «Ю. 10 граней – внутри костяки. Чегемъ», надпись на Л. 20: «Потолок из 2х камен. плит / входъ заваленъ большимъ камнем» и т. д.

Альбом Д.А. Вырубова (МАЭ № 693-3)			Отчеты И.А. Владимирова (ИИМК РАН, Фонд 1)		
Написание слова	Номер листа	Транскрипция	Написание слова	Год, дело, лист	Транскрипция
	4	Между		1896 г. Д.215. Л. 53	между
	4	**Х**уламомъ		1896 г. Д.215. Л. 73	по**х**оронена **х**ристианка
	13	Высо**т**а		1896 г. Д.215 Л. 64	Высота
	13	Чегемъ		1896 г. Д.215. Л. 46	Чегема
	14	**Гу**нделена		1896 г. Д.215. Л. 42, Л. 45	**у**краш. ремней **Гл**убина
	14	**Прав**ый		1896 г. Д.215. Л. 46	**прав**ого **прав**ильные
	15	Костяки		1896 г. Д.215. Л.48	костяк
	16	Могила		1896 г. Д.215. Л.72	могилы
	19	близ		1896 г. Д.215. Л. 47	близ
	20	по**то**локъ		1896 г. Д.215. Л.50	к**от**орый
	20	изъ плитъ		1896 г. Д.215. Л. 74 Л.46	изъ плитъ желт**ы**й
	20	**Б**алкария		1896 г. Д.215. Л. 44	**Б**елой

Рис. 1. Образцы почерка из Альбома и научных отчетов И. А. Владимирова. Samples of handwriting from the Album and I. A. Vladimirov's scientific reports

Авторство *макетов* погребальных сооружений, поступивших в 1902 г. в МАЭ вместе с Альбомом, также можно связывать с И. А. Владимировым, на что указывает его замечание в отчете: «Все эти обстоятельства расхищения археологических памятников навели меня на мысль возможно скорее разрыть и исследовать все уцелевшие от расхищения могильные склепы в Гиджгидском горном поселке и таким образом сохранить для науки подробное описание погребения, доставить археологической Комиссии все найденные предметы и с самих склепов сделать модели – одним словом, представить полную картину этого уже редкого типа погребений»[17].

Хронология. На время создания Альбома указывает география изображенных памятников, которые локализуются в границах современной Кабардино-Балкарии. Это позволило Л. И. Лаврову отнести работу над Альбомом к 1887–1898 гг., когда Д. А. Вырубов состоял в должности начальника Нальчикского округа[18]. Позднее он был переведен на службу во Владикавказ.

В эти же годы на Кавказе работал и И. А. Владимиров. С 1892 г. на протяжении нескольких сезонов художник выезжал в горы, где погружался в культуру местных народов, запечатлевая ее в своих эскизах. Его полотна «Взятие турецкого редута» и «Перевязочный пункт во время Кавказской войны» (1893 г.) были удостоены серебряных медалей Императорской Академии художеств, а картина «Бой адыгейцев на реке Малке» (1897 г.) принесла автору звание классного художника I степени.

С 1896 г. И.А. Владимиров выезжал на Кавказ еще и в качестве археолога. Принимая во внимание эти обстоятельства, период 1892–1898 гг. – со времени первого появления И. А. Владимирова в Нальчикском округе и до перевода полковника Д. А. Вырубова во Владикавказ, представляется наиболее вероятным временем создания Альбома и макетов.

Помимо соответствия хронологии, Альбом и научные отчеты И. А. Владимирова объединяет и общая *территория*, в границах которой проводилась фиксация архитектурных и археологических памятников – равнинные районы в окрестностях Нальчика, по р. Чегем, правобережье Баксана и Гунделена, ущелья Верхней Балкарии. С учетом того, что в Альбоме в большей степени представлена информация о памятниках архитектуры, а отчеты И. А. Владимирова посвящены в основном результатам изучения погребальных объектов, следует отметить, что эти источники дополняют друг друга. Так, Альбом содержит рисунки мавзолеев и склепов у с. Гунделен (Л. 12, 15), церкви на р. Кисанты (Л. 11), мавзолеев и гробниц в этой же местности (Л. 20), в то время как в отчете И. А. Владимирова имеются фотографии данных объектов, их ситуационные планы и чертежи.

Владелец альбома. Особое значение при установлении авторства Альбома имеет вопрос, был ли знаком И. А. Владимиров с будущим владельцем Альбома, начальником Нальчикского округа Терской области Д. А. Вырубовым.

22 мая 1892 г. на имя гофмейстера Двора его величества, конференц-секретаря Академии художеств графа И. И. Толстого поступило прошение И. А. Владимирова о выдаче ему удостоверения, по которому он «свободно мог бы рисовать, писать с натуры и фотографировать в лагерях, станицах и портах» на Кавказе и в Крыму. Свидетельство «для художественных занятий с натуры и снимания видов местности» было выслано 30 мая 1892 г. уже в станицу Нальчик, на станцию Котляревская Владикавказской железной дороги[19]. Эта бумага, как и сам приезд молодого художника, интересующегося традициями Кавказа, не могли остаться без внимания начальника Нальчикского округа, знатока местных обычаев и коллекционера горских древностей.

Знакомство И. А. Владимирова и Д. А. Вырубова состоялось, что подтверждают архивные документы. В отчеты художника включены фотографии предметов старины из собраний полковника[20], и, видимо, именно И. А. Владимиров способствовал тому, что большая часть археологической коллекции Д. А. Вырубова была выкуплена ИАК для Эрмитажа и Исторического музея. Сохранилось заявление художника, направленное в ИАК, с просьбой о выдаче Открытого листа: «Прилагая при сем две планшеты с древними бронзовыми предметами, найденными в раскопанных мною могилах на частной земле в Нальчикском округе Терской области – пять фотографий с коллекций полковника Вырубова и два плана курганов в Нальчикском округе – я прошу комиссию выдать мне открытый лист на производство дальнейших раскопок в течение 1897 г. 7 ноября 1896 г. Иван Владимиров»[21] (рис. 2).

Являлся ли Д. А. Вырубов заказчиком Альбома или получил его в дар от художника, не столь важно. Главное, он оказал необходимое содействие И. А. Владимирову в занятиях живописью и археологией. Между тем, и Альбом, и научные отчеты художника содержат сведения еще об одном лице,

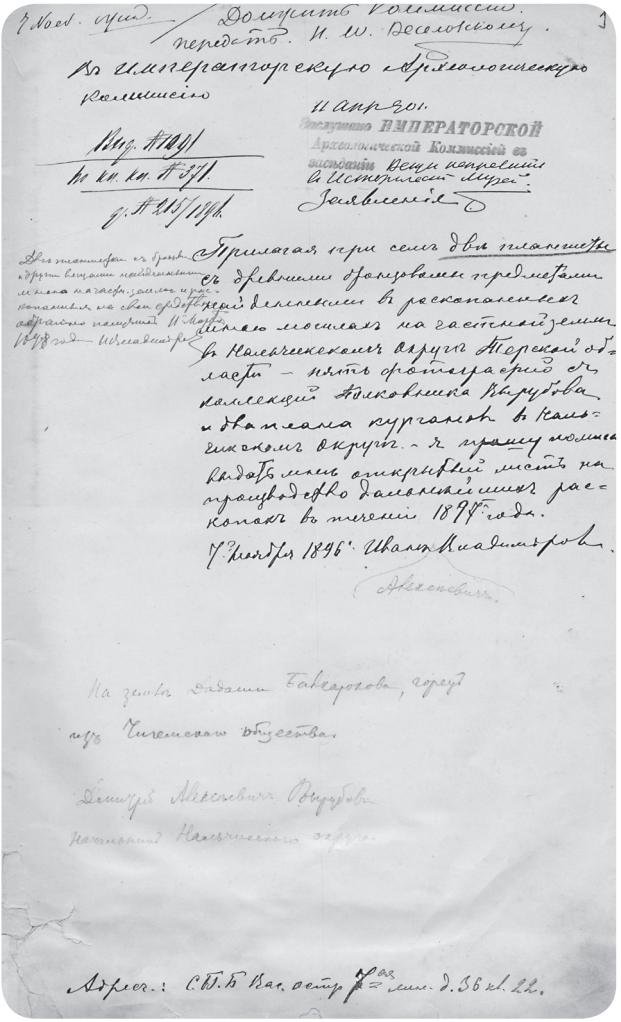


Рис. 2. Заявление И. А. Владимирова на Открытый лист. 7 ноября 1896 г. Архив ИИМК РАН.
I. A. Vladimirov's statement for an Open List. November 7, 1896. Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences

сыгравшем значимую роль не только в организации экспедиций, но и в создании знаменитого Альбома.

Меценат. Организация археологической экспедиции – дело и сегодня довольно многотрудное. Что говорить о проведении полевых исследований в горных ущельях Северного Кавказа в XIX в. прибывшим из Санкт-Петербурга молодым художником. И. А. Владимиров проводил раскопки на частных землях, о чем нужно было договариваться с землевладельцами. Необходимо было собрать бригаду землекопов, а поскольку художник ежегодно исследовал несколько памятников в различных частях края, и объем проводимых им работ был впечатляющим, это требовало серьезной подготовки: обеспечения постоя, мест для хранения и обработки находок, камеральной работы, транспортировки инвентаря и вещей и т. д. Достаточно сказать, что колесную дорогу в Чегем, где работал И. А. Владимиров, проложили лишь к осени 1897 г.[22] Безусловно, без помощи и содействия со стороны властей – администрации округа и горской знати, археологическая деятельность И. А. Владимирова не была бы столь успешной.

Своих помощников художник назвал сам: рукой И. А. Владимирова в нижней части заявления на Открытый лист вписаны два имени – Дмитрия Алексеевича Вырубова и Дадаша Балкорокова, горца из Чегемского общества (рис. 2).

Ислам (Дадаш) Дохшукович Балкароков – потомок полулегендарного предка чегемских князей Анфако[23], один из просвещенных людей своего времени, общественный деятель, крупный землевладелец и заводчик скота, меценат строительства Реального училища в Нальчике[24]. Его участие в организации экспедиций И. А. Владимирова при беглом взгляде на архивные материалы почти незаметно, но более внимательное знакомство с источниками не оставляет сомнения в том, что этот человек немало способствовал археологическому изучению Северного Кавказа.

Так, с 1897 г. И. А. Владимиров осуществлял археологические исследования по специальному разрешению (Открытому листу) и при финансовой поддержке ИАК. Но его первые раскопки в Нальчикском округе, благодаря которым художник

смог зарекомендовать себя перед комиссией, были организованы при помощи и содействии Дадаша Балкарокова и на частных землях князя.

Согласно материалам работы комиссии, изучавшей в 1906–1908 гг. земельные отношения у горцев, чегемским таубиям Нальчикского округа Балкароковым принадлежали 900 десятин земли на правом берегу р. Баксан, в местности Кала-Кол, и участок в 800 десятин между Баксаном и Чегемом, в местности Жанги-Бау[25].

На первом из этих участков, близ селения Былым, недалеко от дома таубия, в июне 1896 г. И. А. Владимиров исследовал древнюю христианскую церковь и окружавший ее могильник, где раскопал небольшой курган. Художник выполнил подробный глазомерный план памятников, чертежи раскопок кургана, а также фотоснимок церкви. В отчете под снимком размещена подпись: «Развалины весьма древнего христианского храма у впадения р. Кисанты в Баксан. 8 верст от Нальчика»[26]. Среди размещенных в отчетах И. А. Владимирова фотографий, сделанных им за годы полевых исследований на Кавказе, фотоснимок церкви на р. Кисанты обладает одной выразительной особенностью: помимо самого памятника, на нем изображен человек – у юго-восточного угла полуразрушенной церкви, на камнях небольшой оградки сидит горский князь. Это редкий и не идентифицированный до сего времени фотопортрет таубия Дадаша Дохшуковича Балкарокова (рис. 3).

Но есть ли связь между археологическими исследованиями И. А. Владимирова 1896 г. и альбомом полковника Д. А. Вырубова?

Акварельный рисунок церкви на р. Кисанты представлен на Л. 11 Альбома. Рисунок не подписан, но церковь идентифицируется по общему плану и, главное, по изображению двух крестов – каменных рельефов на восточном (алтарном) фасаде. Более того, на Л. 20 Альбома с рисунками склепов, слева вверху сделана надпись: «Кисанты близ дома Балкарокова Д.»[27].

Эта помета рассеивает последние сомнения в том, что авторство Альбома принадлежит И. А. Владимирову. На снимке церкви, как и на Л. 20 Альбома, указан один и тот же

Рис. 3. Дадаш Балкароков у стен церкви близ селения Былым, 1896 г. Архив ИИМК РАН. Dadash Balkarokov by the walls of the church near the village of Bylym, 1896. Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences

вариант гидронима – Кисанты, тогда как местные называли реку по-другому – Гестенты, что зафиксировано в материалах Земельной комиссии 1906–1908 гг.[28] Создатель Альбома увязал расположение склепов не с географическим объектом (лучший ориентир здесь – место впадения р. Кисанты в Баксан), а с домом Дадаша Балкарокова, что определенно указывает на особую роль таубия в истории создания Альбома. И наконец, как и на уникальном снимке-фотопортрете князя, в отчете И. А. Владимирова Дадаш Балкароков – единственный из современников автора Альбома, чье имя отмечено на рисунках.

Итак, соответствие почерков рукописных текстов, хронологии и географии Альбома и научных отчетов И. А. Владимирова, уникальные взаимодополняющие сведения этих источников не оставляют сомнения в том, что автором Альбома из Кунсткамеры является Иван Алексеевич Владимиров.

Примечания / Notes

[1] Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Ф. 693. Д. 3. Электронный ресурс. Режим доступа: http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?sort=90&person=3545914 (дата обращения 31.08.2021). *Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)], fond 693, file 3. [On-line]. Available at: http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?sort=90&person=3545914 (accessed 31.08.2021); Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 6. – СПб., 1903. – С. 48. *Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii. Pribavlenie k vyp.* 6 [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission. Addendum to issue 6. In Russ.]. St. Petersburg, 1903, p. 48.

[2] *Лавров, Л. И.* Альбом и макеты Д. А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука, 1978. – С. 72. LAVROV, L. I. *Al'bom i makety D. A. Vyrubova po etnografii i arkheologii Kabardino-Balkarii* [D. A. Vyrubov's album and models on ethnography and archeology of Kabardino-Balkaria. In Russ.]. IN: *Material'naya kul'tura i khozyaistvo narodov Kavkaza, Srednei Azii i Kazakhstana* [Material culture and economy of the peoples of the Caucasus, Central Asia, and Kazakhstan. In Russ.]. Leningrad, 1978, p. 72.

[3] *Лавров, Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. – М.: Наука, 1969. – С. 55–119. LAVROV, L. I. *Karachai i Balkariya do 30kh godov XIX veka* [Karachay and Balkaria until the 1830s. In Russ.]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1969, vol. 4, pp. 55–119.

[4] *Батчаев, В. М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: ТАС-ИЗДАТ, 2006. – С. 71. BATCHAEV, V. M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the 15th – early 19th centuries. In Russ.]. – Moscow, TAS-IZDAT publ., 2006, p. 71.

[5] *Лавров, Л. И.* Карачай и Балкария... – С. 87. LAVROV, L. I., 1969, p. 87; *Белецкий, Д. В., Виноградов, А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа. – М.: Индрик, 2011. – С. 322. BELETSKII, D. V., VINOGRADOV, A. Yu. *Nizhnii Arkhyz i Senty: drevneishie khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Severo-zapadnogo Kavkaza* [Lower Arkhyz and Sents: Russia's Most Ancient Temples. Issues of Christian Art in Alania and the Northwest Caucasus. In Russ.]. Moscow, Indrik publ., 2011, p. 322.

[6] *Лавров, Л. И.* Альбом и макеты Д. А. Вырубова... – С. 73. LAVROV, L. I., 1978, p. 73.

[7] *Батчаев, В. М.* Указ. соч. – С. 71. BATCHAEV, V. M., 2006, p. 71.

[8] Там же. – С. 189. Таб. I. Ibid., p. 189, tab. I.

[9] *Лавров, Л. И.* Альбом и макеты Д. А. Вырубова... – С. 73; LAVROV, L. I., 1978, p. 73.

[10] *Лавров, Л. И.* Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. XVII. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. – С. 102–103. LAVROV, L. I. *Ob arabskikh nadpisyakh Kabardino-Balkarii* [On the Arabic inscriptions of Kabardino-Balkaria. In Russ.]. IN: *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Research Institute. In Russ.]. Nalchik, 1960, vol. XVII, pp. 97–121; *Лавров, Л. И.* Альбом и макеты Д. А. Вырубова... – С. 73–74. LAVROV, L. I., 1978, pp. 73–74.

[11] *Лавров, Л. И.* Альбом и макеты Д. А. Вырубова... – С. 80. LAVROV, L. I., 1978, p. 80.

[12] Выделенное курсивом перечеркнуто.

[13] *Лавров, Л. И.* Альбом и макеты Д. А. Вырубова... LAVROV, L. I., 1978; *Лавров, Л. И.* Об арабских надписях... LAVROV, L. I., 1960*; Лавров, Л. И.* Карачай и Балкария... . LAVROV, L. I., 1969.

[14] *Дружинина, И. А., Чхаидзе, В. Н.* Археология как искусство: к 150-летию со дня рождения И. А. Владимирова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2019. – № 3 (65). – С. 269. DRUZHININA, I. A., CHKHAIDZE, V. N. *Arkheologiya kak iskusstvo: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Vladimirova* [Archaeology as Art: To the 150th Anniversary of I. A. Vladimirov. In Russ.]. IN: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2019, no. 3 (65), p. 269.

[15] Там же. – С. 274. Ibid., p. 274.

[16] *Баторевич, Н. И.* Всю жизнь я служил России... Жизнь и творчество художника И. А. Владимирова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – С. 13–17. BATOREVICH, N. I. *Vsyu zhizn' ya sluzhil Rossii... Zhizn' i tvorchestvo khudozhnika I. A. Vladimirova* [All my life I have served Russia... The life and work of the artist I. A. Vladimirov. In Russ.]. St. Peterburg, Dmitrii Bulanin publ., 2013, pp. 13–17.

[17] Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1901. – С. 136. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1898 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1898. In Russ.]. St. Peterburg, Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov publ, 1901, p. 136.

[18] *Лавров, Л. И.* Альбом и макеты Д. А. Вырубова... – С. 71; LAVROV, L. I., 1978, p. 71.

[19] *Баторевич, Н. И.* Всю жизнь я служил России... – С. 26–27. BATOREVICH, N. I., 2013, pp. 26–27.

[20] Архив Института истории материальной культуры РАН (Архив ИИМК РАН). Ф. 1. Д. 215/1896. Л. 1, 14. *Arkhiv Instituta istorii material'noi*

kul'tury RAN [Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences] (Arkhiv IIMK RAN), fond 1, file 215/1896, pp. 1, 14.

[21] Там же. Л. 1; Ibid., p. 1.

[22] *Абаева, М. Ш.* Проблемы строительства колесной дороги в Чегемское общество во второй половине XIX века // Известия СОИГСИ. – 2020. – № 23. – С. 29. ABAEVA, M. Sh. *Problemy stroitel'stva kolesnoi dorogi v Chegemskoe obshchestvo vo vtoroi polovine XIX veka* [Problems of wheel road construction to Chegem in the second half of the 19th century. In Russ.]. IN: *Izvestiya SOIGSI,* 2020, no. 23, p. 29.

[23] *Биттирова, Т. Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). – Нальчик: Печатный двор, 2018. – С. 259–260. BITTIROVA, T. Sh. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo (Issledovanie, teksty)* [Basiyat Shakhanov. Life and Creativity (Research, Texts). In Russ.]. Nalchik, Pechatnyi dvor publ., 2018, p. 259–260; *Шумкин, А. В.* Тюрки Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках. – Челябинск: ЧГИК, 2019. – С. 53. SHUMKIN, A. V. *Tyurki Tsentral'nogo Kavkaza v XVI–XVIII vekakh* [Turks of the Central Caucasus in the 16th–18th centuries. In Russ.]. Chelyabinsk, ChGIK publ., 2019, p. 53.

[24] *Биттирова, Т. Ш.* Указ. соч. – С. 18, 258. BITTIROVA, T. Sh., 2018, pp. 18, 258.

[25] Там же. Ibid.

[26] Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896. Л. 16. Arkhiv IIMK RAN, fond 1, file 215/1896, p. 16.

[27] Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Ф. 693. Д. 3. Л. 20. Электронный ресурс. Режим доступа: http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?sort=90&person=3545914 (дата обращения 31.08.2021). *Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)], fond 693, file 3, p. 20. [On-line]. Available at: http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?sort=90&person=3545914 (accessed 31.08.2021).

[28] *Биттирова, Т. Ш.* Указ. соч. – С. 251–252. BITTIROVA, T. Sh., 2018., pp. 251–252.

Список литературы

Абаева, М. Ш. Проблемы строительства колесной дороги в Чегемское общество во второй половине XIX века // Известия СОИГСИ. – 2020. – № 23. – С. 21–30.

Баторевич, Н. И. Всю жизнь я служил России... Жизнь и творчество художника И. А. Владимирова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – 368 с.

Батчаев, В. М. Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: ТАС-ИЗДАТ, 2006. – 239 с.

Биттирова, Т. Ш. Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). – Нальчик: Печатный двор, 2018. – 336 с.

Дружинина, И. А., Чхаидзе, В. Н. Археология как искусство: к 150-летию со дня рождения И. А. Владимирова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2019. – № 3 (65). – С. 267–276.

Лавров, Л. И. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XVII. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. – С. 97–121.

Лавров, Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. – М.: Наука, 1969. – С. 55–119.

Лавров, Л. И. Альбом и макеты Д. А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука, 1978. – С. 71–84.

Шумкин, А. В. Тюрки Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках. – Челябинск: ЧГИК, 2019. – 163 с.

References

ABAEVA, M. Sh. *Problemy stroitel'stva kolesnoi dorogi v Chegemskoe obshchestvo vo vtoroi polovine XIX veka* [Problems of wheel road construction to Chegem in the second half of the 19th century. In Russ.]. IN: *Izvestiya SOIGSI,* 2020, no. 23, pp. 21–30.

BATOREVICH, N. I. *Vsyu zhizn' ya sluzhil Rossii...: Zhizn' i tvorchestvo khudozhnika I. A. Vladimirova* [All my life I have served Russia ...: The life and work of the artist I. A. Vladimirov. In Russ.]. St. Peterburg, Dmitrii Bulanin publ., 2013, 368 p.

BATCHAEV, V. M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the 15th – early 19th centuries. In Russ.]. Moscow, TAS-IZDAT publ., 2006, 239 p.

BITTIROVA, T. Sh. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo (Issledovanie, teksty)* [Basiyat Shakhanov. Life and Creativity (Research, Texts). In Russ.]. Nalchik, Pechatnyi dvor publ., 2018, 336 p.

DRUZHININA, I. A., CHKHAIDZE, V. N. *Arkheologiya kak iskusstvo: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Vladimirova* [Archaeology as Art: To the 150th Anniversary of I. A. Vladimirov. In Russ.]. IN: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2019, no. 3 (65), pp. 267–276.

LAVROV, L. I. *Ob arabskikh nadpisyakh Kabardino-Balkarii* [On the Arabic inscriptions of Kabardino-Balkaria. In Russ.] IN: *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Research Institute. In Russ.]. Nalchik, 1960, vol. XVII, pp. 97–121.

LAVROV, L. I. *Karachai i Balkariya do 30kh godov XIX veka* [Karachay and Balkaria until the 1830s. In Russ.]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1969, vol. 4, pp. 55–119.

LAVROV, L. I. *Al'bom i makety D. A. Vyrubova po etnografii i arkheologii Kabardino-Balkarii* [D. A. Vyrubov's album and models on ethnography and archeology of Kabardino-Balkaria. In Russ.]. IN: *Material'naya kul'tura i khozyaistvo narodov Kavkaza, Srednei Azii i Kazakhstana* [Material culture and

economy of the peoples of the Caucasus, Central Asia, and Kazakhstan. In Russ.]. Leningrad, 1978, pp. 71–84.

SHUMKIN, A. V. *Tyurki Tsentral'nogo Kavkaza v XVI–XVIII vekakh* [Turks of the Central Caucasus in the 16th–18th centuries. In Russ.]. Chelyabinsk, ChGIK publ., 2019, 163 p.

Сведения об авторах

Дружинина Инга Александровна, кандидат исторических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, Центр византийско-кавказских исследований, старший научный сотрудник, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-625-42-62, 8-903-537-14-62, inga_druzh@mail.ru

About the authors

Druzhinina Inga Alexandrovna, PhD in History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Centre for Byzantine-Caucasian Studies, senior researcher, Moscow, Russian Federation, +7-495-625-42-62, +7-903-537-14-62, inga_druzh@mail.ru

В редакцию статья поступила 16.09.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Дружинина, И. А. К истории создания альбома полковника Д. А. Вырубова из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН и его подлинном авторе // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 36–53. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-36-53

Submitted 16.09.2021, published (for citation):

DRUZHININA, I. A. *K istorii sozdaniya al'boma polkovnika D. A. Vyrubova iz fondov Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamery) RAN i ego podlinnom avtore* [Revisiting the Creation of Colonel D. A. Vyrubov's Album from the Fonds of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences and Its Real Author. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 36–53. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-36-53

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47)+930.253
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-54-65

Корнева, Н. М., Раскин, Д. И.
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Из истории архива Государственного совета Российской империи. 1810–2021 гг.

Korneva, Nadezda M., Raskin, David I.
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

From the History of the State Council of the Russian Empire. 1810–2021

Аннотация
В статье освещена история Архива Государственного совета. Этот архив был одним из важнейших по своему месту в системе ведомственных архивов Российской империи и по составу, и по содержанию хранившихся в нем материалов. В настоящее время архивные фонды Государственного совета являются особо ценными фондами в составе Архивного фонда Российской Федерации. История Архива Государственного совета недостаточно изучена. Она до сих пор не была предметом специального исследования. Задача авторов статьи показать на примере истории Архива Государственного совета историю архивной мысли и архивного дела в дореволюционной России, проследить судьбу одного из важнейших комплексов документов по истории Российской империи. Статья основана на неопубликованных архивных документах, а также на имеющихся исследованиях по истории архивного дела в России и по истории формирования справочного аппарата Государственного совета. Архив Государственного совета был создан одновременно с созданием самого Государственного совета в качестве структурной части Государственной канцелярии. В архив поступали документы, образовывавшиеся в процессе деятельности Государственного совета и его структурных частей, а также различных временных комитетов, комиссий и совещаний при Государственном совете. В архиве хранились также документы

высших учреждений – предшественников Государственного совета. Несмотря на высокое место Государственного совета в системе учреждений Российской империи, штат сотрудников его архива был недостаточным, а состояние справочного аппарата архива долгое время оставалось неудовлетворительным. Последнее обстоятельство было обусловлено особенностями делопроизводства Государственной канцелярии. Но зато (в отличие от других ведомственных архивов) поступавшие в архив дела, как правило, сохранялись. Во 2-й половине XIX в. началась работа по приведению в порядок справочного аппарата архива. Архив перешел от практики составления алфавитных указателей в виде книг к созданию алфавитной картотеки. В результате картотека Архива Государственного совета стала одной из крупнейших и наиболее эффективной из картотек ведомственных архивов Российской империи. Эта картотека стала прообразом будущих архивных каталогов. В 1908–1914 гг. было опубликовано 17 томов описи Архива Государственного совета. Архив был доступен для историков. С 1 июня 1918 г. архив вошел в состав Единого государственного архивного фонда РСФСР. Его удалось сохранить как от гибели, так и от неправомерной пересистематизации.

Abstract

The article is to highlight the history of the Archive of the State Council. In its composition and content of its materials, this archive was one of the most important in the system of departmental archives of the Russian Empire. At present, the archival fonds of the State Council are a valuable part of the Archival Fond of the Russian Federation. The history of the Archive of the State Council has not been sufficiently studied. Until now, it has not been the subject of special research. The article is to showcase the history of archival theory and archiving in pre-revolutionary Russia in a case-study of the history of the Archive of the State Council and to trace the fate of one of the most important documents collections on the history of the Russian Empire. The article is based on unpublished archival documents, as well as on available research on the history of archiving in Russia and on the history of the formation of the State Council's reference apparatus. The Archive of the State Council was created simultaneously with the State Council itself as a structural part of the State Chancellery. The archive received current documents on the activities of the State Council, its structural parts, as well as its various temporary committees, commissions, and meetings. The archive also stored documents of higher institutions – predecessors of the State Council. Despite the State Council's eminence in the system of institutions

of the Russian Empire, its archival staff remained insufficient, state of reference apparatus unsatisfactory. The latter was due to the peculiarities of the State Chancellery office work. However (in contrast to other departmental archives), the files that entered the archive were, as a rule, preserved. The second half of the 19th century saw an improvement in the archive's reference apparatus. The archive proceeded from alphabetical indexes in the form of books to alphabetical index cards. The card index of the State Council Archive became one of the largest and most efficient. It was a prototype of the future archival catalogues. In 1908–14, there were published 17 volumes of the State Council Archive's series. The archive was available to historians. On June 1, 1918, the archive became a part of the Unified State Archival Fond of the RSFSR. It was preserved from destruction and inappropriate re-systematization.

Ключевые слова
Архив, Государственный совет, Государственная канцелярия, справочный аппарат, описи, алфавиты, картотека, издание документов.

Keywords
Archives, State Council, State Chancellery, reference apparatus, archival series, alphabets, card index, documents publication.

Архив Государственного совета был одним из важнейших по своему значению ведомственных архивов Российской империи, а хранившиеся в нем документы составляют ценнейшую часть документального наследия дореволюционной России. Архив был учрежден одновременно с Государственной канцелярией с 1 января 1810 г. и действовал на правах ее отделения[1]. Возглавлял архив помощник статс-секретаря на правах заведующего отделением. При нем состояли младший письмоводитель, протоколист и писец. По мере надобности для занятий в архиве привлекались чиновники Государственной канцелярии или прикомандированные из других ведомств. Управляющий архивом отвечал за надлежащее содержание архива, руководил составлением описей и алфавитов, доставлял по письменным требованиям других отделений справки и подлинные дела, а также ведал казначейской и хозяйственной частью[2].

Первоначально архив Государственного совета находился там же, где и Государственная канцелярия, – в Зимнем дворце,

затем – в здании Сената. Но отведенных архиву помещений катастрофически не хватало. В 1886 г. Архив Государственного совета был переведен в специально построенное здание на Миллионной улице[3].

В архив поступали журналы, протоколы и решенные дела, высочайше утвержденные мемории и мнения Государственного совета и его департаментов, проекты уставов и правил, отчеты, доклады и сметы, проекты и записки о преобразовании ведомств и учреждений, а также высочайшие указы и повеления по Государственному совету, дела временных комитетов, комиссий и совещаний при Государственном совете. В состав архива вошли также документы предшественников Государственного совета.

В то время как в большинстве ведомственных архивов документы, утратившие оперативное значение, периодически уничтожались, руководство Государственной канцелярии и Архива Государственного совета старалось сохранить документы в полном объеме[4].

Главной задачей архива было информационное обеспечение законодательной деятельности Государственного совета. Но эта работа была затруднена состоянием поисково-справочного аппарата архива и недостаточным штатным обеспечением. Особенно сложная ситуация сложилась в 1850-е – 1860-е гг., когда помимо кадровых проблем усилились и недостатки в организации работы, в том числе и в системе ведения справочного аппарата. После введения новых сметных правил в 1863 г. деятельность Государственного совета значительно активизировалась. Если ранее ежегодное поступление едва достигало 700 дел, то в середине 1860-х гг. стало приближаться к 1 500. Чиновники архива перестали справляться со своими обязанностями. Описи практически не велись, откладывалось составление алфавитных книг. Документы до 1810 г. не только не имели описей, но и не были разобраны, материалы комитетов, комиссий также не имели описей, а многие дела Отделения дел государственного секретаря были не сформированы[5].

К этому добавились изначальные недостатки справочного аппарата архива, главным из которых была система ведения

описей. В отличие от большинства учреждений, где описи составлялись согласно номенклатуре, в Государственной канцелярии номера делам присваивали только соответственно по годовым номерам журналов департаментов, а также Общего и чрезвычайных собраний Государственного совета, по каждому отдельно. Дела, которые содержали документы, внесенные в Совет, но не дошедшие до рассмотрения, попадали в так называемую категорию «безномерных». Дела, получившие номера, вместе с подлинными журналами ежегодно передавались в архив по сдаточному реестру. Окончательно проверенные и принятые дела отмечались в контрольном реестре, составленном в форме таблицы, где указывались только номера дел и количество журналов, приложенных к ним. «Безномерные» дела поступали на хранение нерегулярно, по отдельному сдаточному реестру[6]. Сдаточные описи составлялись в единственном экземпляре и возвращались в отделения Государственной канцелярии с распиской чиновников архива о принятии. В результате в самом архиве вообще не оставалось описей. Позже чиновники архива составляли непосредственно по делам черновые реестры, по форме сходные со сдаточными. Из них затем переписывались «описи по решенным делам Государственного совета»[7]. Эти дела назывались «валовыми», т. к. их нумерация (по каждому департаменту отдельно) была сплошной, валовой, в соответствии с номерами журналов заседаний. Безномерные дела описей не имели, они хранились отдельно от дел соответствующего департамента[8]. Отсутствие порядка при их хранении приводило к путанице и невозможности быстро отыскать нужную информацию. Только в 1873 г. они были присоединены к делам Государственной канцелярии.

Архив Государственного совета с самого начала нуждался в алфавитных указателях, которые были главным поисковым инструментом в ведомственных архивах Российской империи.

В отличие от других архивов, где в алфавитных книгах заголовки дел, в пределах литер, располагались по порядку номеров, в архиве Государственного совета изначально было решено располагать заголовки только в алфавитном порядке.

Однако такой порядок не позволял сразу начать составление алфавитов. По мере поступления дел в архив составлялись черновые карточки. Алфавитные книги начинали переписывать только тогда, когда в наличии имелись все карточки за определенный период.

В 1870 г. управляющий архивом К. А. Висковатов подал докладную записку государственному секретарю Д. М. Сольскому, в которой указал на неудовлетворительное состояние архива и просил увеличить его штат. Вероятнее всего, в необходимости предпринять этот шаг управляющего убедил экспедитор архива В. И. Нечаев, который, обладая прекрасными организаторскими способностями, много сил положил на то, чтобы «сделать архив не кладовой отдельных, отрывочных документов, труднодоступных для изучения, а живым свидетелем прошлого в области законодательства и истории»[9]. С 1875 по 1886 г. В. И. Нечаев, формально не назначенный управляющим, фактически заведовал архивом[10].

Д. М. Сольский распорядился ликвидировать недостатки, выделив приоритетное направление, – продолжение работ по формированию справочного аппарата. Прежде всего, было необходимо начать разбор материалов до 1810 г. и составить новые описи, для чего на помощь были направлены имевшие большой опыт в описании архивных документов И. А. Чистович и А. П. Пятковский. В результате были подготовлены по всем департаментам описи дел до 1871 г. Но описи удалось создать далеко не ко всем материалам. Работу осложнял недостаточный штат сотрудников.

Параллельно с составлением описей велись работы по приведению в порядок алфавитных указателей. К 1870 г. существовали алфавитные книги на дела департаментов с 1810 по 1850 г., а за последующие годы – только черновые картотеки по департаментам, в которых, к тому же, не хватало карточек, так как отделения канцелярии не сдавали некоторые дела по десять и более лет. Несмотря на трудности, чиновникам архива в период с 1871 по 1875 г. удалось изготовить около 37 000 алфавитных карточек, переложить из частных алфавитов департаментов в общие алфавиты с 1851 по 1860 г. и 1861–1870 гг. и т. д.[11]

В процессе работы В. И. Нечаев пришел к выводу, что картотека, сформированная без хорошо продуманных и утвержденных правил, не может быть названа систематическим алфавитом. Характеризуя результаты разбора карточек, он иронизировал, что единственным правилом было писать их как можно больше. Нечаев выработал систему отбора ключевых слов. По его предложению было отредактировано 22 000 карточек, изъято еще около 8 000 карточек, составленных на слова, не имеющие существенного значения, и написано более 1 000 новых черновых карточек. Когда черновой алфавит до 1870 г. был готов, и пришло время приступить к переписке, ведение алфавитных книг было признано нецелесообразным, тем более, что в архивах некоторых правительственных учреждений они уже были заменены картотеками. После изучения разных моделей каталожных ящиков, образцов картотек и способов их хранения из числа чиновников архива образовали особую комиссию, заседание которой состоялось 4 мая 1876 г. На этом заседании было решено перейти к составлению карточного алфавита.

Работа по составлению правил ведения алфавитной картотеки и выбору конструкции каталожных ящиков была поручена В. И. Нечаеву, который, не найдя в других архивах подобных правил, составил их, используя собственный опыт. В 1880 г. они были представлены государственному секретарю Е. А. Перетцу в составе нового положения об архиве[12].

Эти правила включали: образец каталожной карточки, состоявшей из ключевого слова в именительном падеже (выбиралось из заголовка высочайшего повеления); заголовка (повеления); названия департамента; года; номера состоявшегося в департаменте журнала. Если по делу состоялось несколько журналов, то годы и номера записывались по порядку возрастания. По делам Государственной канцелярии вместо департамента указывалось отделение, год и номер дела по описи. В приложении давались образцы выделения ключевых слов.

Так Архив Государственного совета стал лидером в применении картотечной формы ведения НСА в архивах Российской империи.

В 1863 г. Н. В. Калачову и И. Н. Чистовичу было поручено составить систематическое описание архива Государственного совета и Государственной канцелярии[13]. Это издание было задумано как пособие для законодательных работ и источник для изучения истории законодательства. Всего с 1869 по 1904 г. вышло пять томов документального сборника «Архив Государственного совета», введшие в научный оборот важнейшие документы высших правительственных учреждений Российской империи 2-й половины XVIII – 1-й половины XIX в. Но 26 ноября 1903 г. вновь назначенный управляющий архивом С. А. Панчулидзев представил государственному секретарю докладную записку, в которой предлагал вместо этого издания публикацию описей архива с кратким изложением каждого дела и одновременным изданием сборника наиболее важных документов. На совещании 11 марта 1904 г. его предложение было поддержано. Наиболее целесообразным было признано издание описи, дополненной предметным, именным и географическим указателями. 20 мая 1908 г. в Царском селе императору был представлен и получил одобрение печатный экземпляр первого тома издания. В последующие годы работа продолжалась и была остановлена лишь в связи с событиями 1917 г.[14] В свет вышли 1–12, 15, 16, 19–21 тома[15].

Архив Государственного совета был доступен и для историков. С начала XX в. присутствие исследователей в этом архиве становится постоянным. К 1917 г. в архиве хранилось более 70 тыс. дел, представлявших особую историческую ценность.

В сентябре 1917 г. Библиотека и Архив Государственного совета были переданы вновь образованному Кодификационному отделу при Сенате. 16 октября 1917 г. Архив Государственного совета (в связи с прекращением деятельности Государственного совета) был переименован в Архив Законодательных дел. В 1917 г. к Архиву Государственного совета были присоединены архивы Государственной думы, Комитета и Совета министров[16]. Декретом Совнаркома от 1 июня 1918 г. материалы Архива были включены в Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ), где в составе нынешнего РГИА они образовали группу фондов Государственного совета.

В советское время были составлены описи на неописанные ранее материалы за 1900–1906 гг. и реформированного Государственного совета. В 1950 г. обсуждался вопрос об издании всех описей фондов Государственного совета. ГАУ МВД требовало исключить всякую преемственность с дореволюционным изданием, пересистематизировать заголовки по предметно-вопросному принципу и выделить в макулатуру «не представляющие ценности» дела. Сотрудникам ЦГИАЛ удалось отстоять материалы Государственного совета от экспертизы, а описи от пересистематизации и «идеологически верного» пересоставления заголовков[17]. Проект издания не был осуществлен.

И во время революции, и в дни блокады материалы Государственного совета удалось полностью сохранить. В настоящее время они активно используются.

Архив Государственного совета был создан как типичный ведомственный архив, призванный обслуживать деятельность Государственной канцелярии. На эффективность его работы отрицательно влиял недостаток штатного обеспечения и несовершенство организации регистрационно-справочного аппарата. Но в результате усилий сотрудников (прежде всего, В. И. Нечаева) и руководителей (прежде всего К. А. Висковатого, С. А. Панчулидзева) архива, а также прикомандированных специалистов (Н. В. Калачова, И. Н. Чистовича и А. П. Пятковского) к концу XIX – началу XX в. Архив Государственного совета стал одним из самых благоустроенных архивов России. Он стал во многом выполнять функции исторического архива. Архив внес заметный вклад в публикацию документов нового времени. Его печатные описи стали образцом инвентарных описей. Эти описи входят в состав НСА РГИА и по сей день. Алфавитная картотека архива Государственного совета стала прообразом будущих архивных каталогов и составила основу каталога РГИА.

История Архива Государственного совета занимает важное место в истории архивной мысли и архивного дела в России.

Примечания / Notes

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. 31. № 24064. 01.01.1810; Т. 40. № 30251. 18.02. 1825. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire. In Russ.]. Vol. 31, no. 24064: 01.01.1810; Vol. 40, no. 30251: 18.02.1825.

[2] *Раскин, Д.* Архив Российской империи. Судьба документального наследия высших и центральных учреждений Российской империи. Palmarium Academic Publishing. Saarbrücken. – 2015. – С. 48. RASKIN, D. *Arkhiv Rossiiskoi imperii. Sud'ba dokumental'nogo naslediya vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii* [Archives of the Russian Empire: The fate of the documentary heritage of higher and central institutions of the Russian Empire. In Russ.]. Palmarium Academic Publishing, Saarbrücken, 2015, p. 48.

[3] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1162. Оп. 1 (ОДГС). 1871. Д. 16. Ч. 1. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 1162, series 1 (ODGS): 1871, file 16, p. 1.

[4] *Морозан, О. И.* Формирование справочного аппарата Государственного совета (1810–1917 гг.) // Дела и дни. Труды Российского государственного исторического архива. Вопросы хранения, описания и изучения исторических документов. – СПб.: ТЕЗА, 2004. – С. 37. MOROZAN, O. I. *Formirovanie spravochnogo apparata Gosudarstvennogo soveta (1810–1917 gg.)* [Formation of the State Council's reference apparatus (1810–1917). In Russ.]. IN: *Dela i dni. Trudy Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva. Voprosy khraneniya, opisaniya i izucheniya istoricheskikh dokumentov* [Labours and days: Proceedings of the Russian State Historical Archive. Issues of historical documents storage, description, and study]. St. Petersburg, TEZA publ., 2004, p. 37.

[5] Там же. – С. 38–40. MOROZAN, O. I., 2004, pp. 38–40.

[6] Там же. – С. 37–38. MOROZAN, O. I., 2004, pp. 37–38.

[7] РГИА. Ф. 1162. Оп. 10, 12. RGIA, fond 1162, series 10, 12. *Морозан, О. И.* Указ. соч. – С. 38. MOROZAN, O. I., 2004, p. 38.

[8] *Морозан, О. И.* Указ. соч. – С. 37–38. MOROZAN, O. I., 2004, pp. 37–38.

[9] РГИА. Ф. 1162. Оп. 1 (ОДГС). 1870. Д. 3. Л. 346. RGIA, fond 1162, series 1 (ODGS), 1870, file 3, p. 346.

[10] Там же. Оп. 7. Д. 760. Л. 101, 152. Ibid., series 7, file 760, p. 101.

[11] *Раскин, Д.* Указ. соч. – С. 53–54. RASKIN, D., 2015, pp. 53–54.

[12] РГИА. Ф. 1162. Оп. 1 (ОА). Д. 1. Л. 23–29. RGIA, fond 1162, series 1 (OA), file 1, pp. 23–29.

[13] Там же. Оп. 1 (ОДГС). 1862. Д. 28-а. Ibid., series 1 (ODGS), 1862, file 28-a.

[14] *Морозан, О. И.* Указ. соч. – С. 36–51. MOROSAN, O. I., 2004, pp. 36–51.

[15] Российский государственный исторический архив. Путеводитель. В 4 т. Изд. 2-е, доп. и испр. Т. 1. Фонды высших государственных учреждений. – СПб.: Лики России, 2012. – С. 28. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Putevoditel' v chetyrekh tomakh* [Russian State Historical Archive. Guidebook in 4 vols.]. Vol. 1: *Fondy vysshih gosudarstvennykh uchrezhdenii* [Fonds of higher state institutions. In Russ.]. 2nd ed., add. and rev. St. Petersburg, Liki Rossii publ., 2012, p. 28.

[16] РГИА. Ф. 1162. Оп. 2 (ОЛС). 1917. Д. 6. RGIA, fond 1162, series 2 (OLS). 1917, file 6.

[17] Там же. Ф. Архив архива. Оп. 2. Д. 330. Л. 204–205 об. Ibid., fond Archive of the archive, series 2, file 330, pp. 204–205 verso; Методический кабинет РГИА. Инв. № 823. Л. 5, 27–44. *Metodicheskii kabinet RGIA* [Methodical office of the RGIA], no. 823, pp. 5, 27–44.

Список литературы

Морозан, О. И. Формирование справочного аппарата Государственного совета (1810–1917 гг.) // Дела и дни. Труды Российского государственного исторического архива. Вопросы хранения, описания и изучения исторических документов. – СПб.: ТЕЗА, 2004. – С. 36–51.

Раскин, Д. Архив Российской империи. Судьба документального наследия высших и центральных учреждений Российской империи. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. – 665 с.

References

MOROZAN, O. I. *Formirovanie spravochnogo apparata Gosudarstvennogo soveta (1810–1917 gg.)* [Formation of the State Council's reference apparatus (1810–1917). In Russ.]. IN: *Dela i dni. Trudy Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva. Voprosy khraneniya, opisaniya i izucheniya istoricheskikh dokumentov* [Labours and days: Proceedings of the Russian State Historical Archive. Issues of historical documents storage, description, and study]. St. Petersburg, TEZA publ., 2004, pp. 36–51.

RASKIN D. *Arkhiv Rossiiskoi imperii. Sud'ba dokumental'nogo naslediya vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii* [Archives of the Russian Empire: The fate of the documentary heritage of the higher and central institutions of the Russian Empire. In Russ.]. Palmarium Academic Publishing, Saarbrücken, 2015, 665 p.

Сведения об авторах

Корнева Надежда Михайловна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-905-279-20-26, nadezhdakorneva@mail.ru

Раскин Давид Иосифович, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-911-121-36-78, d.raskin@mail.ru

About the authors

Korneva Nadezda Mikhailovna, PhD in History, St. Petersburg State University, department of Russian history, assistant professor, St. Petersburg, Russian Federation, +7-905-279-20-26, nadezhdakorneva@mail.ru

Raskin David Iosifovich, PhD in History, St. Petersburg State University, professor, St. Petersburg, Russian Federation, +7-911-121-36-78, d.raskin@mail.ru

В редакцию статья поступила 06.09.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Корнева, Н. М., Раскин, Д. И. Из истории архива Государственного совета Российской империи. 1810–2021 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 54–65. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-54-65

Submitted 06.09.2021, published (for citation):

KORNEVA, N. M., RASKIN, D. I. *Iz istorii arkhiva Gosudarstvennogo soveta Rossiiskoi imperii. 1810–2021 gg.* [From the History of the State Council of the Russian Empire: 1810–2021. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 54–65. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-54-65

Научная статья / Scientific article
УДК 93/94:614.83+908+94(470)
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-66-80

Красильникова, Е. И.
Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения РАН, г. Тобольск,
Российская Федерация

Петин, Д. И.
Омский государственный технический университет,
г. Омск, Российская Федерация

Памятник жертвам взрыва 1 августа 1918 г. в Омске: история частной коммеморации в городском мемориальном пространстве

Krasilnikova, Ekaterina I.
Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

Petin, Dmitrii I.
Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

The Monument to the Victims of the Explosion on August 1, 1918 in Omsk: The History of a Private Commemoration in the City Memorial Space

Аннотация
Вниманию читателей представлено исследование, посвященное неизученному сибирскому памятнику, связанному с периодом Гражданской войны в России, который утрачен к настоящему времени. Актуальность исследования обусловлена недостаточным научным осмыслением специфики развития мемориальной культуры Сибири на этом сложном историческом этапе и ее непрекращающимся влиянием на современные мемориальные процессы. Возникновение и существование памятника жертвам взрыва боеприпасов

1 августа 1918 г. в Омске прослеживается в контексте тенденций развития российской мемориальной культуры и мемориального пространства сибирских городов. Авторами устанавливается происхождение монумента и выясняется его дальнейшая судьба вплоть до исчезновения. Интерпретация этих событий осуществляется с учетом контекстов общих тенденций государственной политики памяти советской эпохи и особенностей обустройства городской среды в этот период. Основными источниками исследования послужили преимущественно впервые вводимые авторами в научный оборот и представляющие особую ценность неопубликованные документы и фото (в том числе из частных коллекций). Данное исследование выполнено в ориентире на проблемное поле "Memory Studies", в рамках которого изучаются проблемы культурной памяти, ее становления, развития и трансформаций под воздействием различных факторов. В исследовании также применены биографический и проблемно-исторический методы. Данная теоретическая совокупность позволила, насколько это оказалось возможным, максимально интерпретировать существование в течение полувека в Омске памятника, установленного в частном инициативном порядке, при этом увязывая появление монумента с конкретно-исторической обстановкой. Данная публикация может представлять интерес для специалистов в области культурной и исторической памяти, исследователей городского культурного пространства, Гражданской войны в Сибири, городской повседневности и омского краеведения.

Abstract

The study presented to the readers is devoted to an unstudied Siberian monument associated with the period of the Civil War and long since lost. The relevance of the study is due to a rather weak scientific understanding of specifics of the development of memorial culture in Siberia at this difficult historical stage and of its ongoing influence on the modern memorial processes. The emergence and existence of the monument to the victims of an ammunition explosion on August 1, 1918 in Omsk has been traced within the frameworks of development of the Russian memorial culture and memorial space in the Siberian cities. The authors establish the monument's origin and its fate up to its disappearance. To interpret these events, general trends in the Soviet era state policy of memory and peculiarities of the urban environment of the period are taken into account. The main sources are valuable and mostly unpublished documents and photos (including those from private collections), which are being thus introduced into scientific use. The study orients to the problem field of memory studies; it addresses problems of cultural memory, its formation,

development, and transformations under the influence of various factors. It also uses biographical and problem-historical methods. This theoretical complex permits to interpret the half century existence in Omsk of a monument erected on a private initiative, while linking its appearance to the particular historical situation. The publication may be of interest to specialists in the field of cultural and historical memory, researchers of urban cultural space, Civil War in Siberia, urban everyday life, and Omsk local history.

Ключевые слова
Исторические источники, мемориальное пространство, коммеморация, памятник, Омская железная дорога, Гражданская война в России, белый Омск.

Keywords
Historical sources, memorial space, commemoration, monument, Omsk Railway, Civil War in Russia, White Omsk.

В наши дни один из трендов гуманитарных наук – исследования мемориальной культуры и культуры памяти. Но на примерах российских провинций эта проблематика изучена весьма слабо. Между тем, при отсутствии ретроспективного взгляда на коммеморативные практики и иные явления современной мемориальной культуры ее интерпретации зачастую поверхностны. Поэтому актуально обращение к генезису явлений мемориальной культуры и на уровне отдельных примеров, и на уровне общих тенденций тех или иных исторических этапов. Особо интересны мемориальные процессы, протекавшие на фоне переломных эпох, когда возникали длительно живущие исторические мифы и коммеморативные практики, связанные с самосознанием различных сообществ, составляющих современное российское общество. Таков этап Гражданской войны (1918–1922 гг.). Память о ней в Сибири постоянно актуализируется. Но соответствующие мемориальные процессы сложны и неоднозначны, что подтверждает ряд отдельных коммемораций.

Цель исследования – проследить историю памятника жертвам взрыва в Омске 1 августа 1918 г. как части городского мемориального пространства. В задачи исследования входит:

установить происхождение памятника, выяснить его дальнейшую судьбу вплоть до исчезновения; интерпретировать его историю в контексте общих тенденций государственной политики памяти советской эпохи и особенностей культуры памяти России XX в.

Методологически исследование ориентировано на проблемное поле Memory Studies. Мы различаем социальную память (кратковременно бытует в устном нарративе) и культурную память (длительно живет и актуализируется через фиксации в знаково-символической форме)[1]. Одной из возможных знаково-символических систем мемориальной культуры представляется городское мемориальное пространство. Мы определяем его как систему памятных мест и связанных с ними коммеморативных практик, состоящую из исторически локализованных символических элементов, которые особым образом функционируют в пространственно-временных координатах города. Развитие мемориального пространства зависит от политики памяти как итога деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение представлений о коллективном прошлом и на формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры[2]. Политика памяти предписывает не только память, но и забвение – образование пробелов в коллективной памяти.

История мемориальных символов и коммеморативных практик в культурном пространстве городов Западной Сибири во многом изучена[3]. Но из внимания историков выпал памятник жертвам взрыва в Омске 1 августа 1918 г., равно как и сама трагедия не отражена в историографии. Единственная фиксация памятника – снимок Валерия Алексеевича Голубева (1946 г. р.), сделанный летом 1965 г. вместе с другими фото омских кварталов южной части центра Омска.

По материалам следственного дела 1 августа (19 июля ст. ст.) 1918 г. на грузовом дворе Омской железнодорожной ветки (с 1953 г. сквер им. 30-летия ВЛКСМ) напротив здания Управления Омской железной дороги (далее – ОмЖД, ныне ОмГУПС) при разгрузке конвоируемыми военнопленными Первой мировой войны боеприпасов из-за халатности взорвались порох и снаряды. От пожара и разрушений

Фото 1. Грузовой двор Омской городской железнодорожной ветки после взрыва. 1–2 августа 1918 г. Из фондов ОГИКМ
The cargo yard of the Omsk city railway line after the explosion. August 1–2, 1918. From the fonds of the Omsk Museum of Local History

пострадали окрестности (фото 1). Значительны были человеческие жертвы: не менее 26 погибших (5 тел не идентифицированы), 18 тяжело раненых, 66 легко раненых. За отсутствием состава преступления Омский окружной суд прекратил следствие в мае 1919 г.[4]

Среди погибших 1 августа 1918 г. были сыновья жителя села Любарского Базорской волости Овручского уезда Волынской губернии Павла Федоровича Косарчука – 10-летний Петр и 7-летний Федор, чьи тела, опознанные родными, распоряжением коменданта Омска 2 августа 1918 г. выдали из анатомического покоя Омской городской больницы для похорон. По актовой записи, в метрической книге Свято-Параскевиевской церкви Омска от 3 августа (21 июля ст. ст.) 1918 г. прах мальчиков (в документе причина смерти – «убиты снарядами на городской ветке») предали земле на Казачьем кладбище[5] (могила утрачена, некрополь снесен к 1980 г.[6]).

Выясняя, кем были погибшие дети, обратимся к истории Омска 1910-х гг., когда население города резко выросло за счет переселенцев с запада России[7]. Украинцы Косарчуки, ища лучшей доли, оказались в 1909 г. в Томске, а с 1915 г. – в Омске. Глава семьи служил чертежником, старшим счетоводом в Управлении ОмЖД, с ноября 1917 г. заведуя отделом управления Службы пути, примкнул к РСДРП(б). В июне 1918 г. воевал с белочехами под Марьяновкой. С уходом советских сил большевик Косарчук продолжил работу в Управлении ОмЖД до начала 1919 г. Был арестован белыми властями, но смог бежать. До 1922 г. состоял на военной службе – в партизанских отрядах, в РККА; позднее был на советской руководящей и хозяйственной работе (в том числе в Рабоче-Крестьянской инспекции (РКИ), Прокуратуре). Проживал и работал в Омске на 1943 г.[8]

Надпись на памятнике сделана на орфографии пореформенного периода (с буквой ять, но без буквы ер): «Здѣсь покоятся дѣти ПЕТЯ 10 лѣт [и] ФЕДЯ 7 лѣт КОСАРЧУК. Убиты взрывом близ Управл.[ения] Омск.[ой] ж.[елезной] дор.[оги] 1го августа 1918 года. Спите дорогие дѣти[,] жертва судьбы» (фото 2). Со слов В. А. Голубева, памятник – неровный прямоугольник из тесаного светлого камня высотой ≈ 1,5 м – располагался в сквере (≈ 160 м от места взрыва) в 25–35 м на

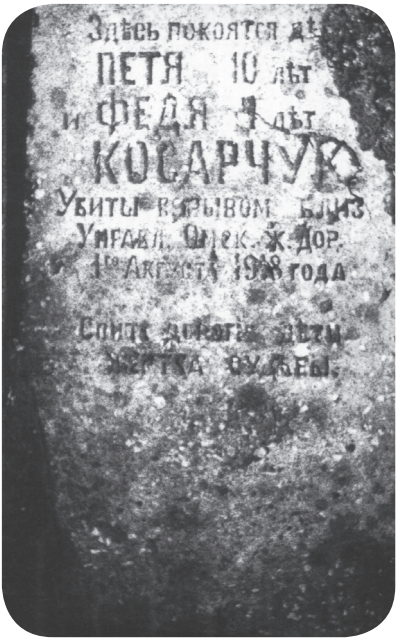


Фото 2. Памятник братьям Косарчукам. Июль 1965 г. Предоставлено В. А. Голубевым.
Monument to brothers Kosarchuk. July 1965. Courtesy of V. A. Golubev

Фото 3. Здание Управления ОмЖД. 1927 г.
Из фондов ИАОО
Building of the Office of the Omsk Railway. 1927.
From the funds IAOO

северо-запад от бывшего здания Управления ОмЖД (тогда ОмИИЖТ). Актовая запись дает основание считать, что это был кенотаф на месте гибели братьев Косарчуков. Однако начало надписи на плите характерно для памятника на могиле.

На другом снимке близ того же здания зимой 1927 г. виден схожий по очертаниям объект, возле него – предметы, напоминающие венок и корзину (фото 3). Соотнося источники, мы полагаем, что памятник стоял полвека, и был удален при благоустройстве сквера вуза в конце 1960-х гг. (тогда этот район Омска уже не был окраиной, а за памятником некому было ухаживать). Хотя знак относился к событиям Гражданской войны, но он едва ли воспринимался как революционная коммеморация и не вписывался в концепцию города-сада, популярную у омских градостроителей.

Исторический некрополь Западной Сибири периода Гражданской войны исследован на сегодня, в основном, по метрическим книгам храмов и прессе[9]. Кладбищ тех лет в регионе почти нет. Не было до сих пор известно и памятников-кенотафов в местах гибели людей. В городах Западной Сибири

частные мемориальные инициативы вполне могли быть, но следы их затерялись. Памятники размещались обычно на кладбищах, сохраняясь до сноса последних. В публичном городском пространстве коммеморации возникали как инициатива местных властей, реализовывавших советскую политику памяти. В начале 1920-х гг. в городах Западной Сибири интенсивно формировались сегменты мемориального пространства, увековечивавшие местные военно-революционные события в большевистской версии их восприятия. Важнейшими памятными местами стали братские могилы «жертв колчаковщины», где устанавливались памятники, выражавшие революционные идеи аллегориями и отвлеченными от конкретных событий символами[10].

Во второй половине 1920-х гг. краеведы в регионе выявляли иные памятные места, связанные с событиями 1917–1919 гг.: здания, где провозглашалась советская власть, происходили бои, белый террор и т. п. Их маркировали, активно используя в коммеморативных практиках, формировавших и закреплявших в сознании граждан определенную версию событий «смуты XX в.». Памятные места выделяли в опоре на субъективные воспоминания участников событий. В итоге, память о многих ярких событиях в административных центрах Западной Сибири могла не актуализироваться в мемориальных символах городского пространства.

Во второй половине 1920-х гг. известны омские примеры частных, народных мемориальных инициатив – памятник жертвам боев под Марьяновкой (заложен в 1922 г. рабочими на Монастырском кладбище) или памятник 13 жертвам белогвардейцев (воздвигнут железнодорожниками в двух верстах от вокзала без помощи инженера и скульптора)[11]. Коммеморации этого этапа еще отражали свежую, эмоционально окрашенную память о недавнем кровопролитии, отвечая восприятию Сибири как «главного нерва» Гражданской войны. Полагаем, что вероятное время установки памятника братьям Косарчукам – первая половина 1920-х гг.

На этапе конца 1920-х – середины 1960-х гг. власти уделяли гораздо меньше внимания военно-революционным памятникам, связанным с локальными событиями, а общество неиз-

бежно отвыкало видеть ценность в памятниках, связанных лишь с региональным прошлым. Тогда повсюду увековечивали память о пребывании в Сибири «вождей» в статусе революционных деятелей и ссыльных. Новых памятников местным героям и жертвам революции почти не ставили, а имевшиеся приводили в порядок лишь к юбилеям «освобождения от колчаковщины». На этом фоне частная коммеморация в память о братьях Косарчуках существовала, не вызывая интереса властей.

Исчезновение кенотафа в конце 1960-х гг. объяснимо обстоятельствами нового этапа политики памяти в условиях частичной десталинизации, сопряженного с бумом краеведения под эгидой Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в чьей борьбе за сохранение памятников имелись сложности. У самих защитников памятников не было четких критериев определения их значимости. Потенциальный памятник должен был иметь историческую ценность (под ней обычно понимали связь с революцией или с исконной культурой народов СССР). И то, и другое могли объекту приписать, как и не заметить вовсе. Также памятники постоянно находились под угрозой сектора ЖКХ, не считавшегося с доводами заступников объектов старины. Черта времени – часто поверхностно-формальное изучение истории памятных мест их защитниками, видимо, проявившееся в данном случае. Судьба кенотафа могла стать иной, если бы защитники памятников признали его ценность, выявив, например, связь отца погибших детей с боями под Марьяновкой, партизанским движением, в итоге остановив коммунальщиков.

Памятник братьям Косарчукам – редкое явление российской мемориальной культуры первой трети XX в. Даже обнаружение его фото – весомая удача. Сегодня подобные частные коммеморации привычны. В местах повышенной опасности (автотрассы, горные тропы и т. п.) часто встречаются могильные кресты и венки – знаки того, что здесь погиб человек, а его близкие создали этот незамысловатый мемориал, превращающий, говоря словами А. Ассман, нейтральное «пространство» в «место»[12], что хранит историю трагедии, предупреждая об опасности.

Придорожные коммеморации распространились в СССР с 1960-х гг. с развитием транспорта, субкультуры автостопа и дальнобойщиков. Но частная коммеморативная практика маркировать места гибели людей в городах восходит к XIX в. – эпохе дуэлей[13]. Сегодня известны стихийные мемориалы в местах терактов, громких убийств. При поддержке властями отдельные из инициатив стали постоянными. Ряд коммемораций недолго сохраняется как частная «достройка» к официальным системам мемориального пространства, объединенным некой идеологией, либо составляют им альтернативу. Вынос частной коммеморации (памятного камня, таблички) за пределы некрополя – знак широкого общественного резонанса трагедии.

Памятник братьям Косарчукам – одновременно традиционный и революционный. Ставя его в публичном пространстве вне кладбища, близкие Пети и Феди, видимо, хотели, чтобы погибших детей вспоминали не только знакомые в поминальные дни, а постоянно, в том числе, чужие люди, кому пояснялись бы обстоятельства трагедии. Форма памятника и надпись на нем отвечали дореволюционным образцам. То, что под камнем не было останков, а надпись гласила «здесь покоятся» говорит, на наш взгляд, о том, что у омичей еще не было «формата» для таких знаков, поэтому внешне он схож с обычной могилой. Революционным в культурном смысле было размещение по примеру официальных советских памятников в людном месте, где случился взрыв, который сами коммемораторы сочли громким событием, не соглашаясь, быть может, с итогами следствия. Установке памятника мог способствовать социальный статус советского работника П. Ф. Косарчука.

Родители погибших детей вряд ли стремились создать в сознании масс память о трагедии с идеологическим смыслом. Им хотелось, чтобы омичи помнили невинных «жертв судьбы» (не «жертв колчаковщины / Гражданской войны»). Памятник мог иметь для родителей психотерапевтическое значение, создав иллюзию неполного исчезновения из их жизни детей.

Трудно понять отношение коммемораторов к государственной политике памяти. Подражали ли они властям, актив-

но увековечивавших память о героях Гражданской войны в мемориальном пространстве города? Брали ли на себя инициативу в деле «достраивания» большевистской системы памятных мест Омска, которым явно не хватало конкретных имен и указаний на конкретные события? А быть может, намеренно возвели кенотаф, как альтернативу официозным знакам, увековечивавшим лишь память о героях, а не о случайных жертвах войны из числа гражданских лиц.

Отношение местных властей к памятнику братьям Косарчукам было невнятным. Знак на окраине Омска не противоречил государственной политике памяти и формированию мемориального пространства, но для власти было неявно значение объекта. Уцелел он случайно. А затем при случайном же его сносе Омск утратил место памяти, очеловечивавшее схематичную трансляцию представлений о Гражданской войне и наполнявшее пространство города на примере трагедии конкретных людей ценностными смыслами.

Примечания / Notes

[1] *Ассман, А.* Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: НЛО, 2016. – С. 24–26. ASSMAN, A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New Dissatisfaction with the Memorial Culture. In Russ.]. Moscow, NLO publ., 2016, pp. 24–26.

[2] *Малинова, О. Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 33. MALINOVA, O. Yu. *Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki* [The politics of memory as an area of symbolic politics. In Russ.]. IN: *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the policy of memory. In Russ.]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2018, p. 33.

[3] *Вибе, П. П.* Монументальная история Омска: загадки и новые открытия. – Омск: ОГИКМ, 2019. – 68 с. VIBE, P. P. *Monumental'naya istoriya Omska: zagadki i novye otkrytiya* [Monumental History of Omsk: Riddles and New Discoveries. In Russ.]. Omsk, OGIKM publ., 2019, 68 p.; *Рыженко, В. Г., Демьянов, К. В., Наумов, С. С.* Специфика «железнодорожных» сегментов культурного пространства крупного сибирского города (конец XX – начало XXI века): топонимические признаки и памятная символика // Преподаватель XXI в. – 2019. – № 1–2. – С. 249–259. RYZHENKO, V. G., DEMYANOV, K. V., NAUMOV, S. S. *Spetsifika "zheleznodorozhnykh" segmentov kul'turnogo prostranstva krupnogo sibirskogo goroda (konets XX –*

nachalo XXI veka): toponimicheskie priznaki i pamyatnaya simvolika [Specificity of the "railway" segments in the cultural space of a large Siberian city (the turn of the 21st century): Toponymic signs and commemorative symbols. In Russ.]. IN: *Prepodavatel' XXI v.*, 2019, no. 1–2, pp. 249–259; *Красильникова, Е. И.* Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). – Новосибирск: НГТУ, 2015. – 572 с. KRASILNIKOVA, E. I. *Pomnit' nel'zya zabyt'... Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoi Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember (not) forget ... Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid 1941). In Russ.]. Novosibirsk, NSTU publ., 2015, 572 p.

[4] Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 187. Л. 10–15, 22, 27–30, 54 об., 77 об.–78, 99, 109, 139 об., 142 об., 149–151 об. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [Historical Archive of the Omsk Region], fond R-346, series 1, file 187, pp. 10–15, 22, 27–30, 54 verso, 77 verso–78, 99, 109, 139 verso, 142 verso, 149–151 verso; Заря. – 1918. – 29 августа. *Zarya*, August 29, 1918.

[5] ИАОО. Ф. Р–346. Оп. 1. Д. 187. Л. 22–22 об.; Ф. 16. Оп. 6. Д. 1382. Л. 621 об.–622; fond 16, series 6, file 1382, pp. 621 verso–622; IAOO, fond R-346, series 1, file 187, pp. 22–22 verso.

[6] Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. – Омск: Омский дом печати, 2005. – С. 23. *Omskii nekropol'. Ischeznuvshie kladbishcha* [The Omsk necropolis: Its disappeared cemeteries. In Russ.]. Omsk, Omskii dom pechati publ., 2005, p. 23.

[7] *Кокоулин, В. Г.* Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). – Новосибирск: Офсет, 2013. – С. 186. KOKOULIN, V. G. *Povsednevnaya zhizn' gorozhan Sibiri v voenno-revolyutsionnye gody (iyul' 1914 – mart 1921 g.)* [Daily Life of the Citizens of Siberia in the Wartime and in the Revolutionary Years (July 1914 – March 1921). In Russ.]. Novosibirsk, Ofset publ., 2013, p. 186.

[8] ИАОО. Ф. П-17. Оп. 48. Д. 485. Л. 1; Ф. Р-437. Оп. 18. Д. 17. Л. 153–160; Ф. Р-1396. Оп. 2. Д. 307. Л. 1–7. IAOO, fond P-17, series 48, file 485, p. 1; fond R-437, series 18, file 17, pp. 153–160; fond R-1396, series 2, file 307, pp. 1–7.

[9] *Сушко, А. В.* Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 30–38. SUSHKO, A. V. *Istoriko-antropologicheskoe ponimanie proshlogo: k izdaniyu v Omske martirologa zhertvam Grazhdanskoi voiny* [Historical and Anthropological Understanding of the Past: Concering the Omsk Publication of the Civil War Victims Martyrology. In Russ.]. IN: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 30–38.

[10] Об этом см.: *Красильникова, Е. И.* Помнить нельзя забыть... С. 91–187. KRASILNIKOVA, E. I., 2015, pp. 91–187.

[11] ИАОО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 418. Л. 2 об.–4 об. IAOO, fond P-19, series 1, file 418, pp. 2 verso – 4 verso.

[12] ASSMAN, A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel. IN: Memory Studies, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 287–300.

[13] *Лурье, В. Ф.* Эстетика памяти смерти. О неофициальных памятниках Санкт-Петербурга // 60 параллель. – 2010. – № 1. – С. 66–71. LURIE, V. F. *Estetika pamyati smerti. O neofitsial'nykh pamyatnikakh Sankt-Peterburga* [Aesthetics of the memory of death: Unofficial monuments of St. Petersburg. In Russ.]. IN: *60 parallel'*, 2010, no. 1, pp. 66–71.

Список литературы

Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: НЛО, 2016. – 232 с.

Вибе, П. П. Монументальная история Омска: загадки и новые открытия. – Омск: ОГИКМ, 2019. – 68 с.

Кокоулин, В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). – Новосибирск: Офсет, 2013. – 386 с.

Красильникова, Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). – Новосибирск: НГТУ, 2015. – 572 с.

Лурье, В. Ф. Эстетика памяти смерти. О неофициальных памятниках Санкт-Петербурга // 60 параллель. – 2010. – № 1. – С. 66–71.

Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 27–53.

Рыженко, В. Г., Демьянов, К. В., Наумов, С. С. Специфика «железнодорожных» сегментов культурного пространства крупного сибирского города (конец XX – начало XXI века): топонимические признаки и памятная символика // Преподаватель XXI в. – 2019. – № 1–2. – С. 249–259.

Сушко, А. В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 30–38.

Assman, A. One Land and Three Narratives: Palestinian sites of memory in Israel. IN: Memory Studies, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 287–300.

References

ASSMAN, A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New Dissatisfaction with the Memorial Culture. In Russ.]. Moscow, NLO publ., 2016, 232 p.

KOKOULIN, V. G. *Povsednevnaya zhizn' gorozhan Sibiri v voenno-revolyutsionnye gody (iyul' 1914 – mart 1921 g.)* [Daily Life of the Citizens of Siberia in the Wartime and in the Revolutionary Years (July 1914 – March 1921). In Russ.]. Novosibirsk, Ofset publ., 2013, 386 p.

KRASILNIKOVA, E. I. *Pomnit' nel'zya zabyt'... Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoi Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember (not) forget ... Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid 1941). In Russ.]. Novosibirsk, NSTU publ., 2015, 572 p.

LURIE, V. F. *Estetika pamyati smerti. O neofitsial'nykh pamyatnikakh Sankt-Peterburga* [Aesthetics of the memory of death: Unofficial monuments of St. Petersburg. In Russ.]. IN: *60 parallel'*, 2010, no. 1, pp. 66–71.

MALINOVA, O. Yu. *Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki* [The politics of memory as an area of symbolic politics. In Russ.]. IN: *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the policy of memory. In Russ.]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2018, pp. 27–53.

RYZHENKO, V. G., DEMYANOV, K. V., NAUMOV, S. S. *Spetsifika "zheleznodorozhnykh" segmentov kul'turnogo prostranstva krupnogo sibirskogo goroda (konets XX – nachalo XXI veka): toponimicheskiye priznaki i pamyatnaya simvolika* [Specificity of the "railway" segments in the cultural space of a large Siberian city (the turn of the 21st century): Toponymic signs and commemorative symbols . In Russ.]. IN: *Prepodavatel' XXI v.*, 2019, no. 1–2, pp. 249–259.

SUSHKO, A. V. *Istoriko-antropologicheskoe ponimanie proshlogo: k izdaniyu v Omske martirologa zhertvam Grazhdanskoi voiny* [Historical and Anthropological Understanding of the Past: Concering the Omsk Publication of the Civil War Victims Martyrology. In Russ.]. IN: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 30–38.

VIBE, P. P. *Monumental'naya istoriya Omska: zagadki i novye otkrytiya* [Monumental History of Omsk: Riddles and New Discoveries. In Russ.]. Omsk, OGIKM publ., 2019, 68 p.

ASSMAN, A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel. IN: Memory Studies, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 287–300.

Сведения об авторах

Красильникова Екатерина Ивановна, доктор исторических наук, Российская академия наук, Уральское отделение РАН, Тобольская комплексная научная станция, ведущий научный сотрудник, г. Тобольск, Российская Федерация, 8-903-905-46-20, katrina97@yandex.ru

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, Омский государственный технический университет, кафедра истории, философии и социальных коммуникаций, доцент, г. Омск, Российская Федерация, 8-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru

About the authors

Krasilnikova Ekaterina Ivanovna, PhD in History, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk Complex Scientific Station, leading researcher, Tobolsk, Russian Federation, +7-903-905-46-20, katrina97@yandex.ru

Petin Dmitrii Igorevich, PhD in History, Omsk State Technical University, department of history, philosophy, and social communications, assistant professor, Omsk, Russian Federation, +7-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru

В редакцию статья поступила 18.08.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Красильникова, Е. И., Петин, Д. И. Памятник жертвам взрыва 1 августа 1918 г. в Омске: история частной коммеморации в городском мемориальном пространстве // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 66–80. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-66-80

Submitted 18.08.2021, published (for citation):

KRASILNIKOVA, E. I., PETIN, D. I. *Pamyatnik zhertvam vzryva 1 avgusta 1918 g. v Omske: istoriya chastnoi kommemoratsii v gorodskom memorial'nom prostranstve* [The Monument to the Victims of the Explosion on August 1, 1918 in Omsk: The History of a Private Commemoration in the City Memorial Space. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 66–80. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-66-80

Научная статья / Scientific article
УДК 930.253+94(47)+82-6
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-81-97

Голдин, В. И.
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

Н. В. Чайковский и А. И. Деникин: диалог, сотрудничество и противоречия лидеров антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. По страницам документов российских и зарубежных архивов

Goldin, Vladislav I.
M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
Arkhangelsk, Russian Federation

N. V. Tchaikovsky and A. I. Denikin: Dialogue, Collaboration, and Controversy of the Anti-Bolshevik Movement Leaders in the Days of the Civil War in Russia: Documents from Russian and Foreign Archives

Аннотация
В статье представлена деятельность в годы Гражданской войны лидеров антибольшевистского движения на Севере России Н. В. Чайковского и на Юге – генерала А. И. Деникина. Объектом и целью исследования является выяснение посредством анализа архивных документов характера взаимоотношений двух лидеров, диалога, сотрудничества и противоречий во взглядах на государственное строительство, особенностей взаимоотношений подчиненной им военной и гражданской власти, отношений с иностранными союзниками. Основной массив исследуемых документов составляют документальные коллекции бывшего Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, переданные в Москву в 1946 г. и хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ): личные фонды Н. В. Чайковского и А. И. Деникина,

материалы «Общества северян». Содержится анализ письма Н. В. Чайковского А. И. Деникину (апрель 1919 г.) с характеристикой организации власти в Северной области, взаимоотношений военных, в том числе главнокомандования Антанты и правительства Северной области. Анализируются документы, характеризующие взгляды Н. В. Чайковского на развитие политических процессов на Юге России в период его пребывания в Париже и работы в составе Русской политической делегации Русского политического совещания, на взаимоотношения Белого движения с национальностями, а также попытка Н. В. Чайковского посредством встречи с польским лидером Ю. Пилсудским создать военный союз генерала А. И. Деникина и Польши. Оценивается участие Н. В. Чайковского в составе Южнорусского правительства в 1920 г., анализируются документы, характеризующие его взаимоотношения с А. И. Деникиным в этот период. Н. В. Чайковский декларировал проведение в жизнь «среднего» курса, балансируя между «правыми» и «левыми», уравновешивая гражданскую и военную власть, демонстрируя ее демократичность и стремясь заручиться поддержкой значительной или даже большей части населения, в свою очередь А. И. Деникин был сторонником военной диктатуры. Оба эти подхода не принесли успеха антибольшевистскому движению в Гражданской войне в России. Но выявление и введение в научный оборот документов этих лидеров антибольшевистского движения в России важно для более глубокого понимания его истории.

Abstract

The article addresses the activities of the anti-Bolshevik movement leaders, N. V. Tchaikovsky in the North and General A.I. Denikin in the South of Russia in the days of the Civil War. The object and aim of the research is to analyze their relations, dialogue, collaboration, and contradicting views on state building, interrelations of civil and military powers, relations with the foreign allies by studying archival documents. Most of the studied documents are from the documentary collections of the former Russian Historical Archive Abroad in Prague transferred in 1946 to Moscow and now mostly stored in the State Archive of the Russian Federation: personal provenance fonds of N. V. Tchaikovsky and A. I. Denikin, documentary collection of the “Society of Northerners.” The article analyzes a long letter written by Tchaikovsky and addressed to Denikin (April 1919), where he assesses the organization of power in the Northern Region, relations of the military, including foreign allies and Commander-in-Chief of the Entente forces, with the government of the Northern Region. It presents documents on Tchaikovsky’s views on

the political process in South Russia at the time when he was a member of the Russian Political Delegation of the Russian Political Conference in Paris; on relations of the White movement with nationalities. The article highlights Tchaikovsky's meeting with the Polish leader Josef Pilsudski in an attempt to organize a military alliance of Denikin's forces with Poland. It assesses Tchaikovsky's participation in the South Russian Government in 1920 and his relations with General Denikin at the same period. Tchaikovsky sought to implement a "middle" course, balancing the "left" and the "right" fractions, civil and military powers; to demonstrate democratic nature of the Government; and to gain support of a considerable part of the population, while General Denikin was in favor of military dictatorship. Neither approach brought success to the anti-Bolshevik movement in the Civil War. However, identifying and introducing into scientific use documents of these two leaders of the anti-Bolshevik movement is important for proper understanding of its history.

Ключевые слова
Архив, исторические источники, антибольшевистское движение, Гражданская война в России, Н. В. Чайковский, А. И. Деникин, Северная область, Вооруженные силы Юга России, Русское политическое совещание.

Keywords
Archive, historical sources, anti-Bolshevik movement, Civil War in Russia, N.V. Tchaikovsky, A.I. Denikin, Northern Region, Armed Forces of the South of Russia, Russian Political Conference.

Столетие событий Гражданской войны в России актуализировало эту научную проблематику. Вышла в свет Энциклопедия Гражданской войны в России в трех томах[1], завершается работа над XII томом (в двух книгах) 20-томной академической «Истории России». К изучению этой темы обращались как советские историки[2], так и современные исследователи[3]. Среди проблем, нуждающихся в дальнейшем осмыслении, находится противоречивая история эволюции антибольшевистского движения в России в условиях Гражданской войны в стране, причины, обусловившие его крах. Одной из важных страниц движения являются взаимоотношения его лидеров, их попытки осмыслить опыт своей деятельности и наладить взаимодействие друг с другом. Это и рассматривается в статье на основе архивных документов.

Целью этой статьи является анализ взаимоотношений Белого Юга и Севера в контексте диалога и попыток сотрудничества их лидеров – председателя Верховного управления, а затем Временного правительства Северной области Николая Васильевича Чайковского и командующего Добровольческой армией, позднее ее Верховного руководителя и главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерала Антона Ивановича Деникина. Первые попытки реконструировать и представить эти отношения были предприняты в книге С. П. Мельгунова об Н. В. Чайковском[4] и в «Очерках Русской Смуты» А. И. Деникина[5]. В дальнейшем эта тема находила лишь фрагментарное освещение в некоторых работах по истории Гражданской войны в России и в исследованиях, посвященных Н. В. Чайковскому[6].

Для решения цели, поставленной в статье, привлечены архивные документы из коллекций бывшего Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, переданные в 1946 г. в Москву и рассредоточенные в ряде российских исторических архивов и прежде всего находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Особую ценность и значение имели материалы фонда Н. В. Чайковского (Ф. Р-5805 – 632 единицы хранения), фонда А. И. Деникина (Ф. Р-5827 – 637 единиц хранения), «Общества северян» (Ф. Р-5667 – 125 единиц хранения).

Первая попытка создания Северного фронта антибольшевистской борьбы в России и налаживания его взаимодействия с Белым Югом относится к декабрю 1917 г., когда на Дон к генералу Л. Г. Корнилову приезжал из Петрограда после предварительных переговоров в столице с английскими и французскими дипломатами руководитель одной из антисоветских организаций, правый журналист и издатель Е. П. Семёнов. Свидетельства об этой поездке и переговорах сохранились в архивной коллекции «Общества северян» из РЗИА. Доклад, представленный Е. П. Семёновым 16 декабря 1917 г. группе генералов во главе с М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым, был одобрен, и он был уполномочен настаивать перед союзными дипломатами о скорейшем проведении в жизнь проекта создания Северного фронта[7].

Реальные действия по осуществлению интервенции на Север развернулись весной – летом 1918 г. После вооруженного вторжения войск Антанты в Архангельск и падения советской власти 2 августа 1918 г. было создано Верховное управление Северной области (ВУСО) во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским, состоявшее в большинстве своем из эсеров. Вслед за этим в августе 1918 г. в Архангельск прибыла делегация Добровольческой армии, Верховным руководителем которой был в это время генерал М. В. Алексеев, а командующим – генерал А. И. Деникин. Целью поездки было выяснение политического положения в Северной области и налаживание сотрудничества с британским генералом Ф. К. Пулем, главнокомандующим вооруженными силами Антанты в России.

Руководитель миссии с Дона К. А. Половцов провел переговоры с французским посланником Дульсэ и направил 25 августа развернутую записку по их результатам генералу Ф. К. Пулю. В дальнейшем этот документ поступил в Лондон, к российскому послу К. Д. Набокову, который отправил его в копии с комментариями послу в Париже В. А. Маклакову. Этот документ хранится в настоящее время в Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) в Москве и позволяет понять всю противоречивость отношений между различными группировками российского антибольшевистского движения, дипломатами и главнокомандованием интервентов в России. Если говорить о сути этих противоречий, то они касались переговоров, происходивших летом 1918 г. в Москве между дипломатами стран Антанты и представителями различных антисоветских группировок в отношении формирования и состава будущего правительства в России, и оценки ситуации, которая сложилась в августе 1918 г. в Архангельске и в России в целом.

В записке К. А. Половцова указывалось, что перед выездом в Архангельск предполагалось, что «главнокомандующий союзными войсками олицетворяет в себе как военную, так и гражданскую власть в занятой союзными войсками местности». «Теперь выяснилось, – писал К. А. Половцов Ф. К. Пулю, – что посольства союзных держав касаются

и даже, быть может, направляют политическую жизнь занятой территории». Эмиссар Белого Юга России выражал удивление и недовольство созданием на Севере ВУСО, состоявшего из умеренных социалистов, заявив «о самочинном и беспочвенном возникновении настоящего правительства», которое «является узко партийным и далеко не отвечает настроению большей части населения». Одобрив высказанное французским дипломатом мнение, что «в будущем предполагается передать диктаторскую власть Алексееву», К. А. Половцов выразил непонимание, как будет сочетаться с ним правительство, существующее в Архангельске[8].

Подобные суждения, высказанные представителем Белого Юга, вполне разделял генерал Ф. К. Пуль, не считавшийся с социалистами из ВУСО. Произошедший 6 сентября 1918 г. в Архангельске правый переворот, арест большей части его членов с отправкой на Соловецкие острова, происходил при несомненной поддержке интервентов. И хотя под давлением дипломатического корпуса арестованные были возвращены в Архангельск, но продолжить свою деятельность ВУСО оказалось уже не в состоянии, и 7 октября 1918 г. был сформирован орган власти под более скромным названием – Временное правительство Северной области (ВПСО). Н. В. Чайковский, сохранивший председательство, оказался в нем уже единственным социалистом. Анализ документов этого правительства свидетельствовал о намерении «поступиться местными и классовыми интересами» ради совместной работы с союзниками и стремлении проводить «средний» курс, балансируя между «правыми» и «левыми».

8 октября 1918 г. в Екатеринодаре умер генерал М. В. Алексеев и Верховным руководителем Добровольческой армии стал генерал А. И. Деникин, остававшийся и ее командующим. Н. В. Чайковский, в свою очередь, был избран еще в конце сентября на Государственном совещании в Уфе в состав учрежденной Директории – Временного Всероссийского правительства. Но выехать в Уфу он не сумел, т. к. 9 октября 1918 г. Директория покинула этот город под угрозой его захвата Красной армией и переехала в Омск, где в ночь на 18 ноября утратила власть в результате переворота. Это вызвало

негативную реакцию Н. В. Чайковского, который в середине декабря направил личное послание на имя адмирала А. В. Колчака и представителей союзных держав, осуждавшее события в Омске, заявив об отказе подчиниться новой диктаторской власти.

В этих условиях Н. В. Чайковский пытался наладить отношения с генералом А. И. Деникиным. Этому способствовало и то, что в конце января 1919 г. он покинул Архангельск, сохранив председательство в ВПСО, и выехал в Париж для участия в работе Русского политического совещания. Оно призвано было объединить антибольшевистское движение в России, способствовать его поддержке со стороны стран Запада и представлять интересы России на Парижской мирной конференции. Хотя его делегаты не были допущены к участию в этой конференции, но Н. В. Чайковский вместе с князем Г. Е. Львовым (председателем совещания), С. Д. Сазоновым (министром иностранных дел Омского и Екатеринодарского правительств) и В. А. Маклаковым вошел в состав Русской политической делегации – исполнительного органа совещания, утвержденного Верховным правителем А. В. Колчаком.

Размышляя над опытом и уроками российского антибольшевистского движения, Н. В. Чайковский направил 23 апреля 1919 г. из Парижа А. И. Деникину в Екатеринодар большое письмо с обобщением опыта борьбы и организации власти в Северной области и советами в адрес генерала. Автор письма указывал, что восьмимесячный опыт работы в Северной области позволил достичь положительных результатов, о которых и хотелось сообщить. Н. В. Чайковский доказывал, что на Севере удалось решить сложную и актуальную для всей страны проблему взаимоотношений между военной и гражданской властью, между белогвардейцами и интервентами, именуемыми им «союзниками». «При организации нашей власти, – указывалось в письме, – мы исходили из двух основных положений: 1) что во время войны политическое управление, т. е. вся организация правительства, должна быть направлена к обслуживанию главного командования в его оперативных действиях; и 2) и в то же время оно должно сохранять за собой самостоятельность в глазах населения,

являясь для него защитником его прав и свободы и посредником между ним и военным командованием»[9].

Обращаясь к поистине выстраданному для него вопросу отношений с главнокомандованием Антанты, Н. В. Чайковский подчеркивал, что «доверие населения к чужеземному войску может быть приобретено только через доверие к правительству, которое ручается перед населением за отсутствие у иностранного командования захватных стремлений». Он утверждал, что в задачи союзного командования должна входить не только победа над общим врагом, но и «укрепление, а не дискредитирование авторитетной правительственной власти[10], как это делал наш первый Главнокомандующий генерал Ф. К. Пуль, и как не делает наш теперешний – генерал Айронсайд».

Н. В. Чайковский разъяснял далее, как строилась система управления в Северной области. В составе ВПСО был создан сильный орган военного тылового управления в лице военного генерал-губернатора, генерала Е. К. Миллера, который являлся и главой министерства военного, путей сообщения и почт и телеграфов. Ему был подчинен в организационном (но не в оперативном) отношении командующий русскими вооруженными силами генерал В. В. Марушевский, в оперативном отношении подчиненный непосредственно главнокомандующему (генералу Айронсайду).

Автор письма резюмировал, что в итоге получается конструкция власти, когда главнокомандующему принадлежит вся полнота власти в стране, но фактически он занят только оперативными действиями вместе со своим штабом, требуя от правительства и от генерал-губернатора необходимых ему подсобных действий. В политическое управление страной, правительством главнокомандующий не вмешивается, не позволяя делать это и своим подчиненным, утверждал Н. В. Чайковский, хотя формально в силу военного положения и имеет на это право, но пользуется им лишь в исключительных случаях в интересах немедленных оперативных действий[11].

Характеризуя перспективы организации власти после победы, Н. В. Чайковский указывал, что функции главнокомандующего отпадают и союзные войска покидают русскую

территорию, генерал-губернатор становится лишь военным министром, а все другие министерства переходят к соответствующим министрам. Командующий русскими вооруженными силами становится окружным военным начальником, подчиненным общерусскому главному командованию. Остальное же правительство развертывает свои функции до полноты своих полномочий соответственно условиям военного времени.

Н. В. Чайковский утверждал, что в такой ситуации и при таких перспективах «нет места распространению среди населения подозрений и опасений в реакционности военного командования и его стремлении к военной диктатуре». Армия в таком случае «может быть источником укрепления демократической власти, а не ослабления ее в пользу усиления большевизма в окружающей население, как это нередко случалось в других областях, освобожденной от большевиков России», – писал Н. В. Чайковский.

Он считал, что в Северной области удалось нащупать «правильную конструкцию власти для нашего переходного, послереволюционного времени» и настаивал, что «принципы необходимости разграничения военной и политической власти в военное время при обязательном задании внушения населению доверия к власти» являются императивом. Подчеркивая демократический характер организации власти в Северной области, отношения доверия между ней и населением, Н. В. Чайковский рекомендовал использовать накопленный опыт на Юге России[12].

Генерал А. И. Деникин резюмировал смысл обращения и советов, высказанных Н. В. Чайковским, следующим образом: «...весь вопрос сводился к созданию демократической власти, что достигнуто вполне на Севере и без чего всякая борьба обречена на неуспех... Чайковский... горячо и задушевно советовал мне применять на Юге эту систему». «Жизнь, к сожалению, жестоко разбила его мечты, – продолжал генерал. – Северная область явила пример полного раскола в среде демократии и интеллигенции, неизжитый психоз большевизма в массах и отсутствие в них всякого доверия к своему демократическому Правительству. Не привлекши на свою сторону буржуазных кругов, это правительство, вместе

с тем, встретило противодействие в широком фронте революционной демократии, в членах Учредительного собрания, в партийных организациях социал-демократов, социалистов-революционеров, в земско-городском объединении... кооперативах и т. д. Все они вели с правительством длительную борьбу, имевшую главной целью достижение власти. Наряду с этим в начале девятнадцатого года вспыхивали одно за другим кровавые восстания в войсках. Очевидно, формы государственной власти были далеко не основными причинами неуспеха противобольшевистской борьбы...»[13].

Хранящиеся в ГАРФ обширные документальные коллекции документов ВПСО также свидетельствуют о том, что нарисованная Н. В. Чайковским схема на деле была далека от идеальной и демократической. Лидер архангельских эсеров А. А. Иванов писал в апреле 1919 г. Н. В. Чайковскому о непонимании и даже вражде между властями и населением, резюмируя: «Я с болью ощущаю, что масса уходит опять к большевизму»[14].

Находясь в Париже и стремясь к консолидации антибольшевистского движения в России, Н. В. Чайковский превратился в апологета А. В. Колчака и А. И. Деникина, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы его архивной коллекции. Часть их была впоследствии опубликована С. П. Мельгуновым в разделе «Юг и Север» его книги о Н. В. Чайковском.

Анализ документов Н. В. Чайковского свидетельствует о том, что правильной организацией власти он считал по-прежнему разграничение функций военной и политической власти, недопущение концентрации всей полноты власти в руках военных, что вызывает недовольство и недоверие населения и негативно сказывается на военных операциях.

В свою очередь, изучение переписки А. И. Деникина с представителями Русского политического совещания и его политической делегации в Париже, отложившейся в архивных документах его коллекции (Ф. Р-5827), свидетельствует, что ему систематически указывалось, что русское южное правительство в общественном мнении союзных держав считается «реакционным», а на первом месте по «демократизму» находится архангельское правительство, за которым следу-

ет правительство в Омске. Как убеждает анализ документов Н. В. Чайковского, находясь в Париже, он остро переживал крах наступления войск генерала А. И. Деникина на Москву и углубляющийся кризис на Юге России. Он немало размышлял о взаимоотношениях «великороссов», казаков и других национальностей, полагая, что крупной ошибкой антибольшевистских вождей была попытка вести борьбу за воссоздание Российского государства силами Великороссии и казаков, без участия всех остальных окраинных народностей, составлявших в сумме (без Польши и Финляндии) до 70 млн человек.

Особое внимание Н. В. Чайковский уделял налаживанию сотрудничества генерала А. И. Деникина с Польшей, что считал исключительно важным для успешной борьбы с советской Россией. Для содействия этому Н. В. Чайковский выезжал в январе 1920 г. в Варшаву, где вместе с Б. В. Савинковым вел переговоры с польским лидером Ю. Пилсудским. Тот объяснял отсутствие взаимодействия с русскими антибольшевистскими силами тем, что ему «не с кем разговаривать, так как А. В. Колчак и А. И. Деникин – реакционеры и империалисты». Н. В. Чайковский полагал, что он и Ю. Пилсудский принадлежат к социалистическому лагерю, и им легче будет договориться. Но организовать военный союз Польши и Белого Юга так и не удалось, а анализ документов Н. В. Чайковского позволяет лучше понять, почему этого не произошло.

Отношения Н. В. Чайковского с А. И. Деникиным имели продолжение в виде практического сотрудничества. В середине февраля 1920 г., за несколько дней до падения правительства Северной области, в котором Н. В. Чайковский, находясь в Париже, по-прежнему формально председательствовал, в Екатеринодаре А. И. Деникиным было создано новое правительство Юга России. В состав его был приглашен и вошел Н. В. Чайковский в качестве министра пропаганды. Он поспешил из Парижа в Екатеринодар, чтобы помочь в создании «истинно демократического» правительства и реализовать на деле советы, высказанные в апрельском письме А. И. Деникину, полагая что «наличие социалиста и демократа в составе правительства поможет последнему стать на правильный путь, который бы обеспечил ему доверие народных масс».

Но его надеждам не суждено было сбыться. Уже при личном свидании с А. И. Деникиным Н. В. Чайковский услышал, что тот не верит в новое демократическое правительство, так как «нет настоящих людей», и он и теперь думает, что «единственный выход из настоящего положения – это национальная диктатура». Правда, А. И. Деникин обещал Н. В. Чайковскому не вмешиваться в решения правительства.

Вхождение Н. В. Чайковского в состав Южнорусского правительства сопровождалось углублением кризиса, отступлением армии и эвакуацией из Екатеринодара в Новороссийск. 16 марта 1920 г. Верховный круг Дона, Кубани и Терека принял решение о разрыве соглашений с главнокомандующим ВСЮР. Н. В. Чайковский квалифицировал это как утрату опоры правительству и превращение его в «технический придаток при Верховном правителе». Этот статус А. И. Деникин получил после отставки адмирала А. В. Колчака как его бывший заместитель.

В документах архивных коллекций Н. В. Чайковского и А. И. Деникина широко представлены материалы, свидетельствующие о разложении ВСЮР и раскрывающие их эвакуацию в Крым. Н. В. Чайковский надеялся, что для оздоровления армии там, при отсутствии вооруженного противника и усиленной пропаганде, и для политической работы правительства, в частности, по земельному вопросу, существуют более благоприятные условия.

Но его надежды не оправдались, а 29 марта 1920 г. последовал единоличный акт главнокомандующего ВСЮР об упразднении правительства. При этом объяснения произошедшего А. И. Деникиным и Н. В. Чайковским кардинально различались. А. И. Деникин объяснял это необходимостью и безопасностью самих министров. Н. В. Чайковский именовал это его решение «государственным переворотом» и в ходе прощальной встречи обратился к А. И. Деникину с вопросом, что побудило его пойти на это. «Меня удивила такая постановка вопроса», – вспоминал А. И. Деникин. «Какой там переворот! Я вас назначил, и я вас освобождаю от обязанностей – вот и все», – ответил он. Н. В. Чайковский, в свою очередь, размышляя о причинах падения Южнорусского правительства,

утверждал: «Деникин одним росчерком своего диктаторского пера разрушил последнюю попытку учреждения всероссийской власти, возникшего при его участии народного представительства, на что, конечно, не имел никакого права»[15].

Еще ранее, 19 февраля 1920 г., с падением Архангельска Н. В. Чайковский утратил должность председателя Временного правительства Северной области, которую занимал более года, находясь далеко за ее пределами. Сохранившиеся в его архивной коллекции документы свидетельствуют, что он возлагал ответственность за падение Северной области на других. В письме генералу Е. К. Миллеру 20 июля 1920 г. Н. В. Чайковский утверждал, например, что средний курс, намеченный в январе 1919 г., перед его отъездом из Архангельска, был правительством оставлен, что сыграло большую роль в деморализации в войсках и в необходимости эвакуации[16].

В свою очередь, документы «Общества северян», созданного в Париже в 1924 г. под руководством генерала Е. К. Миллера для объединения находившихся в эмиграции участников антибольшевистской борьбы в Северной области и написания ее истории, содержат немало материалов, критически оценивавших деятельность самого Н. В. Чайковского. Генерал А. И. Деникин 4 апреля 1920 г. сложил с себя полномочия главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, передав их генералу П. Н. Врангелю, и выехал в эмиграцию.

Таким образом, если Н. В. Чайковский декларировал проведение в жизнь «среднего» курса, балансируя между «правыми» и «левыми», уравновешивая гражданскую и военную власть, демонстрируя ее демократичность и стремясь заручиться поддержкой значительной или даже большей части населения, то А. И. Деникин был сторонником военной диктатуры. Но оба эти подхода на практике не принесли успеха антибольшевистскому движению в Гражданской войне в России. Вместе с тем анализ взглядов и деятельности Н. В. Чайковского и А. И. Деникина, вовлечение в оборот всей совокупности их документов, несомненно, значимы для понимания истории и противоречий антибольшевистского движения в России и причин его поражения.

Примечания / Notes

[1] Россия в Гражданской войне. 1918–1922. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. А–З / Отв. ред. А. К. Сорокин. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. – 847 с.; Т. 2. И–П / Отв. ред. А. К. Сорокин. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. – 878 с.; Т. 3. Р–Я / Отв. ред. А. К. Сорокин. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. – 826 с. *Rossiya v Grazhdanskoi voine. 1918–1922. Entsiklopediya* [SOROKIN, A. K. (ed.). Russia in the Civil War: Encyclopedia. In Russ.]. In 3 vols. Vol. 1: A–Z. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya publ., 2021, 847 p.; Vol. 2: I–P. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya publ, 2021, 878 p.; Vol. 3: R–Ya. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya publ., 2021, 826 p.

[2] *Голдин, В. И.* Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918–1920 гг.). – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1989. – 93 с. GOLDIN, V. I. *Kontrrevolutsiya na Severe Rosii i ee krushenie (1918–1920 gg.)* [Counterrevolution in the North of Russia and its failure (1918–20). In Russ.]. Vologda, Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut publ., 1989, 93 p.; *Анфертьев, И. А.* В лихолетье // От первого лица. В 2 кн. Кн. 1. – М.: Патриот, 1990. – С. 453–495. ANFERTIEV, I. A. *V likholet'e* [The troubled years. In Russ.]. IN: *Ot pervogo litsa* [In first person]. In 2 books. Book 1. Moscow, Patriot publ. 1990, pp. 453–495.

[3] *Теребов, О. В.* А. И. Деникин против канцелярщины, показухи и произвола // Военно-исторический журнал. – 1994. – №. 2. – С. 90–94. TEREBOV, O. V. *A. I. Denikin protiv kantselyarshchiny, pokazukhi i proizvola* [Denikin against bureaucracy, sugar coating, and high-handedness. In Russ.]. IN: *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 1994, no. 2, pp. 90–94; *Зимина, В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. – М.: РГГУ, 2006. – 467 с. ZIMINA, V. D. *Beloe delo vzbuntovavsheisya Rossii: Politicheskie rezhimy Grazhdanskoi voiny. 1917–1920 gg.* [The White Cause of Rebellious Russia: Political Regimes of the Civil War: 1917–20. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2006, 467 p.; *Ходаков, И. М.* Политические взгляды генерала А. И. Деникина // Вопросы истории. – 2006. – №. 6. – С. 141–147. KHODAKOV, I. M. *Politicheskie vzglyady generala A. I. Denikina* [Political views of General A. I. Denikin. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii,* 2006, no. 6, pp. 141–147; Революция-100: реконструкция юбилея / Под ред. Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 1088 с. *Revolyutsiya-100: rekonstruktsiya yubileya* [BORDYUGOV, G. (ed.). Revolution-100: Reconstruction of the Jubilee]. Moscow, AIRO-XXI publ., 2017, 1088 p.

[4] *Мельгунов, С. П.* Н. В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности 1917–1925 гг.). – Париж: [Б. и.], 1929. – 316 с. MELGUNOV, S. P. *N. V. Tchaikovskii v gody grazhdanskoi voiny (Materialy dlya istorii russkoi obschestvennosti 1917–1925 gg.)* [N. V. Tchaikovsky in the days of the Civil War (Materials for the history of Russian society: 1917–25. In Russ.]. Paris, 1929, 316 p.

[5] *Деникин, А. И.* Очерки Русской Смуты. В 5 т. – Париж; Берлин: Я Поволоцкий; Слово, 1921–1926. DENIKIN, A. I. *Ocherki Russkoi Smuty* [Sketches of the Russia's Time of Troubles. In Russ.]. In 5 vols. Paris; Berlin, Ya. Povolotskii; Slovo publ., 1921–1926.

[6] *Голдин, В. И.* Указ. соч. GOLDIN, V. I., 1989; *Макаров, Н. А.* Николай Васильевич Чайковский: Исторический портрет. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. – 286 с. MAKAROV, N. A. *Nikolai Vasil'evich Tchaikovskii: Istoricheskii portret* [Nikolai Vasilievich Tchaikovsky: Historical portrait. In Russ.]. Arkhangelsk, Pomorskii gosudarstvennyi universitet publ., 2002, 286 p.

[7] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 34–35. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond R-5867, series 1, file 3, pp. 34–35.

[8] Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 187. Оп. 524. Д. 3523. Л. 64–66. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire] (AVPRI), fond 187, series 524, file 3523, pp. 64–65.

[9] ГАРФ. Ф. Р-5805. Оп. 1. Д. 204. Л. 1. GARF, fond R-5805, series 1, file 204, p. 1.

[10] Подчеркнуто в тексте документа.

[11] ГАРФ. Ф. Р-5805. Оп. 1. Д. 204. Л. 3; GARF, fond R-5805, series 1, file 204, p. 3.

[12] Там же. Л. 4–7 об.; Ibid, pp. 4–7 verso.

[13] *Деникин, А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии: Май – октябрь 1918 г. – Берлин: Слово, 1924. – С. 20–21. DENIKIN, A. I. *Ocherki Russkoi Smuty* [Sketches of the Russia's Time of Troubles]. Vol. 3: *Beloe dvizhenie I bor'ba Dobrovol'cheskoi armii. Mai – oktyabr' 1918 g.* [The White movement and struggles of the Voluntary Army: May–October 1918. In Russ.]. Berlin, Slovo publ., 1924, pp. 20–21.

[14] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 219. Л. 1. GARF, fond R-5867, series 1, file 219, p. 1.

[15] *Деникин, А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. – Берлин: Слово, 1926. – С. 353–354. DENIKIN, A. I. *Ocherki Russkoi Smuty* [Sketches of the Russia's Time of Troubles]. Vol. 5: *Vooruzhennye sily Uga Rossii* [Armed forces of the South of Russia. In Russ.]. Berlin, Slovo publ., 1926, pp. 353–354; ГАРФ. Ф. Р-5805. Оп. 1. Д. 141. Л. 13. GARF, fond R-5805, series 1, file 141, p. 13.

[16] ГАРФ. Ф. Р-5805. Оп. 1. Д. 132. Л. 7; Д. 514. Л. 5; GARF, fond R-5805, series 1, file 132, p. 7; file 514, p. 5.

Список литературы

Анфертьев, И. А. В лихолетье // От первого лица. В 2 кн. Кн. 1. – М.: Патриот, 1990. – С. 453–495.

Голдин, В. И. Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918–1920 гг.). – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1989. – 93 с.

Зимина, В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. – М.: РГГУ, 2006. – 467 с.

Макаров, Н. А. Николай Васильевич Чайковский: Исторический портрет. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. – 286 с.

Революция-100: реконструкция юбилея / Под ред. Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 1088 с.

Теребов, О. В. А. И. Деникин против канцелярщины, показухи и произвола // Военно-исторический журнал. – 1994. – №. 2. – С. 90–94.

Ходаков, И. М. Политические взгляды генерала А. И. Деникина // Вопросы истории. – 2006. – №. 6. – С. 141–147.

References

ANFERTIEV, I. A. *V likholet'e* [The troubled years. In Russ.]. IN: *Ot pervogo litsa* [In first person]. In 2 books. Book 1. Moscow, Patriot publ., 1990, pp. 453–495.

GOLDIN, V. I. *Kontrrevolutsiya na Severe Rosii i ee krushenie (1918–1920 gg)* [Counterrevolution in the North of Russia and its failure (1918–20). In Russ.]. Vologda, Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut publ., 1989, 93 p.

ZIMINA, V. D. *Beloe delo vzbuntovavsheisya Rossii: Politicheskie rezhimy Grazhdanskoi voiny. 1917–1920 gg.* [The White Cause of Rebellious Russia: Political Regimes of the Civil War: 1917–20. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2006, 467 p.

MAKAROV, N. A. *Nikolai Vasil'evich Tchaikovsky: Istoricheskii portret* [Nikolai Vasil'evich Tchaikovsky: Historical portrait. In Russ.]. Arkhangelsk, Pomorskii gosudarstvennyi universitet publ., 2002, 286 p.

Revolyutsiya-100: rekonstruktsiya yubileya [BORDYUGOV, G. (ed.). Revolution-100: Reconstruction of the Jubilee]. Moscow, AIRO-XXI publ., 2017, 1088 p.

TEREBOV, O. V. A. I. *Denikin protiv kantselyarshchiny, pokazukhi i proizvola* [Denikin against bureaucracy, sugar coating, and high-handedness. In Russ.]. IN: *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 1994, no. 2, pp. 90–94.

KHODAKOV, I. M. *Politicheskie vzglyady generala A. I. Denikina* [Political views of General A. I. Denikin. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii,* 2006, no. 6, pp. 141–147.

Сведения об авторах

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, профессор, г. Архангельск, Российская Федерация, 8-921-293-70-81, v.i.goldin@yandex.ru

About the authors

Goldin Vladislav Ivanovich, PhD in History, professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, professor, Arkhangelsk, Russian Federation, +7-921-293-70-81, v.i.goldin@yandex.ru

В редакцию статья поступила 09.09.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Голдин, В. И. Н. В. Чайковский и А. И. Деникин: диалог, сотрудничество и противоречия лидеров антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. По страницам документов российских и зарубежных архивов // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 81–97. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-81-97

Submitted 09.09.2021, published (for citation):

GOLDIN, V. I. *N. V. Chaikovskii i A. I. Denikin: dialog, sotrudnichestvo i protivorechiya liderov antibol'shevistskogo dvizheniya v gody Grazhdanskoi voiny v Rossii. Po stranitsam dokumentov rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov* [N. V. Tchaikovsky and A. I. Denikin: Dialogue, Collaboration, and Controversy of the Anti-Bolshevik Movement Leaders in the Days of the Civil War in Russia: Documents from Russian and Foreign Archives. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 81–97. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-81-97

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47).084.8+930.253+94(47)+94(476)
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-98-120

Красноженова, Е. Е.
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Кулинок, С. В.
Национальный архив Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

Преступления нацизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам архивов Северо-Запада России и Республики Беларусь

Krasnozhenova, Elena E.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

Kulinok, Svyatoslav V.
National Archive of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Crimes of Nazism in the Days of the Great Patriotic War of 1941–45 in Documents from the Archives of the North-West of Russia and the Republic of Belarus

Аннотация
В статье на основе архивных документов показана сущность нацистского оккупационного режима на пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси. Актуальность исследования обусловлена спецификой региона в военный период, которая заключается в длительности его оккупации нацистскими армиями, формировании здесь весьма устойчивой системы оккупационной администрации, в активном сопротивлении оккупантам, существовании здесь

партизанских краев и зон. Хронологические рамки исследования охватывают период 1941–1944 гг., т. е. оккупации региона. Актуальность проблемы оккупации пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси обусловила значительный исследовательский интерес к ней. В работе использованы сравнительно-исторический и статистический методы, метод источниковедческого, структурно-диахронного и системного анализа. Территориальные рамки исследования ограничены пограничьем Северо-Запада России и Беларуси, где в годы Великой Отечественной войны был установлен жестокий оккупационный режим. Историки обращаются к исследованию сущности оккупационного режима, проблемам военной повседневности, коллаборационизма, партизанского движения. Источниковой базой исследования стали многочисленные архивные документы, в первую очередь, акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), акты местных (районных, городских и областных) комиссий, свидетельства очевидцев, донесения, рапорты и спецсообщения разведчиков и партизан, доклады, информационные записки, стенограммы и протоколы заседаний партийных и советских органов, материалы медицинских экспертиз массовых захоронений жертв. В состав документальной базы исследования вошли также документы личного происхождения – письма и воспоминания. Многочисленную группу документов составили акты районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Акты способствовали установлению и расследованию злодеяний в виде убийств, пыток, издевательств, истязаний и насилия над советскими гражданами и военнопленными, а также угона в германское рабство. Кроме того, акты содержат информацию о деятельности нацистских карательных отрядов на рассматриваемой территории. О тяжелом положении советских граждан, угнанных в Германию, можно судить из их воспоминаний и писем родным и близким. Картина жестоких преступлений нацизма, совершенных на пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси, нашла отражение и в протоколах допроса ее жителей в качестве свидетелей происходящего. Фонды Ленинградского и Белорусского штабов партизанского движения (ЛШПД и БШПД) хранят документы проведенных партизанскими соединениями расследований, которые не только показывают размах антифашистской борьбы в регионе, но и содержат сведения о положении в оккупированных противником районах. Привлекают внимание и немецкие документы. Они содержат информацию о структуре административных и экономических

учреждений, о состоянии сельского хозяйства и промышленности, о налогах и сборах. В статье отмечается, что весь комплекс архивных материалов раскрывает преступную сущность нацистского оккупационного режима. До сих пор открываются многочисленные архивные документы, содержащие факты совершения тягчайших преступлений и злодеяний, ответственность за которые не имеет срока давности.

Abstract

The article draws on archival documents to show the nature of the Nazi occupation regime on the border territories of the North-West of Russia and in Belarus. The relevance of the study springs from the region's specifics in the wartime due to its long occupation by the Nazi armies and formation of stable occupation administration, active resistance to the invaders and existence of partisan zones. The chronological framework is 1941–44, i.e. the period of occupation of the region. The significance of the problem of occupation of border territories of the North-West of Russia and Belarus has incited considerable research interest. The study uses comparative-historical and statistical methods, as well as methods of source studies, structural/diachronic and system analysis. The source base is numerous archival documents, primarily, acts of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the German Fascist Invaders and Their Accomplices and the Damage They Caused to Citizens, Collective Farms, Public Organizations, State Enterprises and Institutions of the USSR (ChGK), acts of local (district, city, and regional) commissions, eyewitness accounts, dispatches and special reports of intelligence officers and partisans, reports, information notes, transcripts and minutes of meetings of the party and Soviet bodies, materials of medical examinations of mass graves of victims. The documentary base also includes documents of personal provenance: letters and memoirs. A large group of documents is made up of acts of district and village commissions to investigate the atrocities of the Nazi invaders. The acts contribute to identification and investigation of the atrocities in form of murder, torture, humiliation, and violence against Soviet citizens and prisoners of war, as well as deportation to slave labor. The acts contain information on the activities of the Nazi punitive detachments. The plight of Soviet citizens abducted to Germany can be assessed in their memoirs and letters to relatives and friends. The brutal crimes of Nazism committed on the border territories of the North-West of Russia and Belarus are also evidenced in interrogation protocols of residents as witnesses of the

events. The fonds of the Leningrad and Belarusian headquarters of the partisan movement store documents of investigations conducted by partisan formations, which not only show the scope of the anti-fascist struggle in the region, but also contain information on the situation in the areas occupied by the enemy. German documents also deserve attention. They contain information on the structure of administrative and economic institutions, state of agriculture and industry, taxes and fees. The article notes that the entire complex of archival materials reveals the criminal nature of the Nazi occupation regime. New archival documents are still being found, containing data on most serious crimes and atrocities, responsibility for which has no limitations period.

Ключевые слова
Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Северо-Запад России, Беларусь, нацизм, преступления, оккупация, архивы, документы.

Keywords
Great Patriotic War of 1941–45, North-West of Russia, Belarus, Nazism, crimes, occupation, archives, documents.

История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сегодня является одной из самых актуальных и обсуждаемых исторических проблем. Значительный научный интерес представляют проблемы оккупации отдельных территорий СССР немецко-фашистскими войсками. Актуальность исследования различных сторон нацистского оккупационного режима, существовавшего на пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси, обусловлена спецификой региона в военный период, которая заключается в длительности его оккупации нацистскими армиями, формировании здесь весьма устойчивой системы оккупационной администрации, в активном сопротивлении оккупантам, существовании здесь партизанских краев и зон.

Актуальность проблемы оккупации территории Северо-Запада России и пограничья Беларуси обусловила значительный исследовательский интерес к ней. В работах П. Р. Шевердалкина, Ю. П. Петрова, В. М. Гриднева рассмотрены отдельные стороны оккупационной политики нацистских захватчиков на территории Северо-Запада

России[1]. Из исследований последних лет следует отметить труд Н. А. Ломагина, в котором уделено внимание проблемам немецкой оккупационной политики и настроениям местных жителей, находившихся под воздействием вражеской пропаганды[2].

Особое место в исследовании Великой Отечественной войны занимает проблема коллаборационизма, представленная в работах Б. Н. Ковалева, М. И. Семиряги, В. А. Пережогина и других авторов[3]. Статьи современных петербургских исследователей М. В. Ходякова, Е. Е. Красноженовой, С. В. Кулика посвящены как организации оккупационного режима, так и жизни на оккупированной территории Северо-Запада России[4].

Среди современных исследований по вопросам деятельности немецких оккупационных властей и коллаборационизму на территории Беларуси необходимо отметить работы А. А. Ковалени, К. И. Козака, А. М. Литвина, С. В. Кулинка, Е. А. Гребеня и ряда других авторов[5]. В них показаны особенности нацистского режима на территории Беларуси, исследованы проблемы гражданского населения в период оккупации, рассмотрены проблемы партизанского движения в регионе.

Источниковой базой исследования стали многочисленные архивные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) и в ряде других архивов. Многие из материалов вводятся авторами в научный оборот впервые. Преступная оккупационная политика была разработана в директивных документах и программных выступлениях нацистских лидеров. Основной чертой «нового порядка», установленного гитлеровцами на временно оккупированной территории СССР, были тотальный контроль и террор, распространившиеся на все население и на все сферы жизни. Сотни тысяч жителей погибли в 1941–1943 гг. от тяжелых условий работы, голода, отсутствия медицинского обеспечения. Голод стал одним из самых страшных явлений оккупационного периода. Приведенные в архивных документах факты

свидетельствуют о том, что голод использовался захватчиками как один из механизмов реализации плана «Ост»[6] — сокращения численности населения «восточных земель». Документы показывают, что многие жители вынуждены были питаться отбросами, подбираемыми около немецких кухонь, древесной корой, листьями, травой.

В состав документальной базы вошли документы личного происхождения – письма, воспоминания, детские рисунки. Так, в фонде Р-9421 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) представлены документы Ленинградской областной ЧКГ, действовавшей с середины 1943 по 1947 г.[7] В фондах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) хранится значительный корпус документов о преступлениях нацистов и их пособников против гражданского населения оккупированных районов БССР. В первую очередь необходимо отметить документы из фондов 845 и 1569 (ЧКГ). В них представлены акты республиканской, областных и районных комиссий ЧКГ, опросные листы на вернувшихся с принудительных работ белорусов, списки немецких преступников.

Значительный информативный потенциал содержат акты районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, хранящиеся в архивах. В состав этих комиссий, как правило, входили главы и сотрудники партийных и советских структур районного и местного уровня, органов НКВД, а также депутаты советов, хозяйственные руководители. Документы основывались на многочисленных показаниях очевидцев. Так, акт Кингисеппской районной комиссии ЧГК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков об уничтожении жителей города и района (10 октября 1944 г.) содержит сведения об уничтожении около 1 000 мирных советских граждан. 29 января 1944 г. карательный отряд СС «Мертвая голова» учинил облаву на гражданское население дер. Ямсковицы Алексеевского сельсовета[8]. Причинами жестоких расправ над гражданским населением служили отказ от угона в Германию, связь с партизанами, саботаж мероприятий оккупационных властей.

В актах обнародована часть итоговых количественных данных, представленных областными комиссиями, например, число угнанных в немецкое рабство, повешенных, расстрелянных, замученных и сожженных заживо во время оккупации мирных советских граждан. Так, в акте Меховской[9] районной комиссии ЧГК об убийстве немецкими оккупантами населения в районе отмечено, что в феврале 1942 г. по приказу немецкого командования солдатами и офицерами был произведен массовый расстрел проживающих в районе евреев в количестве 150 человек, среди них находились женщины, дети, старики, могилы которых были обнаружены северо-западнее местечка Езерище[10]. Всего на территории района было уничтожено 2 966 человек и 454 угнано на принудительные работы[11]. 26 февраля 1943 г. в деревне Сеченка Вышедского сельсовета Городокского района Витебской области в колхозном сарае было сожжено 59 женщин и детей. 27 февраля 1943 г. в деревне Холдуй Вереческого сельсовета было сожжено 96 советских граждан[12]. В местечке Плисса было расстреляно и замучено около 100 детей в возрасте от 2 до 10 лет и около 225 мужчин и женщин. Всего же по Плисскому сельсовету и местечку Плисса расстреляно и замучено 325 мирных советских граждан[13].

С первых же дней немецкие оккупационные власти произвели перепись еврейского населения, конфисковали их имущество, большую часть запаса продуктов и под охраной стали выгонять на тяжелые работы. Так, в 1941 г. около Ветрино в болоте было расстреляно 59 человек еврейской национальности, в том числе 14 детей в возрасте от 1 года до 14 лет. С расстрелянных палачами была снята вся одежда и полностью разграблено их имущество[14].

В актах содержится и статистика по угону советских граждан в Германию. Так, в акте Волосовской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о преступлениях в отношении мирного населения на оккупированных территориях района указано, что оккупанты угнали в немецкое рабство 20 105 советских граждан[15]. Из Плисского района Вилейской области было насильно угнано в Германию

1 086 человек[16]. Свыше 8 000 человек угнано с территории Дриссенского района Витебской области[17]. Всего за годы оккупации с территории Витебской области было вывезено на принудительные работы в Германию 68 434 человека[18].

Документы показывают, что на принудительные работы отправляли население разных возрастов, мужчин и женщин, крестьян, рабочих и интеллигенцию, причем не только в Германию, но и в другие страны, оккупированные рейхом. Первоначально вербовка на обязательные работы в Германию велась на добровольной основе. Число добровольцев было значительно ниже количества необходимых немцам работников. Так, в ноябре 1942 г. в Толочинском районе Витебской области была объявлена мобилизация лиц обоих полов от 14 до 45 лет на работу в Германию, но она провалилась, народ, подлежащий отправке в Германию, в назначенное время не явился[19]. Поэтому оккупанты стали насильственно принуждать население к отправке в Германию.

Из писем советских граждан, угнанных в немецкое рабство, можно судить о тяжелом положении в гитлеровской Германии. Так, Березина И., жительница Витебской области, писала своей подруге Бонасивой А.: «Живу я по-прежнему. Я, кажется, вам писала, что убираю 10 комнат. Словом, работы много. Родители пишут, что их будут эвакуировать неизвестно куда. Если попадут сюда, то тогда дело плохо»[20].

Отдельным видом документов стали опросные листы граждан, вернувшихся с принудительных работ. В них содержались сведения о месте и характере работы, об условиях содержания. Авторы опросных листов подчеркивали факты непосильных работ, издевательств, насилий, истязаний, побоев и других преступных действий владельцев предприятий, их служащих, хозяев и других лиц по отношению к угнанным в германскую неволю. Так, Кондратьева В. Н., 1927 года рождения, уроженка Славковского района Псковского округа Ленинградской области, в опросном листе отмечала, что была угнана в октябре 1943 г. в германский город Зеертенберг и работала чернорабочей на местной фабрике. В качестве питания восточные рабочие фабрики получали 200 г хлеба и литр супа из брюквы. Одежду и обувь им не выдавали.

Кондратьева описывает нечеловеческие условия труда рабочих, которых часто били, сажали в бункер, налитый холодной водой. Очень часто при таких случаях люди замерзали[21].

В архивных документах зафиксированы факты чудовищных зверств нацистов в отношении детей, включая малолетних и грудных. Документы показывают, что оккупанты и их пособники расстреливали и вешали их наравне со взрослыми по подозрению в краже или за связь с партизанами, арестовывали и уводили их матерей, уничтожали их в ходе карательных операций. Так, в деревне Теребонижье Карпинского сельского совета Волховского района Ленинградской области немецкие солдаты и офицеры забрали все продовольственные запасы у колхозников. «Голодные ребятишки вынуждены были бегать к фашистской кухне и просить пищу. Солдаты издевались над ними, заставляли лаять пособачьи, а затем бросали что-либо из объедков»[22]. Воспитанники Гатчинского детского дома сообщили в городскую комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков: «зимой 1942 года мы играли на улице. Мальчик из нашего детского дома Бондарчик Коля 5 лет пошел попросить хлеба у немцев. Он подошел к окну и только начал просить, как солдат один выстрелил из нагана Коле в голову и ранил его»; «летом 1943 мальчик из нашего детского дома Сикалов Коля 6 лет пошел просить хлеб, так как питание нам давали очень мало, и мы голодали. За то, что Коля попросил хлеба, немецкий солдат схватил его и бросил в люк со смолой»[23].

Во многих актах описываются случаи, когда женщин с грудными маленькими детьми разгневанные оккупанты выгоняют на улицу в морозную погоду, обрекая на смерть или серьезный вред здоровью.

Картина жестоких преступлений нацизма, совершенных на пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси, нашла отражение и в протоколах допроса ее жителей в качестве свидетелей происходящего. Так, чудовищное насилие было совершено немцами над семьей Тарасовых из деревни Большое Руддилово Кингисеппского района Ленинградской области. 30 января 1944 г., чтобы не быть угнанными в Гер-

манию, Тарасов Г. Г., его сестра Тарасова О. Г. с пятью детьми возрастом от 2 до 11 лет выехали из деревни, рассчитывая укрыться в лесу. В деревне Пиллово Тарасовых повстречали немецкие солдаты, остановили их лошадь и всех расстреляли из автоматов. Свидетельницей трагедии стала М. И. Жигалова: «Все 7 человек, 2 взрослых и 5 человек детей, лежали убитыми. Дети были выброшены из подводы, расстреляны на снегу... За что они так дорого поплатились своей жизнью, мне очень странно, так же, как и остальным жителям»[24].

Еще одна группа архивных материалов – документы личного происхождения, представленные письмами и воспоминаниями жителей. Воспоминания отразили малоизвестные бытовые подробности жизни населения в условиях оккупации. Рассказчики поделились своими знаниями о различных сторонах повседневной жизни граждан в период войны, в том числе на контролируемой нацистами территории, приводя при этом немало любопытных деталей.

Жестокие преступления были совершены оккупантами против партизан и гражданского населения. С первых дней оккупации немцы проводили истребление мирных граждан и советских военнопленных путем систематических расстрелов, сжигания живьем, повешения, создания нечеловеческих условий в лагерях. Во временно захваченных врагом районах гитлеровцы жестоко расправлялись со всеми, заподозренными в деятельности против оккупационного режима или в симпатии к советской власти. Документы свидетельствуют о расстрелах без суда и следствия, о повешениях. Так, в годы оккупации сильно пострадали жители Оредежского, Лужского и Гатчинского районов Ленинградской области. Не менее 2 000 человек было убито карателями в 1941 г. в поселке Строганов Мост Меженского сельского совета Гатчинского района Ленинградской области[25].

В Центральном государственном архиве историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб) хранятся материалы Ленинградского штаба партизанского движения (фонд Р-116 Л). В нем сохранились документы проведенных партизанскими соединениями расследований. Документы не только показывают размах антифашистской

борьбы на Северо-Западе РСФСР в 1941–1944 гг. Фонд содержит отчеты, докладные записки, сводки, донесения и другие документы командования партизанских подразделений и отдельных партизан о положении в оккупированных противником районах. В их числе такие документы, как информационные сводки «О деятельности партизанских отрядов и о положении в тылу немецко-фашистских захватчиков»[26], «О действиях немецких карательных отрядов» и др.[27] В документах, освещающих возникновение и развитие партизанского движения, можно обнаружить сведения о налоговых сборах в зоне оккупации, функционировании образовательных и медицинских учреждений.

Ценные документы содержатся в фонде Белорусского штаба партизанского движения (фонд 1450) Национального архива Республики Беларусь. Это обзоры и докладные записки, акты партизан о преступлениях оккупантов, сведения о сожженных деревнях и т. д. Оккупанты ответили на деятельность партизан массовыми репрессиями против мирного населения. Мирные жители неоднократно использовались гитлеровскими войсками в качестве «живого щита» при отступлении или наступлении своих войск, при разминировании минных полей, а уничтожение населенных пунктов стало целенаправленной политикой в ответ на любые действия партизан.

В донесении командования Сиротинской партизанской бригады о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в районе, указывалось, что в мае 1942 г. нацисты сожгли деревню Тижму, в которой насчитывалось 40 дворов, в июне – окружили деревню Барсуки и подожгли ее. В результате этого сгорело 35 человек, главным образом стариков, детей и женщин, причем малых детей немцы бросали в огонь[28]. Преступной кульминацией нацистского «нового порядка» стало спланированное уничтожение жителей оккупированной территории. В ходе операций каратели безжалостно сжигали деревни, оставляя после себя безжизненную зону. Так, сообщается, что в Тосненском районе Ленинградской области активно действовал карательный отряд СС под названием «Отряд смерти». Руководством местных партизанских отря-

дов сообщалось, что карателями были заняты все крупные деревни района. Районный центр и железнодорожную станцию Тосно охранял карательный отряд СС в составе 500 карателей и 2 000 солдат[29]. Захватчики проводили карательные экспедиции, в ходе которых целые районы превратились в пустынные зоны.

Зачастую деревни уничтожались вместе с жителями. Так, в акте о сожжении немецкими оккупантами деревни Морозовка Богушевского района Витебской области и ее жителей говорилось, что указанная деревня в количестве 12 дворов оказалась сожженной фашистами дотла. Было сожжено 27 жителей деревни, в числе которых – четверо детей от года до трех лет, пятеро детей в возрасте до 7 лет[30].

С 12 по 22 июня 1942 г. на территории Николаевского сельсовета Витебского района действовал немецкий карательный отряд, в составе которого были 3 батальона пехоты, 250 чел. кавалерии и 10 танкеток. В колхозе «Кирова» из 62 домов карателями было сожжено 61, уничтожены все холодные постройки, расстреляно 14 мужчин, 6 женщин, 4 детей, угнано 11 лошадей, 43 коровы, 300 овец, 10 свиней, 300 кур. Подобная картина наблюдалась и в других колхозах[31]. Одна из самых жестоких и кровавых карательных операций нацистов получила название «Зимнее волшебство». В ходе операции было уничтожено 3 639 мирных жителей, в том числе 2 118 детей. В Германию было угнано 2 615 человек[32].

Особую группу материалов составляют докладные записки о положении в городах и деревнях региона, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, и материалы к ним. Так, в докладной записке ЛШПД от 1942 г. сообщалось: Батецкий район: «Немцы пригнали из фронтовой полосы Новгородского и Старорусского районов 200 семей гражданского населения. Эвакуированные сильно бедствуют»; Тосненский район: «Население эксплуатируется немцами на строительстве дорог и запасных оборонительных сооружений. Кто работает у немцев, получает 200 граммов хлеба в сутки или овса»; Оредежский район: «Подавляющая часть крестьян сильно бедствует. Питание – клевер, трава, ягоды... Крестьяне платят налог 60 руб. за душу»[33]. В докладной запис-

ке секретаря Витебского подпольного обкома КП(б) Белоруссии указывалось: «Во всех деревнях, контролируемых ранее партизанами, противник забрал весь скот (коров и лошадей), специально выделенные солдаты производили тщательные поиски спрятанного хлеба и другого добра, и все забирали под метлу, оставшееся население обречено на голодную смерть»[34]. В результате «заготовительных рейдов» оккупанты изымали в деревнях все продовольствие. Подобный грабеж усилился в период отступления германских войск.

Привлекают внимание и немецкие документы, находящиеся в архивах областей Северо-Запада России и в НАРБ. Так, материалы немецких оккупационных властей, действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области, представлены в ЦГА СПб (фонды Р-3355 и Р-9788), а в НАРБ – фонд 370 (Генеральный комиссариат «Беларусь») и 1440 (Институт историко-политических исследований при ЦК КП(б) Белоруссии). Они содержат информацию о структуре административных и экономических учреждений, о состоянии сельского хозяйства и промышленности, о налогах и сборах. В первую очередь, это приказы о регистрации жителей, о месячных нормах выдачи продовольствия, о сдаче населением меховой одежды и валенок. Так, приказом комендатуры деревни Струги вводились налоги и сборы с гражданского населения: за регистрацию рождения, брака, развода, за прописку и выписку, за выдачу пропуска на дальние расстояния, за выдачу справок и т. д.[35] Кроме того, в указанных фондах представлены сводки и отчеты полиции безопасности и СД из оккупированных территорий СССР.

Еще одной стороной оккупационного режима стало тотальное ограбление занятых территорий. Для снабжения нацистской Германии и ее армий использовались экономические ресурсы захваченных областей путем вывоза сырья, продовольствия, оборудования и других материальных ценностей. На протяжении всего периода оккупации нацисты безжалостно грабили крестьян, забрали у них весь хлеб, скот, инвентарь, одежду и прочие предметы домашнего обихода. Так, в донесении начальнику политуправления Западного фронта об установленных фактах уничтожения населения на территории

Великолукского и Куньинского районов Псковской области указывалось об обнаружении в сумке убитого немецкого солдата награбленных простыней, полотенец, платков, отрезов ситца, сукна на брюки. В легковой машине сбежавшего немецкого офицера было найдено до десятка женских рейтуз, чулок, носков, шерстяных и шелковых кофточек[36].

В архивных документах часто описываются факты, когда захватчики отбирали у жителей приглянувшиеся им вещи, а с наступлением сильных морозов их внимание оказалось приковано к теплой одежде и обуви. Акты показывают случаи гибели людей за отказ отдать зимнюю одежду и обувь, скот и имущество. Так, в деревне Дубровка Новгородского района у Ермолаева оккупанты на улице стащили с головы шапку, в деревне Глухая Кересть того же района сняли с ног у П. Ф. Гурьянова и Е. Вахрачевой валенки[37].

Стремясь духовно поработить народ, нацисты разграбили школы, клубы, детские сады, больницы, научно-исследовательские институты, учреждения культуры и памятники архитектуры. Значительный ущерб был нанесен оккупантами промышленности, сельскому хозяйству и культуре. За годы оккупации в Германию было экспортировано машинно-техническое оборудование, автомобили, тракторы, комбайны[38].

Таким образом, на захваченной пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси был установлен жесточайший оккупационный режим, о котором свидетельствуют многочисленные документы, показывающие чудовищную картину уничтожения мирного населения оккупированных территорий, ограбления имеющихся материальных ценностей, промышленности и сельского хозяйства. Основным средством реализации генерального плана «Ост» стала политика геноцида, т. е. систематическое уничтожение целых групп населения по тем или иным причинам: из-за принадлежности к советским активистам, коммунистам, партизанам и т. д. Для реализации этого плана нацисты использовали захват заложников, рейды, погромы, карательные операции, лагеря смерти. Оккупационный режим явился заранее продуманной преступной политикой вермахта, характеризовался произволом и полной безнаказанностью немецких войск и оккупаци-

онной администрации по отношению к жителям захваченных районов. Весь комплекс представленных архивных материалов раскрывает преступную сущность нацистского оккупационного режима. До сих пор открываются новые архивные документы, содержащие факты совершения тягчайших преступлений и злодеяний, ответственность за которые не имеет срока давности.

Примечания / Notes

[1] *Шевердалкин, П. Р.* Героическая борьба ленинградских партизан. – Л.: Лениздат, 1959. – 307 с. SHEVERDALKIN, P. R. *Geroicheskaya bor'ba leningradskih partisan* [The heroic struggle of the Leningrad partisans. In Russ.]. Leningrad, Lenizdat publ., 1959, 307 p.; *Петров, Ю. П.* Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. – Л.: Лениздат, 1973. – 454 с. PETROV, Yu. P. *Partizanskoe dvizhenie v Leningradskoi oblasti 1941–1944* [The partisan movement in the Leningrad region, 1941–44. In Russ.]. Leningrad, Lenizdat publ., 1973, 454 p.; *Гриднев, В. М.* Крестьянство западных и северо-западных районов РСФСР в период немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг. – М.: Ун-т дружбы народов, 1944. – 86 с. GRIDNEV, V. M. *Krest'yanstvo zapadnykh i severo-zapadnykh raionov RSFSR v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii 1941–1944 g.* [The peasants of the Western and North-Western regions of the RSFSR in the Nazi occupation of 1941–44. In Russ.]. Moscow, Un-t druzhby narodov publ., 1944, 86 p.

[2] *Ломагин, Н. А.* Неизвестная блокада. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 960 с. LOMAGIN, N. A. *Neizvestnaya blokada* [The unknown blockade. In Russ.]. St. Petersburg, Neva publ.; Moscow, OLMA-Press publ., 2002, 960 p.

[3] *Ковалев, Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. – М.: АСТ, 2004. – 483 с. KOVALEV, B. N. *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii, 1941–1944* [The Nazi Occupation and Collaboration in Russia, 1941–44. In Russ.]. Moscow, AST publ., 2004, 483 p.; *Семиряга, М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с. SEMIRYAGA, M. I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration: Its nature, typology, and manifestations in the days of the Second World War. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2000, 863 p.; *Пережогин, В. А.* Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. – М.: Наука, 2004. – С. 293–305. PEREZHOGIN, V. A. *Voprosy kollaboratsionizma* [Collaboration issues. In Russ.]. IN*: Voina i obshchestvo. 1941–1945* [War and society: 1941–45. In Russ.]. Book 2. Moscow, Nauka publ., 2004, pp. 293–305.

[4] *Соболев, Г. Л., Ходяков, М. В.* Архивный фетишизм и историографический нигилизм в одном подходе к изучению истории обороны Ленинграда // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 529–539. SOBOLEV, G. L., KHODYAKOV, M. V. *Arhivnyi fetishizm i istoriograficheskii nigilizm v odnom podkhode k izucheniyu istorii oborony Leningrada* [Archival Fetishism and Historiographical Nihilism in One Approach to Studying the History of the Defense of Leningrad. In Russ.]. IN*: Noveishaya istoriya Rossii*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 529–539; *Красноженова, Е. Е.* Хозяйственно-экономические особенности нацистской оккупационной политики 1941–1944 гг. (на материалах Северо-Запада России) // Вопросы истории. – 2020. – № 11 (1). – С. 56–63. KRASNOZHENOVA, E. E. *Khozyaistvenno-ekonomicheskie osobennosti natsistskoi okkupatsionnoi politiki 1941–1944 gg. (na materialakh Severo-Zapada Rossii)* [Economic features of the Nazi occupation policy: 1941–44 (based on materials of the North-West of Russia). In Russ.]. IN: *Voprosy istorii,* 2020, no. 11 (1), pp. 56–63; *Епифанов, А. Е., Красноженова, Е. Е., Степанова, М. М.* История и правовое положение военнопленных вермахта в период Сталинградской битвы // Вопросы истории. – 2019. – № 12 (3). – С. 144–150. EPIFANOV, A. E., KRASNOZHENOVA, E. E., STEPANOVA, M. M. *Istoriya i pravovoe polozhenie voennoplennykh vermakhta v period Stalingradskoi bitvy* [History and legal status of the Wehrmacht prisoners of war during the Battle of Stalingrad. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2019, no. 12(3), pp. 144–150; *Красноженова, Е. Е., Кулинок, С. В.* К вопросу об использовании немецкой разведкой гражданского населения СССР в 1941–1944 годах // Новейшая история России. – 2020. – № 10 (3). – С. 609–621. KRASNOZHENOVA, E. E., KULINOK, S. V. *K voprosu ob ispol'zovanii nemetskoi razvedkoi grazhdanskogo naseleniya SSSR v 1941–1944 godakh* [On the question of German intelligence using civilian population of the USSR in 1941–44. In Russ.]. IN*: Noveishaya istoriya Rossii,* 2020, no. 10 (3), pp. 609–621; *Ковалев, Б. Н., Кулик, С. В.* Гитлеровские преступления с признаками геноцида 1941–1944 гг. (на примере Чудовского района Ленинградской области) // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 7 (32). – С. 11. KOVALEV, B. N., KULIK, S. V. *Gitlerovskie prestupleniya s priznakami genotsida 1941–1944 gg. (na primere Chudovskogo raiona Leningradskoi oblasti)* [Hitlerite crimes bearing the hallmarks of genocide, 1941–44: A case-study of the Chudovo district of the Leningrad Region. In Russ.]. IN: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod State University], 2020, no. 7 (32), p. 11.

[5] *Каваленя, А. А.* Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі: 1941–1944 гг. Вытокі. Структура. Дзейнасць. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1999. – 235 с. KAVALENYA, A. A. *Pragermanskiya sayuzy moladzi na Belarusi: 1941–1944 gg. Vytoki. Struktura. Dzeinasts'* [Pro-German Youth Unions in Belarus: 1941–1944 Origins. Structure. Activities. In Belarus.]. Minsk, BDPU

imya M. Tanka publ., 1999, 235 p.; *Козак, К. И.* Германский оккупационный режим на территории Беларуси 1941–1944: историография и источники. – Минск: Белорусский государственный университет, 2006. – 267 с. KOZAK, K. I. *Germanskii okkupatsionnyi rezhim na territorii Belarusi 1941–1944: istoriografiya i istochniki* [The German occupation regime on the territory of Belarus 1941–44: Historiography and sources. In Russ.]. Minsk, Belorusskii gosudarstvennyi universitet publ., 2006, 267 p.; *Литвин, А. М.* «Кто может, передайте родным...»: Тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941–1943). – Минск: Беларуская навука, 2019. – 223 с. LITVIN, A. M. *"Kto mozhet, peredaite rodnym..."*: *Tainy tyuremnykh kamer okkupirovannogo Gomelya (1941–1943)* ["Those who can, tell your relatives...": Secrets of the prison cells of occupied Gomel (1941–43). In Russ.]. Minsk, Belaruskaya navuka publ., 2019, 223 p.; *Кулинок, С. В.* Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии. – М.: Яуза-каталог, 2020. – 702 с. KULINOK, S. V. *Prisluzhniki Gitlera. Nemetskie razvedyvatel'no-diversionnye shkoly i kursy na territorii Belorussii* [Hitler's minions: German reconnaissance and sabotage schools and courses on the territory of Belarus. In Russ.]. Moscow, Yauza-katalog publ., 2020, 702 p.; *Гребень, Е. А.* Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.). – Минск: БГАТУ, 2016. – 495 с. GREBEN', E. A. *Grazhdanskoe naselenie Belarusi v usloviyakh nemetskoi okkupatsii (1941–1944 gg.).* [The civilian population of Belarus under the German occupation (1941–44.). In Russ.]. Minsk, BGATU publ., 2016, 495 p.; *Кривошей, Д. А.* Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 г. – июль 1944 г.). – М.: Фонд «Историческая память», 2017. – 316 с. KRIVOSHEI, D. A. *Sud'by narodov Belarusi pod okkupatsiei (iyun' 1941 g. – iyul' 1944 g.)* [The fates of the peoples of Belarus under occupation (June 1941 – July 1944). In Russ.]. Moscow, Fond "Istoricheskaya pamyat'" publ., 2017, 316 p.; *Бездзель, В. Я.* Дзеці на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944): манаграфія. – Віцебск: УА «ВДТУ», 2013. – 157 с. BEZDZEL', V.YA. *Dzetsi na akupavanai terytoryi Belarusi (1941–1944): managrafiya* [Children in the occupied territory of Belarus (1941–44): A monograph. In Belarus.]. Viciebsk, UA "VDTU" publ., 2013, 157 p.

[6] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. Д. 993. Л. 1–82. *Natsional'nyj arkhiv Respubliki Belarus'* [National Archive of the Republic of Belarus] (NARB), fond 1440, series 3, file 993, pp. 1–82.

[7] Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. – Л.: Ленинград. газет.-журнал. и кн. изд-во, 1944. – С. 10–11. *Sbornik ukazov, postanovlenii, reshenii, rasporyazhenii i prikazov voennogo vremeni. 1942–1943* [Collection of decrees, resolutions, decisions, directives, and orders of the wartime: 1942–43]. Leningrad, Leningrad. gazet.-zhurnal. i kn. izd-vo publ., 1944, pp. 10–11.

[8] Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 105. Л. 3–9. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv*

g. Sankt-Peterburga [Central State Archive of St. Petersburg] (TsGA SPb), fond R-9421, series 1, file 105, pp. 3–9.

[9] Меховский район 18.03.1958 г. переименован в Езерищенский, ликвидирован 25.12.1962 г., территория присоединена к Городокскому району.

[10] НАРБ. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 50. Л. 3–3 об. NARB, fond 1569, series 1, file 50, pp. 3–3 verso.

[11] Там же. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 1053. Л. 25. Ibid., fond 1363, series 1, file 1053, p. 25.

[12] Там же. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 47. Л. 3. Ibid., fond 1569, series 1, file 47, p. 3.

[13] Там же. Д. 222. Л. 2–2 об. Ibid., file 222, pp. 2–2 verso.

[14] Там же. Д. 21. Л. 5–8. Ibid., file 21, pp. 5–8.

[15] ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 72 Л. 1–5. TsGA SPb, fond R-9421, series 1, file 72, pp. 1–5.

[16] НАРБ. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 222. Л. 2–2 об. NARB, fond 1569, series 1, file 222, pp. 2–2 verso.

[17] Там же. Ф. 861. Оп. 1. Д. 13. Л. 85–85 об. Ibid., fond 861, series 1, file 13, pp. 85–85 verso.

[18] Там же. Ф. 4 п. Оп. 29. Д. 311. Л. 114. Ibid., fond 4 п, series 29, file 311, p. 114.

[19] Там же. Оп. 33 а. Д. 425. Л. 1, 3–5. Ibid., series 33 a, file 425, pp. 1, 3–5.

[20] Там же. Ф. 861. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–19. Ibid., fond 861, series 1, file 5, pp. 15–19.

[21] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. R-903. Оп. 3. Д. 500. Л. 55–56 об. *Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti* [State Archive of the Pskov region] (GAPO), fond P-903, series 3, file 500, pp. 55–56 verso.

[22] ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 61. Л. 3–10 об. TsGA SPb, fond R-9421, series 1, file 61, pp. 3–10 verso.

[23] Там же. Д. 81. Л. 2–10 об. Ibid., file 81, pp. 2–10 verso.

[24] Там же. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 105. Л. 3–9. Ibid., fond R-9421, series 1, file 105, pp. 3–9.

[25] Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. Р-489 Л. Оп. 3. Д. 44. Л. 11–16. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov g. Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (TsGA IPD SPb), fond P-489 L, series 3, file 44, pp. 11–16.

[26] Там же. Ф. Р-116 Л. Оп. 8. Д. 36. Л. 12–16. Ibid., fond R-116 L, series 8, file 36, pp. 12–16.

[27] Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–4. Ibid., series 2, file 5, pp. 1–4.

[28] НАРБ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 25. Л. 40–41. NARB, fond 1336, series 1, file 25, pp. 40–41.

[29] ЦГА ИПД СПБ. Ф. Р-116 L. Оп. 2. Д. 5. Л. 3. TsGA IPD SPb, fond R-116 L, series 2, file 5, p. 3.

[30] НАРБ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 4. Л. 195. NARB, fond 1336, series 1, file 4, p. 195.

[31] Там же. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 411. Л. 150–153. Ibid., fond 1450, series 4, file 411, pp. 150–153.

[32] Там же. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 5. Л. 282–282 об. Ibid., fond 1330, series 1, file 5, pp. 282–282 verso.

[33] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 Л. Оп. 2. Д. 34. Л. 31. TsGA IPD SPb, fond P-116 L, series 2, file 34, p. 31.

[34] НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 180. Л. 78, 80 об. NARB, fond 4 p, series 33 a, file 180, pp. 78, 80 verso.

[35] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 Л. Оп. 2. Д. 59. Л. 244. TsGA IPD SPb, fond R-116 L, series 2, file 59, p. 244.

[36] ГАПО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 30. Л. 10–13. (GAPO), fond R-2379, series 1, file 30, pp. 10–13.

[37] Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 135. Оп. 3. Д. 10. Л. 34–36 об. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Novgorodskoi oblasti* [State Archive of Contemporary History of the Novgorod Region] (GANINO), fond 135, series 3, file 10, pp. 34–36 verso.

[38] Красная звезда. – 1944. – 3 сентября. *Krasnaya zvezda*, September 3, 1944.

Список литературы

Бездзель, В. Я. Дзеці на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944): манаграфія. – Віцебск: УА «ВДТУ», 2013. – 157 с.

Гребень, Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.). – Минск: БГАТУ, 2016. – 495 с.

Гриднев, В. М. Крестьянство западных и северо-западных районов РСФСР в период немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг. – М.: Ун-т дружбы народов, 1944. – 86 с.

Епифанов, А. Е., Красноженова, Е. Е., Степанова, М. М. История и правовое положение военнопленных вермахта в период Сталинградской битвы // Вопросы истории. – 2019. – № 12 (3). – С. 144–150.

Каваленя, А. А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі: 1941–1944 гг. Вытокі. Структура. Дзейнасць. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1999. – 235 с.

Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. – М.: АСТ, 2004. – 483 с.

Ковалев, Б. Н., Кулик, С. В. Гитлеровские преступления с признаками геноцида 1941–1944 гг. (на примере Чудовского района Ленинградской области) // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 7 (32). – С. 11.

Козак, К. И. Германский оккупационный режим на территории Беларуси 1941–1944: историография и источники. – Минск: Белорусский государственный университет, 2006. – 267 с.

Красноженова, Е. Е. Хозяйственно-экономические особенности нацистской оккупационной политики 1941–1944 гг. (на материалах Северо-Запада России) // Вопросы истории. – 2020. – № 11 (1). – С. 56–63.

Красноженова, Е. Е., Кулинок, С. В. К вопросу об использовании немецкой разведкой гражданского населения СССР в 1941–1944 годах // Новейшая история России. – 2020. – № 10 (3). – С. 609–621.

Кривошей, Д. А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 г. – июль 1944 г.). – М.: Фонд «Историческая память», 2017. – 316 с.

Кулинок, С. В. Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии. – М.: Яуза-каталог, 2020. – 702 с.

Литвин, А. М. «Кто может, передайте родным...»: Тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941–1943). – Минск: Беларуская навука, 2019. – 223 с.

Ломагин, Н. А. Неизвестная блокада. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 960 с.

Пережогин, В. А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. – М.: Наука, 2004. – С. 293–305.

Петров, Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. – Л.: Лениздат, 1973. – 454 с.

Семиряга, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.

Соболев, Г. Л., Ходяков, М. В. Архивный фетишизм и историографический нигилизм в одном подходе к изучению истории обороны Ленинграда // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 529–539.

Шевердалкин, П. Р. Героическая борьба ленинградских партизан. – Л.: Лениздат, 1959. – 307 с.

References

BEZDZEL', V.YA. *Dzetsi na akupavanai terytoryi Belarusi (1941 – 1944): managrafiya* [Children in the occupied territory of Belarus (1941–44): A monograph. In Belarus.]. Viciebsk, UA "VDTU" publ., 2013, 157 p.

GREBEN', E. A. *Grazhdanskoe naselenie Belarusi v usloviyakh nemetskoi okkupatsii (1941–1944 gg.)* [The civilian population of Belarus under the German occupation (1941–44.). In Russ.]. Minsk, BGATU publ., 2016, 495 p.

GRIDNEV, V. M. *Krest'yanstvo zapadnykh i severo-zapadnykh raionov RSFSR v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii 1941–1944 gg.* [The peasants of the Western and North-Western regions of the RSFSR in the Nazi occupation of 1941–44. In Russ.]. Moscow, Un-t druzhby narodov publ., 1944, 86 p.

EPIFANOV, A. E., KRASNOZHENOVA, E. E., STEPANOVA, M. M. *Istoriya i pravovoe polozhenie voennoplennykh vermakhta v period*

Stalingradskoi bitvy [History and legal status of the Wehrmacht prisoners of war during the Battle of Stalingrad. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2019, no. 12(3), pp. 144–150.

KAVALENYA, A. A. *Pragermanskiya sayuzy moladzi na Belarusi: 1941–1944 gg. Vytoki. Struktura. Dzeinasts'* [Pro-German Youth Unions in Belarus: 1941–1944 gg. Origins. Structure. Activities. In Belarus.]. Minsk, BDPU imya M. Tanka publ., 1999, 235 p.

KOVALEV, B. N. *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii, 1941-1944* [The Nazi Occupation and Collaboration in Russia, 1941–44. In Russ.]. Moscow, AST publ., 2004, 483 p.

KOVALEV, B. N., KULIK, S. V. *Gitlerovskie prestupleniya s priznakami genotsida 1941–1944 gg. (na primere Chudovskogo raiona Leningradskoi oblasti)* [Hitlerite crimes bearing the hallmarks of genocide, 1941–44: A case-study of the Chudovo district of the Leningrad Region. In Russ.]. IN: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod State University], 2020, no. 7 (32), p. 11.

KOZAK, K. I. *Germanskii okkupatsionnyi rezhim na territorii Belarusi 1941–1944: istoriografiya i istochniki* [The German occupation regime on the territory of Belarus 1941–44: Historiography and sources. In Russ.]. Minsk, Belorusskii gosudarstvennyi universitet publ., 2006, 267 p.

KRASNOZHENOVA, E. E. *Khozyaistvenno-ekonomicheskie osobennosti natsistskoi okkupatsionnoi politiki 1941–1944 gg. (na materialakh Severo-Zapada Rossii)* [Economic features of the Nazi occupation policy: 1941–44 (based on materials of the North-West of Russia). In Russ.]. IN: *Voprosy istorii,* 2020, no. 11 (1), pp. 56–63.

KRASNOZHENOVA, E. E., KULINOK, S. V. *K voprosu ob ispol'zovanii nemetskoi razvedkoi grazhdanskogo naseleniya SSSR v 1941–1944 godakh* [On the question of German intelligence using civilian population of the USSR in 1941–44. In Russ.]. IN*: Noveishaya istoriya Rossii,* 2020, no. 10 (3), pp. 609–621.

KRIVOSHEI, D. A. *Sud'by narodov Belarusi pod okkupatsiei (iyun' 1941 g. – iyul' 1944 g.)* [The fates of the peoples of Belarus under occupation (June 1941 – July 1944). In Russ.]. Moscow, Fond "Istoricheskaya pamyat'" publ., 2017, 316 p.

KULINOK, S. V. *Prisluzhniki Gitlera. Nemetskie razvedyvatel'no-diversionnye shkoly i kursy na territorii Belorussii* [Hitler's minions: German reconnaissance and sabotage schools and courses on the territory of Belarus. In Russ.]. Moscow, Yauza-katalog publ., 2020, 702 p.

LITVIN, A. M. *"Kto mozhet, peredaite rodnym ...": Tainy tyuremnykh kamer okkupirovannogo Gomelya (1941–1943)* ["Those who can, tell your relatives ...": Secrets of the prison cells of occupied Gomel (1941–43). In Russ.]. Minsk, Belaruskaya navuka publ., 2019, 223 p.

LOMAGIN, N. A. *Neizvestnaya blokada* [The unknown blockade. In Russ.]. St. Petersburg, Neva publ.; Moscow, OLMA-Press publ., 2002, 960 p.

PEREZHOGIN, V. A. *Voprosy kollaboratsionizma* [Collaboration issues. In Russ.]. IN*: Voina i obshchestvo. 1941–1945* [War and society: 1941–45. In Russ.]. Book 2. Moscow, Nauka publ., 2004, pp. 293–305.

PETROV, Yu. P. *Partizanskoe dvizhenie v Leningradskoi oblasti 1941–1944* [The partisan movement in the Leningrad region, 1941–44. In Russ.]. Leningrad, Lenizdat publ., 1973, 454 p.

SEMIRYAGA, M. I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration: Its nature, typology, and manifestations in the days of the Second World War. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2000, 863 p.

SOBOLEV, G. L., KHODYAKOV, M. V. *Arkhivnyi fetishizm i istoriograficheskii nigilizm v odnom podkhode k izucheniyu istorii oborony Leningrada* [Archival Fetishism and Historiographical Nihilism in One Approach to Studying the History of the Defense of Leningrad. In Russ.]. IN*: Noveishaya istoriya Rossii*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 529–539.

SHEVERDALKIN, P. R. *Geroicheskaya bor'ba leningradskih partisan* [The heroic struggle of the Leningrad partisans. In Russ.]. Leningrad, Lenizdat publ., 1959, 307 p.

Сведения об авторах

Красноженова Елена Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, eleena@inbox.ru

Кулинок Святослав Валентинович, кандидат исторических наук, Национальный архив Республики Беларусь, отдел публикаций, заведующий отделом, г. Минск, Республика Беларусь, svkulinok@tut.by

About the authors

Krasnozhenova Elena Evgenievna, PhD in History, professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, professor, St. Petersburg, Russian Federation, eleena@inbox.ru

Kulinok Svyatoslav Valentinovich, PhD in History, National Archive of the Republic of Belarus, documents publication department, head of the department, Minsk, Belarus, svkulinok@tut.by

Сведения о грантах

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00004; № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России в 1941–1944 гг.».

Grant information

The study has been funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, project no. 20-59-00004; no. G20P-287 "People and power: Occupiers, collaborators, and partisans on the border territories of Belarus and North-West Russia in 1941–44."

В редакцию статья поступила 03.09.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Красноженова, Е. Е., Кулинок, С. В. Преступления нацизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам архивов Северо-Запада России и Республики Беларусь // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 98–120. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-98-120

Submitted 03.09.2021, published (for citation):

KRASNOZHENOVA, E. E., KULINOK, S. V. *Prestupleniya natsizma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. po dokumentam arkhivov Severo-Zapada Rossii i Respubliki Belarus'* [Crimes of Nazism in the Days of the Great Patriotic War of 1941–45 in Documents from the Archives of the North-West of Russia and the Republic of Belarus. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 98–120. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-98-120

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47).084.9:314.146/148+94(47)+314.1+311.3
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-121-136

Горбачев, О. В.
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. как источник по истории городской семьи

Gorbachev, Oleg V.
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Materials of the 1959 All-Union Population Census as a Source on the History of Urban Family

Аннотация
Использование материалов переписей населения для изучения социальной истории России XX в. затруднено серьезными ограничениями, заданными как формуляром переписи, так и избирательной публикацией полученных итогов. Отчасти эта проблема решается за счет использования переписных бланков, фрагментарно сохранившихся в местных архивах. Исследователь вынужден обращаться к материалам переписей, в том числе, для изучения тем, прямо не отраженных в формулярах переписей по причине ограниченности социальной статистики по истории советского общества. Целью статьи является выяснение возможности использования, наряду с опубликованными данными, первичных материалов переписи 1959 г., хранящихся в фонде Областного статистического управления в Государственном архиве Свердловской области, для изучения среднестатистической семьи г. Свердловска. Изучение российской городской семьи второй половины XX в. важно для оценки последствий демографического перехода 1930–1980-х гг. и степени деформации структуры населения под влиянием Великой Отечественной войны. Актуальность изучения уральской семьи важна с той точки зрения, что процессы урбанизации в регионе в исследуемый период протекали чрезвычайно интенсивно. Для систематизации информации переписных

бланков была создана база данных «Семья г. Свердловска. 1959 г.», сочетающая принципы индивидуального и посемейного учета. В базу включены сведения из 1 200 бланков по Октябрьскому району. За пределами анализа пока осталось около 17 тыс. поквартирных переписных листов по другим городским поселениям области. При сопоставлении с опубликованными данными выяснилось, что полученная выборка репрезентативна по большинству значимых показателей. Существенные отклонения фиксируются по социальному составу населения, что отражает специфику одного из центральных районов крупного города (доминирование служащих, значительное количество неполных семей, предположительно недавних мигрантов). Среди прочего выяснилось, что наиболее распространенными были семьи из двух и трех человек; в значительном количестве случаев главами семьи были молодые женщины и т. п. Полученные сведения позволяют характеризовать свердловскую городскую семью с точки зрения так называемого второго демографического перехода, существенно повлиявшего на размеры семьи, распределение внутрисемейных ролей и на стратегии брачного поведения. Ввиду несомненной научной ценности первичных материалов переписей, важным направлением исследовательского поиска должно стать обнаружение других подобных документальных массивов в российских архивах.

Abstract

Using census data for studying social history of Russia in the 20th century has serious restrictions determined by the census form and by selective publication of the obtained results. Using census forms themselves, fragmentary preserved in local archives, partially solves this problem. The researcher has to turn to the primary census materials for studying some topics, which are not directly reflected in the primary census forms, due to limited social statistics on the Soviet society. The article is to clarify the possibility of using primary materials of the 1959 census, stored in the fond of the Regional Statistical Office from the State Archive of the Sverdlovsk Region, alongside with the published data, for studying urban family in Sverdlovsk. The study of the Russian urban family in the second half of the 20th century is important for assessing the consequences of demographic transition of the 1930s–1980s and the degree of population structure deformation following the Great Patriotic War. Studying the Ural family is significant, as urbanization processes in the region during the said period quite intensively. To systematize the information on the census forms, a database “Family of the city of Sverdlovsk, 1959” has been created, combining principles of individual and family registration. The database includes information from 1,200 forms for the Oktyabrsky district.

Nearly 17 000 apartment census forms for other urban settlements of the region fall outside the scope of this analysis. Comparison with published data proves that the sample is representative in its most significant indicators. Significant deviations are recorded in the social composition of the population, reflecting specifics of a central district of a large city (dominance of employees, significant number of single-parent families, presumably recent migrants). Among other things, it has been established that most commonly families consisted of two and three persons; in a significant number of cases, the households were headed by young women. The obtained information permits to characterize the Sverdlovsk urban family in terms of the so-called second demographic transition, which significantly influenced family size, distribution of intra-familial roles, and strategies of matrimonial behavior. Given the undoubted scientific value of the primary census materials, discovery of other similar documentary complexes in the Russian archives should be an important direction of research.

Ключевые слова
Исторические источники, Всесоюзная перепись населения 1959 г., первичные материалы переписи, городская семья, г. Свердловск, база данных, демографический переход.

Keywords
Historical sources, all-Union population census of 1959, primary census materials, urban family, Sverdlovsk, database, demographic transition.

Несколько лет назад сотрудникам Международного центра демографических исследований Уральского федерального университета удалось обнаружить в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) переписные листы Всесоюзной переписи населения 1959 г. Массив включает материалы по городским поселениям десяти районов области[1], в том числе по Октябрьскому району г. Свердловска[2] и содержит около 17 тыс. поквартирных переписных листов (примерно 100 тыс. индивидуальных записей).

Необычность такой находки в том, что подобные материалы обычно уничтожались. Случаи обнаружения массивов переписных листов в российских архивах немногочисленны и, как правило, дают хорошую исследовательскую перспективу[3]. Использование первичных номинативных данных

позволяет разрушить традицию, в рамках которой исследователи истории России вынуждены оперировать только сведениями вторичной, агрегированной статистики. Недостатки последней очевидны – слишком широкий территориальный охват, скрывающий детали и избирательность публикуемых данных.

В экономоцентристской советской статистике с ее традиционным креном в сторону производства средств производства, т. е. учета продукции тяжелой промышленности, материалы переписей населения являются одним из немногочисленных источников информации об обществе. Важно, что сведения при этом получались «из первых рук», а не в контексте умозрительных идеологических представлений о «новом советском человеке». Переписи давали возможность государству сформулировать приоритеты социального развития и уточнить направления текущей политики в образовании, здравоохранении, жилищно-коммунальной сфере и системе социального обеспечения.

Советская социальная статистика в целом разработана довольно слабо. Поэтому исследователи вынуждены обращаться к материалам переписей населения в том числе в поисках информации, прямо не заявленной в их программах. Это в полной мере относится к изучению проблем эволюции семьи.

Необходимость такого изучения вытекает из глобальных изменений, произошедших в семейной структуре российского населения в XX столетии. В 1930–1980-е гг. страна оказалась в ситуации урбанизационного перехода, в ходе которого российское общество из преимущественно сельского становилось городским. По подсчетам А. Г. Вишневского, между 1926 и 1989 гг. число городских семей увеличилось более чем в восемь раз[4]. В этом контексте особую значимость приобретают характеристики советской *городской* семьи. Семья постепенно модифицировалась в соответствии с логикой второго демографического перехода, предполагавшей более активную индивидуальную самореализацию, свободу выбора, эмансипацию, новые установки в отношении регулирования рождений и мотивов родительства[5].

Существует значительное количество исследований, посвященных эволюции российской семьи в XX в.[6] При этом источниковедческий аспект проблемы, в частности значение материалов переписей в изучении истории российской семьи, почти не анализировался. Наиболее подробно этот вопрос освещен Б. Андерсон[7].

Использование переписей для изучения семейной динамики наталкивается как минимум на два препятствия. Во-первых, семья, как правило, не была в центре внимания разработчиков переписи, и перечень вопросов в переписном листе, имеющий отношение к семье, обычно невелик. Поскольку в переписи реализуется индивидуальный принцип регистрации информации, в программах переписей населения семья представлена ограниченным числом признаков – чаще всего изучается состояние в браке.

Во-вторых, и это обстоятельство тесно связано с первым – то, что информация о семье, изначально доступная в переписных листах, далеко не всегда включалась в агрегированные итоги переписи. При этом практические цели разработчиков и публикаторов переписных данных нередко расходились с интересами ученых – социологов, демографов, историков.

Целью настоящей статьи является анализ возможности использования, наряду с официальными итогами, первичных данных Всесоюзной переписи населения 1959 г. для изучения среднестатистической семьи г. Свердловска. В середине XX в. наиболее значимым фактором воздействия на семью стала демографическая катастрофа, спровоцированная Великой Отечественной войной. Первая послевоенная перепись 1959 г. важна постольку, поскольку позволяет оценить масштабы произошедших изменений.

Что касается Урала, то урбанизация здесь приняла особенно интенсивный характер вследствие реализации накопленного регионом городского потенциала, а также массового строительства промышленных предприятий[8]. Уже во время переписи 1939 г. население Свердловской области было преимущественно городским, а к 1959 г. его доля в регионе превысила ¾ населения, существенно опережая общероссийские показатели[9]. Это позволяет предположить, что к моменту

проведения переписи «городская» эволюция семьи в регионе зашла достаточно далеко.

Семья в материалах переписи 1959 г. Главным предназначением переписи населения 1959 г. было уточнение результатов демографического развития за 20 лет, т. е. за время, прошедшее с переписи 1939 г., с учетом огромных военных потерь. Кроме того, в число приоритетов учета населения входил сбор информации о процессах, связанных со вступлением страны в эпоху НТР, когда особую роль приобретал фактор образования. Впервые самостоятельное значение приобретал учет доли лиц, занятых умственным трудом.

В числе других целей переписи 1959 г., обозначенных в ее программе, – оценка уровня рождаемости и смертности населения, уточнение доли городского населения (более высокий показатель воспринимался как благо, т. е. миграция из села еще не была осознана как серьезная проблема) и анализ условий труда жителей села[10].

Формуляр переписи населения 1959 г. состоял из 15 вопросов, пять из которых имели непосредственное отношение к характеристике семьи (фамилия, имя и отчество; возраст; пол; отношение к главе семьи (домовладельцу); семейный статус). На основе обобщения этих данных опубликованные официальные итоги переписи дают информацию по отдельным территориям, включая Свердловскую область, по числу состоящих в браке на 1 000 чел. населения по полу, о численности членов семей и одиночек и о группировке семей по размеру для города и села. Группировка семей по общественной группе и размеру семьи имеется только для республики в целом[11]. Кроме того, на основе текущей статистики естественного движения населения можно получить данные об общем коэффициенте рождаемости[12].

Насколько информативны эти данные? Если сравнивать с другими советскими переписями, то обнаружим, что в опубликованных итогах переписи 1959 г. нет сведений о распределении респондентов по брачному статусу (одиночки, состоящие в браке, овдовевшие и разведенные), хотя эта информация доступна в материалах переписей 1897, 1926 и 1979 гг.; о распределении семей по типу (доступна в материалах 1926, 1970

и 1979 гг.); об общем количестве рожденных женщиной детей (1979 г.); о детях, проживающих в семье (1926, 1970 и 1979 гг.).

Отчасти недостаток информации позволяют компенсировать прежде закрытые статистические сборники (с грифом «для служебного пользования»). Так, например, в сборнике по Свердловской области приведены группировки городского и сельского населения по состоянию в браке по полу и возрасту, в том числе по г. Свердловску[13]. С другой стороны, страничка «Семейный состав населения» в сборнике фактически повторяет сведения официальных «итогов», предлагая в качестве дополнительной информации лишь сделанные на их основе расчеты о доле одиночек в составе населения и о процентном распределении семей разной численности. Город Свердловск в этом разделе отдельно не выделяется[14].

Некоторые агрегированные данные доступны в архивах, но и они не дают дополнительной информации. Речь идет о статразработочных таблицах (формы 2–17) с распределением населения, состоящего в браке по полу и возрасту, составленных областным управлением статистики[15].

Первичные материалы переписи 1959 г. На какую иную информацию о семье можно рассчитывать, анализируя первичные материалы, т. е. переписные листы? Опросный лист переписи 1959 г. представляет собой форму, составленную для проведения поквартирного учета населения и утвержденную постановлением Совета Министров РСФСР от 5 мая 1958 г. В структуре переписного листа выделяются три информационных блока: 1) адресный (республика, край/область/округ, район; адрес в городских поселениях: название поселения, улица, дом, квартира; адрес в сельских поселениях: сельсовет; название поселения, улица, дом; фамилия домовладельца); 2) программный, включающий вопросы переписи (фамилия, имя, отчество; отношение к главе семьи; пол; число лет; состоит ли в браке; национальность; родной язык; гражданин какого государства; образование; для учащегося указать название учебного заведения; место работы (название предприятия или учреждения); занятие по месту работы; если не имеет занятия, указать источник средств существования; к какой общественной группе принадлежит (рабочий, служащий, колхозник

и т. д.); 3) персональные данные с кодировкой, заполненные регистратором вручную.

Программный и персональный информационные блоки структурированы в виде таблицы: по вертикали приведены вопросы переписи, а по горизонтали – пронумерованные графы, отведенные для фиксации сведений о конкретном человеке – всего в бланке выделено шесть граф, т. е. в переписном листе может быть учтена информация о 6 чел., проживающих по одному адресу. Если число жильцов в квартире (доме) было больше, то заполнялся дополнительный лист, помеченный тем же номером с литерой «б». Такая структура переписного листа позволяет реконструировать состав семьи, включая внутрисемейные связи.

Переписной лист заполнялся регистратором на основе опроса, как правило, корректно, хотя встречаются и ошибки регистрации, связанные с кодировкой. Записи в переписных листах проверялись в переписном отделе, и в случае обнаружения ошибок заполнения, вносились исправления.

При работе со сведениями переписных листов встречаются следующие проблемы:

1) не всегда имеется возможность точно установить, в каких условиях проживает семья (возможные варианты: коммунальная, отдельная, съемная квартира), а также идентифицировать статус временно проживающих в квартире;

2) по-разному фиксируются одинаковые места работы или учебы; не всегда удается привести их к одному написанию;

3) существует проблема использования ресурса в открытом доступе, поскольку номинативные данные переписи подпадают под действие Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

При использовании переписных листов в распоряжении исследователя оказываются конкретные сведения о брачном статусе респондента, о типе семьи и о количестве проживающих в доме детей. Структура переписного листа позволяет сопоставлять данные отдельных респондентов с общей информацией о семье и дает возможность осуществить качественный анализ характерных черт городской семьи в Свердловской области второй половины XX в. Информа-

ция о жилищных условиях полезна для оценки оптимального режима функционирования семьи[16].

Помимо социально-демографических характеристик, на основе имеющихся данных появляется возможность проанализировать свердловскую городскую семью с точки зрения оценки ее социального потенциала. Особый интерес представляют сведения о полученном, либо получаемом профессиональном образовании, месте работы и должности.

База данных «Семья г. Свердловска. 1959 г.»: проблема репрезентативности и информационный потенциал. Чтобы получить возможность соотнести информацию первичных материалов с общими итогами переписи, необходимо создание информационного ресурса. С этой целью в Международном центре демографических исследований (МЦДИ) Уральского федерального университета была разработана база данных, позволяющая сочетать принципы индивидуального и посемейного учета. Она включает две реляционные таблицы: «Население г. Свердловска по переписи 1959 г.» и «Семья г. Свердловска по переписи 1959 г.» В первую таблицу, состоящую из 21 поля, включена информация в соответствии с программой переписи. Помимо основных вопросов переписи, выделены кодовое поле, архивный шифр, примечания, а также отмечены жилищные условия (отдельная квартира, комната в коммунальной квартире, аренда или временное жилье). Таблица включает 4 715 записей, что составляет 0,6% от общей численности населения города. Кодовое поле обозначает принадлежность человека к определенной семье (С1, С2 и т. п.) и является общим для обеих таблиц.

Вторая таблица включает описание 2 079 семей[17] и содержит 21 поле, в которых представлена информация о семье: ее размерах, структуре, типе, количестве детей, иждивенцев, едоков и работников, условиях проживания, социальной принадлежности. Несколько полей отведено для характеристики главы семьи (пол, возраст, состояние в браке, национальность, образование), повторяющих поля первой таблицы, что вызвано необходимостью отнесения семьи к той или иной типологической группе (полная/неполная, простая/расширенная). Информация половины полей второй

таблицы – это расчетные данные, полученные в результате анализа сведений, приведенных в опросном листе, и их экспертной оценки. Это касается числа членов семьи, количества детей, числа едоков и иждивенцев, демографического типа и структуры семьи.

При составлении базы данных таблицы заполнялись параллельно. Сначала вводились номинативные сведения в первую таблицу с указанием кода семьи, а затем аналитические данные о семье во вторую таблицу.

Поскольку в базу данных включена доступная первичная информация (около 1 200 бланков), относящаяся только к одному району города, неизбежно встает вопрос о ее репрезентативности. Для ее оценки было проведено сравнение некоторых опубликованных итоговых показателей по г. Свердловску, извлеченных из сборника облкомстата[18] и включенных в базу данных сведений из естественной выборки.

Сравнение позволяет сделать вывод о репрезентативности массива базы данных по возрасту, национальности, образованию, источникам существования (дохода)[19]. Существенные отклонения отмечены в структуре населения по полу (отклонение 6%). По опубликованным итогам переписи дисбаланс между полами меньше, что может быть связано с политическим заказом на преуменьшение военных потерь мужского населения. Кроме того, в сравнении с выборкой опубликованные итоги демонстрируют несколько бóльшую долю замужних женщин (в возрасте 16 лет и старше).

Но если отклонения этих демографических показателей находятся в пределах 6–9%, то по социальной структуре населения они значительно более существенные. Служащих в выборке на 22% больше, чем по опубликованным итогам, рабочих, напротив, меньше. Такое отклонение очевидно связано с районом проживания. Как уже говорилось, в выборку попал центральный Октябрьский район города, в структуре населения которого более высокий удельный вес лиц с высшим образованием, служащих, в том числе преподавателей вузов, ответственных работников и пр.

В выборке также оказалась большей доля одиноких женщин и меньшей – полных семей в сравнении с опубликованными

итогами. В связи с этим естественно, что большей оказалась и доля семей, главами которых фиксировались женщины.

И опубликованные итоги, и данные выборки показывают, что наиболее распространенными в Свердловске были семьи из двух и трех человек. Выборка демонстрирует эту тенденцию более отчетливо – средний размер семьи 3,29 чел. против 3,59 по опубликованным итогам. При этом большинство семей были неполными (62,7%). Применение к имеющимся данным типологии И. Герасимовой[20] обнаружило преобладание брачных пар с детьми и без детей для полных семей, а для неполных – типов «глава семьи с детьми», «одинокие» и «одиночки (живут разделенно)».

В распределении глав семей по возрасту обращает на себя внимание неожиданно значительная доля женщин в возрасте до 25 лет в статусе главы семьи, что не соответствует обычным представлениям, в соответствии с которыми женщины обычно возглавляют семьи в старших возрастах. Наконец, база данных демонстрирует, что при оформлении официального брака главой семьи обычно становился мужчина (81,8% случаев), а в других случаях (неполные семьи, либо «гражданский» брак) эту роль часто брала на себя женщина.

Анализ даже ограниченного количества переписных листов способен существенно дополнить и уточнить представления о семейном составе городского населения, заданные программой переписи и утвержденными алгоритмами обработки ее итогов. Формат базы данных позволяет формулировать нестандартные исследовательские запросы и получать интересные результаты. Например, выяснилось, что наиболее стабильными в Свердловске в 1959 г. были еврейские семьи (большая доля полных семей), а самыми многодетными – татарские. Перепись показала, что почти половина опрошенных семей проживала в коммунальных квартирах (46%), а среди проживающих в отдельном жилье рабочих было больше, чем служащих (45% против 39%).

В целом же анализ уральской городской семьи по доступным (опубликованным и неопубликованным) материалам переписи позволяет характеризовать ее в категориях второго демографического перехода. Перепись зафиксировала типич-

ность неполных семей, значительное количество малодетных семей и одиночек, изменение брачных ролей в семье в сравнении с традиционной патриархальной семьей.

При всей трудоемкости работа по формализации оставшейся части имеющегося массива переписных листов по городским поселениям Свердловской области чрезвычайно важна для дальнейшего изучения советской городской семьи второй половины XX в. Очевидно, что фонды местных статистических органов пока изучены далеко не полностью, поэтому важным направлением исследовательской деятельности также является обнаружение других подобных массивов в российских архивах.

Примечания / Notes

[1] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 12. Д. 5–31. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Sverdlovsk Region] (GASO), fond 1813, series 12, files 5–31.

[2] Ibid., files 23–24.

[3] GLAVATSKAYA, E. Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region. IN: ANDERSON, D. G. (ed.) The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. New York; Oxford, Berghahn Books, 2011, pp. 97–117; *Брюханова, Е. А.* Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года в архивах России и ближнего зарубежья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. BRYUKHANOVA, E. A. *Materialy Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 goda v arkhivakh Rossii i blizhnego zarubezh'ya* [Materials of the First General Population Census of 1897 in the archives of Russia and neighboring countries. In Russ.]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta publ., 2019.

[4] *Вишневский, А. С.* Демографическая модернизация России, 1900–2000. – М.: Новое изд-во, 2006. – С. 67. VISHNEVSKII, A. S. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000. In Russ.]. Moscow, Novoe izd-vo publ., 2006, p. 67.

[5] Там же. – С. 138. Ibid., p. 138.

[6] См. например: *Вишневский, А. С.* Указ. соч. VISHNEVSKII, A. S., 2006; *Ильина, И. П.* Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. – М.: Статистика, 1977. – С. 50–62. IL'INA, I. P. *Vliyanie voin na brachnost' sovetskikh zhenshchin* [The influence of wars on the marriage rate of Soviet women. In Russ.]. IN: *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriage, fertility, mortality in Russia and in the USSR. In Russ.]. Moscow, Statistika publ., 1977, pp. 50–62; AFONTSEV, S., KESSLER, G., MARKEVICH, A., TYAZHELNIKOVA, V.,

VALETOV, T. The urban household in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Patterns of family formation in a turbulent century. IN: *History of the Family,* 2008, vol. 13, no. 2, pp. 178–194.

[7] ANDERSON, B. A. Marriage, Family, and Fertility Data in Russian and Soviet Censuses. IN: CLEM, R. (ed.) Research Guide to the Russian and Soviet Censuses. Ithaca, Cornell Univ. Press, 1986, pp. 131–154. См. также: MAZUR, L., GORBACHEV, O. Primary sources on the history of the Soviet family in the 20th century: An analytical review. IN: *The History of the Family,* 2016, vol. 21, no. 1, pp. 101–120; *Мазур, Л. Н., Горбачев, О. В.* Массовые источники по истории крестьянской семьи в России в XX в. // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – Вып. 18. – С. 304–321. MAZUR, L. N., GORBACHEV, O. V. *Massovye istochniki po istorii krest'yanskoi sem'i v Rossii v XX v.* [Mass sources on the history of peasant family in Russia in the 20th century]. IN: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Contemporaneity. In Russ.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural un-ta publ., 2018, issue 18, pp. 304–321.

[8] См.: *Мазур, Л. Н., Бродская, Л. И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 235. MAZUR, L. N., BRODSKAYA, L. I. *Evolyutsiya sel'skikh poselenii Srednego Urala v XX veke: opyt dinamicheskogo analiza* [Evolution of rural settlements of the Middle Urals in the 20th century: An experience in dynamic analysis. In Russ.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural un-ta publ., 2006, p. 235.

[9] См.: Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения 02.09.2020). *Perepisi naseleniya Rossiiskoi Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimykh gosudarstv* [Population censuses of the Russian Empire, USSR, 15 new independent states. In Russ.]. [On-line]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (accessed 02.09.2020).

[10] См.: Всесоюзная перепись населения // Правда. – 1959. – 15 января. – С. 1. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya* [The All-Union Population Census. In Russ.]. IN: *Pravda,* January 15, 1959, p. 1.

[11] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963. – С. 98–102, 426–454. *Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda. RSFSR* [Results of the 1959 All-Union Population Census. RSFSR. In Russ.]. Moscow, Gosstatizdat publ., 1963, pp. 98–102, 426–454.

[12] ANDERSON, B. A., 1986, p. 133.

[13] Население Свердловской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г.). – Свердловск: Стат. упр. Свердловской области, 1962. – С. 13. *Naselenie Sverdlovskoi oblasti (po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya na 15 yanvarya 1959 g.)* [Population of the Sverdlovsk region (according to the All-Union Population Census as of January 15, 1959). In Russ.]. Sverdlovsk, 1962, p. 13.

[14] Там же. – С. 96. Ibid., p. 86.

[15] ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 35. GASO, fond 1813, series 12, file 35.

[16] О взаимосвязи жилищных условий и брачности см., например: *Ильина, И. П.* Указ. соч. IL'INA, I. P., 1977.

[17] Реально в разработку были включены 1 959 записей, поскольку 120 записей были сделаны в роддоме, что существенно искажает общие данные по полу, возрасту и семейному статусу, такие респонденты фиксировались как «одиночки (живут разделенно)».

[18] Население Свердловской области. *Naselenie Sverdlovskoi oblasti*... 1962.

[19] Анализ репрезентативности сделан Л. Н. Мазур.

[20] *Герасимова, И. А.* Структура семьи. – М.: Статистика, 1976. GERASIMOVA, I. A. *Struktura sem'i* [Family structure. In Russ.]. Moscow, Statistika publ., 1976.

Список литературы

Вишневский, А. С. Демографическая модернизация России, 1900–2000. – М.: Новое изд-во, 2006. – 608 с.

Брюханова, Е. А. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года в архивах России и ближнего зарубежья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 192 с.

Герасимова, И. А. Структура семьи. – М.: Статистика, 1976. – 176 с.

Ильина, И. П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. ст. / Под ред. А. Г. Вишневского. – М.: Статистика, 1977. – С. 50–62.

Мазур, Л. Н., Бродская, Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 564 с.

Мазур, Л. Н., Горбачев, О. В. Массовые источники по истории крестьянской семьи в России в XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – Вып. 18. – С. 304–321.

AFONTSEV, S., KESSLER, G., MARKEVICH, A., TYAZHELNIKOVA, V., VALETOV, T. The urban household in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Patterns of family formation in a turbulent century. IN: *History of the Family,* 2008, vol. 13, no. 2, pp. 178–194.

ANDERSON, B. A. Marriage, Family, and Fertility Data in Russian and Soviet Censuses. IN: CLEM, R. (ed.) Research Guide to the Russian and Soviet Censuses. Ithaca, Cornell Univ. Press, 1986, pp. 131–154.

GLAVATSKAYA, E. Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region. IN: ANDERSON, D. G. (ed.) The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. New York; Oxford, Berghahn Books, 2011, pp. 97–117.

MAZUR, L., GORBACHEV, O. Primary sources on the history of the Soviet family in the 20th century: An analytical review. IN: *The History of the Family,* 2016, vol. 21, no. 1, pp. 101–120.

References

VISHNEVSKII, A. S. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000. In Russ.]. Moscow, Novoe izd-vo publ., 2006, 608 p.

BRYUKHANOVA, E. A. *Materialy Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 goda v arkhivakh Rossii i blizhnego zarubezh'ya* [Materials of the First General Population Census of 1897 in the archives of Russia and neighboring countries. In Russ.]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta publ., 2019, 192 p.

GERASIMOVA, I. A. *Struktura sem'i* [Family structure. In Russ.]. Moscow, Statistika publ., 1976, 176 p.

IL'INA, I. P. *Vliyanie voin na brachnost' sovetskikh zhenshchin* [The influence of wars on the marriage rate of Soviet women. In Russ.]. IN: *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriage, fertility, mortality in Russia and in the USSR. In Russ.]. Moscow, Statistika publ., 1977, pp. 50–62.

MAZUR, L. N., BRODSKAYA, L. I. *Evolyutsiya sel'skikh poselenii Srednego Urala v XX veke: opyt dinamicheskogo analiza* [Evolution of rural settlements of the Middle Urals in the 20th century: An experience in dynamic analysis. In Russ.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural un-ta publ., 2006, 564 p.

MAZUR, L. N., GORBACHEV, O. V. *Massovye istochniki po istorii krest'yanskoi sem'i v Rossii v XX v.* [Mass sources on the history of peasant family in Russia in the 20th century]. IN: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Contemporaneity. In Russ.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural un-ta publ., 2018, issue 18, pp. 304–321.

AFONTSEV, S., KESSLER, G., MARKEVICH, A., TYAZHELNIKOVA, V., VALETOV, T. The urban household in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Patterns of family formation in a turbulent century. IN: *History of the Family,* 2008, vol. 13, no. 2, pp. 178–194.

ANDERSON, B. A. Marriage, Family, and Fertility Data in Russian and Soviet Censuses. IN: CLEM, R. (ed.) Research Guide to the Russian and Soviet Censuses. Ithaca, Cornell Univ. Press, 1986, pp. 131–154.

GLAVATSKAYA, E. Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region. IN: ANDERSON, D. G. (ed.) The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. New York; Oxford, Berghahn Books, 2011, pp. 97–117.

MAZUR, L., GORBACHEV, O. Primary sources on the history of the Soviet family in the 20th century: An analytical review. IN: *The History of the Family,* 2016, vol. 21, no. 1, pp. 101–120.

Сведения об авторах

Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный университет, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, профессор, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-343-389-94-24, og_06@mail.ru

About the authors

Gorbachev Oleg Vitalievich, PhD in History, professor, Ural Federal University, department of documentation, archival science, and history of public administration, Yekaterinburg, Russian Federation, +7-343-389-94-24, og_06@mail.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-29-07154).

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-29-07154).

В редакцию статья поступила 07.10.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Горбачев, О. В. Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. как источник по истории городской семьи // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 121–136. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-121-136

Submitted 07.10.2021, published (for citation):

GORBACHEV, O. V. *Materialy Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 g. kak istochnik po istorii gorodskoi sem'i* [Materials of the 1959 All-Union Population Census as a Source on the History of Urban Family. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 121–136. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-121-136

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47)+930.253
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-137-153

Пермяков, И. А., Джалилов, Т. А., Пивоваров, Н. Ю.
Российский государственный архив новейшей истории,
г. Москва, Российская Федерация

После Хрущева: деятельность Президиума ЦК КПСС в октябре 1964 – июне 1965 г. по записям В. Н. Малина

Permyakov, Igor A., Dzhalilov, Teimur A., Pivovarov, Nikita Yu.
Russian State Archive of Contemporary History,
Moscow, Russian Federation

After Khrushchev: Activities of the Presidium of the Central Committee of the CPSU in October 1964 – June 1965 According to V. N. Malin's Notes

Аннотация
В статье анализируются черновые протокольные записи заседаний Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) с октября 1964 по июнь 1965 г., ведшиеся В. Н. Малиным – заведующим Общим отделом ЦК КПСС с 1954 по 1965 г. Целью и задачей исследования является проследить механизм выработки ключевых решений высшим политическим руководством СССР в период трансформации политической системы, связанной с перераспределением властных функций после отставки Н. С. Хрущева, на основании уникальных исторических источников из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), впервые вводимых в научный оборот. Несмотря на обширную историографию различных аспектов истории Советского Союза периода правления Л. И. Брежнева, эта тема не получила должного освещения в отечественных и зарубежных исследованиях. Исходя из специфики исследования, авторским коллективом используется комплексный методологический

подход, который построен на сочетании источниковедческой критики представляемого источника с проблемно-хронологическим и системно-структурным методами, что позволяет, насколько это представляется возможным, максимально убедительно интерпретировать вводимые в научный оборот исторические источники. Анализируя вопросы, рассматриваемые на заседаниях Президиума ЦК КПСС в изучаемом хронологическом отрезке времени, авторы приходят к выводу, что после октября 1964 г. основной круг тем не изменился – в центре внимания высшего политического органа СССР оставались ключевые проблемы внутренней и внешней политики, однако подходы к их решению стали меняться. Важным направлением деятельности Президиума ЦК стало преодоление хрущевского наследия. Это могли быть как формальные вопросы, связанные с отставкой бывшего советского руководителя с занимаемых им многочисленных постов, так и принципиальные проблемы идеологического характера. Международная деятельность стала ключевой при ревизии политики Н. С. Хрущева, что вылилось в необходимость пересмотра ряда подходов советской внешнеполитической стратегии и тактики. В конце октября 1964-го – 1965 гг. советское руководство предпринимало усилия по нормализации взаимоотношений с правящими партиями Албании и Китайской народной республики (КНР), подвергшихся «испытанию на прочность» в период правления Н. С. Хрущева. Черновые протокольные записи заседаний Президиума ЦК показывают, что внутренние проблемы СССР обсуждались советскими лидерами не менее живо и остро, чем международные. Основные дискуссии разворачивались вокруг двух принципиальных вопросов – положения в сельском хозяйстве и изменения системы планирования в промышленности. Дискуссии о необходимости аграрных преобразований доминировали в конце 1964 – начале 1965 г., а обсуждение реформирования подходов в планировании промышленного производства происходило с весны 1965 г. Авторы приходят к выводу, что при реализации своих инициатив лидеры Советского Союза во многом были ограничены конфигурацией сложившейся за долгие годы политической системы, существовавшими внешнеполитическими реалиями. Кроме того, авторы показывают недостаточную изученность вопроса о механизмах выработки ключевых решений высшим политическим руководством СССР и связывают перспективы развития исследований в этой области с расширением доступа к архивным комплексам.

Abstract
The article analyzes draft minutes of the meetings of the Presidium of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CC CPSU) from October 1964 to June 1965 made by V. N. Malin, head of the General Department of the CC CPSU from 1954 to 1965. The purpose and objective of the study is to use unique historical sources from the fonds of the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), which are being thus introduced into scientific use, to deduce the mechanisms of developing key decisions in the supreme political leadership of the USSR, while political system was transformed and power functions redistributed after the resignation of N. S. Khrushchev. Extensive historiography on various aspects of the history of the Soviet Union under L. I. Brezhnev notwithstanding, this topic has not received its proper coverage in national and foreign scholarship. Due to research specifics, the authors have used comprehensive methodological approach, based on a combination of source criticism, problem-chronological and system-structural methods, which permits, to some degree, to interpret the historical sources introduced into scientific use as convincingly as possible. Having analyzed issues considered at the meetings of the Presidium of the CC of the CPSU at the time, the authors come to a conclusion that the main range of topics did not change after October 1964: key problems of domestic and foreign policy remained in the focus of attention of the supreme political body of the USSR, while its approach to them did change. An important area of activity of the Presidium of the Central Committee was overcoming N. S. Khrushchev's legacy. This could have been formal issues related to the resignation of the former Soviet leader from his numerous posts, as well as fundamental problems of ideological nature. International relations were central in revision of N. S. Khrushchev's policy, resulting in a reconsideration of the Soviet foreign policy strategy and tactics. In late October 1964–65, the Soviet leadership made efforts to normalize the relations with the ruling parties of Albania and the People's Republic of China (PRC), which had been "tested for durability" in the Khrushchev era. The preliminary working notes of the meetings of the Presidium of the Central Committee show that internal problems of the USSR were discussed by the Soviet leaders just as vividly and intensely, as international ones. The main discussions revolved around two fundamental issues: situation in the agriculture and changes in the planning system in industry. Discussions of the need for agrarian reforms dominated late 1964 – early 1965, while discussion of reforming planning industrial production figured large since spring of 1965. The authors conclude that, when implementing their initiatives,

the leaders of the Soviet Union, in many respects, were limited by the configuration of the political system developed over the previous years, as well as by the existing foreign policy realities. The authors point out insufficient coverage of the mechanisms for developing key decisions by the top political leadership of the USSR and connect the prospects for this research with expanded access to archival complexes.

Ключевые слова
СССР, Президиум ЦК КПСС, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, механизм власти, косыгинские реформы, социалистический лагерь, исторические источники.

Keywords
USSR, Presidium of the Central Committee of the CPSU, N. S. Khrushchev, L. I. Brezhnev, mechanism of power, Kosygin's Reforms, socialist camp, historical sources.

Одной из ключевых тем историографии является изучение функционирования советской политической системы. Особое внимание исследователей привлекают «пограничные состояния» – переход от одной фазы развития системы к другой, что позволяет лучше понимать ее эволюцию. В этом отношении показателен период с октября 1964 г. – отставка Н. С. Хрущева с поста первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) и председателя Совета министров Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и первые годы коллективного руководства во главе с Л. И. Брежневым. Именно на это время пришлась трансформация политической системы, связанная с перераспределением властных функций в составе советского руководства.

Несмотря на важность исследования данного периода, в историографии отсутствует исчерпывающее понимание того, как функционировала советская политическая система; остается нераскрытым вопрос об особенностях работы Президиума ЦК КПСС – одного из высших партийных органов. Хотя по истории хрущевско-брежневского периода сложилась значительная историография, большинство исследователей игнорируют первые годы брежневского руководства,

«пробуждаясь» только при описании событий 1968 г. Лишь в единичных исследованиях проводится анализ первых лет деятельности брежневского коллективного руководства и функционирования Президиума ЦК КПСС[1]. Однако фундаментом этих работ послужили материалы пленумов ЦК, а не документы Президиума ЦК. Это позволяет утверждать: история Президиума ЦК КПСС с октября 1964 по март 1966 г. остается нераскрытой.

Такое положение обусловлено тем, что лишь недавно исследователям стали доступны рассекреченные архивные материалы, началась публикация исторических источников, позволивших восполнить многие пробелы в понимании позднесоветской истории. Среди важнейших публикаций стоит отметить сборники документов, подготовленные сотрудниками Архива Президента Российской Федерации[2] и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ)[3], среди которых особое место занимает трехтомник «Президиум ЦК КПСС. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. 1954–1964». Вместе с тем в этой научной публикации были представлены только документы хрущевского периода. Однако черновые протокольные записи, составившие костяк издания, не исчерпываются периодом до отставки Н. С. Хрущева, они велись вплоть до июня 1965 г.

Цель настоящей публикации – анализ черновых протокольных записей заседания Президиума ЦК с октября 1964 по июнь 1965 г. Эти документы впервые вводятся в научный оборот и позволяют понять не только механизм принятия политических решений, но и увидеть дискуссии, разворачивавшиеся среди высшего политического руководства страны по основополагающим вопросам.

Подробные источниковедческие и археографические особенности черновых протокольных записей были проанализированы как в специальном издании[4], так и в отдельных публикациях В. Ю. Афиани[5]. Черновые протокольные записи заседания или, как их нередко называют в историографии, «малинские записи» – это рукописная фиксация высказываний отдельных участников заседаний Президиума ЦК КПСС. Перед нами не полная стенограмма, а отдельные, наиболее

яркие и характерные фразы. Все записи за рассматриваемый период оформлены на бланках-карточках «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза. Президиум». Снизу слева вписывалась или впечатывалась формулировка вопроса, а справа – фиксировался ход выступления. В рассматриваемый период все записи были сделаны В. Н. Малиным – заведующим Общим отделом ЦК КПСС с 1954 по 1965 г.

До сих пор в историографии нет точного ответа на вопрос о том, на основании какого решения В. Н. Малин вел эти записи. Как известно, В. И. Ленин запрещал любую фиксацию заседаний ЦК (в первую очередь пленумов и Политбюро), кроме как в виде официально оформленного протокола. При И. В. Сталине с 1923 г. стенографировалось обсуждение отдельных, наиболее спорных вопросов. К концу 1930-х гг. практика стенографирования заседаний высших партийных органов (Политбюро, Оргбюро или Секретариата) прервалась. Возобновлена она была только в 1954 г. В архивных фондах до сих пор не удалось выявить документы распорядительного характера о разрешении В. Н. Малину вести такие записи, что дает возможность предположить: черновые протокольные записи начали вестись по устному указанию Н. С. Хрущева. Возможно, решение Н. С. Хрущева было обусловлено стремлением зафиксировать высказывания политических оппонентов по наиболее важным вопросам для дальнейшего использования во внутрипартийных дискуссиях.

После отставки Н. С. Хрущева В. Н. Малин продолжил составление своих записей: к этому моменту они стали определенной делопроизводственной традицией аппарата ЦК. У нас нет сведений о том, что новый первый секретарь – Л. И. Брежнев – просматривал черновые протокольные записи заседаний. В. Н. Малин продолжил фиксацию выступлений участников заседания Президиума по наиболее «острым» темам, которые, как правило, не вносились в рассылочный экземпляр протокола Президиума, а, следовательно, не были знакомы широкой советской политической элите.

В целом анализируя постановления, рассматриваемые на заседании Президиума ЦК после октября 1964 г., можно

констатировать, что основной круг вопросов не изменился – в центре внимания высшего политического органа СССР оставались ключевые проблемы внутренней и внешней политики. В то же время «малинские записи» позволяют выделить несколько проблем, на которых было заострено внимание членов нового руководства.

Важнейшей проблемой внутренней и внешней политики стало преодоление хрущевского наследия. Члены Президиума ЦК постоянно обращались к фигуре Н. С. Хрущева. Это могли быть формальные вопросы, связанные с отставкой бывшего советского руководителя с занимаемых им постов. Например, только 8 декабря 1964 г. Н. С. Хрущев был снят с поста председателя Конституционной комиссии, занимавшейся разработкой новой советской конституции с 1962 г.[6] К такого рода вопросам также относилось обсуждение материального обеспечения Н. С. Хрущева и его ближайшего соратника Ф. Р. Козлова.

В то же время на заседаниях Президиума обсуждались принципиальные проблемы идеологического характера: 27 октября 1964 г. вопрос об уместности использования термина «культ личности Н. С. Хрущева». Стоило ли о нем говорить в расширительном смысле, сопоставляя с «культом личности И. В. Сталина» – вот главный вопрос, волновавший членов Президиума. Единой точки зрения на эту проблему не было. Запись этого заседания Президиума демонстрирует разнообразные оценки. Наиболее последовательно против понятия «культ личности Н. С. Хрущева» выступал А. И. Микоян, заявлявший: «Если два раза культ – опасно в теоретическом плане. Невыгодно и нам – культ в стиле Сталина»[7]. Точка зрения А. И. Микояна понятна – старейший член ЦК партии, он был одним из немногих, кто во время октябрьских событий 1964 г. не подвергал резкой критике Н. С. Хрущева. Против выдвижения тезиса о «новом культе личности» высказались и «молодые» члены ЦК, в частности, кандидаты в члены Президиума В. В. Гришин и Л. Н. Ефремов, они заявили, что культ личности отождествляется со сталинскими репрессиями, которых при Н. С. Хрущеве не было[8].

На заседаниях Президиума ЦК подвергалась ревизии хрущевская риторика. При обсуждении проекта документов к очередному заседанию Политического консультативного комитета Организации Варшавского договора (ПКК ОВД) А. Н. Косыгин предложил исключить из документов такие выражения, как «похороним», «зароем» и т. д.[9] Даже острые дискуссии, проходившие на заседаниях Президиума ЦК в первое полугодие после отставки Н. С. Хрущева, воспринимались как пересмотр прежней политической практики. На заседании 14 января 1965 г. Л. И. Брежнев, подводя итог, констатировал: «Хорошо, что ведем обсуждени[е]. Это отличает наши заседания от засед[аний] хрущевского времени»[10]. В целом фигура Н. С. Хрущева оказывалась чуть ли не центральной, когда речь заходила о недостатках как внутри СССР, так и на внешнеполитической арене. Обсуждая вопрос о реформе планирования 10 июня 1965 г., Л. И. Брежнев, критикуя прежнюю кадровую политику, заметил: «Хрущеву было выгодно не иметь сильных людей»[11]. Не совсем понятно, осознавал ли Леонид Ильич, что это высказывание било и по его позициям, как политика, чье возвышение пришлось на период правления Н. С. Хрущева.

Вопрос «о культе личности Н. С. Хрущева» рассматривался также через призму внешнего восприятия в связи со взаимоотношениями с правящими партиями социалистических стран. В «малинских записях» мы находим неоднократное упоминание о том, что во время переговоров с венграми, поляками поднимался вопрос о «культе Н. С. Хрущева». Показательно: руководители стран «народной демократии» не считали нужным заниматься «развенчиванием культа личности Н. С. Хрущева». Например, в ходе встречи М. А. Суслова с венгерской делегацией последние просили не проводить «проработку Хрущева»[12].

Международная повестка стала ключевой при ревизии политики Н. С. Хрущева, что выразилось в пересмотре подходов советской дипломатии. Так, на заседании 8 января 1965 г. П. Е. Шелест и Л. И. Брежнев критиковали МИД за то, что в его деятельности не произошел пересмотр старых взглядов,

А. А. Громыко было рекомендовано «быть зорким, на лезвии бритвы»[13].

Внимание советского руководства было сосредоточено на реставрации «братских отношений» с правящими партиями Албании и Китайской народной республики (КНР). 30 октября 1964 г. обсуждался вопрос о приглашении албанской делегации в Москву на годовщину Октябрьской революции, что рассматривалось как акт доброй воли со стороны СССР. Этот вопрос вызвал разногласия среди членов Президиума ЦК: против приглашения делегации из Албании выступили А. П. Кириленко, Л. И. Брежнев и Г. И. Воронов. Последний высказался довольно резко, заявив, что не стоит «приходить в телячий восторг, пока не приглашать албанцев»[14].

Основные дискуссии среди членов Президиума разворачивались по вопросу выстраивания взаимоотношений с Коммунистической партией Китая. В первые недели после отставки Н. С. Хрущева советские руководители предприняли попытки восстановить дружественные отношения с КНР. Впервые этот вопрос обсуждался на заседании 29 октября 1964 г. – во время дискуссии о приглашении китайской делегации на годовщину Октябрьской революции. Все присутствовавшие поддержали инициативу приглашения партийно-правительственной делегации КНР в Москву. В частности, А. А. Громыко говорил, что «надо использовать их шаг, чтобы поправить отношения»[15], а Л. И. Брежнев подытожил: «они[16] хотят устанавливать контакты. Если не пойдем навстречу, они используют [против нас]»[17]. 17 декабря 1964 г. члены Президиума обсуждали текст поздравления Мао Цзэдуна с днем рождения. А. Н. Косыгин предлагал «шире написать о дружбе, м[ожет] б[ыть] что[-то] сказать о разных подходах»[18]. «Малинские записи» позволяют увидеть, что советские руководители были готовы к возобновлению дружественных отношений с КНР. Однако восстановлению отношений двух держав мешали как субъективные, так и объективные факторы. Так, советско-китайские отношения оказались под угрозой, когда на торжественном обеде 7 ноября министр обороны СССР, маршал Р. Я. Малиновский неожиданно предупредил руководителя китайской делегации, главу Государственного

совета КНР Чжоу Эньлая, чтобы «китайцы не занимались бы фокусами в политике». Но и на этом советский военачальник не остановился, а добавил, что советский и китайский народы «не должны никакому черту замутить наши отношения», что «пусть никакие Мао и Хрущевы нам не мешают»[19]. Поведение маршала обсуждалось на заседании Президиума уже на следующий день. Большинство присутствующих предлагали, чтобы министр обороны извинился перед Чжоу Эньлаем, а Л. И. Брежнев заявил, что Р. Я. Малиновский «за пять минут и на запад, и на восток удар нанес». В то же время на пути налаживания советско-китайских взаимосвязей стояли и объективные трудности, в частности, вызывала опасение реакция социалистических стран. На заседании Президиума ЦК 14 января 1965 г. М. А. Суслов признавал: «Искать улучшения отношений с китайцами, но не растерять друзей»[20].

«Малинские записи» показывают, что с января 1965 г. у советского руководства стало доминировать понимание того, что восстановить взаимоотношения с КНР в полном объеме не представлялось возможным.

Записи заседаний Президиума ЦК позволяют увидеть, что внутренние проблемы СССР обсуждались не менее живо и остро. Главные дискуссии разворачивались вокруг двух вопросов – сельское хозяйство и планирование в промышленности.

Повышенное внимание к сельскому хозяйству было не только традиционной прерогативой Президиума ЦК, но и объяснялось событиями 1963 г., когда СССР столкнулся с резким снижением объема хлебозаготовок и был вынужден начать закупку хлеба за границей[21]. На заседаниях высшего политического органа страны озвучивались разные предложения – введение твердого планирования, снижение объемов обязательных поставок государству, формирование между колхозами и государством договорных отношений и даже возвращение к идее ленинского кооперативного плана.

Критично на проблемы села смотрел Л. И. Брежнев. Он высказывался за прекращение ретуширования проблем сельского хозяйства, призывал «кончать с обязательствами, кончать с рапортами, кончать с приветствиями»[22]. Наиболее

развернуто перспективы сельского хозяйства обсуждались на заседании 12 января 1965 г., когда поднимался вопрос о проведении соответствующего пленума ЦК. Именно Л. И. Брежнев начал с откровенного заявления: «В с[ельском] х[озяйстве] дело явно неблагополучно»[23]. Он раскритиковал демографическую политику в деревне, тотальное изъятие государством хлеба: «Изъян – старение села. Уходят из села молодые, не получают на трудодни, проводим политику выгребания. Родилось на 4 100 – забрали. Какой принцип? Убили веру у мужика, что есть правда на земле»[24]. Критический тон первого секретаря ЦК поддержали руководители союзных республик. Первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Украины П. Е. Шелест откровенно признавал: «Мы врем, когда говорим, что наше с[ельское] х[озяйство] самое передовое и самое механизированное [...] Нет борон, культиваторов, машин, добили до ручки»[25]. Обсуждения на январском заседании Президиума ЦК проложили дорогу к новой политике в сельском хозяйстве, провозглашенной на мартовском пленуме 1965 г.

Остро дебатировался вопрос о перестройке промышленности и изменении планирования в этой отрасли экономики. Характерно высказывание А. П. Кириленко: «Трагедия реформ – серьезные пороки в планировании»[26]. На заседании Президиума неоднократно предлагалось освободить промышленность от излишней опеки государства, реформировать основы управления. Наиболее подробно эти вопросы обсуждались на заседании Президиума ЦК 10 июня 1965 г., когда А. Н. Косыгин предложил целый набор реформ. Наибольшую дискуссию вызвал вопрос о децентрализации управления промышленности. Любопытно, что А. Н. Косыгин и А. И. Микоян последовательно выступали за децентрализацию, а местные руководители в лице П. Е. Шелеста, В. П. Мжеванадзе и Ш. Р. Рашидова предлагали сохранить централизованный подход.

Следует признать, что реформы сельского хозяйства и промышленности были направлены на решение главной задачи – повышение уровня жизни советского человека. В первые месяцы существования коллективного руководства предлагались

разные подходы. Так, А. Н. Косыгин на заседании 13 ноября 1964 г. заявлял: «Насчет уровня жизни. Надо долю потребления повысить. За счет чего? Прибегнуть к импорту [...] Пойти на повышение реальной зарплаты»[27]. Л. И. Брежнев выдвигал другие рецепты: «Максимум сделать по жилью, торговлю продуктами сделать свободной»[28].

Черновые протокольные записи заседаний Президиума ЦК с октября 1964 по июнь 1965 г. – уникальный исторический источник, впервые вводимый в научный оборот. На его основании можно проследить механизм выработки ключевых решений высшим политическим руководством СССР в «переходный период» от «хрущевской эпохи» к «брежневскому коллективному руководству». «Малинские записи» наглядно показывают, как советские лидеры, трезво оценивая стоявшие перед страной насущные проблемы, нащупывали пути их разрешения. Изучение черновых протокольных записей заседаний Президиума ЦК в очередной раз подтверждает известный тезис о том, что «политика – искусство возможного». Политическое руководство СССР при реализации своих инициатив во многом было ограничено конфигурацией сложившейся за долгие годы политической системы, существовавшими внешнеполитическими реалиями.

Примечания / Notes

[1] LEWIN, Moshe. Stalinism and the Seeds of Soviet Reform: The Debates of the 1960s. London, Pluto press; Armonk (N.Y.), Sharpe, 1991; *Пихоя, Р. Г.* Советский Союз. История власти. 1945–1991 гг. – М.: Изд-во РАГС, 1998. – С. 734; PIKHOYA, R. G. *Sovetskii Soyuz. Istoriya vlasti. 1945–1991* [Soviet Union. The History of Power. 1945–91. In Russ.]. Moscow, RAGS publ., 1998, p. 734; KLUMBYTE, Neringa, SHARAFUTDINOVA, Gulnaz (eds.). Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985. Lanham, Lexington Books, 2012; SCHATTENBERG, Susanne. Leonid Breschnew. Staatsmann und Schauspieler im Schatten Stalins. Eine biographie. Köln, Böhlau Verlag, 2018. (Russ. ed.: SCHATTENBERG, S. *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany*. Moscow, ROSSPEN, 2018, 622 p.).

[2] Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. 1964–1982. – М.: [б. и.], 2006. – С. 239. *General'nyi sekretar' L. I. Brezhnev. 1964–1982* [General Secretary L. I. Brezhnev. 1964–82. In Russ.]. Moscow, 2006, p. 239.

[3] Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. – М.: ИстЛит, 2016. *Leonid Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi: v 3 t.* [Leonid Brezhnev. Drafts and Diaries. In 3 vol. In Russ.]. Moscow, IstLit publ., 2016; Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний. 1965–1967. – М.: ИстЛит, 2020. – С. 936. *Sekretariat TsK KPSS. Zapisi i stenogrammy zasedanii. 1965–1967* [The Secretariat of the Central Committee of the CPSU. The Records and Transcripts of the Sessions. 1965–67. In Russ.]. Moscow, IstLit publ., 2020, p. 936.

[4] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. *Prezidium TsK KPSS. 1954–1964. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Postanovleniya: v 3 t.* [The Presidium of the Central Committee of the CPSU. Draft Minutes of Sessions. Transcripts. Resolutions: In 3 vol. In Russ.]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) publ., 2015.

[5] *Афиани, В. Ю.* Протоколы Бюро Президиума и Президиума ЦК КПСС. 1950–1960-е гг. Проблемы источниковедения и археографии советского периода // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2000. – С. 447. AFIANI, V. Yu. *Protokoly Byuro Prezidiuma i Prezidiuma TsK KPSS. 1950–1960-e gg. Problemy istochnikovedeniya i arkheografii sovetskogo perioda* [The Protocols of the Bureau of the Presidium and the Presidium of the Central Committee of the CPSU, 1950–60: Problems of Source Criticism and Archeography of the Soviet Period. In Russ.]. IN: *Problemy istorii russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya* [Problems of the History of the Russian Bookishness, Culture, and Public Consciousness. In Russ.]. Novossibirsk, Sib. Khronograf publ., 2000, p. 447.

[6] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 16. Д. 948. Л. 4. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [Russian State Archive of Contemporary History] (RGANI), fond 3, series 16, file 948, p. 4.

[7] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3 т. Т. 3. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. – С. 874. *Prezidium TsK KPSS. 1954–1964. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Postanovleniya* [The Presidium of the Central Committee of the CPSU. Draft Minutes of the Sessions. Transcripts. Resolutions. In Russ.]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) publ., 2015, p. 874.

[8] Там же. Ibid.

[9] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 948. Л. 14. RGANI, fond 3, series 16, file 948, p. 14.

[10] Там же Л. 25 об. Ibid., p. 25 verso.

[11] Там же. Л. 18. Ibid., p. 18.

[12] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3 т. Т. 3. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. – С. 872. *Prezidium TsK KPSS. 1954–1964. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Postanovleniya* [The Presidium of the Central Committee of the CPSU. Draft Minutes of the Sessions. Transcripts. Resolutions. In Russ.]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) publ., 2015, p. 872. Подробнее о взаимоотношениях советского руководства с руководителями социалистических стран см.: *Джалилов, Т. А.* Реакция руководства КПЧ, ВСРП и ПОРП на отставку Н. С. Хрущева: политический просчет или попытка пересмотра принципов советского доминирования в социалистическом лагере? // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9. – Выпуск 7 (71). Электронный ресурс. Режим доступа: http://history.jes.su/s207987840002406-5-1 (дата обращения: 10.08.2021) [http://history.jes.su/s207987840002406-5-1 (accessed 10.08.2021)]. DZHALILOV, T. A. *Reaktsiya rukovodstva KPCh, VSRP i PORP na otstavku N. S. Khrushcheva: politicheskii proschet ili popytka peresmotra printsipov sovetskogo dominirovaniya v sotsialisticheskom lagere?* [The Reaction of the Leaders of the Communist Party of Czechoslovakia, Hungarian Socialist Worker's Party, and Polish United Worker's Party to ted N. S. Khrushchev's Retirement: A Political Miscalculation or Attempted Revision of the Principles of Soviet Domination in the Socialist Camp? In Russ.]. IN: *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya,"* 2018, vol. 9, no. 7 (71). [On-line]. Available at http://history.jes.su/s207987840002406-5-1 (accessed 10.08.2021).

[13] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 948. Л. 15. RGANI, fond 3, series 16, file 948, p. 15.

[14] Там же. Л. 57–57 об. Ibid., pp. 57–57 verso.

[15] Там же. Л. 56. Ibid., p. 56.

[16] Имеются в виду китайские руководители.

[17] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 948. Л. 56 об. RGANI, fond 3, series 16, file 948, p. 56 verso.

[18] Там же. Л. 7. Ibid., p. 7.

[19] Никита Хрущев. 1964: стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. – М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2007. – С. 246. *Nikita Khrushchev. 1964: stenogrammy plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty* [Nikita Khrushchev. 1964: Transcripts of the Plenum of the Central Committee of the CPSU and Other Documents. In Russ.]. Moscow, Mezhdunar. Fond "Demokratiya," Materik publ., 2007, p. 246.

[20] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 948. Л. 22 об. RGANI, fond 3, series 16, file 948, p. 22 verso.

[21] *Пивоваров, Н. Ю.* Зерновой кризис 1963 в СССР и внешнеторговые коллизии его разрешения // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 1. – С. 28–33. PIVOVAROV, N. Yu. *Zernovoi krizis 1963 v SSSR i*

vneshnetorgovye kollizii ego razresheniya [The Grain Crisis of 1963 in the USSR and the Foreign Trade Collisions in Its Resolution. In Russ.]. IN: *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, no. 1, pp. 28–33.

[22] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 949. Л. 2. RGANI, fond 3, series 16, file 949, p. 2.

[23] Там же. Л. 19. Ibid., p. 19.

[24] Там же. Л. 19. Ibid., p. 19.

[25] Там же. Л. 20. Ibid., p. 20.

[26] Там же. Л. 37. Ibid., p. 37.

[27] Там же. Д. 948. Л. 63–64. Ibid., file 948, pp. 63–64.

[28] Там же. Л. 16. Ibid., p. 16.

Список литературы

Афиани, В. Ю. Протоколы Бюро Президиума и Президиума ЦК КПСС. 1950–1960-е гг. Проблемы источниковедения и археографии советского периода // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2000. – 447 с.

Джалилов, Т. А. Реакция руководства КПЧ, ВСРП и ПОРП на отставку Н. С. Хрущева: политический просчет или попытка пересмотра принципов советского доминирования в социалистическом лагере? // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9. – Выпуск 7 (71). Электронный ресурс. Режим доступа: http://history.jes.su/s207987840002406-5-1 (дата обращения 10.08.2021).

Пивоваров, Н. Ю. Зерновой кризис 1963 в СССР и внешнеторговые коллизии его разрешения // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 1. – С. 28–33.

Пихоя, Р. Г. Советский Союз. История власти. 1945–1991 гг. – М.: Изд-во РАГС, 1998. – 734 с.

Шаттенберг, С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. – М.: Росспэн, 2018. – 622 с.

Klumbyte, Neringa, Sharafutdinova, Gulnaz (eds.). Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985. – Lanham: Lexington Books, 2012. – 260 p.

Lewin, Moshe. Stalinism and the Seeds of Soviet Reform: The Debates of the 1960s. – London: Pluto press; Armonk (N.Y.): Sharpe, 1991. – 373 p.

References

AFIANI, V. Yu. *Protokoly Byuro Prezidiuma i Prezidiuma TsK KPSS. 1950–1960-e gg. Problemy istochnikovedeniya i arkheografii sovetskogo perioda* [The Protocols of the Bureau of the Presidium and the Presidium of the Central Committee of the CPSU, 1950–60: Problems of Source Criticism and Archeography of the Soviet Period. In Russ.]. IN: *Problemy istorii russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya* [Problems of the History of the Russian Bookishness, Culture, and Public Consciousness. In Russ.]. Novossibirsk, Sib. Khronograf publ., 2000, 447 p.

DZHALILOV, T. A. *Reaktsiya rukovodstva KPCh, VSRP i PORP na otstavku N. S. Khrushcheva: politicheskii proschet ili popytka peresmotra printsipov sovetskogo dominirovaniya v sotsialisticheskom lagere?* [The Reaction of the Leaders of the Communist Party of Czechoslovakia, Hungarian Socialist Worker's Party, and Polish United Worker's Party to the N. S. Khrushchev's Retirement: A Political Miscalculation or Attempted Revision of the Principles of Soviet Domination in the Socialist Camp? In Russ.]. IN: *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya,"* 2018, vol. 9, no. 7 (71). [On-line]. Available at http://history.jes.su/s207987840002406-5-1 (accessed 10.08.2021).

PIVOVAROV, N. Yu. *Zernovoi krizis 1963 v SSSR i vneshnetorgovye kollizii ego razresheniya* [The Grain Crisis of 1963 in the USSR and the Foreign Trade Collisions of its Resolution. In Russ.]. IN: *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, no. 1, pp. 28–33.

PIKHOYA, R. G. *Sovetskii Soyuz. Istoriya vlasti. 1945–1991* [Soviet Union. The History of Power. 1945–91. In Russ.]. Moscow, RAGS publ., 1998, 734 p.

SCHATTENBERG, Susanne. Leonid Breschnew. Staatsmann und Schauspieler im Schatten Stalins. Eine biographie. Köln, Böhlau Verlag, 2018. (Russ. ed.: SCHATTENBERG, S. *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany*. Moscow, ROSSPEN, 2018, 622 p.).

KLUMBYTE, Neringa, SHARAFUTDINOVA, Gulnaz (eds.). Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985. Lanham, Lexington Books, 2012, 260 p.

LEWIN, Moshe. Stalinism and the Seeds of Soviet Reform: The Debates of the 1960s. London, Pluto press; Armonk (N.Y.), Sharpe, 1991, 373 p.

Сведения об авторах

Пермяков Игорь Альбертович, кандидат исторических наук, Российский государственный архив новейшей истории, директор, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-190-55-89, 8-495-190-55-89, permigal@mail.ru

Джалилов Теймур Агабаевич, кандидат исторических наук, Российский государственный архив новейшей истории, отдел изучения и подготовки к публикации архивных документов, начальник отдела, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-190-55-89, 8-916-929-03-14, slavika1@yandex.ru

Пивоваров Никита Юрьевич, кандидат исторических наук, Российский государственный архив новейшей истории, отдел изучения и подготовки к публикации архивных документов, главный специалист, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-190-55-89, 8-929-681-76-50, pivovarov.hist@gmail.com

About the authors

Permyakov Igor Albertovich, PhD in History, Russian State Archive of Contemporary History, director, Moscow, Russian Federation, +7-495-190-55-89, permigal@mail.ru

Dzhalilov Teimur Agabaevich, PhD in History, Russian State Archive of Contemporary History, department of studying and preparing archival documents for publication, head of the department, Moscow, Russian Federation, +7-916-929-03-14, slavika1@yandex.ru

Pivovarov Nikita Yur'evich, PhD in History, Russian State Archive of Contemporary History, department of studying and preparing archival documents for publication, main specialist, Moscow, Russian Federation, +7-929-681-76-50, pivovarov.hist@gmail.com

Сведения о грантах

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 21-09-43056\21) «Президиум ЦК КПСС и особенности функционирования советской политической системы (1964–1966 гг.)».

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (science project no. 21-09-43056/21) "The Presidium of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and the Features of Functioning of the Soviet Political System (1964–66)."

В редакцию статья поступила 16.08.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Пермяков, И. А., Джалилов, Т. А., Пивоваров, Н. Ю. После Хрущева: деятельность Президиума ЦК КПСС в октябре 1964 – июне 1965 г. по записям В. Н. Малина // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 137–153. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-137-153

Submitted 16.08.2021, published (for citation):

PERMYAKOV, I. A., DZHALILOV, T. A., PIVOVAROV, N. Yu. *Posle Khrushcheva: deyatel'nost' Prezidiuma TsK KPSS v oktyabre 1964 – iyune 1965 g. po zapisyam V. N. Malina* [After Khrushchev: Activities of the Presidium of the Central Committee of the CPSU in October 1964 – June 1965 According to V. N. Malin's Notes. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 137–153. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-137-153

Научная статья / Scientific article
УДК 94 (470): 911.375.5+77.03+94(47)
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-154-163

Дмитриева, А. И.
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Фотофонд Государственного архива Свердловской области: проблемы комплектования, систематизации, поиска и использования фотодокументов

Dmitrieva, Alexandra I.
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

The Photo Fond of the State Archive of the Sverdlovsk Region: Issues of Acquisition, Systematization, Search, and Use of Photographic Documents

Аннотация
В статье анализируется история создания фотофонда в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), оценивается эффективность используемого научно-справочного аппарата (НСА), в частности, точность и полнота поиска фотодокументов по тематическому запросу. В настоящее время растет интерес к локальной истории и истории развития городской среды, в связи с чем увеличивается востребованность фотодокументов, хранящихся в архиве. Использование документов ограничено в силу низкой эффективности и трудоемкости поиска. Автором предлагаются решения, позволяющие повысить эффективность поиска, основанные на использовании современных компьютерных технологий. Для достижения цели исследования проанализирована нормативно-правовая база, регламентирующая работу с фотодокументами в государственных архивах. Источниками исследования стали развернутые интервью, проведенные с сотрудниками ГАСО, а также отчеты о работе архива за 1961–1972 гг. В указанный период активно шла разработка НСА, в частности, катологизация фотодокументов. Фотофонд (Ф.-1) насчитывает

62 265 единиц хранения. Кроме того, фотографии и альбомы хранятся и в других фондах ГАСО. Источниками комплектования фотофонда выступали архивы учреждений, частные лица, а также непосредственно сотрудники ГАСО, которые занимались инициативным документированием. Фотодокументы широко использовались в просветительской и популяризаторской работе ГАСО, а также предоставлялись по запросу организациям и гражданам. Информационный потенциал этих документов востребован, но по оценкам самих работников архива и по результатам исследования, существующие информационно-поисковые системы не обеспечивают полноту и результативность поиска вследствие ограничений, свойственных ручным информационно-поисковым системам. В ходе исследования были рассчитаны коэффициенты релевантности и полноты, с помощью которых можно оценить эффективность работы информационно-поисковой системы. Установлено, что эффективность поиска по узкоспециализированным запросам с помощью данной информационно-поисковой системы крайне низкая: коэффициент точности для подобного запроса будет равен 0,003, а коэффициент шума, в свою очередь, составит 0,997.

Abstract

The article analyzes the history of creation of the photo fond in the State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO), assesses its scientific reference apparatus, and evaluates the efficiency of search for photographic documents by their subject. There is a growing interest towards local history and history of urban environment, which increases demand for photographic documents stored in the archive. However, the use of these documents is limited due to low efficiency and arduousness of search. The author suggests several ways to increase the efficiency of search using modern computer technology. To achieve this goal, the legal frameworks on photographic documents processing in state archives have been analyzed. The unique sources used in the research are detailed interviews with the GASO staff, as well as annual reports on the work of the archive during 1961–72. During this period, much effort was put to creation of the scientific reference apparatus: description, systematization, and cataloging of photographic documents were conducted. The photo fond (fond 1) counts 62,265 storage items. Photographs and albums are also stored in other GASO fonds. The acquisition sources were departmental archives of institutions and organizations, the GASO itself, as well as individuals. Photo documents were widely used in the GASO's educational and popularization work and were available on request to organizations and citizens. The documents have research potential, and yet (according to

the archival staff and to the research) the existing information retrieval systems do not provide complete and effective search due to their limitations. Relevance and fullness ratio of the information retrieval system have been calculated for publicly available electronic inventories of photographic documents. It has been established that search efficiency of highly specialized queries has precision score of 0,003, while noise ratio is 0,997.

Ключевые слова
Фотодокументы, государственные архивы, комплектование, научно-справочный аппарат, информационно-поисковые системы, использование, городская среда, Государственный архив Свердловской области, Свердловск.

Keywords
Photographic documents, state archives, acquisition, scientific reference apparatus, information retrieval systems, use, urban environment, State Archive of the Sverdlovsk Region, Sverdlovsk.

Проблемы архивного хранения фотодокументов сегодня все чаще привлекают внимание исследователей. Информационный потенциал, особенности описания, организации хранения и использования фотодокументов раскрыты в публикации В. М. Магидова и Ф. А. Гедрович, заложивших традиции системного анализа исторической фотографии[1]. Вопросы комплектования и использования раскрыты в статьях, написанных на основе анализа опыта работы конкретных архивов, в том числе Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД), где хранится более 1 миллиона фотодокументов[2]. Особое внимание уделяется экспертизе ценности фотографий[3] и обеспечению их сохранности[4]. Реже обращаются к проблемам организации научно-справочного аппарата и оценке эффективности поиска фотодокументов, что в современных условиях приобретает особое значение и актуальность[5].

Основу источниковой базы данного исследования составили нормативно-правовые акты, регламентирующие работу с фотодокументами[6], а также годовые отчеты Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и представленные

в архиве информационно-поисковые системы, позволяющие вести учет и поиск фотодокументов.

Фотофонд ГАСО насчитывает 62 265 единиц хранения, охватывающих хронологический период 1880–2000 гг. ГАСО в 1964 г. провел работу по упорядочению фотоматериалов. Поэтому 1960-е гг. считаются датой основания фотофонда (Ф.-1). Однако вплоть до 1996 г. организация учета фотодокументов в ГАСО была нефондовой. С целью упорядочения работы по учету, обработке и использованию фотодокументов, а также созданию научно-справочного аппарата в структуре архива был создан фотоотдел.

В составе фонда находятся фотодокументы, отражающие историю Урала, г. Екатеринбурга, городов Свердловской области. Они поступали в ГАСО преимущественно из архивов учреждений[7]. Например, в 1965 г. работниками ГАСО были описаны негативы фотохроники ТАСС и ВОКС в количестве 350 шт., а также негативы из коллекции Музея революции в количестве 4 200 шт.[8]

Пополнение фонда происходило также в результате научно-технической обработки имеющихся фондов. Фотодокументы поступали в ГАСО и от физических лиц в виде коллекций фотографий в результате дарения либо приобретения. В отчетах упоминается прием негативов и позитивов от Р. А. Катаева с пометкой «при увольнении», а также от А. П. Исакова с пометкой «предложены к приобретению». ГАСО занимался инициативным документированием событий в городе и области. По заказу архива в 1971 г. была проведена съемка Верх-Исетского металлургического района Свердловска (300 негативов)[9]. На все поступившие фотографии составлялась опись, предназначенная для их поединичного и суммарного учета.

Для поиска фотодокументов в архиве используются традиционные информационно-поисковые системы – описи и каталоги. Работы по каталогизации начались в 1972 г., когда была составлена опись на фотодокументы для Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД) в количестве 546 ед., зашифровано – 4 123 негатива, составлено 417 тематических и 15 именных карточек. Всего

было проиндексировано 243 карточки и включено в каталог 899 карточек[10]. Информация о фотодокументах, хранящихся в архиве, включена преимущественно в систематический каталог. На каждую единицу хранения составлено описание и часть из них снабжены контрольным отпечатком. Существует также тематическая база данных «Именной фотокаталог». Утвержденная схема классификации (рубрикатор) закрепляет систему расположения карточек в систематическом каталоге[11]. В 1990-е гг. началось создание электронного каталога, представленного в виде электронных таблиц, в которые внесена информация о фотодокументах и их электронные образы.

На настоящий момент фонд Ф.-1 не пополняется. На фотодокументы, поступающие от организаций – источников комплектования, составляются отдельные описи в электронном виде, но при этом фотодокументы остаются в составе фонда организации. Отсюда возникает еще одна из проблем поиска фотодокументов – их рассеянность, в результате научно-справочный аппарат фонда не содержит информацию обо всех фотодокументах, которые хранятся в архиве.

В результате поиск необходимой информации ограничен рубрикатором каталога. Изображение одного и того же объекта можно обнаружить на фотодокументах, которые были разнесены в различных рубриках. Например, фотографии Центрального стадиона можно обнаружить как в разделе Архитектура, так и в разделах Спорт и События. Кроме того, доступ к систематическому каталогу для посетителей читального зала архива закрыт. Посетитель может использовать только описи. Всего по фотофонду составлено 54 описи, отсканированные постранично.

Особенностью ручных поисковых систем, таких как описи, являются низкие показатели их эффективности поиска. Например, исследователь готовит материалы по развитию спортивной инфраструктуры Свердловска. Он начал работу с описью № 1, которая содержит информацию о фотодокументах под номерами 1–1 037. Первый фотодокумент, в описании которого встречается упоминание Центрального стадиона (вход Центрального стадиона в Свердловске), имеет номер 327, т. е. исследователю необходимо прочитать 326 описаний,

прежде чем он найдет релевантный документ. Это означает, что ему необходимо просмотреть 21 разворот при работе с бумажным вариантом описи или 42 листа электронного варианта описи. Коэффициент точности в данном случае будет равен 0,003, а коэффициент шума, в свою очередь, составит 0,997. Если учесть, что в целом в описи № 1 упоминание объектов спортивной инфраструктуры встречается 40 раз, а общее число документов в архиве составляет 62 265, то коэффициент полноты составит 0,0006. В случае если мы сделаем более общий запрос, например городская среда Свердловска, то первый же фотодокумент в описи № 1 – «Улица Восточная (дома, примыкающие к правой стороне ул. Ленина у пересечения ее с ж.-д. линией)», окажется релевантным, но точность поиска страдает.

Использование архивных документов является одним из важнейших направлений деятельности государственных архивов, включая их популяризацию и просветительскую работу. Фотодокументы чаще всего используются при создании выставок, а также предоставляются по запросам различных организаций или частных лиц. Начиная с 1967 г. в ежегодной отчетности ГАСО встречается термин «фотовыставка». Первым масштабным проектом для сотрудников архива стала подготовка в 1967 г. фотовыставки «50 лет социалистическому Свердловску»[12]. В дальнейшем фотовыставки становятся привычным явлением. В настоящее время на официальном сайте ГАСО в разделе «Мультимедиа» имеется подраздел «Электронные выставки», в котором представлены тематические подборки оцифрованных фотографий либо документов. Там же в рубрике «Исторические фотографии» можно найти фотодокументы по истории Екатеринбурга и области[13].

Важным направлением использования фотодокументов выступает работа архива с тематическими запросами организаций и граждан[14]. В отчетах неоднократно упоминается предоставление архивных материалов Свердловской киностудии, музею Уралмашзавода для оформления стендов.

Таким образом, фотодокументы составляют заметную часть фондов ГАСО. При этом наблюдается постоянный рост их востребованности со стороны внешних заказчиков. В связи

с этим требуется оптимизация научно-справочного аппарата и повышение точности поиска по узкотематическим запросам. Между тем, для работы с документами, хранящимися в составе фотофонда Ф.-1, доступен только ручной поиск, который демонстрирует наименьшую эффективность. Кроме того, отсутствует интегрированный НСА, позволяющий осуществлять межфондовый поиск, поскольку новые поступления включены в описи других фондов.

Примечания / Notes

[1] *Магидов, В. М., Гедрович, Ф. А.* Комплектование Архивного фонда РФ аудиовизуальными и научно-техническими документами: состояние, проблемы, перспективы // Отечественные архивы. – 1994. – № 5. – С. 109–113. MAGIDOV, V. M., GEDROVICH, F. A. *Komplektovanie arkhivnogo fonda RF audiovizual'nymi i nauchno-tekhnicheskimi dokumentami: sostoyanie, problemy, perspektivy: "kruglyi stol" v IAI* [Acquisition of audiovisual and scientific and technical documents in the Archival Fond of the Russian Federation: State, problems, prospects: "Round table" at the History and Archives Institute. In Russ.]. IN: *Otechestvennye arkhivy,* 1994, no. 5, pp. 109–113.

[2] *Калантарова, Н. А., Алексеева, Т. А.* Из опыта организации работы с аудиовизуальными документами в Российском государственном архиве кинофотодокументов // Вестник архивиста. – 2011. – № 3. – С. 70–83. KALANTAROVA, N. A., ALEKSEEVA, T. A. *Iz opyta organizatsii raboty s audiovizual'nymi documentami v Rossiiskom gosudarstvennom archive kinofotodokumentov* [The experience of the audio and visual documents processing in the Russian State Archive for Film and Photographic Documents. In Russ.] IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2011, no. 3, pp. 70–83.

[3] *Моисеева, Р. М.* К вопросу об экспертизе ценности фотодокументов, передаваемых на постоянное хранение в государственные архивы на примере РГАКФД // Вестник архивиста. – 2011. – № 3. – С. 84–88. MOISEEVA, R. M. *K voprosu ob ekspertize tsennosti fotodokumentov, peredavaemykh na khranenie v gosudarstvennye arkhivy na primere RGAKFD* [Revisiting value appraisal of photographic documents transferred for permanent storage to state archives on the example of the Russian State Archive for Film and Photographic Documents. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,*2011, no. 3, pp. 84–88.

[4] *Саманцов, А. П., Скреля, К. Ю.* Особенности хранения аудиовизуальных документов // Научный вестник Крыма. – 2017. – № 4 (9). – С. 1–8. SAMANTSOV, A. P., SKRELYA, K. Yu. *Osobennosti khraneniya audiovizual'nykh dokumentov* [Specificity of audiovisual documents storage. In Russ.]. IN: *Nauchnyi vestnik Kryma,* 2017, no. 4 (9), pp. 1–8.

[5] *Мазур, Л. Н.* Информационные системы. Теоретические проблемы. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. – 71 с. MAZUR, L. N. *Informatsionnye sistemy. Teoreticheskie problemy* [Information Systems. Theoretical problems. In Russ.]. Yekaterinburg, UrGU publ., 1997, 71 p.

[6] Отбор на постоянное хранение аудиовизуальных документов: Методические рекомендации / Федер. арх. агентство; ВНИИДАД. – М., 2004. – 90 с. *Otbor na postoyannoe khranenie audiovizual'nykh documentov: Metodicheskie rekomendatsii* [Selection of audiovisual documents for permanent storage: Methodological recommendations. In Russ.]. Moscow, Federal'noe Arkhivnoe agentstvo; VNIIDAD publ., 2004, 90 p.; Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях. – М., 2020. Электронный ресурс. Режим доступа: http://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml (дата обращения 05.01.2021) [http://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml (accessed 05.01.2021)]. *Pravila organizatsii khraneniya, komplektovaniya, ucheta i ispol'zovaniya dokumentov Arkhivnogo fonda Rossiiskoi Federatsii i drugikh arkhivnykh dokumentov v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh arkhivakh, muzeyakh i bibliotekakh, nauchnykh organizatsiyakh* [Rules for the organization of storage, acquisition, accounting, and use of documents from the Archival Fond of the Russian Federation and other archival documents in state and municipal archives, museums, and libraries, scientific organizations. In Russ.]. Moscow, 2020. [On-line]. Available at: http://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml (accessed 05.01.2021).

[7] Положение о ГАФ СССР. – М., 1980. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10285.htm (дата обращения 05.01.2021) [http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10285.htm (accessed 05.01.2021)]. *Polozhenie o GAF SSSR* [Regulations on the State Archival Fond of the USSR. In Russ.]. Moscow, 1980. [On-line]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10285.htm (accessed 05.01.2021).

[8] Отчет о работе архива за 1965 год. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1139. Оп. 1. Д. 227. Л. 1–116. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Sverdlovsk Region] (GASO), fond R-1139, series 1, file 227, pp. 1–116.

[9] Отчет о работе архива за 1971 год. ГАСО. Ф. Р-1139. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–41. GASO, fond R-1139, series 1, file 281, pp. 1–41.

[10] Годовой отчет о работе архива за 1972 год. ГАСО. Ф. Р-1139. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–99. GASO, fond R-1139, series 1, file 291, pp. 1–99.

[11] Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами. – М., 1979. Электронный ресурс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/568902847 (дата обращения 06.01.2021) [http://docs.cntd.ru/document/568902847 (accessed 06.01.2021)]. *Osnovnye pravila raboty gosudarstvennykh arkhivov s kinofotofonodokumentami* [Basic rules for

work with film and phono documents in state archives. In Russ.]. Moscow, 1979. [On-line]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/568902847 (accessed 06.01.2021).

[12] Годовой отчет о работе архива за 1967 год. ГАСО. Ф. Р-1139. Оп. 1. Д. 241. Л. 1–74. GASO, fond R-1139, series 1, file 241, pp. 1–74.

[13] Государственный Архив Свердловской области. Электронный ресурс. Режим доступа: http://gaso-ural.ru/ (дата обращения 06.01.2021) [http://gaso-ural.ru/ (accessed 06.01.2021)]. *Gosudarstvennyi Arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Sverdlovsk Region. In Russ.] [on-line]. Available at: http://gaso-ural.ru/ (accessed 06.01.2021).

[14] Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами. – М., 1979. Электронный ресурс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/568902847 (дата обращения 06.01.2021) [http://docs.cntd.ru/document/568902847 (accessed 06.01.2021)]. *Osnovnye pravila raboty gosudarstvennykh arkhivov s kinofotofonodokumentami* [Basic rules for work with film and phono documents in state archives. In Russ.]. Moscow, 1979. [On-line]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/568902847 (accessed 06.01.2021).

Список литературы

Калантарова, Н. А., Алексеева, Т. А. Из опыта организации работы с аудиовизуальными документами в Российском государственном архиве кинофотодокументов // Вестник архивиста. – 2011. – № 3. – С. 70–83.

Магидов, В. М., Гедрович, Ф. А. Комплектование Архивного фонда РФ аудиовизуальными и научно-техническими документами: состояние, проблемы, перспективы // Отечественные архивы. – 1994. – № 5. – С. 109–113.

Мазур, Л. Н. Информационные системы. Теоретические проблемы. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. – 71 с.

Моисеева, Р. М. К вопросу об экспертизе ценности фотодокументов, передаваемых на постоянное хранение в государственные архивы на примере РГАКФД // Вестник архивиста. – 2011. – № 3. – С. 84–88.

Саманцов, А. П., Скреля, К. Ю. Особенности хранения аудиовизуальных документов // Научный вестник Крыма. – 2017. – № 4 (9). – С. 1–8.

References

KALANTAROVA, N. A., ALEKSEEVA, T. A. *Iz opyta organizatsii raboty s audiovizual'nymi documentami v Rossiiskom gosudarstvennom archive kinofotodokumentov* [The experience of the audio and visual documents processing in the Russian State Archive for Film and Photographic Documents. In Russ.] IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2011, no. 3, pp. 70–83.

MAGIDOV, V. M., GEDROVICH, F. A. *Komplektovanie arkhivnogo fonda RF audiovizual'nymi i nauchno-tekhnicheskimi dokumentami: sostoyanie, problemy, perspektivy: "kruglyi stol" v IAI* [Acquisition of audiovisual and scientific and

technical documents in the Archival Fond of the Russian Federation: State, problems, prospects: "Round table" at the History and Archives Institute. In Russ.]. IN: *Otechestvennye arkhivy,* 1994, no. 5, pp. 109–113.

MAZUR, L. N. *Informatsionnye sistemy. Teoreticheskie problemy* [Information Systems. Theoretical problems. In Russ.]. Yekaterinburg, UrGU publ., 1997, 71 p.

MOISEEVA, R. M. *K voprosu ob ekspertize tsennosti fotodokumentov, peredavaemykh na khranenie v gosudarstvennye arkhivy na primere RGAKFD* [Revisiting value appraisal of photographic documents transferred for permanent storage to state archives on the example of the Russian State Archive for Film and Photographic Documents. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,*2011, no. 3, pp. 84–88.

SAMANTSOV, A. P., SKRELYA, K. Yu. *Osobennosti khraneniya audiovizual'nykh dokumentov* [Specificity of audiovisual documents storage. In Russ.]. IN: *Nauchnyi vestnik Kryma,* 2017, no. 4 (9), pp. 1–8.

Сведения об авторах

Дмитриева Александра Ивановна, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, кафедра социально-культурного сервиса и туризма, старший преподаватель, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-343-389-95-24, 8-982-75-47-215, alexandradmitrieva@urfu.ru

About the authors

Dmitrieva Alexandra Ivanovna, Ural Federal University, department of service and tourism, senior lecturer, Yekaterinburg, Russian Federation, +7-343-389-95-24, +7-982-75-47-215, alexandradmitrieva@urfu.ru

В редакцию статья поступила 09.09.2021 г., опубликована (для цитирования):

Дмитриева, А. И. Фотофонд Государственного архива Свердловской области: проблемы комплектования, систематизации, поиска и использования фотодокументов // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 154–163. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-154-163

Submitted 09.09.2021, published (for citation):

DMITRIEVA, A. I. *Fotofond Gosudarstvennogo arkhiva Sverdlovskoi oblasti: problemy komplektovaniya, sistematizatsii, poiska i ispol'zovaniya fotodokumentov* [The Photo Fond of the State Archive of the Sverdlovsk Region: Issues of Acquisition, Systematization, Search, and Use of Photographic Documents. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 154–163. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-154-163

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47)+ 94(477)+930.253
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-164-185

Морозова, О. М.
Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Во главе чернознаменного войска: Маруся Никифорова в 1917–1918 гг.

Morozova, Olga M.
Don State Technical University, Rostov-on-Don,
Russian Federation

At the Head of the Black Banner Army: Marusya Nikiforova in 1917–18

Аннотация
В статье осуществлен авторский поиск и систематизация разрозненных материалов о боевом пути отряда Маруси Никифоровой на территории Херсонской и Екатеринославской губерний, области войска Донского. Имя Марии Григорьевны Никифоровой неразрывно связано с историей российского анархизма, ее деятельность продолжает служить иллюстрацией к событиям Гражданской войны в России. Автор использует сведения из датированных 1920-ми гг. воспоминаний участников событий. Установлены основные точки движения ее отряда по городам и поселкам Юга страны с осени 1917-го до лета 1918 г. Собранные материалы показывают, что численность отряда колебалась в пределах 100–500 человек, меняясь под влиянием военных обстоятельств. Популярности М. Г. Никифоровой служили собственные действия по расширению известности ее имени. Анархистка причастна к развертыванию кровавой фазы социального конфликта,

установлению практики реквизиций и «безмотивных» расстрелов. В сентябре-октябре 1917 г. она способствовала радикализации позиции другого анархиста Н. И. Махно. Ее отряд сформировался в ноябре 1917 г. в Александровске, приняв участие в боях с гайдамаками. В феврале 1918 г. во время демобилизации старой армии Мария решила укрепить фронт своим отрядом. В Елисаветграде Херсонской губернии М. Г. Никифорова, приступив к реквизициям, спровоцировала уличные бои с городскими отрядами Красной гвардии и самообороны. Ее союзниками были отряд резерва армии Украинской Народной Республики Советов под командованием А. М. Беленкевича и красногвардейский отряд екатеринославских рабочих. Отступление под давлением австро-германских войск проходило в общем потоке большевистско-левоэсэровско-анархистских отрядов по железной дороге по линии Елисаветград – Кривой Рог (Долгинцево) – Мелитополь – Таганрог – Новочеркасск. Боестолкновения с частями противника были неудачными для М. Г. Никифоровой. Ее отряд терял численность и военное имущество. Отмечались незначительные боевые успехи отряда. К Царицыну анархистский отряд Маруси прибыл обескровленным. В грабеже «золотого» эшелона Донского совнаркома он участия не принимал. В отличие от ряда командиров других отрядов, отступивших с территории Украины, Мария Никифорова не воевала в составе Красной армии. Имя Никифоровой стало предметом массового сознания непосредственно в дни революционных событий. Легендарный флер побуждает к преувеличению ее роли в военных событиях. Она оказала прямое, хотя и кратковременное влияние на расширение границ «допустимого» в условиях внутреннего вооруженного конфликта в России.

Abstract

The article presents the author's search for and systematization of miscellaneous materials on campaign record of the Marusya Nikiforova's unit on the territories of the Kherson and Yekateroslav gubernias and in the Province of the Don Cossack Host. The name of Maria Grigorievna Nikiforova is inextricably linked with the history of Russian anarchism; her activities still serve as illustration of the events of the Civil War in Russia. The article uses information from memoirs of the participants in revolutionary events written in the 1920s. It establishes main points in detachment's movement through the cities and towns of the South of Russia from autumn 1917 to summer 1918. The collected materials show that the detachment size ranged from 100 to 500 people, fluctuating under the influence of military circumstances. The popularity of M. Nikiforova was served by her own actions aiming to make her name known. The

anarchist deliberately brought about bloody phase of social conflict, establishing the practice of requisitions and “unmotivated” executions. In September–October 1917, she contributed to radicalization of another anarchist, N. I. Makhno. Her detachment was formed in November 1917 in Aleksandrovsk, Yekaterinoslav gubernia. In December 1917, it took part in battles with the Haidamaks. In February 1918, during the demobilization of the old army, Marusya’s detachment moved to strengthen the front. In Yelisavetgrad, Kherson gubernia, Nikiforova proceeded with requisitions, provoking street battles with the city's Red Guard and self-defense units. Her allies were reserve detachment of the army of the Ukrainian People's Republic of Soviets under the command of A. M. Belenkevich and the Red Guard detachment of Yekaterinoslav workers. She retreated under the Austro-German troops’ pressure together with the Bolshevik—Left SRs—anarchist detachments following the railway line of Yelisavetgrad—Krivoy Rog (Dolgintsevo)—Melitopol—Taganrog—Novocherkassk. Clashes with enemy units were unfortunate for Nikiforova. Her detachment was losing numbers and military equipment. Combat successes were insignificant. Marusya’s detachment arrived at Tsaritsyn, bleeding and exhausted. It did not participate in the robbery of the “golden” echelon of the Don Council of People's Commissars. Unlike commanders of other detachments, who retreated from the territory of Ukraine, Maria Nikiforova did not fight as part of the Red Army. Nikiforova’s name became an element of mass consciousness in the days of the revolution. The legendary veil encourages exaggeration of her role in the military events. She had a direct, albeit short-term, impact on expanding of the boundaries of the “permissible” in internal armed conflict in Russia.

Ключевые слова
Гражданская война в России, 1917–1918 гг., Маруся Никифорова, А. В. Мокроусов, анархистские отряды, австро-германская оккупация.

Keywords
Civil War in Russia, 1917–18, Marusya Nikiforova, A. V. Mokrousov, anarchist detachments, Austro-German occupation.

История Гражданской войны в России богата сюжетами, имеющими легендарный характер. Ореол особенности окружал знаковые фигуры того времени уже при жизни. Судя по всему, между реальным историческим лицом и сопровождавшим его флером слухов и разговоров существовала разница.

Среди этих героев немало героинь, и для противника это был дополнительный повод видеть в них воплощение зла и противоестественности.

Имя Марии Григорьевны Никифоровой получило особую известность уже в те горячие дни. Оно было на устах, появлялось в газетных сообщениях. А немного позже – по́ходя или небольшим сюжетом – упоминалось в мемуарах. Оно мелькает на листах архивных дел, особенно часто в протоколах вечеров воспоминаний и заседаний комиссий по чистке красных партизан. При всей манкости образа Маруси научных исследований ей посвящено немного, что может быть объяснено слабой оснащенностью надежными источниками. Тем не менее публикации есть, и особое место в разработке вопроса занимают статьи Б. И. Беленкина и Я. В. Леонтьева[1]. В число часто цитируемых текстов входят посвященные атаманше публикации украинских исследователей, базирующиеся на местном материале[2]. Помимо этих изданий можно упомянуть еще несколько книг и статей, имеющих обзорный характер[3]. Присоединился к этой сплоченной группе авторов и ирландский историк[4]. Его брошюра основана на исследованиях русскоязычных авторов, и о степени понимания вопроса свидетельствует то, что он называет М. Г. Никифорову украинской анархисткой, известной своими военными навыками. В отличие от упомянутых публикаций, эта не нацелена на восстановление деталей жизни М. Г. Никифоровой на всем ее протяжении. Столкнувшись с частым упоминанием имени атаманши в раннесоветских мемуарных текстах, касающихся в основном событий 1918 г., автор решила сконцентрировать внимание на ее командирской деятельности во главе отрядов и проверить справедливость оценки В. А. Антонова-Овсеенко, охарактеризовавшего ее энергичной и бестолковой воительницей. Маруся оказывала влияние на события в южных степях бывшей Российской империи. Какое и в какой мере – предстоит установить.

Почему Маруся? Имя было популярно еще с начала 1900-х гг. в качестве псевдонима у женщин, занимавшихся политической деятельностью: например, Роза Любарская и Вера Кукуй звались Марусями[5]. Распространенность имени

в православной стране вызвало множество «копий» в клубах поднятой революцией пыли. Новая – военно-революционная – страница жизни настоящей Марии Никифоровой начала разворачиваться летом 1917 г. на Юге Украины. И опытная революционерка не собиралась оставаться на вторых ролях. Она предприняла усилия, чтобы о ней узнали. Уже зимой 1917–1918 гг. в Александровске Екатеринославской губернии можно было добыть изданную в типографии ее автобиографию, которая вызвала широкий читательский интерес[6]. Легенд революции было еще не так много. А Маруся уже стала ею.

Появление вооруженных формирований на территории Украины летом 1917 г. было связано как с близостью фронта (линия соприкосновения с вражескими армиями проходила по линии Пинск–Ковель–Тернополь–Черновцы), так и с решениями 2-го Всеукраинского военного съезда (июнь 1917 г.), обозначившего курс на организацию национальной украинской армии. Несмотря на издание 2-го Универсала Центральной рады (3 июля 1917 г.) с отказом от провозглашения автономии Украины до созыва Всероссийского Учредительного собрания, принятого под влиянием делегации Временного правительства, на местах был запущен процесс украинизации воинских частей. Нередко это происходило на основе запасных полков, состоявших из мобилизованных с территории Украины. Противники украинизации, а М. Г. Никифорова относилась к таковым, почувствовали необходимость консолидации и вооружения.

Судя по воспоминаниям анархиста-коммуниста Назара Зуйченко, в это время вокруг Марии начали группироваться адепты анархизма. Где-то в конце лета 1917 г. в Гуляйполе в сопровождении трех анархистов прибыла Маруся с явным намерением потребовать от Н. И. Махно соблюдения идейной чистоты анархистского движения. Важно отметить, что на первых порах Нестор Иванович был менее известен и авторитетен, чем Маруся. Газета «Киевская мысль» в сентябре 1918 г. для характеристики Н. И. Махно использовала пояснение: бывший соратник М. Г. Никифоровой[7]. В Гуляйполе Марусю привело возмущение, вызванное принятием ее

товарищем-анархистом должности председателя районного земельного комитета, исполняя которую он рассматривал местных землевладельцев такой же частью сельского мира, что и крестьян. Н. И. Махно оправдывался тем, что нет оружия. И в сентябре 1917 г. ей удалось подвигнуть Н. И. Махно на первую силовую акцию – налет на цейхгауз Преображенского полка на станции Орехово.

Числа 10-го сентября 1917 г. на фоне известий о корниловском мятеже М. Г. Никифорова и Н. И. Махно возглавили «экспедиционный» анархистский отряд из 200 человек. Такой силой опустошить станционный арсенал было нетрудно, но Маруся решила довести дело революции до конца. Ее отряд окружил штаб полка в местечке Орехово, и она собственноручно расстреляла захваченных низших офицеров штаба (начальнику удалось скрыться). Имея оружие, гуляйпольские анархисты осмелели и приступили к конфискации помещичьих земель в пользу крестьянских общин[8]. Однако вооружение селян так и не привело к появлению в вотчине Н. И. Махно боевой единицы: каждый рассматривал винтовку благоприобретенной собственностью.

Вернувшаяся в Александровск, М. Г. Никифорова действовала так же, как научила Н. И. Махно. Она наложила на владельца завода земледельческих орудий Я. И. Бадовского контрибуцию, но была арестована уездным комиссаром Временного правительства Михно. Некоторые авторы считают, что деньги ею были получены, что сомнительно, исходя из последующих событий. Узнав о ее аресте, Н. И. Махно двинулся на помощь, лишь в этот момент создав свой собственный отряд Черной гвардии, из которого впоследствии выросла его армия. Еще до подхода гуляйпольцев к Александровску Мария была освобождена[9]. Эти события совпали с октябрьским переворотом 1917 г. в Петрограде.

Произошедшее не позволяет относить время формирования ее отряда к дооктябрьскому периоду. Вероятно, люди стали собираться вокруг нее еще летом 1917 г., но оформление отряда как боевой единицы произошло в ноябре 1917 г., когда на Украине уже вовсю шли столкновения между советскими войсками и гайдамаками. Формирование ее называлось

«1-й Вольно-боевой отряд по борьбе с контрреволюцией» и включал не только рабочих александровских заводов, но и уголовный элемент – поселковых босяков и портовых жиганов.

В первое время в Александровске М. Г. Никифорова работала вместе с большевиками, выступив против городского совета, поддержавшего Украинскую центральную раду. По другую сторону баррикады находились гайдамаки и двигавшиеся с фронта эшелоны, если они не желали разоружаться.

Командир отряда севастопольских моряков А. В. Мокроусов свел знакомство с М. Г. Никифоровой в декабре 1917 г. в Александровске, после неудачного для его отряда боя с гайдамаками и поддержавшими их эшелонами донских казаков, шедших с Юго-Западного фронта, и эскадронцами-татарами. А. В. Мокроусов оказался блокированным в здании совета с 60-ю преданными людьми, остальные разбежались. В полночь появилась женщина в сопровождении группы лиц, одного из которых, большевика Лепика, он знал. Она была одета «в поддевку синего сукна, в серой каракулевой шапке, с бледным лицом, напоминающим смесь лица многострадальной русской женщины с лицом схимника»[10]. Под прикрытием ее людей он ушел от петлюровцев. С поддельными документами смог самостоятельно проехать в Харьков к В. А. Антонову-Овсеенко, Маруся тоже уже была там.

М. Г. Никифорова была знакома со многими командирами будущих частей Красной армии, что позднее помогало ей в трудных ситуациях. В эмиграции она познакомилась с В. А. Антоновым-Овсеенко. С начальником резерва его армии А. М. Беленкевичем – в конце 1917 г., когда его штаб располагался на станции Пологи. Отношения сложились товарищеские, благодаря марусиной протекции, Беленкевич передал махновцам оружие и боеприпасы (3 тыс. винтовок, шесть орудий, два вагона патронов, девять вагонов снарядов)[11].

М. Г. Никифоровой принадлежит видная роль в формировании практики реквизиций. Иначе как на Украине она и не могла возникнуть. Властный вакуум на местах, сложившийся при власти Украинской народной республики, способствовал существованию рыхлых многопартийных советов. В них входили все имевшиеся в городе партии – и меньшевики,

и сионисты, и эсеры, и большевики. Анархисты сотрудничали с советами по отдельным вопросам, но входить отказывались по идеологическим соображениям.

Стихийная демобилизация дореволюционной русской армии и флота привела к массовому появлению на железнодорожных линиях Украины эшелонов с крепко вооруженными вплоть до артиллерии отрядами солдат и матросов. Они носили громкие имена типа «Полк свободы», «Отряд орлят» и даже при условии, если назывались частями армии В. А. Антонова-Овсеенко, производили впечатление гастролирующих налетчиков. В создавшейся неразберихе местные советы стали одолевать и проезжие анархисты: «Махно, Маруся Никифорова, каждая из этих сволочей приезжала, терроризировала население, и совет должен был платить деньги, чтобы уехали, да Маруся к тому хотела “керенки” и “николаевки”, а в кассе [были] лишь украинские сотенные. Пришлось как-нибудь лавировать путем налогов на контрибуцию и т. д.»[12] В эти дни на станцию Кременчуг Полтавской губернии прибыл поезд, состоявший из пульмановских вагонов, с матросами и полувоенными людьми, обмотанными с ног до головы пулеметными лентами, револьверами, гранатами и пр. Объявив себя отрядом «Анархия», пришельцы заявили, что, находясь в Кременчуге, являются в нем высшей властью. Пользуясь этим правом, «Анархия» обложила местную буржуазию контрибуцией в один миллион рублей. Местным красногвардейцам удалось разоружить пришельцев во время их выходов на реквизиции. Позднее выяснилось, что этот поезд был угнан в Херсоне около месяца назад и таким образом гастролировал по небольшим городам и станциям[13].

Бывший анархист Зуйченко объяснял природу специфического сурового вида черногвардейцев: большинство из них не имели не только боевого опыта, но даже не были обучены обращению с винтовкой. Фронтовики, навоевавшись, сидели по домам, а тыловые сидельцы, обвешанные пулеметными лентами, ручными гранами, вооруженные сразу двумя револьверами, хотели внушать страх окружающим хотя бы таким способом[14].

По сведениям С. Волкаца, к началу марта 1918 г. отряд Маруси составлял 400 чел., был хорошо вооружен и передви-

гался в эшелонах, имевших бронированные площадки, артиллерию, пулеметы и автоброневики. В Елисаветграде Херсонской губернии он оказался, якобы направляясь на Румынский фронт для противодействия продвижению австро-германских войск. В начале марта 1918 г. городской военно-революционный комитет призвал к разоружению все не подчиненные ему части. Гайдамаки отказались. Созданный накануне военно-революционный комитет попросил М. Г. Никифорову принять участие в разоружении гайдамаков. Согласившись, Маруся потребовала передать ей часть изъятого имущества и оружия, поскольку ее отряд намерен следовать на фронт. После препирательств это было сделано. Победу над гайдамаками никифоровцы ознаменовали пьяным разгулом. Тогда же возник первый конфликт с М. Г. Никифоровой: красногвардейцы задержали дебоширящего командира ее броневика. После угроз атаманши он был отпущен.

В те же дни Маруся совершила первое политическое убийство в Елисаветграде. Ею собственноручно был застрелен воинский начальник полковник Владимиров, отказавший ей в выдаче обмундирования. После этого М. Г. Никифорова погрузила все содержимое цейхгауза на свои автомобили. Елисаветградские красногвардейцы смогли убедить ее поделиться частью награбленного. Будучи под впечатлением, все местные организации, включая городскую федерацию анархистов, объединились для вытеснения Маруси из города[15].

5 или 6 марта 1918 г. Маруся была ранена на митинге, который она устроила на заводе Эльворти, недалеко от Елисаветграда. Сообщение о том, что она была ранена в бою, неточно. В действительности – выстрелом из револьвера, сделанным из толпы рабочим этого завода. Возможно, покушение было вызвано распространившимся среди рабочих слухом, что она явилась изъять заводскую кассу.

Наутро по ее приказу беглым артиллерийским огнем был обстрелян город. На улицах начался бой. Против М. Г. Никифоровой поднялся весь город: до 18 тыс. рабочих, в том числе красногвардейцев. В рядах выступивших против александровских анархистов были даже «буржуазия и разная партийная дрянь, плетущаяся в хвосте буржуазии». Это войско

именовалось армией Временного комитета спасения революции, созданного для борьбы с Марусей, а свое выступление этот комитет назвал народным восстанием. На стороне Маруси выступил отряд Беленкевича и отряд Красной гвардии из Каменского, состоявший из рабочих Южно-Русского Днепровского металлургического общества. Ее войско было вытеснено за пределы города и разбито только на шестой, а по некоторым свидетельствам – на 13–14-й день.

Это была настоящая гражданская война. Рабочие Елисаветграда были деморализованы тем, что по обе стороны сражались отряды Красной гвардии. Город погрузился в страх. Ночами была слышна беспорядочная стрельба: это «домовая охрана» палила из винтовок по мерещившимся ей бандитам и грабителям. Оживление городских правых (жандармов, черносотенцев) встревожило рабочих. Был поставлен вопрос о смене офицера Литвинова, командующего отрядами комитета спасения, на кого-то из рабочих-фронтовиков. Для наведения порядка комитет спасения готов был обратиться к советским властям – советскому командующему Румынским фронтом М. А. Муравьеву (через его представителя Асеева). Временное умиротворение городу принес бронепоезд матроса А. В. Полупанова, который приказал сдать всем оружие (кроме Красной гвардии). Частично это требование было удовлетворено, сданное оружие было погружено на его бронепоезд, который покинул Елисаветград непосредственно перед подходом к городу немцев[16].

Эшелоны с марусиным отрядом тоже начали отступление на восток. Первый бой против объединенных сил немцев и гайдамаков был принят у станции Долгинцево под Кривым Рогом. В нем также приняли участие местные красногвардейские отряды и бронепоезд А. В. Полупанова[17]. Цепь боестолкновений отступающих эшелонов никак не влияла на продвижение австро-германцев. В последних числах марта 1918 г. отряд Маруси Никифоровой был разбит под станцией Акимовка. На станции в вагонах было оставлено отрядное имущество. Но его захватили не замешкавшиеся немцы, а сборный Черноморский полк под командованием И. Ф. Федько[18]. На войне как на войне.

С. Пекарская, медсестра красногвардейского отряда, созданного в Мелитополе, указывала его численность на территории Екатеринославской губернии меньшей, чем можно было ожидать: 30 конных, 50 пехоты, 10 тачанок[19]. Видимо, столь бедственное положение заставило М. Г. Никифорову предпринять попытку взять под контроль склады Мелитополя. Власть в городе уже осуществлял совет рабочих и солдатских депутатов, созданный отрядом фронтовиков-мелитопольцев под командованием Г. А. Кочергина. Опорой совета стала Красная гвардия из рабочих одесских и николаевских заводов – уроженцев Мелитополя, вернувшихся домой под защитой отряда Кочергина. М. Г. Никифорова и примкнувший к ней анархист Егоров не смогли взять город, обороняемый силами в 1 500 чел.[20]

Военные неудачи Маруси не были чем-то особенным во время отступления отрядов, имевших основание опасаться оккупационных властей. Передать атмосферу тех дней могут записки Евгении Бош, народного секретаря внутренних дел Украинской Народной Республики Советов (УНРС), исполняющей обязанности главы правительства. Она описала вероломное поведение товарищей, их страх за собственную шкуру и желание бежать на восток впереди войск, цепляние за места и должности, что и привело к хаосу. Когда началось спонтанное отступление, немцы, увидев это, резко продвинулись вперед, и чуть-чуть поезд правительства и командования группы войск не попал под Рамаданами в плен. Хорошо, что машинист при первых выстрелах развел пары и увел состав в тыл[21].

А вот Н. И. Махно покинул Гуляйполе задолго до подхода немцев, так как местная организация фронтовиков, ранее входившая в его Черную гвардию, решила переметнуться на сторону украинской рады и предъявить Н. И. Махно в качестве искупительной жертвы[22].

В Таганроге отступающая украинская советская власть позволила себе передышку, а заодно – иметь «лучшие гостиницы, шикарные ресторанные обеды, автомобили, безделье в учреждениях». Украинский ЦИК рассматривал город в качестве плацдарма для контратаки. Кроме того, до 1888 г. Таганрог находился в составе Екатеринославской губернии,

имел значительное малороссийское население, и ходили разговоры о переподчинении его вновь Украине. Военным эшелонам было тесно в Таганроге, окрестных селах, они двигались дальше. Осталось колоритное описание отступления этой армии: «Через Таганріг на Ростов щодня йшли ешелони. Чого тільки там не було: загони, загони, загони, без кінця-краю, і все більше анархістські – якоїсь Марусі Нікіфорової й десятки іншої наволочі та авантурників <...> Не минало дня без якогось інциденту. Хто привласнив собі ймення анархістів, інші – лівих есерів, а хто навіть більшовиками називається, та всі на один копил: штани-кльош, шкіряна куртка, матроський картуз, ходить наспиртувавшись та все аргументує ноганом»[23].

Но для Марии Никифоровой пребывание в Таганроге закончилось привлечением к революционному суду чести, одним из поводов стала баталия в Елисаветграде. Инициатором суда выступило украинское советское правительство. Но широкая поддержка со стороны анархистских вожаков и известных красных командиров привели к оправдательному решению следственной комиссии, созданной после ее ареста. Б. И. Беленкин и Я. В. Леонтьев связывают это с влиянием главнокомандующего Украинским красным фронтом В. А. Антонова-Овсеенко[24]. Свою лепту мог внести и Мокроусов, заслуживший известность у екатеринославских красногвардейцев своими боями с петлюровцами под Лозовой (13 декабря 1917 г.) и избранный совещанием командиров отрядов в Синявской начальником обороны Таганрогско-Ростовского района[25].

Наступление немцев мешало установлению армейской дисциплины и реализации принципов правового порядка. В район низовий Дона для того, чтобы переправиться на Левобережье, прибывали отступающие украинские отряды, существенную взвесь из которых составляли анархистские. В таких условиях было не до излишеств. Но можно догадаться, что эксцессы с участием 1-го Вольно-боевого отряда не прекратились. В документах встречались упоминания о некоем столкновении под Софиевкой (в 10 верстах от Таганрога) Сулинского социалистического рабочего отряда с Марусей

и китайским отрядом. Такие «недоразумения» были тогда нередкостью. Китайцев удалось разоружить, и они вступили в Сулинский полк, «признав линию в борьбе против капиталистов у Сулинского полка правильной»[26]. По-видимому, Марусе удалось сохранить свою самостоятельность.

В первых числах мая 1918 г. отряд Маруси отступал из Новочеркасска по железной дороге вместе с отрядами местного ревкома. Незадолго до прибытия эшелонов на станцию Ростов ее занял эскадрон белой кавалерии. Чтобы пробиться к мосту через Дон, нужно было ликвидировать препятствующего движению противника. И тут сыграла свою роль запасливость атаманши. Ее артиллерия состояла из небольшой пушечки, которая издавала жуткий визжащий звук, который уже сам по себе мог дезорганизовать врага. Состоялся ночной бой, успешный для отступающих, и на утро вся привокзальная площадь была покрыта трупами лошадей, брошенными тележками, снарядными ящиками, походными кухнями[27].

В боях в Задонье Маруся была ранена. По сообщению командующего войсками Кубано-Черноморской федеративной советской республики К. И. Калнина, это произошло в боестолкновениях с немцами у станицы Кагальницкой[28]. По-видимому, здесь вкралась ошибка, речь может идти о селе (местечке) Кагальницком, лежащем в устье Дона. Станица Кагальницкая расположена в 50 верстах от Ростова, так далеко немцы не заходили. Это свидетельство Калнина подтверждает слова Мокроусова о том, что анархистские отряды, вырвавшиеся за Дон, были обуреваемы одним лозунгом «На север – в Россию!», первым побежал Петренко, за ним Чередняк, к бегущим отрядам присоединились отряды Черняка, Воронова и много одиночек и групп из других отрядов. Стоявший тогда в Тихорецкой штаб Л. И. Сорокина прилагал усилия, чтобы остановить поток бегущих. Но небольшой отряд М. Г. Никифоровой упоминается среди тех, кто остался у Батайска защищать ветку железной дороги, ведущую на Тихорецкую[29]. Известно, что немцы подвергли Задонье жесточайшему артиллерийскому обстрелу.

Среди прочих имеются свидетельства того, что Маруся, впрочем, как и другие командиры украинских отрядов, была

готова повернуть оружие против товарищей по отступлению. Об этом в свойственной ему непосредственной манере вспоминал работник аппарата Донской советской республики В. А. Изварин: «Потом отъехали в Батайск, нужно было другие эшелоны пропускать. Меня взяли в вагон, оказалось, что я попал к Марусе в отряд, и там идет заговор всех перестрелять, всю [Донскую] республику, я стал спрашивать, почему. – "Да там самый офицер!". Но я уговорил, что это наши ребята. Потом я попал в поезд [анархиста] Петренко, тоже такая же буза, что шел [разговор] пострелять Донскую Республику как контрреволюционеров. Конечно, я стал распинаться, так и меня хотели хлопнуть. Я отбился. Этот отряд ушел вперед, я ещё несколько пропустил отрядов, также вел агитацию за то, чтобы не трогали членов Ц.И.К. А почему мне пришлось заговаривать с командирами отрядов? [Потому что, когда] они в Ростове появлялись за деньгами, то я был на стороне дать, хотя понемногу, и взять на учет все отряды, сколько их приходило с Украины»[30].

Воевавшие на Дону, Кубани и под Царицыном ветераны Красной армии оставили много разоблачительных рассказов об анархистах, ограбивших сразу несколько эшелонов с золотым запасом – Донецко-Криворожской и Донской советских республик. За это было расстреляно несколько вожаков и множество рядовых, уличенных в хищении золота. Но Маруси среди них не оказалось, может быть, В. А. Антонов-Овсеенко не лгал в отношении этого инцидента, что она ни при чем.

Близкий Марусе идейно и тактически А. В. Мокроусов отрицал приписываемый ей образ «богини недисциплинированности и мародерства»[31]. Марусин эшелон был – по-женски – полна коробочка. Многие, писавшие о ней, особое внимание уделяли результатам ее воевания – содержимому ее вагонов: «В поезде десятки пулеметов, запасы винтовок, патрон, на площадках пушки, начиная от мелкой Гочнеса и до 42 мм "морской". Своя охрана, свои машинисты и кондуктора, запасы спирта, вина, продуктов, мануфактуры, отрядное казначейство, духовая музыка, пианино, граммофоны, цветы, красные ленты, жены – сестры, меняемые не реже чем раз в неделю»[32]. Возможно, воображение обывателя поражало

это чудесное на фоне общей обнищалости изобилие, а разум сознательного большевика – безыдейный вещизм. Во время боев с гайдамаками за Александровск Маруся Никифорова сняла свой отряд с фронта и направилась в Хортицу налагать контрибуцию на «буржуазию» – жителей прежде богатой немецкой колонии[33]. Изобличающее свидетельство о марусином эшелоне тех дней оставила Пекарская: «Нужно отметить, в вагоне у нее грязь. Не поезд, а походный магазин. Все валяется на полу, на полках, а в это время население очень нуждалось в данных вещах и продуктах»[34].

Маруся Никифорова делала то, что и большинство других командиров вооруженных отрядов в 1918 г. – истово заботилась о материальном благополучии своего отряда, разумно рассуждая, если я не возьму, то другие сделают это за меня, и увозила с собой ценности с оставляемой территории. Многочисленные свидетельства, собранные Московским революционным трибуналом (июнь 1918 г. – январь 1919 г.), обличали Марусю в грабежах, реквизициях (далеко не только оружия и продовольствия, но и чулок, белья, ценностей), в расстрелах не только классовых врагов, но и советских работников, отказавшихся выполнять ее приказы, а также за то, что «жиды». Ей удалось быть оправданной, хотя заявления симпатизирующих ей соратников явно несут признаки вольного обращения с фактами[35].

Наличие двойников позволило ей, оказавшись под следствием, утверждать, что все, в чем ее обвиняют, было проделано «лицом, себя именовавшим ея фамилией»[36]. В 1918 г. не одна она собрала свой отряд. В тех же южнорусских степях оперировал в то же время красный отряд Маруси Щекочихиной[37]. «Марусю» видели там, где реальная Мария Никифорова никогда не бывала. В июле 1918 г. очевидец видел в кабинете военкома Новороссийска В. Толмачева некую Марусю, описывая ее как «худенькую, черненькую девчонку 18–20 лет, в гимнастерке, сапогах и фуражке военной», на ней висела шашка казачьего образца с аннинским темляком, на груди болтались медали. По виду была типичная кокаинистка. На подлинную М. Г. Никифорову та явно была не похожа: многие обращали внимание на потрепанный вид 33-летней

анархистки. Но эта тоже командовала отрядом, пришедшим с Украины. Про себя рассказала, что она из бывших народных учителей. Будучи во главе отряда из 30–40 конных, она арестовала членов продовольственной комиссии и товары на складах местного совета и готова была их вернуть в обмен на две тысячи бутылок старого вина с дачи Бойко в Геленджике, якобы для нужд медпункта[38].

Жизнь свою Маруся Никифорова закончила, по мнению разных мемуаристов, то ли под Царицыном в 1918 г., то ли под Новороссийском в 1919 г.[39] Возможно, что точную дату ее казни – расстрела(!), сообщает газета «Великая Россия» – 3 (16) сентября 1919 г.[40]

Личные качества Марии Никифоровой предстают в свидетельствах очевидцев редко. Отмечаются ее ораторский дар, умение управлять мотоциклом и автомобилем, бесстрашие и авантюризм. Пекарская в воспоминаниях коснулась и ее морального облика, явно основанного на циркулировавших слухах: «Брала себе в адъютанты из молодых, а если провинится – тут же расстреливала»[41]. В анонимном очерке «Маруся-анархистка» упоминается ее фаворит адъютант Мотылек, которого она, будучи пьяной, застрелила за неподчинение приказу[42].

Описания атаманши отчасти связаны не только с идейными пристрастиями авторов, но и с тем, при каких обстоятельствах она им повстречалась. Бывший анархист Мокроусов с симпатией относился к М. Г. Никифоровой: в Александровске она спасла ему жизнь. Ее отряд он считал не хуже, чем другие. Считал, что как командир Маруся была строга, хотя в бою немного терялась, но отступала не первой. Ее люди были «революционно честны, стойки, дисциплинированны». Правда, впоследствии в отряд проникли негодные элементы, компрометирующие революцию, признавал Мокроусов[43]. Командовавший Крымско-Черноморским кавалерийским полком 3-й колонны армии Кубано-Черноморской республики большевик Г. А. Кочергин, наоборот, относил Марусю к лагерю врага, ведь в марте 1918 г. ему пришлось оборонять от нее советскую власть в Мелитополе. Анархист Черняк упоминается Мокроусовым и Кочергиным в том же ключе, что и Маруся: у Мокроусова – в положительном, у Кочергина – в отрицательном[44].

Среди материалов ветеранских комиссий не удалось найти ни одного документа, принадлежавшего бывшему члену ее отряда. Это объяснимо: при таком послужном списке соискатель не мог получить звание красного партизана. Донбасский шахтер М. И. Передерий имел неосторожность упомянуть, что в ноябре 1917 г. вступил в отряд Черняка. И хотя потом ему пришлось служить и в Стальной дивизии Д. П. Жлобы, и в 1-м Донском полку П. В. Куришко, имя Черняка стало клеймом на его биографии[45].

Итак, влияние Марии Никифоровой на события начального периода Гражданской войны на Юге Украины может быть сведено к ломке естественных барьеров перед кровью и насилием, которые существовали у подавляющего числа граждан новой страны. Ее военные таланты преувеличены молвой. Ее недобрая слава родилась в боях, развязанных ею в тылу отступающих советских отрядов. С немцами и гайдамаками сражались все советские отряды, но обращали оружие против своих немногие, а Маруся еще и провоцировала стычки. Ее реквизиционные мероприятия, по-видимому, превосходили подобные действия других украинских командиров. Но к захвату эвакуированного из Ростова-на-Дону золота она, судя по всему, отношения не имела. Случись такое, и скорый полевой суд, и Серго Орджоникидзе ее бы не пощадили.

Примечания / Notes

[1] *Беленкин, Б. И., Леонтьев, Я. В.* «Черная тень революции» (атаманша Маруся Никифорова) // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 169–178. BELENKIN, B. I., LEONT'EV, Ya. V. *"Chernaya ten' revolyutsii" (atamansha Marusya Nikiforova)* ["The Black Shadow of the Revolution" (Ataman Marusya Nikiforova). In Russ.]. IN: *Otechestvennaya istoriya*, 2002, no. 4, pp. 169–178; *Леонтьев, Я. В., Рублев, Д. И.* Маруся Никифорова перед Ревтрибуналом: история одного показательного процесса // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне. Идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО–XXI, 2015. – С. 40–60. LEONT'EV, Ya. V., RUBLEV, D. I. *Marusya Nikiforova pered Revtribunalom: istoriya odnogo pokazatel'nogo protsessa* [Marusya

Nikiforova before the Revolutionary Tribunal: A story of a show trial. In Russ.]. IN: *"Atamanshhina" i "partizanshhina" v Grazhdanskoi voine: Ideologiya, voennoe uchastie, kadry. Sbornik statei i materialov* [POSADSKII, A. V. (ed.). Atamans and partisans in the Civol War, ideology, military actions, personnel: Collected articles and materials]. Moscow, AIRO–XXI publ., 2015, pp. 40–60.

[2] *Савченко, В. А.* Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. – Харьков – М., 2000. – 368 с. SAVCHENKO, V. A. *Avantyuristy grazhdanskoi voiny: Istoricheskoe rassledovanie* [Adventurers of the Civil War: A Historical Inquiry. In Russ.]. Kharkiv, Folio publ., Moscow, AST publ., 2000, 368 p.; *Чоп, В. М.* Маруся Никифорова. – Запорожье: Тандем–У, 1998. – 68 с.; CHOP, V. M. *Marusya Nikiforova* [Marusya Nikiforova. In Russ.]. Zaporozhe, Tandem–U publ., 1998, 68 p.

[3] *Ермаков, В. Д.* «Маруся»: портрет анархистки // Социологические исследования. – 1991. – № 3. – С. 91–96. ERMAKOV, V. D. *"Marusya": portret anarkhistki* ["Marusya": A portrait of an anarchist. In Russ.]. IN: *Sotsiologicheskie issledovaniya,* 1991, no. 3, pp. 91–96; *Ермаков, В. Д.* Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов. – СПб.: СПбГИК, 2018. – С. 251–256. ERMAKOV, V. D. *Anarkhisty na frontakh Grazhdanskoi voiny 1917–1922 godov* [Anarchists on the fronts of the Civil War of 1917–22. In Russ.]. St. Petersburg, SPbGIK publ., 2018, pp. 251–256.

[4] ARCHIBALD, M. Atamansha: The Story of Maria Nikiforova, the Anarchist Joan of Arc. Dublin, 2007, 52 p.

[5] *Адамович, Е.* Из воспоминаний о партийной работе в Екатеринославе 1901–1902 года // Летопись революции. – 1923. – № 2. – С. 48–57; ADAMOVICH, E. *Iz vospominanii o partiinoi rabote v Ekaterinoslave 1901–1902 goda* [From memoirs on the party work in Yekaterinoslav in 1901–02. In Russ.]. IN: *Letopis' revolyutsii*, 1923, no. 2, pp. 48–57; *Харечко, Т.* Из истории РСДРП в Донбассе // Летопись революции. – 1927. – № 3 (24). – С. 118. KHARECHKO, T. *Iz istorii RSDRP v Donbasse* [From the history of the RSDLP in Donbass. In Russ.]. IN: *Letopis' revolyutsii*, 1927, no. 3 (24), p. 118; *Мишкис, Х.* КП(б)У за денікінщини. До документів // Летопись революции. – 1929. – № 5–6 (38–39). – С. 290. MISHKIS, H. *KP(b)U za denikinshchini. Do dokumentiv* [CP(b)U about Denikinshhina. To the documents. In Ukr.]. IN: *Letopis' revolyutsii*, 1929, no. 5–6 (38–39), p. 290.

[6] Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 857. Л. 2. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti* [Documentation Center for the Contemporary History of the Rostov Region] (TsDNIRO), fond R-12, series 3, file 857, p. 2.

[7] *Шелыгин, Я.* Партизанская борьба с гетманщиной и австро-германской оккупацией // Летопись революции. – 1928. – № 6 (33). – С. 91. SHELYGIN, Ya. *Partizanskaya bor'ba s getmanshchinoi i avstro-germanskoi okkupatsiei* [Partisan struggle against the Hetmanate and the Austro-German occupation. In Russ.]. IN: *Letopis' revolyutsii*, 1928, no. 6 (33), p. 91.

[8] *Белаш, В.* Махновщина // Летопись революции. – 1928. – № 3 (30). – С. 194–195. BELASH, V. *Makhnovshchina* [Makhnovshchina. In Russ.]. IN: *Letopis' revolyutsii*. 1928, no. 3 (30), pp. 194–195.

[9] Там же. – С. 195–196. BELASH, V., 1928, pp. 195–196.

[10] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 264. Л. 6. TsDNIRO, fond R-12, series 2, file 264, p. 6.

[11] *Белаш, В.* Указ. соч. – С. 197. BELASH, V., 1928, p. 197.

[12] Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). Ф. П-24. Оп. 1. Д. 372. Л. 94–97. *Gosudarstvennyi arkhiv Dnepropetrovskoi oblasti* [State Archive of the Dnipropetrovsk Region] (GADO), fond P-12, series 1, file 372, pp. 94–97.

[13] Там же. Д. 298. Л. 14 об. – 16. Ibid., file 298, p. 14 verso.

[14] *Белаш, В.* Указ. соч. – С. 197. BELASH, V., 1928, p. 197.

[15] *Волкац, С.* К борьбе за Октябрь в Зиновьевске (Елисаветграде) // Летопись революции. – 1928. – № 1 (28). – С. 214–217, 221. VOLKATS, S. *K bor'be za Oktyabr' v Zinov'evske (Elisavetgrade)* [Revisiting the struggle for October in Zinovievsk (Yelisavetgrad). In Russ.]. IN: *Letopis' revolyutsii*, 1928, no. 1(28), pp. 214–217, 221.

[16] *Волкац, С.* Парторганизация и октябрьский переворот в Елисаветграде // Летопись революции. – 1922. – № 1. – С. 193. VOLKATS, S. *Partorganizatsiya i oktyabr'skii perevorot v Elisavetgrade* [Party organization and the October coup in Yelisavetgrad. In Russ.]. IN: *Letopis' revolyutsii,* 1922, no. 1, p. 193.

[17] ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 73. Л. 45. GADO, fond P-24, series 1, file 73, p. 45.

[18] Там же. Ф. Р-2166. Оп. 1. Д. 3. Л. 55. Ibid., fond R-2166, series 1, file 3, p. 55.

[19] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 87. Л. 1. TsDNIRO, fond R-2, series 2, file 87, p. 1.

[20] Там же. Д. 72. Л. 8–9, 16. Ibid., file 72, pp. 8–9, 16.

[21] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 287. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI), fond 287, series 1, file 1, p. 16 verso.

[22] *Белаш, В.* Указ. соч. – С. 197. BELASH, V., 1928, p. 197.

[23] *Затоньский, В.* З спогадів про українську революцію. Частина II // Летопись революции. – 1929. – № 5–6 (38–39). – С. 134. ZATON'SKII, V. *Z spogadiv pro ukraïns'ku revolyutsiyu. Chastina II* [From the memoirs on the Ukrainian revolution. Part II. In Ukr.]. IN: *Letopis' revolyutsii*. 1929, no. 5–6 (38–39), p. 134.

[24] *Беленкин, Б. И., Леонтьев, Я. В.* Указ. соч. – С. 173. BELENKIN, B. I., LEONT'EV, Ya. V., 2002, p. 173.

[25] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 264. Л. 6. TsDNIRO, fond R-12, series 2, file 264, p. 6.

[26] Там же. Оп. 3. Д. 77. Л. 3. Ibid., series 3, file 77, p. 3.

[27] Там же. Д. 21. Л. 58. Ibid., file 21, p. 58.

[28] *Леонтьев, Я. В., Рублев, Д. И.* Указ. соч. – С. 44. LEONT'EV, Ya. V., RUBLEV, D. I., 2015, p. 44.

[29] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 264. Л. 11–12. TsDNIRO, fond R-12, series 2, file 264, pp. 11–12.

[30] Там же. Оп. 3. Д. 485. Л. 54–70. Ibid., series 3, file 485, p. 54–70.

[31] Там же. Оп. 2. Д. 264. Л. 12–14. Ibid., series 2, file 264, p. 12–14.

[32] Там же. Д. 87. Л. 1. Ibid., file 87, p. 1.

[33] ГАДО. Ф. П-24. Оп. 2. Д. 29. Л. 31. GADO, fond P-24, series 2, file 29, p. 31.

[34] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 857. Л. 1–4. TsDNIRO, fond R-12, series 3, file 857, pp. 1–4.

[35] *Беленкин, Б. И., Леонтьев, Я. В.* Указ. соч. – С. 174–175. BELENKIN, B. I., LEONT'EV, Ya. V., 2002, pp. 174–175. *Леонтьев, Я. В., Рублев Д. И.* Указ. соч. – С. 46–48. LEONT'EV, Ya. V., RUBLEV, D. I., 2015, pp. 174–175.

[36] Там же. Ibid.

[37] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 4. Л. 1– 2. TsDNIRO, fond R-12, series 3, file 4, pp. 1–2.

[38] Геленджикский историко-краеведческий музей. Ф. 7. Д. 6. Л. 35–36. *Gelendzhikskii istoriko-kraevedcheskii muzei* [Gelendzhik Museum of Local History], fond 7, file 6, pp. 35–36.

[39] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 177. Л. 11. TsDNIRO, fond R-12, series 3, file 177, p. 11.

[40] Великая Россия. – 1919. – 6 (19) сентября. *Velikaya Rossiya,* September 6 (19), 1919.

[41] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 857. Л. 1. TsDNIRO, fond R-12, series 3, file 857, p. 1.

[42] Там же. Оп. 2. Д. 87. Л. 1. Ibid., series 2, file 87, p. 1.

[43] Там же. Д. 264. Л. 12–14. Ibid., file 264, pp. 12–14.

[44] Там же. Д. 72. Л. 8–9, 16. Ibid., file 72, pp. 8–9, 16.

[45] ГАРО. Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 2315. Л. 1–2, 6, 11, 13. GARO, fond R-2992, series 1, file 2315, pp. 1–2.

Список литературы

Беленкин, Б. И., Леонтьев, Я. В. «Черная тень революции» (атаманша Маруся Никифорова) // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 169–178.

Ермаков, В. Д. «Маруся»: портрет анархистки // Социологические исследования. – 1991. – № 3. – С. 91–96.

Ермаков, В. Д. Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов. – СПб.: СПбГИК, 2018. – 271 с.

Леонтьев, Я. В., Рублев, Д. И. Маруся Никифорова перед Ревтрибуналом: история одного показательного процесса // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне. Идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО–XXI, 2015. – С. 40–60.

Савченко, В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 368 с.

Чоп, В. М. Маруся Никифорова. – Запорожье: Тандем–У, 1998. – 68 с.

ARCHIBALD, M. Atamansha: The Story of Maria Nikiforova, the Anarchist Joan of Arc. Dublin, 2007, 52 p.

References

BELENKIN, B. I., LEONT'EV, Ya. V. *"Chernaya ten' revolyutsii" (atamansha Marusya Nikiforova)* ["The Black Shadow of the Revolution" (Ataman Marusya Nikiforova). In Russ.]. IN: *Otechestvennaya istoriya*, 2002, no. 4, pp. 169–178.

CHOP, V. M. *Marusya Nikiforova*. [Marusya Nikiforova. In Russ.]. Zaporozhe, Tandem–U publ., 1998, 68 p.

ERMAKOV, V. D. *"Marusya": portret anarkhistki* ["Marusya": A portrait of an anarchist. In Russ.]. IN: *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1991, no. 3, pp. 91–96.

ERMAKOV, V. D. *Anarkhisty pa frontakh Grazhdanskoi voiny 1917–1922 godov* [Anarchists on the fronts of the Civil War of 1917–22. In Russ.]. St. Petersburg, SPbGIK publ., 2018, 271 p.

LEONT'EV, Ya. V., RUBLEV, D. I. *Marusya Nikiforova pered Revtribunalom: istoriya odnogo pokazatel'nogo protsessa* [Marusya Nikiforova before the Revolutionary Tribunal: A story of a show trial. In Russ.]. IN: *"Atamanshhina" i "partizanshhina" v Grazhdanskoi voine. ideologiya, voennoe uchastie, kadry*. Sbornik statei i materialov [POSADSKII, A. V. (ed.). Atamans and partisans in the Civil War: Ideology, military actions, personnel: Collected articles and materials]. Moscow, AIRO–XXI publ., 2015, pp. 40–60.

SAVCHENKO, V. A. *Avantyuristy grazhdanskoi voiny: Istoricheskoe rassledovanie* [Adventurers of the Civil War: A Historical Inquiry. In Russ.]. Kharkiv, Folio publ., Moscow, AST publ., 2000, 368 p.

ARCHIBALD, M. Atamansha: The Story of Maria Nikiforova, the Anarchist Joan of Arc. Dublin, 2007, 52 p.

Сведения об авторах

Морозова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, доцент, Донской государственный технический университет, факультет медиакоммуникаций и мультимедийных технологий, кафедра связей с общественностью, профессор, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 8-928-154-02-94, olgafrost@gmail.com

About the authors

Morozova Olga Mikhailovna, PhD in History, associate professor, Don State Technical University, faculty of media communications и multimedia technology, department of public relations, professor, Rostov-on-Don, Russian Federation, +7-928-154-02-94, olgafrost@gmail.com

В редакцию статья поступила 03.08.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Морозова, О. М. Во главе чернознаменного войска: Маруся Никифорова в 1917–1918 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 164–185. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-164-185

Submitted 03.08.2021, published (for citation)

MOROZOVA, O. M. *Vo glave chernoznamennogo voiska: Marusya Nikiforova v 1917–1918 gg.* [At the Head of the Black Banner Army: Marusya Nikiforova in 1917–18. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 164–185. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-164-185

Документальная публикация / Document publication
УДК 94(470)+82-6+930.253+339.3
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-186-200

Абдрахманов, К. А.
Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Российская Федерация

«Препятствий к выдаче названным торговцам разрешительных свидетельств никаких не имеется…». Письма военного губернатора Уральской области Н. А. Веревкина оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому. 1872–1873 гг.

Abdrakhmanov, Konstantin A.
Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russian Federation

“There Are No Obstacles to Issuing Permits to the Said Merchants …” Letters of the Military Governor of the Ural Oblast N. A. Verevkin to the Orenburg Governor General N. A. Kryzhanovskii (1872–73)

Аннотация
В статье представлена не опубликованная ранее переписка оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского и военного губернатора Уральской области Н. А. Веревкина, посвященная специфике распространения частными лицами алкогольной продукции в степных укреплениях. Послания составлены в официально-деловом стиле, что обусловлено должностным положением участников переписки. При описании документов был применен принцип кон-

текстно-исторического анализа для установления связи исторической ситуации и условий создания источника. Основная цель данной работы – сделать архивные сведения доступными для исследователей, прежде всего тех, кто занят разработкой проблем региональной истории, изучает особенности организации управления периферийными территориями России в XIX в. и опыт дореволюционного предпринимательства, а также для всех интересующихся историей. Вопрос о сферах взаимодействия государства и частного сектора экономики в нынешнее время делает актуальным анализ такого сотрудничества в исторической ретроспективе. Актуальная в современной России проблема регламентации алкогольного рынка также нашла отражение в официальных бумагах. В аналитической части исследования сделана попытка сформировать у читателя представление об административном устройстве Оренбургской губернии в 1870-е гг. и территориальном делении региона, и поставлен вопрос о мотивах, которыми руководствовалось командование фортов и высшее краевое начальство, положительно реагируя на прошения коммерсантов. Несмотря на относительную краткость, эти послания содержат разносторонние сведения историко-краеведческого характера. Из текста можно узнать фамилии ряда оренбургских купцов, понять географию торговли алкоголем, которую они вели за пределами городов Оренбуржья, представить масштаб организационных проблем, сопутствующих ведению бизнеса. Обратившись к архивным данным, можно судить о двойственном положении командиров укреплений, когда, с одной стороны, существовала необходимость бесперебойных поставок вина, продуктов питания и предметов первой необходимости, с другой – важно было пресекать повальное пьянство среди личного состава. Алгоритм оформления документов на право торговли слабым и крепким алкоголем внутри крепостных стен отражает многочисленность, некую массивность чиновничье-бюрократического аппарата как отдельной провинции, так и всего государства в целом. В завершение работы сделан вывод о том, что мотивы положительных решений администрации Оренбургского генерал-губернаторства относительно прошений предпринимателей остаются невыясненными, а следовательно, вопрос о характере связей купечества и регионального руководства в рамках организации поставок алкоголя в степные крепости требует дальнейшей разработки.

Abstract

The article presents previously unpublished correspondence between the Orenburg Governor General N. A. Kryzhanovskii and the Military Governor of the Ural Oblast N. A. Verevkin concerning alcoholic beverages

distribution by individuals in the steppe fortifications. The messages are written in the official style, as befits the position of correspondents. When describing the documents, the principle of contextual-historical analysis has been applied to establish connections between historical situation and conditions of documents' creation. The article is to make archival information available to researchers of regional history, administration in the Russian periphery in the 19th century, and pre-revolutionary entrepreneurship, as well as to anyone interested in history. The current assessment of the spheres of interaction between state and private sector of economy makes the analysis of such cooperation in historical retrospect more relevant. The problem of regulating the alcohol market, quite relevant in modern Russia, was also reflected in official papers. The analytical part of the study attempts to give an impression of administrative structure of the Orenburg Governorate in the 1870s and is territorial division and raises the question of motives of commanding officers of forts and higher regional authorities in their favorable response to entrepreneurs' petitions. Despite their relative brevity, the messages contain much information on history and regional lore. They provide names of some Orenburg merchants, outline geography of the alcohol trade outside cities of the Orenburg region, permit to assess the scale of organizational problems. The archival data shows the ambivalent position of commanders who required continuous shipments of wine, food, and basic necessities, but needed to prevent binge drinking of the personnel. The algorithm for processing documents to license the sale of weak and strong alcohol inside fortress walls reflects enormousness of bureaucratic apparatus in the gubernia and nationwide. The article concludes that motives of favorable decisions of the Orenburg Governor Generalship administration on the entrepreneurs' petitions remain unclear, and therefore, the nature of relations between merchants and regional administration in the sphere of alcohol shipments to steppe fortresses requires further research.

Ключевые слова
Исторические источники, торговля алкоголем, степные укрепления, военный губернатор, оренбургский генерал-губернатор, Уральская область, купечество, разрешение на продажу, Н. А. Крыжановский, Н. А. Веревкин.

Keywords
Historical sources, alcohol trade, steppe fortifications, Military Governor, Orenburg Governor General, Ural Oblast, merchants, sale permit, N. A. Kryzhanovskii, N. A. Verevkin.

Материалы, выявленные в фонде № 6 – Канцелярия оренбургского генерал-губернатора Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), выделяются объемом собранных сведений и длительностью формирования (1797–1881 гг.). Самые ранние документы, составляющие информационную базу хранилища, датированы 1735 г., а верхней временной рамкой указан 1887 г.[1] Из дела «О порядке выдачи документов по торговле спиртными напитками и другими произведениями в степных укреплениях»[2] были извлечены два письма военного губернатора Уральской области Н. А. Веревкина оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому, датированные 17 мая 1872 г. и 11 января 1873 г. соответственно.

Прежде чем перейти к анализу содержания текста посланий, уместным будет сказать несколько слов об участниках переписки. Значительная часть воинского пути Николая Александровича Веревкина связана с интеграцией Россией среднеазиатских ханств. За первую половину 1860-х гг. Н. А. Веревкин проделал путь от полковника до генерал-майора, замещал должность начальника Аму-Дарьинской линии, в 1865 г. был назначен наказным атаманом Уральского казачьего войска[3]. Адресатом Н. А. Веревкина был Николай Андреевич Крыжановский, которого в 1865 г. перевели из Петербурга в Оренбург на должность оренбургского генерал-губернатора[4].

Образованная в 1868 г. и включившая в свой состав территории Уральского казачьего войска и Внутренней Букеевской орды, Уральская область являлась составной частью Оренбургского генерал-губернаторства[5]. Во главе управления этой административно-территориальной единицы находился военный губернатор, занимавший подчиненное положение по отношению к оренбургскому генерал-губернатору[6]. Будучи подотчетным главному начальнику края, руководитель Уральской области был обязан информировать его о положении дел на доверенной территории, консультироваться для урегулирования сложных ситуаций и получать одобрение при принятии каких-либо решений.

В первом письме от 17 мая 1872 г. Н. А. Веревкин указывал на случаи нарушения поставщиками правил провоза и распространения спиртного на объектах военного назначения. Другой проблемой, поднятой на страницах письма, являлось отсутствие четких инструкций у начальника гарнизона при выявлении подобных эксцессов.

Разработка и утверждение четких норм торговли спиртным в степных гарнизонах представлялись актуальными прежде всего потому, что бесконтрольный доступ к большому количеству алкогольных напитков провоцировал личный состав на излишнее употребление горячительного. Злоупотребление спиртосодержащими жидкостями искажало психику человека и провоцировало конфликты среди личного состава. Подобное обстоятельство вполне могло привести к печальным последствиям, тем более в военной среде, где контингент имеет доступ к холодному и огнестрельному оружию. Примеры агрессивных действий представителей российского общества дореволюционной эпохи, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, приведены в работах историков и содержатся в документах архивов.

В исследовании Е. В. Долгих о девиантном поведении лиц, не соблюдающих нормы употребления алкоголя, сказано: «...вот тульский крестьянин в мороз выгонял домочадцев из избы, и они ночевали, где придется, боясь вернуться в дом»[7]. Случай, когда в ходе выяснения отношений одной из сторон было применено огнестрельное оружие, произошел летом 1905 г. в Челябинске. Начальник оренбургского губернского жандармского управления в рапорте губернатору Я. Ф. Барабашу писал: «Между челябинским мещанином Степаном Ивановичем Гевлевым, тайно торгующим водкой, и крестьянином села Косулинское Челябинского уезда Алексеем Поликарповичем Борчаниновым произошла ссора из-за того, что пьяный Борчанинов назвал пьяного же Гевлева «целовальником»[8]. Гевлев обиделся, зарядил ружьё дробью и выстрелил в Борчанинова, ранив последнего в руку и бок»[9]. Исходя из этого можно понять, что проблема контроля за количеством употребляемого военнослужащими вина и прочих напитков представлялась весьма злободневной.

В целях профилактики правонарушений со стороны предпринимателей и упрощения купцам доступа в гарнизоны, Н. А. Веревкин предлагал Н. А. Крыжановскому утвердить военного губернатора в качестве ключевого ответственного за выдачу разрешений, как чиновника, наделенного большими полномочиями в связи с созданием новых административно-территориальных образований – Уральской и Тургайской областей. Данная инициатива являлась «легитимной» с юридической точки зрения, так как согласно принятому в 1870 г. Военным советом Российской империи положению о торговле спиртосодержащими жидкостями в крепостных укреплениях[10], командующие военными округами обладали возможностью самостоятельно, то есть без санкции центральных властей, осуществлять выдачу разрешительных документов или, наоборот, отвечать отказом, ориентируясь на специфику конкретного региона. О вреде излишней централизации в деле управления государством, и, наоборот, важности автономной работы провинциальной администрации писал дореволюционный исследователь проблем функционирования в империи института губернаторской власти И. А. Блинов. «Как человеку нужен воздух и рыбе вода, так и административному органу или учреждению нужна некоторая самостоятельность действий, отсутствие коей убивает всякую энергию, всякое желание работать, порождает формальное, канцелярское отношение к делу, уничтожает всякий к нему интерес, а при таких условиях нельзя ожидать хоть сколько-нибудь удовлетворительного результата» – отмечено в историко-юридическом очерке[11]. Ориентируясь на представленную информацию, можно сделать вывод о том, что общеимперские структуры власти подтвердили широту полномочий провинциального военного руководства, позволив последнему осуществлять полный контроль над системой торговли спиртным в укрепленных пунктах с полностью военным населением.

С момента делегирования полномочий Штаба Оренбургского округа военному губернатору Уральской области алгоритм допуска купцов к продажам спиртного в степных укреплениях несколько упростился. Полезным нововведением представлялось то, что требовавший до этого ежегодного

подтверждения разрешительный документ становился бессрочным. Желающие получить доступ за стены крепостей, коммерсанты пошли по пути расширения ассортимента поставок, не делая упор только на алкоголь, а предлагая личному составу мануфактурный и бакалейный товар, а также крайне необходимую в быту продукцию химического производства (краска, клей, средства гигиены).

Интересным представляется то, что ведущие торговлю в укреплениях купцы-виноторговцы не были обязаны в короткий срок сбывать привезенный товар под открытым небом, а затем покидать стены крепости. Эти предприниматели имели возможность возводить на территории фортов стационарные объекты: харчевни, винные лавки, ренсковые погреба. Питейные заведения технически должны были удовлетворять определенным требованиям, что обязывало купцов возводить помещения и оборудовать их в соответствии с определенным законом стандартом[12]. Выявление каких-либо недочетов в работе заведения или в его оснащенности могло обернуться отзывом разрешения.

Достаточно любопытным фактом выглядит стремление командования укреплений и начальника Уральской области пойти навстречу предпринимателям, особенно учитывая проблему пьянства среди рядового состава. Не располагая информацией о наличии или, наоборот, отсутствии каких-либо личных договоренностей между купцами и чиновниками, сложно судить о мотивах войскового и губернского начальства, подтверждающего право предпринимателей торговать алкоголем внутри военных объектов. Возможно, непосредственное командование гарнизонов действительно было озабочено улучшением условий несения службы своих подчиненных, поэтому его заинтересованность в поставках предметов повседневного обихода выглядит весьма логичным. Однако, зная психологию купечества, не брезговавшего обходить законы для получения максимальной прибыли при минимальных издержках, нельзя исключать вероятность того, что лояльность ответственных за выдачу разрешений лиц приобреталась за счет материального поощрения. Известно, что в пореформенное время забота о собственном финансовом

благополучии заставляла региональную власть игнорировать распоряжения руководства страны. «Государственные меры регулирования и контроля за реализацией крепких напитков часто носят формальный характер, игнорируются органами местной власти и самоуправления ради пополнения своих бюджетов», – отмечено в одном из новейших исследований[13].

В заключение можно сказать, что вопрос о характере отношений купечества и регионального руководства в рамках организации поставок спиртного в военные укрепления остается открытым. Данное обстоятельство служит стимулом для поиска других документов, способных детально осветить этот процесс.

№ 1

Письмо оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому от военного губернатора Уральской области генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина. 17 мая 1872 г.

Начальник Нижне-Эмбенского укрепления рапортом от 3 февраля сего года за № 99 донес мне, что в январе месяце в укрепление привезено из Оренбурга 8 бочек вина в количестве 211 ведер к оренбургскому купеческому сыну Алексею Ивановичу Соснину, занимавшемуся в 1871 г. торговлею в Нижне-Эмбенском отряде необходимого потребностью с разрешения штаба Оренбургского округа по удостоверению, выданному Соснину от 11 мая 1871 г. за № 4013, но на 1872 г. никакого разрешения и законом установленных прав на торговлю вином Соснин не имеет. Капитан Зеленин, ввиду уничтожения пьянства между нижними чинами по укреплению при неправильной и никем не разрешенной Соснину винной торговли в укреплении, решился на все эти бочки наложить секвестр. При этом просит указать ему, как поступать в подобных случаях на будущее время с лицами, которые будут без всяких надлежащих документов привозить в укрепление спирт для продажи, и какие именно документы должны иметь лица, торгующие при укреплении виноградными и хлебными винами, а также табаком, и от кого таковые документы и каким порядком должны они получать.

Из прежде происходившей по этому поводу переписки с Управляющим акцизными сборами Уфимской и Оренбургской губерний, видно, что дозволения на открытие в степных укреплениях питейных заведений выдаются из Штаба отдельного оренбургского корпуса, а патенты от 5-го Окружного акцизного управления в г. Оренбурге. В положении же Военного Совета Высочайше утвержденном в 12 день мая 1870 года, помещенном в Правительственном вестнике 26-го того же мая за № 110 сказано: Военный совет, рассмотрев представление главного Штаба относительно продажи крепких напитков в крепостях положил: не устанавливая никаких правил относительно разрешения раздробительной продажи вина в крепостях с исключительно военным населением предоставить главным начальникам военных округов право разрешать где признается необходимым продажу крепких напитков в таких крепостях, а равно открытие харчевен и проч. на тех основаниях какие признаны будут удобными, но с тем непременным условием, чтобы не нарушались существующие для торговли вином правила, равно не нарушался бы порядок внутри крепостей между воинскими чинами и военными учреждениями. Но принимая во внимание 1., что с образованием Уральской области, находящиеся в ней укрепления подчинены ближайшим образом Военному Губернатору области, как командующему войсками в оной, 2., что в Уральской области состоят акцизные помощники надзирателя 5-го округа в г. Уральске, Илецком и Гурьевском городках, 3., что еще с образования в Оренбургском Крае 2-х степных областей – Уральской и Тургайской, полицейский надзор за питейными заведениями в степных укреплениях с разрешения Министерства Финансов, возложен на начальников укреплений в том чтобы они руководствовались инструкциею изданною Министерством Внутренних Дел для полиции об обязанностях их по питейному сбору 4., что с учреждением уездных начальников им подчинены в уезде войска и степные укрепления и следовательно они должны быть ближайшими органами областей гражданской и военной администрации и непосредственными распорядителями по всем частям управления и наконец 5., что в областном правлении сосредоточены

все сведения о существующих в области питейных заведениях и по неимению здесь городских дум оно отчасти по необходимости заменяет их в отношении разрешения открытия питейных заведений и рассматривает приговоры о том общества. Вследствие уже изменившегося в степи порядка управления существ[ующие] до образования области правила о торговле питиями должны быть согласованы сколько возможно как с новым [Руководством], так и с интересами населения и частными лицами, занимающимися торговлею питиями.

По сим соображениям Областное Правление полагало бы полезным установить следующий несколько измененный в частностях порядок: 1., Каждый желающий торговать питиями в степных укреплениях обязан взять свидетельство от воинского начальника укрепления о неимении препятствий к открытию питейного заведения. 2., Свидетельство это представляется торговцем чрез Уездного начальника того уезда где находится укрепление, к военному губернатору области, от коего и выдается же на гербовом однорублевого достоинства лист[е] свидетельство разрешающее открытие заведения. В случае разногласия между воинским начальником укрепления и начальником уезда о безпрепятственности открытия питейного заведения, вопрос этот окончательно разрешается Военным Губернатором. 3., По выданному от военного губернатора разрешительному свидетельству торговец получает от местных ближайших к укреплению акцизных чиновников патенты и все установленные для торговли питиями документы. 4., По предъявлении требуемых законом документов воинскому начальнику укрепления, торговец имеет право открыть заведение. 5., По однажды выданному от Военного Губернатора разрешению торговец может держать питейное заведение, пока не полагает сам его закрыть, или пока не нарушит питейного устава, когда по закону требуется закрытие заведения; патенты же обязан получать ежегодно в определенные сроки.

Таким образом, разница между сим и прежде существовавшим порядком заключается лишь в том, что разрешение будет выдаваемо не Штабом Оренбургского военного округа, а Военным Губернатором области, соединяющим в лице своем и звание командующего войсками в оной. Что же касается

выдачи разрешения на торговлю питиями маркитантам при отрядах следующих в степные походы, то таковое по прежнему должно быть выдаваемо штабом войск округа и области, смотря по тому, откуда выступают отряды.

Областное правление представляя на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства вышеизложенный порядок о торговле питиями в укреплениях, почтительнейше просит утвердить оный для руководства при выдачи свидетельства желающим открыть в степных укреплениях питейные заведения.

О последующем какое будет сделано по сему распоряжение Областное Правление почтить уведомлением.

Военный Губернатор

Генерал-Лейтенант Веревкин

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 8388Ж. Л. 1–4. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO), fond 6, series 10, file 8388 Zh, pp. 1–4.

№ 2

Письмо оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому от военного губернатора Уральской области генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина «Об открытии питейных заведений в Эмбенском и Нижне-Эмбенском укреплении». 11 января 1873 г. № 289

Господину Оренбургского Генерал-губернатору

Начальники уездов Эмбенского от 7 и 17 декабря за №№ 846 и 239, и Гурьевского от 24 декабря за № 6095, по предварительному соглашению с воинскими начальниками – первый Эмбенского поста, и второй Нижне-Эмбенского укрепления, вошли ко мне с ходатайством о выдаче, на основании одобренных Вашим Высокопревосходительством правил, разрешительных свидетельств: доверенному Оренбургского купца Емельяна Иванова Тухтина – мещанину Николаю Егорову Бобоеву и временно Илецкому 2-й гильдии купцу Павлу Саламыгину, на право производства

торговли мануфактурными, бакалейными товарами, а также и на право торговли питиями в Эмбенском посту и купцу Петру Малышеву на право открытия в Нижне-Эмбенском укреплении ренскового погреба для продажи вин и питий распивочно и на вынос.

По сему, согласно предложения Вашего от 2 июня 1872 г. за № 2985, и на основании Высочайше утвержденного положения Военного Совета, помещенного в Правительственном Вестнике 26 мая 1870 года за № 110, я, представляя означенные ходатайства Начальников Эмбенского и Гурьевского уездов на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, имею честь покорнейше просить в последующем не оставить почтить меня уведомлением.

При этом докладываю, что как со стороны воинских Начальников названных укреплений, так равно и со стороны уездных Начальников препятствий к выдаче названным торговцам разрешительных свидетельств никаких не имеется, а также не нахожу и я со своей стороны таковых.

Военный Губернатор
Генерал-Лейтенант Веревкин

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 8388Ж. Л. 8–8 об. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO), fond 6, series 10, file 8388 Zh, pp. 8–8 verso.

Примечания / Notes

[1] Путеводитель по фондам Государственного архива Оренбургской области. Т. 1. Дореволюционный период (1649, 1734–1917 гг.). – Оренбург: Оренбургское книжное издательство имени Г. П. Донковцева, 2019. – С. 62. *Putevoditel' po fondam Gosudarstvennogo arkhiva Orenburgskoi oblasti* [Guide to the fonds of the State Archive of the Orenburg region. In Russ.]. Vol. 1: *Dorevolyutsionnyi period (1649, 1734–1917 gg.)* [Pre-revolutionary period (1649, 1734–1917)]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni G. P. Donkovtseva publ., 2019, p. 62.

[2] Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 8388 Ж. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO), fond 6, series 10, file 8388 Zh.

[3] Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. фон-Шварца и др. Т. 5. Бомбарда–Верещагин. – СПб.: Тов-во И. Д. Сытина, 1911. – С. 319. VELICHKO, K. I., NOVITSKII, V. F., FON-SHVARTS, A. V., et al. (eds.) *Voennaya entsiklopediya* [The Military Encyclopedia. In Russ.]. Vol. 5: *Bombarda–Vereshchagin*. St. Petersburg, Tovarishchestvo I. D. Sytina publ., 1911, p. 319.

[4] *Семенов, В. Г., Семенова, В. П.* Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное изд-во им. Г. П. Донковцева, 2014. – С. 295–296. SEMENOV, V. G., SEMENOVA, V. P. *Gubernatory Orenburgskogo kraya* [Governors of the Orenburg Region. In Russ.]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvoimeni G. P. Donkovtseva publ., 2014, pp. 295–296.

[5] *Злобин, Ю. П.* Оренбургское и Самарское (Оренбургское) генерал-губернаторство в 50–70-х годах XIX века // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17. – № 3. – С. 57. ZLOBIN, Yu. P. *Orenburgskoe i Samarskoe (Orenburgskoe) general-gubernatorstvo v 50–70-kh godakh XIX veka* [Orenburg and Samara (Orenburg) Governorate General in the 1850–70s. In Russ.]. IN: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Samara Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no. 3, p. 57.

[6] Там же. Ibid.

[7] *Долгих, Е. В.* К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. – 1936 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2015. – № 5–6. – С. 39. DOLGIKH, E. V. *K istorii povsednevnosti: ocherk potrebleniya spirtnykh napitkov v Rossii (konets XV v. – 1936 g.)* [Revisiting the history of everyday life: An essay on consumption of alcoholic beverages in Russia (late 15th century – 1936). In Russ.]. IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of the Moscow State University. Series 8: History], 2015, no. 5–6, p. 39.

[8] В XIX в. целовальниками называли продавцов в казенных винных лавках. Продавцы клялись, что не будут разбавлять спиртное, и в подтверждение клятвы целовали крест.

[9] ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 242. Л. 26. GAOO, fond 10, series 1, file 242, p. 26.

[10] Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8388 Ж. Л. 7–7 об. Ibid., fond 6, series 10, file 8388 Zh, pp. 7–7 verso.

[11] *Блинов, И. А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб.: Типо-литография К. Л. Пентковского, 1905. – С. 3. BLINOV, I. A. *Gubernatory. Istoriko-yuridicheskii ocherk* [Governors: Historical and legal essay. In Russ.]. St. Petersburg, Tipo-litografiya K. L. Pentkovskogo publ., 1905, p. 3.

[12] *Долгих, Е. В.* Указ. соч. – С. 41. DOLGIKH, E. V., 2015, p. 41.

[13] *Савчук, Б. П., Билавич, Г. В.* Феномен движения трезвости в Буковине и Хотинском уезде Бессарабской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: евроатлантическая, русинская, российская модели // Русин. – 2021. – № 63. – С. 54. SAVCHUK, B. P., BILAVICH, G. V. *Fenomen dvizheniya trezvosti v Bukovine i Khotinskom uezde Bessarabskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: evroatlanticheskaya, rusinskaya, rossiiskaya modeli* [The

phenomenon of abstinence movement in Bukovina and the Khotyn uezd of the Bessarabia gubernia in the second half of the 19th – early 20th century: Euro-Atlantic, Rusin, and Russian models. In Russ.]. IN: *Rusin*, 2021, no. 63, p. 54.

Список литературы

Блинов, И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб.: Типо-литография К. Л. Пентковского, 1905. – 366 с.

Долгих, Е. В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. – 1936 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2015. – № 5–6. – С. 14–63.

Злобин, Ю. П. Оренбургское и Самарское (Оренбургское) генерал-губернаторство в 50–70-х годах XIX века // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17. – № 3. – С. 54–59.

Савчук, Б. П., Билавич, Г. В. Феномен движения трезвости в Буковине и Хотинском уезде Бессарабской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: евроатлантическая, русинская, российская модели // Русин. – 2021. – № 63. – С. 52–80.

Семенов, В. Г., Семенова, В. П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное изд-во имени Г. П. Донковцева, 2014. – 448 с.

References

BLINOV, I. A. *Gubernatory. Istoriko-yuridicheskiiocherk* [Governors. Historical and legal essay. In Russ.]. St. Petersburg, Tipo-litografiya K. L. Pentkovskogo publ., 1905, 366 p.

DOLGIKH, E. V. *K istorii povsednevnosti: ocherk potrebleniya spirtnykh napitkov v Rossii (konets XV v. – 1936 g.)* [Revisiting the history of everyday life: An essay on consumption of alcoholic beverages in Russia (late 15th century – 1936). In Russ.]. IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of the Moscow State University. Series 8: History], 2015, no. 5–6, pp. 14–63.

ZLOBIN, Yu. P. *Orenburgskoe i Samarskoe (Orenburgskoe) general-gubernatorstvo v 50–70-kh godakh XIX veka* [Orenburg and Samara (Orenburg) Governorate General in the 1850–70s. In Russ.]. IN: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Samara Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no. 3, pp. 54–59.

SAVCHUK, B. P., BILAVICH, G. V. *Fenomen dvizheniya trezvosti v Bukovine i Khotinskom uezde Bessarabskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: evroatlanticheskaya, rusinskaya, rossiiskaya modeli* [The phenomenon of abstinence movement in Bukovina and the Khotyn uezd of the Bessarabia gubernia in the second half of the 19th – early 20th century: Euro-Atlantic, Rusin, and Russian models. In Russ.]. IN: *Rusin*, 2021, no. 63, pp. 52–80.

SEMENOV, V. G., SEMENOVA, V. P. *Gubernatory Orenburgskogo kraya* [Governors of the Orenburg Region. In Russ.]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni G. P. Donkovtseva publ., 2014, 448 p.

Сведения об авторах

Абдрахманов Константин Алексеевич, кандидат исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, кафедра истории России, старший преподаватель, г. Оренбург, Российская Федерация, 8-353-277-07-13, 8-961-940-30-56, kostya.abdrakhmanov@mail.ru

About the authors

Abdrakhmanov Konstantin Alekseevich, PhD in History, Orenburg State Pedagogical University, department of Russian history, senior lecturer, Orenburg, Russian Federation, +7-353-277-07-13, +7-961-940-30-56, kostya.abdrakhmanov@mail.ru

В редакцию статья поступила 20.09.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Абдрахманов, К. А. «Препятствий к выдаче названным торговцам разрешительных свидетельств никаких не имеется...». Письма военного губернатора Уральской области Н. А. Веревкина оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому. 1872–1873 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 186–200. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-186-200

Submitted 20.09.2021, published (for citation):

ABDRAKHMANOV, K. A. *"Prepyatstvii k vydache nazvannym torgovtsam razreshitel'nykh svidetel'stv nikakikh ne imeetsya ..." Pis'ma voennogo gubernatora Ural'skoi oblasti N. A. Verevkina orenburgskomu general-gubernatoru N. A. Kryzhanovskomu. 1872–1873 gg.* ["There Are No Obstacles to Issuing Permits to the Said Merchants..." Letters of the Military Governor of the Ural Oblast N. A. Verevkin to the Orenburg Governor General N. A. Kryzhanovskii (1872–73). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 186–200. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-186-200

Документальная публикация / Documentary publication
УДК 94(470)+94(271.2)+930.253
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-201-213

Новак, В. Н.
Подольская епархия Московской митрополии,
г. Люберцы, Российская Федерация

Освящение Троицкого храма в селе Конобеево Бронницкого уезда. К проблеме субординации местного духовенства в начале XX века

Novak, Vyacheslav N.
Podolsk Diocese of the Moscow Metropolis,
Lyubertsy, Russian Federation

Consecration of the Trinity Church in the Village of Konobeyevo, Bronnitsky Uezd: Revisiting the Problem of Subordination of Local Clergy in the Early 20th Century

Аннотация
Статья и публикуемые документы освещают локальный эпизод из истории церковной жизни Подмосковья – процесс освящения вновь построенного храма, состоявшегося 24 марта 1913 г. Дается краткий очерк истории села Конобеева Бронницкого уезда Московской губернии (ныне – Воскресенский район Московской обрасти) и раскрываются его специфические особенности, к каковым можно отнести нахождение вблизи оживленной железнодорожной линии Казанского направления, а также наличие одновременно двух каменных храмов одинакового посвящения в составе одного приходского комплекса. Также анализируются источники, фиксирующие освящение нового Троицкого храма весной 1913 г. В частности, заметка в главном епархиальном периодическом издании «Московские церковные ведомости», а недавно выявленное архивное дело хранится в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГА Москвы) в фонде канцелярии епископа Дмитровского Московского викария. Оно состоит из четырех документов в следующей хронологической

последовательности: сообщения священника своему благочинному о предполагаемом освящении храма; уведомления того же автора тому же адресату о состоявшемся освящении; рапорта благочинного епископу Трифону о неосведомленности благочинного о разрешении на освящение этого храма и, вследствие этого, отсутствии на мероприятии, на который была наложена резолюция, предписывающая приходскому священнику дать объяснение о причинах неуведомления благочинного о предстоящем освящении. Позднейшим документом анализируемого делопроизводственного комплекса является повторный рапорт благочинного епископу Трифону о неправильном способе оповещения священником своего благочинного о предстоящем мероприятии. Хронологический диапазон документов – от 20 марта по 1 мая 1913 г. Документы не содержат каких-либо сведений о дисциплинарных взысканиях по отношению к приходскому священнику, который недостаточно почтительно отнесся к благочинному. Рассматриваемый локальный церковно-краеведческий эпизод интересен в нескольких отношениях: во-первых, он указывает на практику замалчивания конфликтных эпизодов в официальной периодике; во-вторых, наводит на мысль, что участие благочинного в освящении новопостроенного храма на вверенном участке в начале XX в. было общепринятой нормой. Наконец, выявленные документы показывают, что на закате существования Российской империи в среде духовенства не было четкого представления о статусе благочинного; он мог рассматриваться и как первый среди равных священнослужителей отдельной локальной местности, и как их начальник. Предлагаемая работа включает в себя краткую аналитическую статью, а также публикацию выявленного архивного дела.

Abstract

The article and the published document highlight a local episode from the history of church life of the Moscow region – consecration of the newly-built church (March 24, 1913). A brief outline of the history of the village of Konobeyevo of the Bronnitsy uezd of the Moscow gubernia (now, Voskresensk district of the Moscow region) is given and its specific features are revealed, which include its location in the vicinity of a busy railway line of the Kazan direction, as well as presence of two stone churches of the same dedication in the parish complex. The sources recording the consecration of the new Trinity Church are also analyzed: a paragraph in the diocesan *Moskovskie tserkovnye vedomosti*, as well as the newly revealed archival file stored in the Central State Archive of Moscow (fund of the office of the bishop of Dmitrov, Moscow vicar). The latter consists of four documents (in chronological sequence): (1) the

priest's message to his dean about the proposed consecration of the church; (2) his notification of consecrating; (3) dean's report to bishop Tryphon on his lack of knowledge concerning permission to consecrate this church and, as a result, his absence at the event with bishop's resolution ordering the parish priest to explain of his reasons for failing to notify his dean of the upcoming consecration. The most recent document in the analyzed collection is (4) the dean's report to bishop Tryphon concerning the priest's misnotification about the upcoming event. The chronological framework is March 20 to May 1, 1913. The documents contain no information on disciplinary actions against the parish priest who treated his dean with insufficient respect. This local church history episode is interesting in several ways: first, it indicates the practice of silencing conflicts in official periodica, and second, it suggests that in the early 20th century dean's participation in consecration of a newly built church on his entrusted territory was a generally accepted norm. Finally, the revealed documents show that in the last years of the Russian Empire the clergy had no clear idea of the dean's status; he could be considered *primus inter pares* among priests of a particular locality or their head. This work includes a brief analytical article, as well as publication of the discovered archival file.

Ключевые слова
Исторические источники, храм, священник, благочинный, викарий, Московская епархия, церковная субординация.

Keywords
Historical sources, church, priest, dean, vicar, Moscow diocese, church subordination.

Село Конобеево в начале XX в. числилось по Бронницкому уезду Московской губернии (ныне Воскресенский район Московской области). В 1702 г. там, в вотчине стольника князя Василия Федоровича Долгорукова, был выстроен кирпичный храм во имя Св. Троицы в стиле московского барокко[1]. В начале 1860-х гг. через эту местность пролегла Московско-Казанская железная дорога, и храм оказался недалеко от станции. Позднее, в начале XX в., там был выстроен второй каменный храм того же посвящения. Новая кирпичная трехпрестольная церковь была создана по проекту Ф. В. Рыбинского на средства прихожан; при этом старую церковь предпо-

лагалось обратить в часовню. Таким образом, к началу XX в. приходской комплекс села состоял из двух каменных храмов одинакового посвящения, при этом иконостас в новый храм был перенесен из старого[2]. В церковно-административном отношении село относилось к 5-му благочинию Бронницкого уезда (сейчас Воскресенское благочиние Московской епархии). В наши дни там также находятся два названных каменных храма, старейший в настоящее время пребывает в руинированном состоянии и службы там не ведутся. Новый храм открыт для богослужений[3].

Об освящении нового Троицкого храма в 1913 г. была помещена заметка в майском выпуске «Московских церковных ведомостей» следующего содержания: «В воскресенье, 24 марта, в с. Конобееве состоялось при большом стечении молящихся торжественное освящение главного престола во имя св. Троицы. Освящение совершал московский епархиальный миссионер о. протоиерей Иоанн Васильевич Полянский в сослужении местного настоятеля о. Стефана Мошкова и священников: села Алешина о. Сергия и Успенского погоста о. Илии, диаконов: о. Иоанна из Егорьевской Александро-Невской церкви и местного, тоже о. Иоанна, при стройном пении приходского хора, управляемого псаломщиком Иваном Николаевичем. В настоящее посещение прихода о. миссионер сказал народу три трогательные проповеди: накануне освящения за всенощной – о значении храма, а за литургией, в день освящения, – о неоскудном пребывании в Христовой церкви даров св. Духа»[4].

Сразу же бросается в глаза, что репортаж в главном епархиальном периодическом издании был помещен не в ближайшие дни, а спустя два месяца после описываемого события, при том, что другие эпизоды, помещенные в этой же рубрике этого же номера, отнесены к 6 и 10 мая. Современные авторы, уделяя серьезное внимание изучению ключевых проблем церкви в начале XX в.[5], как правило, зачастую обходят молчанием наличие конфликтов в среде священнослужителей. Так с чем могла быть связана столь существенная задержка и могли ли в рамках этого мероприятия иметь место какие-то еще факты, не отразившиеся в репортаже?

Приведенное благообразное повествование о благообразном событии, случившемся почти за два месяца до публикации, никак не отмечает конфликт, который возник вскоре после него и в связи с ним, и материалы которого отложились среди дел Канцелярии епископа Дмитровского, викария Московской епархии[6].

Дело небольшое, состоит из четырех листов. Хронологически первый документ – сообщение священника Троицкой церкви с. Конобеева Бронницкого уезда Московской епархии Стефана Мошкова благочинному 5-го округа священнику Николаю Лебедеву от 20 марта 1913 г. о предполагаемом освящении престола и приглашение пожаловать на мероприятие. Следующий по времени создания документ – рапорт того же автора тому же адресату от 28 марта 1913 г. о состоявшемся освящении храма с разрешения еп. Дмитровского Трифона. Автор пишет, что предварительно приглашал адресата на мероприятие как лично, так и по почте, и о своем имевшем место ранее намерении вручить прошение с архиерейской резолюцией лично. Также он пишет об отправке рапорта об освящении престола еп. Трифону. Благочинный священник Николай Лебедев в рапорте еп. Трифону от 4 апреля сообщил об освящении Троицкого храма в с. Конобеево, а также о том, что священник этого храма не ознакомил благочинного с архиерейским разрешением на это мероприятие. По этой причине благочинный отсутствовал на освящении храма, расположенного на его участке. 12 апреля архиерей резолюцией потребовал от священника дать объяснение, почему тот не уведомил благочинного.

Объяснительной записки в деле не сохранилось, зато сохранился другой рапорт благочинного священника Николая Лебедева епископу Трифону от 1 мая 1913 г., в котором автор документа демонстрирует возмущение тем, что священник Стефан Мошков, сообщая благочинному о предстоящем освящении храма, не проявил должной почтительности («священник Мошков неправильно смотрит на местнаго благочинного, приглашая меня, как гостя, как священника случайнаго, а не как начальника, без котораго он обойтись не должен») и не воспользовался возможностью срочной связи с

благочинным. На этот рапорт 10 мая карандашом была нанесена помета: «Хранить при делах моей канцелярии», очевидно, принадлежащая архиерею-адресату.

Судя по этой помете, рапорту благочинного от 1 мая владыка не дал ходу; неприятности священника Троицкого храма, не вполне субординарно пригласившего благочинного, ограничились написанием объяснений благочинному, и, вероятно, викарию (последнее в деле не отложилось) и, насколько можно предполагать по публикуемому делу, не повлекли дисциплинарных взысканий. Спустя сравнительно непродолжительное время после проставления последней пометы, репортаж об освящении храма был помещен в главном печатном органе епархии. Из чтения рассмотренного дела[7] складывается впечатление, что участие благочинного в освящении храма на вверенном участке на тот момент было общепринятой традицией. Кроме того, публикуемые документы показывают, что даже в последний год мирного существования Российской империи среди духовенства не было солидарного устоявшегося представления о статусе благочинного: одними он мог восприниматься как первый среди равных представителей местного духовенства, другими – как начальник священнослужителей приходов, расположенных на компактном участке.

Документы публикуются без сокращений в порядке хронологии их появления, а не в порядке их расположения в архивном деле, заголовки документов подготовлены автором. Пометы и резолюции, имеющиеся на полях или в конце текста, вынесены в примечания.

№ 1

Сообщение священника Троицкой церкви с. Конобеева Бронницкого уезда Московской епархии С. Мошкова благочинному 5-го округа священнику Николаю Лебедеву о предполагаемом освящении престола и приглашение пожаловать на мероприятие. 20 марта 1913 г.

Марта 20 дня 1913 г.

Глубокоуважаемый отец благочинный!

24-го марта у нас предполагается освящение престола. Покорнейше прошу Вас пожаловать. Передайте мое приглашение Василию Ивановичу Лаврову.

Священник С. Мошков[8]

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 1786. Оп. 1. Д. 817. Л. 2. Подлинник. Рукопись. Автограф. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy [Central State Archive of Moscow] (TsGA Moskvy), fond 1786, series 1, file 817, pp. 2. Original. Manuscript. Autograph note.

№ 2

Рапорт священника Троицкой церкви с. Конобеева С. Мошкова благочинному 5-го округа Бронницкого уезда священнику с. Степановского Н. И. Лебедеву о состоявшемся освящении храма с разрешения епископа Дмитровского Трифона, предварительном приглашении на это мероприятие благочинного и об отправке рапорта об освящении престола епископу Трифону. 28 марта 1913 г.

Его Высокоблагословению отцу благочинному V-го округа Бронницкаго уезда священнику села Степановского Николаю Ивановичу Лебедеву.

Разрешение на освящение престола во имя Св. Живоначальныя Троицы получено 18-го марта с. г. за № 768 от Преосвященного Трифона епископа Дмитровского. Чин освящения совершен 24 марта, как сказано в прошении, епархиальным миссионером протоиереем Иоанном Васильев[ичем] Полянским в сослужении священников: села Алешина о. Сергия Владыченского, Усмерского погоста о. Илии Орлова и местного. Нас крайне удивило Ваше отсутствие; я Вас звал лично 5-го марта и в прошении было указано, что желательно видеть на торжестве местного отца благочинного и кроме этого я Вам лично посылал приглашение почтою. На сколько я помню, Вы еще 5-го марта обещали приехать к нам на освящение престола и даже не один, а с отцом Лавровым[9].

Будучи уверен в Вашем приезде я и прошение с резолюцией Его Преосвященства (Бог Благословит) к Вам не провож-

дал, в надежде вручить его Вам по приезде на освящение, да и при том я и не знал что оно должно немедленно явлено Вам. Рапорт об освящении престола во имя Св. Живоначальныя Троицы Его Преосвященству Преосвященнейшему Трифону мною послан.

Священник Троицкой, села Конобеева церкви Стефан Мошков.

1913 г. марта 28-го дня.

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 1786. Оп. 1. Д. 817. Л. 2, 3–3 об. Подлинник. Рукопись. Автограф. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy [Central State Archive of Moscow] (TsGA Moskvy), fond 1786, series 1, file 817, pp. 2, 3-3 verso. Original. Manuscript. Autograph note.

№ 3

Рапорт благочинного 5-го округа Бронницкого уезда священника Николая Лебедева епископу Дмитровскому Трифону об освящении Троицкого храма в с. Конобеево, об его неосведомленности о разрешении на освящение этого храма и, вследствие этого, отсутствии на мероприятии. 4 апреля 1913 г.

4 апреля 1913 г.

№ 197

Его Преосвященству, Преосвященнейшему Трифону епископу Дмитровскому викарию Московскому.

Благочинного 5 округа Бронницкого уезда священника Николая Лебедева

Нижайший репорт.

Долг имею доложить Вашему Преосвященству, что священник Троицкой, села Конобеева, церкви Стефан Мошков рапортом своим от 28 марта сего 1913 года за № 12[10] доносит мне, что 24 марта сего года Епархиальным миссионером протоиереем Иоанном Полянским было совершено освящение главного престола во имя Св. Живоначальныя Троицы в церкви села Конобеева моего ведомства. Хотя разрешение на освящение престола, как пишет священник Мошков, было им получено с резолюциею «Бог благословит» от Вашего Преос-

вящества 18 марта сего года за № 768, однако таковое разрешение мне, как местному благочинному, явлено не было и не явлено и до сих пор. По таковой причине я был лишен возможности принять необходимое участие в столь важном в жизни церкви села Конобеева акте, как большое освящение главного престола храма. Как произошло самое освящение престола, в каком порядке и благочинии, мне это остается неизвестным. Священник Мошков только уведомил меня, что он об освящении престола донес рапортом прямо Вашему Преосвященству.

Благочинный 5 округа Бронницкого уезда села Степановского священник и Ваш нижайший послушник Николай Лебедев[11].

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 1786. Оп. 1. Д. 817. Л. 2. Л. 4–4 об. Подлинник. Рукопись. Автограф. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy [Central State Archive of Moscow] (TsGA Moskvy), fond 1786, series 1, file 817, pp. 4-4 verso. Original. Manuscript. Autograph note.

№ 4

Рапорт благочинного 5-го округа Бронницкого уезда священника Николая Лебедева епископу Дмитровскому Трифону о неправильном способе оповещения священником Стефаном Мошковым благочинного о предстоящем мероприятии. 1 мая 1913 г.

1 мая 1913 г.

№ 210

Его Преосвященству, Преосвященнейшему Трифону епископу Дмитровскому викарию Московскому

Благочинного 5 округа Бронницкого уезда священника Николая Лебедева

Нижайший репорт.

Во исполнение резолюции Вашего Преосвященства на моем рапорте [от 4 апреля 1913 г. за № 197][12] от 12 апреля 1913 года за № 1239 «священник даст по сему объяснение: почему он не уведомил» имею честь доложить Вашему Пре-

освященству нижеследующее: получив 24 марта в день освящения престола от священника Мошкова прилагаемую при сем бумагу[13], в коей он пишет только, что освящение престола «предполагается» 24 марта, а не пишет, что получено архиерейское разрешение на освящение престола, я затребовал от священника Мошкова тогда же объяснение: 1., было ли получено разрешение от Владыки на освящение престола церкви села Конобеева и 2., если было получено, то почему не было предъявлено мне, как местному благочинному. Священник прислал мне свое объяснение от 28 марта 1913 года за № 12, которое и имею честь представить Вашему Преосвященству в подлиннике[14]. Как из первой его бумаги, так и из объяснения я вижу, что священник Мошков неправильно смотрит на местного благочинного, приглашая меня, как гостя, как священника случайного, а не как начальника, без которого он обойтись не должен. Правда, в прошении к Вашему Преосвященству о разрешении освятить престол был упомянут и о. протоиерей Полянский. Он и принимал участие в освящении престола. Но административная часть дела всецело лежала на мне, как на местном благочинном. Священник Мошков хорошо знает, что почтовое отделение от меня находится в 16 верстах в городе Бронницах, и что я посылаю на почту только 2 раза в неделю, а потому его письмо могло быть мною получено несвоевременно, что и случилось. И ради такого экстренного дела он мог бы известить меня с нарочито-посланным, что делал раньше по другим, менее важным делам. Но пригласив о. протоиерея Полянского, священник Мошков таким образом обошелся без местного благочинного.

Благочинный 5 округа Бронницкого уезда села Степановского священник и Ваш нижайший послушник Николай Лебедев[15].

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 1786. Оп. 1. Д. 817. Л. 2. Л. 1–1 об. Подлинник. Рукопись. Автограф. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy [Central State Archive of Moscow] (TsGA Moskvy), fond 1786, series 1, file 817, pp. 1–1 verso. Original. Manuscript. Autograph note.

Примечания / Notes

[1] Памятники архитектуры Московской области. Вып. 1. – М., 1998. – С. 106–107. № 60–61. *Pamyatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti* [Architectural monuments of the Moscow region. In Russ.]. Issue 1. Moscow, 1998, pp. 106–107, no. 60–61.

[2] Памятники архитектуры... – С. 105–107. *Pamyatniki arkhitektury*, 1998, pp. 105–107; О постройке церкви также: Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 203. Оп. 477. Д. 14. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv* [Central State Archive of Moscow] (TsGA Moskvy), fond 203, series 477, file 14.

[3] См. сайт Воскресенского благочиния Московской епархии. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.vosvera.ru/khramy/87-2009-12-22-04-21-12 (дата обращения 15.04.2021). *Sait Voskresenskogo blagochiniya Moskovskoi eparkhii* [Website of the Voskresensk Deanery of the Moscow Diocese. In Russ.]. [on-line]. Available at: http://www.vosvera.ru/khramy/87-2009-12-22-04-21-12 (accessed 15.04.2021).

[4] Московские церковные ведомости. – 1913. – № 21. – 25 мая. – С. 418. *Moskovskie tserkovnye vedomosti,* May 25, 1913; Текст заметки воспроизведен на сайте Воскресенского благочиния с некоторыми неточностями. См.: Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.vosvera.ru/khramy/87-2009-12-22-04-21-12.

[5] *Идиатулов, А. К.* Рапорты приходских благочинных как источник для выявления специфики религиозности отдельных территориальных групп мишарей Симбирской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – Вып. 2 (16). – С. 134–136. IDIATULOV, A. K. *Raporty prikhodskikh blagochinnykh kak istochnik dlya vyyavleniya spetsifiki religioznosti otdel'nykh territorial'nykh grupp misharei Simbirskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v.* [Reports of Parish Deaneries as a Source for Revealing Specificity of Religiousness of Separate Territorial Groups of Mishars in the Simbirsk Gubernia at the Turn of the 20th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya, Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, International Relations], 2009, issue 2 (16), pp. 134–136; *Скутнев, А. В.* Институт благочинного в системе управления РПЦ в пореформенную эпоху // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (8). – Ч. 2. – С. 180–182. SKUTNEV, A. V. *Institut blagochinnogo v sisteme upravleniya RPTs v poreformennuyu epokhu* [Institute of the Dean in the management system of the Russian Orthodox Church in the post-reform era. In Russ.]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie.*

Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal, 2011, no. 2 (8), part. 2, pp. 180–182.

[6] ЦГА Москвы. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 817. TsGA Mosvky, fond 1786, series 1, file 817.

[7] Дело по репорту благочинного Бронницкого уезда села Степановского священника Николая Лебедева об освящении престола в храме села Конобеева без его ведома. ЦГА Москвы. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 817. TsGA Mosvky, fond 1786, series 1, file 817.

[8] Подлинник на проштампованном бланке священника Троицкой с. Конобеева церкви Бронницкого уезда Московской епархии. Штамп благочинного 5 округа священника Николая Лебедева. Имеется помета: получено 24 марта в 7 ч. вечера. Подчеркнуто в документе.

[9] Помета: № 12.

[10] Документ № 2, на который содержится ссылка, не озаглавлен как рапорт.

[11] Текст на проштампованном бланке благочинного 5 округа Бронницкого уезда. На первой странице документа: № 1239. 1913 г., апр. 12. Священник даст по сему объяснение, почему он не уведомил благочинного. Последнее слово расшифровано предположительно.

[12] Квадратные скобки имеются в документе.

[13] Имеется в виду документ № 1.

[14] Имеется в виду документ № 2.

[15] Подлинник на проштампованном бланке благочинного 5 округа Бронницкого уезда. Помета написана карандашом: № 1596. *Хранить при делах моей канцелярии. 10 мая 1907 г.* Дата, вероятно, указана ошибочно, вероятно, следовало указать 1913 г.

Список литературы

Идиатулов, А. К. Рапорты приходских благочинных как источник для выявления специфики религиозности отдельных территориальных групп мишарей Симбирской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – Вып. 2 (16). – С. 134–136.

Скутнев, А. В. Институт благочинного в системе управления РПЦ в пореформенную эпоху // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (8). – Ч. 2. – С. 180–182.

References

IDIATULOV, A. K. *Raporty prikhodskikh blagochinnykh kak istochnik dlya vyyavleniya spetsifiki religioznosti otdel'nykh territorial'nykh grupp misharei Simbirskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v.* [Reports of Parish Deaneries as a Source for Revealing Specificity of Religiousness of Separate Territorial

Groups of Mishars in the Simbirsk Gubernia at the Turn of the 20th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya, Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, International Relations], 2009, issue 2 (16), pp. 134–136.

SKUTNEV, A. V. *Institut blagochinnogo v sisteme upravleniya RPTs v poreformennuyu epokhu* [Institute of the Dean in the management system of the Russian Orthodox Church in the post-reform era. In Russ.]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal,* 2011, no. 2 (8), part. 2, pp. 180–182.

Сведения об авторах

Новак Вячеслав Николаевич, иерей, магистр богословия, Московская митрополия, Подольская епархия, благочинный церквей Люберецкого округа, настоятель Преображенского храма, г. Люберцы, Российская Федерация, vanov79@gmail.com

About the authors

Novak Vyacheslav Nikolaevich, priest, Master of Theology, dean of churches of the Lyubertsy district of the Podolsk diocese of the Moscow Metropolis, rector of the Transfiguration Church in Lyubertsy, vanov79@gmail.com

В редакцию статья поступила 26.05.2021 г., опубликована (для цитирования):

Новак, В. Н. Освящение Троицкого храма в селе Конобеево Бронницкого уезда: к проблеме субординации местного духовенства в начале XX века // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 201–213. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-201-213

Submitted 26.05.2021, published (for citation):

NOVAK, V. N. *Osvyashchenie Troitskogo khrama v sele Konobeevo Bronnitskogo uezda. K probleme subordinatsii mestnogo dukhovenstva v nachale XX veka* [Consecration of the Trinity Church in the Village of Konobeyevo, Bronnitsky Uezd: Revisiting the Problem of Subordination of Local Clergy in the Early 20th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2022. – № 1, pp. 201–213. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-201-213

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47)+94(430)+930.253+054.7
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-214-228

Бахтурина, А. Ю., Ростиславлева, Н. В.
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Бок, Ханнес
Свободный университет Берлина, г. Берлин,
Федеративная Республика Германия

Семьи «враждебных иностранцев» в России и Германии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Bakhturina, Alexandra Yu., Rostislavleva, Natalia V.
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Bock, Hannes
Free University Berlin, Berlin, Federal Republic of Germany

Families of “Enemy Foreigners” in Russia and Germany in the Days of the First World War 1914–18

Аннотация
В статье рассматривается ранее не изучавшийся самостоятельно аспект истории гражданского плена периода Первой мировой войны – влияние политики интернирования на положение семей подданных воюющих государств. До последнего времени в историографии уделялось внимание гражданскому плену мужчин призывного возраста,

а о судьбе членов их семей лишь упоминалось. На основе документов российских, германских архивов, а также опубликованных источников, включающих законодательные акты, прошения отдельных лиц, воспоминания и дневники, проводится сравнительный анализ политики властей в России и Германии в отношении граждан враждебного государства и членов их семей. Рассматривается положение женщин и детей в контексте политики интернирования. Делается вывод о том, что политика интернирования в России и Германии, хотя не была непосредственно направлена против этой группы неприятельских подданных, но сам ее ход оказывал существенное влияние на их положение. Рассмотрено формирование правовых основ интернирования в Российской империи. Показана смена подходов к интернированию неприятельских подданных под влиянием ситуации на фронте, положения отдельных прифронтовых территорий. Установлено, что в ряде случае предусматривалась высылка не только военнообязанных мужчин – граждан воюющих с Россией государств, но и членов их семей из прифронтовых районов. В Германии сложилась иная практика интернирования, но она также затрагивала положение женщин и детей. В обоих государствах при интернировании мужчин призывного возраста члены семьи нередко следовали за ними в лагеря и к месту высылки. Близость культурных, экономических и семейных связей граждан России и Германии накануне Первой мировой войны вела к тому, что возникал конфликт между гражданством и национальной идентичностью: российские граждане в Германии, будучи немцами по происхождению, становились враждебными иностранцами. Проанализировано положение интернированных членов семей в лагерях Германии. В ряде случаев для детей там организовывали школы. Самые разнообразные причины вызывали разрыв семейных связей: различное гражданство членов семьи, потеря близких во время перемещения, интернирование отдельных членов семьи, когда остальные оставались на прежнем месте жительства. Делается вывод о сходствах и различиях в способах интернирования в России и Германии, которые в обоих случаях негативно влияли на положение семей граждан враждебного государства.

Abstract

The article considers an aspect of the history of civil captivity during World War I, which, by itself, had not been previously studied – i.e. influence of the internment policy on the situation of “enemy foreigners” families. Until recently, the historiography addressed only the situation of civilian prisoners, men of military age, while the situation of their families

was only mentioned. Drawing on documents from the Russian and German archives, as well as on the published sources, including legislative acts, petitions of individuals, memoirs and diaries, a comparative analysis has been carried out of the policy of the authorities in Russia and Germany towards hostile state citizens and their family members. It is concluded that, although the policy of internment in Russia and Germany was not directed strictly against this group of enemy subjects, its very course had a significant impact on their situation. The formation of legal foundations of internment in the Russian Empire is considered. The article shows the changed approaches to internment of enemy subjects under the influence of situation at the front and situation of particular front-line territories. It has been established that in a number of cases, it was required to deport from front-line areas not only men liable for military service – citizens of states fighting against Russia, but also their family members. In Germany, the rules for internment were unclear, but the established practice also affected the situation of women and children. In both states, when interning men of military age, family members often followed them to camps and places of deportation. The proximity of cultural, economic, and family ties between the citizens of Russia and Germany on the brink of the First World War resulted in a conflict between nationality and citizenship. Russian citizens in Germany, despite being of German origin, became hostile foreigners. The article analyzes the situation of interned family members in German camps. In some cases, there were organized schools for children. A wide variety of reasons caused the breakdown of family ties: different citizenship of family members, loss of loved ones in displacement, internment of some family members, while other remained at their place of residence. It is concluded that there are similarities, as well as differences in the methods of internment in Russia and Germany, which in both cases negatively affected the situation of the families of hostile state citizens.

Ключевые слова

Первая мировая война 1914–1918 гг., репатриация, интернирование, Россия, Германия, «враждебные иностранцы», положение семей вражеских подданных, причины интернирования женщин и детей в России и Германии.

Keywords

World War I of 1914–18, repatriation, internment, Russia, Germany, “hostile foreigners,” families of enemy state citizens, reasons for internment of women and children in Russia and Germany.

Тотальный характер Первой мировой войны 1914–1918 гг. привел к тому, что объектом репрессивной политики в России и Германии стало гражданское население, оказавшееся на территории противника, а также представители этнических меньшинств (русских немцев, евреев). Наиболее традиционное представление об интернировании, сложившееся в исторической литературе, это утверждение о преимущественном преследовании лиц мужского пола в возрасте от 17 до 45 лет. Но фактически ограничения затронули всех представителей враждебных государств, вторгаясь в семейные отношения, затрагивая как всю семью, так и отдельных ее членов, включая женщин и детей.

Основой для формирования взглядов российских и зарубежных историков на состав интернированных лиц стали источники личного происхождения и официальные документы. Так, в воспоминаниях 64-летнего историка Н. И. Кареева, встретившего Первую мировую войну в Берлине, отмечалось: всем задержанным обещали, что их отпустят «за исключением лиц мужского пола от 17-ти до 45-ти лет»[1]. А. И. Страхович в опубликованных заметках о 1914 г. в Берлине писала о том, как репрессивные меры затрагивали семьи, она очень эмоционально уточняла: «Мужчины предъявили паспорта и затем началась дикая сцена разлучения мужей и жен, отцов и детей, матерей и сыновей [...] война сорвала с них[2] человеческую маску и обнаружила скрытого зверя»[3].

Но открытыми остаются вопросы о правовых нормах, действовавших в отношении семей неприятельских подданных, отличиях в положении интернированных женщин и детей, позиции властей России в Германии в отношении семей граждан государств-противников в целом. В первые дни войны в Российской империи и Германии, наряду со взлетом патриотической истерии, существенно влиявшей на отношение к гражданам государств-противников, начинается формирование нормативной основы, определявшей действия властей. Пристальное внимание военные и гражданские власти России и Германии обратили на неприятельских подданных – мужчин призывного возраста. В циркулярной телеграмме МВД от 26 июля 1914 г. за подписью товарища министра внутренних

дел В. Ф. Джунковского говорилось, что граждане Германии и Австро-Венгрии, числившиеся на действительной военной службе или в запасе вооруженных сил этих государств, признаются военнопленными и подлежат немедленному аресту и высылке, а также указывалось, что семьи высылаемых ... могут следовать за ними[4]. Одновременно местные губернские администрации с началом войны получили право высылать подданных государств-противников за границу или в российские губернии. В августе 1914 г. в Лифляндской губернии разрешили выезд женщинам, детям, мужчинам старше 45 лет, а также всем не подлежащим призыву по состоянию здоровья и организована выдача заграничных паспортов.

В Германии в первые дни войны также издаются распоряжения, касавшиеся отдельных групп российских граждан. Поляки, прибывшие в Германию с территории русской Польши, формально обрели статус интернированных граждан. 27 июля Управление внутренних дел Германии принимало меры, чтобы предотвратить их интернирование. Министерства внутренних дел и сельского хозяйства также приняли ряд мер для исключения этой группы из категории интернированных. Они потребовали, чтобы польские рабочие были освобождены от каких-либо ограничений на работу в сельском хозяйстве и промышленности, если они “еще в предвоенное время подписали контракты, предоставлявшие им право на работу в сельскохозяйственной и промышленной сферах[5]. В дальнейшем указы в период с 4 августа по 10 октября 1914 г. запрещали до конца войны от 500 до 600 тысячам русско-польских сезонных рабочих возвращаться домой или покидать своих работодателей[6]. Цифра, возможно, является несколько преувеличенной. Так, Т. Н. Плохотнюк пишет о 250 тысячах сезонных рабочих из Польши[7], а И. К. Богомолов сообщает о 300 тысячах сезонных русско-польских рабочих[8]. Таким образом, хотя их и не интернировали, но с семьями разлучали. В указах нет конкретных отсылок по поводу пребывания вместе с ними их семей, но в условиях войны на такие вопросы обращали внимание в последнюю очередь. В целом в первые месяцы войны специальные решения относительно семей неприятельских

подданных не принимались, но политика интернирования наносила по ним серьезный удар.

Особенность положения граждан Германии на территории Российской империи заключалась в том, что, хотя к началу войны они имели статус иностранцев, но фактически многие из них родились и выросли в России или прожили в ней более пяти лет и имели право на получение российского гражданства. Также имело место различное гражданство супругов, детей и родителей. Нередко возникали ситуации, когда глава семьи оказывался гражданином Германии и подлежал аресту. Так, в прошении лифляндскому губернатору от 5 августа 1914 г. Е. К. Зингер писала, что ее муж, Антон Зингер, заключен в рижскую центральную тюрьму для высылки его как германского подданного, во внутренние губернии империи, но он подал прошение о принятии его в русское подданство, где указывал, что родился в России и «не имеет с Германией никаких связей», кроме «формальных»[9].

Семейные истории русских немцев на территории Германской империи также иллюстрируют конфликт между гражданством и национальной идентичностью. Семья Кнаурер, члены которой являлись российскими подданными немецкого происхождения, в полной мере ощутила негативные последствия своего положения. Глава семьи – профессор Киевского университета Фридрих Кнаурер, навестил своих родственников летом 1914 г., но уже в августе стремился вернуться в Россию, видимо, боясь потерять профессорское место. Его старший сын стал добровольцем запасного 94-го полка немецкой армии. Фридрих Кнаурер вернулся в Россию, но оставшиеся в Германии другие члены семьи, сохранившие российское подданство, воспринимались германским обществом «как враждебно настроенные иностранцы»[10]. В России в декабре 1914 г. Ф. Кнаурер был арестован в своем доме в Киеве, его имущество конфисковано, а позже власти его депортировали в Томск[11].

Страдали не только семьи русских немцев, но и русских евреев. Соломон Баркан проживал в Германии с 23 лет, его дочь и сын являлись германскими подданными. Сын с началом Первой мировой войны служил в германской армии.

Однако отец семейства, проживая в Мюнхене, находился под наблюдением баварских властей и опасался депортации[12].

Побочным, но весьма серьезным следствием политики интернирования стало разлучение семей. Об этом свидетельствуют прошения иностранных граждан в Департамент полиции российского МВД об отмене высылок, указывавших, что высылка единственного кормильца обрекала семью на нищенское существование[13]. Разлученными со своими семьями оставались до конца войны русские студенты в Германии[14].

На несколько недель разлучались со своими семьями приехавшие на немецкие курорты российские подданные. Так, родители ненадолго отправились отдохнуть в Карловы Вары, а четверо их несовершеннолетних детей остались со слугами на немецком курорте Херингсдорф. В середине августа дети должны были быть депортированы из Германии. Родители обратились с отчаянной телеграммой к самому рейхсканцлеру, прося разрешить въезд в Германию, чтобы воссоединиться с семьей[15].

Семейные трагедии разыгрывались в ходе репатриации российских гражданских лиц в Германии. Выезд официальных российских представителей на берлинский вокзал сопровождался открытой враждебностью местного населения. А. Резанов упоминал, что некоторые из дам (княгиня Белосельская-Белозерская, госпожа Раевская, графини Литке и Тотлебен, графиня Бреверн и др.) получили плевки в лицо, а детям удалось избежать насилия только потому, что родители догадались спрятать их на дно автомобиля[16]. В ходе репатриации разлучались члены семьи и было много случаев потери малолетних[17].

Репатриация мужчин и женщин происходила нередко разными путями. Так, супругов Танских, которые в итоге благополучно вернулись в Россию, в шведском городе Евле разлучили, поскольку мужчин отправляли, из-за опасностей военного времени, через финский город Торнио, а женщины могли безбоязненно плыть по морю[18].

Иногда семьи жили отдельно на территории Германской империи на протяжении всей войны и могли видеться только от случая к случаю, поскольку находились под наблюдением

полиции, а на каждое изменение места жительства требовалось решение властей, принимавшееся в индивидуальном порядке. Поэтому нередко простое посещение родственников даже в пределах Германии зависело от доброжелательности административных органов.

По мере развития военных действий отношение к невоеннообязанным германским гражданам в Российской империи меняется. С 7 января 1915 г. на основании распоряжений военных властей начинается высылка германских и австрийских подданных из Петрограда и окрестностей. Согласно действующим правилам, дети родителей – немцев и австрийцев, принявших российское подданство, не могли претендовать на получение российского гражданства до 21 года и, оставаясь германскими и австрийскими гражданами, подлежали высылке, если им уже исполнилось 17 лет[19]. Также стал действовать возрастной критерий высылки: женщины моложе 60 лет высылались, но их мужья старше 60 лет оставались на прежнем месте жительства[20].

В России наиболее распространенными способами избежать интернирования стали подачи прошений об отмене высылки или получении российского гражданства. Прошения подавались индивидуально от каждого члена семьи, но наличие детей, мужей, родителей в прошениях указывалось как дополнительное основание для получения льгот. Но положительные решения принимались преимущественно в отношении не семей, а вдов, имевших до замужества российское подданство.

В целом интернирование женщин и детей не было массовым явлением ни в России, ни в Германии, но на территории Германии в годы Первой мировой войны было более ста лагерей для гражданских пленных, куда направлялись и российские подданные.

После подписания Брест-Литовского мирного договора 3 марта 1918 г. в Берлине было создано генеральное консульство РСФСР и сразу же начало работу бюро по военнопленным и интернированным во главе с атташе С. М. Семковым[21]. В ходе инспекционных поездок выяснилось, что среди интернированных были женщины и дети. Их обнаружили

в лагерях для гражданских пленных Хавельсберг, Хольцминден. На конец войны в лагерях интернированных находились 602 женщины и 170 детей из России[22]. Как они там оказались? Частично это были женщины – пленные из российских женских батальонов, поскольку по международному праву женщина не могла считаться военнослужащей и, соответственно, заключаться в лагерь для военнопленных[23]. Но в этом случае речь не идет об отношениях внутри семей. Другую значительную часть составляли женщины с детьми, не желавшие оставлять своих мужей. Женщин интернировали также в случае нарушения ими трудового договора или подозрения в шпионаже. Например, семейная пара Марии и Станислава Глух в 1916 г. в Германии была заключена в тюрьму за то, что они без разрешения начальства покинули рабочее место, также при них была картонная коробка с документами, в которых имелись пометки. Это вызвало подозрение властей, поскольку оба заявляли, что ни читать, ни писать не умеют[24].

Аресты женщин и малолетних могли служить формой дисциплинарного взыскания. Так, четырнадцатилетний подросток Рышард Циммерман вместе с тринадцатью польскими рабочими из России за отказ работать был арестован и направлен в лагерь. После вмешательства матери его перевели в транзитный лагерь Скальмиершютц для репатриации в русскую Польшу[25].

Интернирование членов семьи использовалось в качестве инструмента давления. Администрация Пирны (Саксония) планировала арестовать членов семьи бригадира Кокоц, чтобы заставить его подписать новый трудовой договор[26].

Интернирование продолжалось и после завершения войны. По данным Красного Креста летом 1920 г. в лагере гражданских пленных Альтенграбов (территория современной федеральной земли Саксен-Анхальт) содержались 191 женщина и 45 детей, которые находились в крайне плохих условиях и не получали никаких дополнительных выплат[27]. До упразднения в 1922 г. лагеря в Вюнсдорфе там проживало 50 русских семей. Они работали, т. е. содержали себя сами и получали только незначительную поддержку из частных источников[28].

Но семейные интернирования могли носить не только карательный, но и социальный характер. Обездоленных и безработных содержали в лагере из соображений гуманности, чтобы облегчить их участь и подготовить их репатриацию. Еще в 1917 г., согласно решению военного министерства Пруссии, допускалось «размещение в лагерях инвалидов, женщин, детей и пожилых людей ... из соображений человечности»[29] как единственный способ защитить их от полной нищеты. На рубеже 1920–1921 гг. в офицерских лагерях на всей территории Германии было 249 женщин и 116 детей[30].

Женщины и дети особенно остро переживали заключение в лагерь. Лагерная администрация также выражала неудовольствие при водворении в лагерь несовершеннолетних и женщин. Их старались размещать на отдельной территории лагеря из-за моральных соображений, опасаясь «непристойного» поведения и стремились перевести в тюрьмы для гражданских пленных[31]. Поэтому в лагерях интернированных были и школы, где детям преподавали русский и немецкий языки выходцы из России, и женские отделения, и там среди женщин находились и «курортные дамы», и курсистки, и женщины-работницы[32].

В конце войны основной контингент пленных составляли жители оккупированных областей, которые оказывались в лагерях интернированных целыми семьями. Так, из жалобы крестьянок из Литвы, забытых в лагере гражданских пленных Хольцминден, как указывалось в докладной записке атташе С. Семкова от 7 июня 1918 г., следовало, что они не имели вестей от мужей, отосланных на сельскохозяйственные работы в другую часть Германии. «Одна мать, рыдая, умоляла отыскать ее дочку, которую она потеряла в пути»[33]. Старуха-мать просила атташе Семкова, когда тот посещал лагерь, «ходатайствовать за нее, чтобы ей разрешили быть вместе с сыном, работающим у помещика, так как ей страшна смерть в “тюрьме”»[34]. Безусловно, такая ситуация еще связана и с тем, что гражданских пленных насильственно уводили на работы вне лагерей, что в принципе было запрещено, но практиковалось в лагерях интернированных. Политика интернирования в России и Германии в годы Первой мировой

войны затронула семейные отношения, положение жен, детей, матерей. Эта группа вражеских подданных, не являясь целенаправленным объектом политики интернирования, также пострадала во время войны. Семьи «враждебных иностранцев» переживали потерю кормильца, разлуки с членами семьи, заключения в лагеря. Возникновение подобных ситуаций было возможно в силу самых разнообразных причин, включавших разное гражданство членов семьи, подозрение в шпионаже, нежелание разлучаться. Нередко интернирование членов семьи использовалось как инструмент давления, а иногда по соображениям гуманности. «Враждебные иностранцы» стремились избежать репрессий: прибегали к смене гражданства, направляли ходатайства в адрес местных властей об отмене высылок, но не всегда получали положительные результаты, что усугубляло их положение и вызывало новые трагедии.

Примечания / Notes

[1] *Кареев, Н. И.* Пять недель в германском плену // В немецком плену. – М., 1915. – С. 18. KAREEV, N. I. *Pyat' nedel' v germanskom plenu* [Five weeks in German captivity. In Russ]. IN: *V nemetskom plenu* [In German captivity. In Russ.]. Moscow, 1915, p. 18.

[2] Имеются в виду германские власти.

[3] *Страхович, А. И.* 1914. В Берлине во время войны. – Пг., 1914. – С. 38. STRAHOVICH, A. I. 1914. *V Berline vo vremya voiny* [1914. In Berlin in the wartime. In Russ.]. Petrograd, 1914, p. 38.

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 215. Оп. 1. Д. 174. Л. 180. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 215, series 1, file 174, p. 180.

[5] *Stibbe, M.* Civilian Internment during the First World War. A European and Global History 1914–1920. London, Palgrave Macmillan, 2019, p. 99.

[6] Там же. Ibid.

[7] *Плохотнюк, Т. Н.* Регламентация положения российских подданных в Германии после начала Первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 4. – С. 94. PLOKHOTNYUK, T. N. *Reglamentatsiya polozheniya rossiiskih poddannykh v Germanii posle nachala Pervoi mirovoi voiny* [Regulation of the situation of Russian citizens in Germany after the outbreak of the First World War. In Russ.]. IN: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya,* 2018, no. 4, p. 94.

[8] *Богомолов, И. К.* Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле-октябре 1914 г. // Россия и современный мир (РСМ). – 2017. – № 2. – С. 150. BOGOMOLOV, I. K. *Russkie poddannye v Avstro-Vengrii i Germanii v iyule-oktyabre 1914 g.* [Russian subjects in Austria-Hungary and Germany in July-October 1914. In Russ]. IN: *Rossiya i sovremennyi mir (RSM),* 2017, no. 2, p. 150.

[9] Латвийский государственный исторический архив (ЛНА). Ф. 3. Оп. 5. Д. 2552. Л. 15. *Latviiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Latvian State Historical Archive] (LNA), fond 3, series 5, file 2552, p. 15.

[10] Gesuch des Prof. Dr. Knauers vom 25.08.1914, BArch, R 901/83763.

[11] См.: Русско-Германская энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://enc.rusdeutsch.eu/articles/3632 (дата обращения 27.07.2021). *Russko-Germanskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Russian Germans. In Russ. In Deutch] [on-line]. Available at: https://enc.rusdeutsch.eu/articles/3632 (accessed 27.07.2021)

[12] Gesuch des Salomon Barkan vom 13.08.1914, BayHStA, Stellv. Generalkommando I. Armeekorps, 2010.

[13] ЛНА. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2552. Л. 44–44 об. LNA, fond 3, series 5, file 2552, pp. 44–44 verso.

[14] MAURER, T. "Akademische Bürger" und "feindliche Ausländer": Rußländer an deutschen Universitäten im Ersten Weltkrieg // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. – М.: РГГУ, 2019. – С. 280–290. MAURER, T. "Akademische Bürger" und "feindliche Ausländer": Rußländer an deutschen Universitäten im Ersten Weltkrieg ["Academic citizens" and "enemy foreigners": Russians at German universities in the First World War. In German]. IN: *Rossiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voiny: mezhdu bezopasnost'yu i gumannost'yu* [Russia and Germany in the days of the First World War: Between security and humanity]. Moscow, 2019, pp. 280–290; Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ (НИОР РГБ). Ф. 70. В. И. Герье. Картон 93. Ед. хр. 17. Л. 43. *Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Research Division of Manuscripts of the Russian State Library] (NIOR RGB), fond 93, series 17, p. 43.

[15] Telegramm von Joseph Hosiasson vom 19.08.1914, BArch, R 901/83763.

[16] *Резанов, А. С.* Немецкие зверства: книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам. Пг., 1915. – С. 10–12. REZANOV, A. S. *Nemetskie zverstva: kniga sostavlena po rasskazam poterpevshikh i ochevidtsev, a takzhe po ofitsial'nym dokumentam* [German atrocities: The book is based on the stories of victims and eyewitnesses, as well as on official documents. In Russ.]. Petrograd, 1915, pp. 10–12.

[17] Там же. С. 16. Ibid., p.16.

[18] *Паликова, Т. В.* М. В. Танский о пребывании русских в Германии в начале Первой мировой войны // Вестник БГУ. – 2014. – № 7. – С. 77. PALIKOVA, T. V. *M. V. Tanskii o prebyvanii russkikh v Germanii v nachale*

Pervoi mirovoi voiny [M. V. Tanskii on the Russians' residence in Germany at the beginning of the First World War. In Russ.]. IN: *Vestnik BGU,* 2014, no. 7, p. 77.

[19] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 253. Оп. 10. Д. 594. Л. 74. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (TsGIA SPB), fond 253, series 10, file 594, p. 74.

[20] Там же. Ibid.

[21] ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 4. Л. 1–2. GARF, fond 3333, series 10, file 4, pp. 1–2.

[22] Там же. Л. 36, 40. Ibid., pp. 36, 40.

[23] Там же. Д. 47. Л. 36. Ibid., file 47, p. 36.

[24] Schreiben der Königl. Polizeidirektion München an das Bezirksamt Kempten vom 16.08.1916/ Schreiben der Königl. Polizeidirektion München vom 30.10.1916, Nr. 9554, BayHStA, Stellv. Generalkommando I. Armeekorps, 1355.

[25] Gesuch der Klementyna Zimmermann das Generalgouvernement Warschau vom 33.11.1916, BayHStA, Stellv. Generalkommando I. Armeekorps, 1998.

[26] Schreiben der Amtshauptmannschaft Pirna vom 03.03.1916, SächsStA–D, 11348, Stellv. Generalkommando XII. Armeekorps. Nr. 2819, Bl. 240ff.

[27] Schreiben des Wohlfahrtsausschusses vom Roten Kreuz Altengrabow an das Reichswehrministerium vom 04.06.1920, BArch, R 1501/112383, Bl. 171f.

[28] Schreiben der Abwicklungsstelle für russische Kriegsgefangenen- und Interniertenlager des Reichsministeriums des Inneren vom 29.05.1922, BArch, R 1501/112384, Bl. 329f.

[29] Schreiben des preuß. Kriegsministeriums an das Auswärtige Amt vom 18.10.1917, BArch, R. 901/83577, Nr. 836/10.17 U.2.

[30] Nachweisung der russischen Kriegsgefangenen, BArch, R 1501/112383, Bl. 268.

[31] Schreiben des Gefangenenlagers Traunstein vom 06.08.1916, BayHStA, Stellv. Generalkommando I. Armeekorps, 1997, no. 5044.

[32] ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 4. Л. 36–37. GARF, fond 3333, series 10, file 4, pp. 36–37.

[33] Там же. Л. 67. Ibid., p. 67.

[34] Там же. Ibid.

Список литературы

Паликова, Т. В. М. В. Танский о пребывании русских в Германии в начале Первой мировой войны // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 74–78.

Плохотнюк, Т. Н. Регламентация положения российских подданных в Германии после начала Первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 4. – С. 93–98.

MAURER, T. “Akademische Bürger” und “feindliche Ausländer”: Rußländer an deutschen Universitäten im Ersten Weltkrieg // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. М., – 2019. – С. 280–290 [“Academic citizens” and “enemy foreigners”: Russians at German universities in the First World War. In Germ.]. IN: *Rossiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voiny: mezhdu bezopasnost‘yu i gumannost‘yu*. [Russia and Germany during the First World War: Between security and humanity]. Moscow, 2019, pp. 280–289.

STIBBE, M. Civilian Internment during the First World War. A European and Global History 1914–1920. London, Palgrave Macmillan, 2019, 335 p.

References

PLOHOTNYUK, T. N. *Reglamentatsiya polozheniya rossiiskih poddannykh v Germanii posle nachala Pervoi mirovoi voiny* [Regulation of the situation of Russian citizens in Germany after the outbreak of the First World War. In Russ.]. IN: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya,* 2018, no. 4, pp. 93–98.

PALIKOVA, T. V. *M. V. Tanskii o prebyvanii russkikh v Germanii v nachale Pervoi mirovoi voiny* [M. V. Tanskii on the Russians’ residence in Germany at the beginning of the First World War. In Russ.]. IN: *Vestnik BGU,* 2014, no. 7, pp. 74–78.

MAURER, T. “Akademische Bürger” und “feindliche Ausländer”: Rußländer an deutschen Universitäten im Ersten Weltkrieg // [“Academic citizens” and “enemy foreigners”: Russians at German universities in the First World War. In Germ.]. IN: *Rossiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voiny: mezhdu bezopasnost‘yu i gumannost‘yu*. [Russia and Germany during the First World War: Between security and humanity]. Moscow, 2019, pp. 280–289.

STIBBE, M. Civilian Internment during the First World War. A European and Global History 1914–1920. London, Palgrave Macmillan, 2019, 335 p.

Сведения об авторах

Бахтурина Александра Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций, профессор, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-606-01-19, a-yu-b@yandex.ru

Ростиславлева Наталья Васильевна, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра всеобщей истории, профессор, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-250-64-56, ranw@mail.ru

Бок Ханнес, аспирант, Свободный университет Берлина, Институт истории им. Фридриха Майнеке, г. Берлин, Федеративная Республика Германия, hannes.bock@fu-berlin.de

About the authors

***Bakhturina Alexandra Yurievna*,** PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, department of history of state institutions and public organizations, professor, Moscow, Russian Federation, +7-495-606-01-19, a-yu-b@yandex.ru

***Rostislavleva Natalia Vassiljavna*,** PhD in History, professor, Russian State University for the Humanities, department of world history, professor, Moscow, Russian Federation, +7-495-250-64-56, ranw@mail.ru

***Bock Hannes*,** PhD student, Free University Berlin, Friedrich-Meinecke-Institute, Federal Republic of Germany, hannes.bock@fu-berlin.de

Сведения о грантах

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914–1917 гг.» (№ 19-59-12006).

Grant information

The study has been funded by the Russian Foundation for Basic Research and German Research Institutions (DFG) within the frameworks of research project "Security and Civil Society in Russia and Germany during the First World War: Correspondence in the Process of Internment of Civilians in the Enemy States in 1914–18" (no. 19-59-12006).

В редакцию статья поступила 23.09.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Бахтурина, А. Ю., Ростиславлева, Н. В., Бок, Ханнес. Семьи «враждебных иностранцев» в России и Германии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 214–228. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-214-228

Submitted 23.09.2021, published (for citation):

BAKHTURINA, A. Yu., ROSTISLAVLEVA, N. V., BOCK, Hannes. *Sem'i "vrazhdebnykh inostrantsev" v Rossii i Germanii v gody Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg.* [Families of "Enemy Foreigners" in Russia and Germany in the Days of the First World War 1914–18. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 214–228. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-214-228

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47).083+929.82–94+94(470)
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-229-241

Белова, И. Б.
Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Российская Федерация

«Людские волны»: дневниковые записи Ф. А. Кудринского о беженцах Первой мировой войны. 1915 г.

Belova, Irina B.
K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University,
Kaluga, Russian Federation

“The Human Waves”: F. A. Kudrinsky’s Diary Entries about the Refugees of the First World War (1915)

Аннотация
Статья посвящена событиям лета – осени 1915 г., нашедшим отражение в дневниковых записях Федота Андреевича Кудринского, преподавателя Виленской гимназии, ставшего беженцем и осевшего в городе Рогачеве Могилевской губернии. Дневники Кудринского повествуют о массовом беженском движении с подконтрольных Северо-Западному фронту территорий через уездный Рогачев, ставший одним из центров беженства. Автор в июле 1915 г., еще до начала массового перемещения беженцев в глубь империи, находился в Рогачеве по служебным делам. В этот период он стал свидетелем недельного пребывания в городе немцев-колонистов русского подданства, высланных военными властями из прифронтовой полосы в Черниговскую губернию. Они двигались на подводах, нанятых за казенный счет, в сопровождении конных стражников, делая в пути остановки для смены лошадей. Кудринский описал быт и нравы этого контингента, их прогерманские настроения и негативное отношение к власти. Автором зафиксировано время появления в уездном Рогачеве самых первых беженцев, которое относится к апрелю 1915 г., когда в город прибыли бежавшие в спешном порядке от немцев семьи служащих из Ковенской губернии. Показано отношение

к ним местного населения и властей. От одного из представителей административно-исполнительной власти Кудринскому в середине июля 1915 г. стало известно, что через Рогачев будет направлено не менее 65 тысяч беженцев. Однако оказалось, что в 1915 г. в Рогачеве было зарегистрировано около 700 тысяч беженцев, следовавших в восточном направлении. Беженское движение приняло массовый характер в августе 1915 г. От Бобруйска гужевым способом следовали через Рогачев в основном уроженцы Холмской и Люблинской губерний. Чтобы продвигаться дальше тем же способом, в Рогачеве надо было переправиться через Днепр на пароме из-за отсутствия мостов на всем его протяжении от Могилева до Киева. По этой причине маленький Рогачев оказался чрезвычайно перегружен гужевым транспортом. Однако еще до конца августа проблема была решена с открытием сразу двух мостов, и на улицах стало не так тесно. Ф. А. Кудринский подробно описал внешний вид и все, что находилось внутри крестьянской арбы и телеги. Он обрисовал внешний вид и дорожные настроения уроженцев разных губерний. Контактируя с беженцами, Кудринский получил от них, в том числе, подтверждение информации о том, что крестьяне по дороге действительно грабят имения, не считая это зазорным по причине военного бедствия, как они полагали. Беженцы, ожидавшие в Рогачеве отправки по железной дороге, в течение нескольких недель жили на отведенной им территории, сооружая палатки из деревянных щитов, пищу готовили на кострах, которые горели днем и ночью. На питательные пункты они тоже обращались, но нерегулярно из-за больших очередей. Строгий контроль за пропуском на вокзал лишь тех, кто уже получил «квитанции» на отъезд, и за посадкой в вагоны наладить не удавалось, и автор был тому свидетелем. В конце сентября беженцев перестали направлять через Рогачев. В 10-х числах октября 1915 г. в городе их стало заметно меньше. Оставшиеся переместились в бараки и землянки. На питательных пунктах можно было получить пищу гораздо быстрее. К вечеру 20 октября все беженцы выехали из Рогачева в глубь империи железнодорожным транспортом. Между тем 12 ноября на улицах города вновь появились в большом количестве беженские повозки из Новогрудского уезда Минской губернии. Их предстояло отправить из Рогачева в глубь страны. До этого их уже дважды расселяли в пределах территорий, находившихся под контролем военных властей. Потом признали целесообразным отправить беженцев подальше в тыл, и теперь беженцам предстоял еще один переезд к месту временного проживания до окончания войны. Несмотря на прибытие этой крупной партии беженцев в Рогачев, массовое беженское движение, как пишет Ф. А. Кудринский, иссякло уже в начале ноября 1915 г.

Abstract
The article is devoted to the events of summer-autumn 1915, as reflected in the diary of Fedot A. Kudrinsky, teacher of the Vilna gymnasium, who became a refugee and got settled in the city of Rogachev, Mogilev gubernia. Kudrinsky's diaries tell of mass refugee movement from the territories controlled by the North-Western Front coming through the uezd town of Rogachev, which became one of the refugees' centers. The author was in Rogachev on official business in July 1915, prior to mass movement of refugees further into the empire. At that time, he witnessed a week-long stay of German colonists of Russian citizenship who had been deported by the military authorities from the front line to the Chernigov gubernia. They moved on carts hired at the state expense, accompanied by mounted guards, making stops on the way to change horses. Kudrinsky describes their life and customs, their pro-German moods, and negative attitude towards authorities. He also records the appearance of the very first refugees in Rogachev in April 1915: families of employees from the Kovno gubernia arrived in the city, having fled hastily from the Germans. The attitude of the local population and authorities to them is shown. Though a representative of local administration and executive authorities, Kudrinsky learned in mid-July 1915 that at least 65 000 refugees were to be sent through Rogachev. However, in 1915, about 700 000 refugees heading in an easterly direction were registered in Rogachev. By August 1915, the refugee movement grew to mass proportions. Residents of the Kholm and Lublin gibernias followed their horse-drawn route from Bobruisk through Rogachev. To move further, it was necessary to cross the Dnieper in Rogachev by ferry (due to the lack of bridges along its entire length from Mogilev to Kiev). For this reason, the small town Rogachev was overcrowded with horse-drawn transport. However, by late August, the problem was solved with the opening of two new bridges at once, and the streets became less crowded. Kudrinsky details the appearance of the refugees and everything inside their carts. He outlines the appearance and road moods of the residents of different gubernias. In his interactions with the refugees, Kudrinsky learned, among other things, that peasants did rob the noble estates on the way, never considering it shameful because of the military disaster. While waiting to be sent by rail, refugees lived in Rogachev, on the territory assigned to them, up to several weeks, building tents of wooden shields and cooking food on bonfires that burned day and night. They also went to the feeding stations, although not regularly as there were long queues. As the author witnessed first-hand, there was no strict control over admission to the station of only those who had received "receipts" for departure, nor over boarding the cars. By

late September, the refugees were no longer sent through Rogachev. In the second decade of October, they became noticeably fewer in the city. Those who remained moved to barracks and dugouts. The feeding stations were able to distribute food much faster. By the evening of October 20, all the refugees had left Rogachev for interior regions of the empire by rail. Meanwhile, on November 12, new refugee carts appeared in large numbers on the streets of the city coming from the Novogrudok uezd of the Minsk gubernia. They were to be sent from Rogachev to the interior regions. The refugees had already been resettled twice within the territories controlled by the military authorities. Finally, it was deemed expedient to send them to the rear, and now they had to move to yet another place of temporary residence until the end of the war. Despite the arrival of this last large batch of refugees in Rogachev, the mass refugee movement, according to Kudrinsky, had dried up by early November.

Ключевые слова
Исторический источник, дневниковые записи Ф. А. Кудринского, белорусские и польские беженцы Первой мировой войны, немцы-колонисты, город Рогачев, Могилевская губерния, эвакуация, внешний вид и быт беженцев, беженский лагерь.

Keywords
Historical source, F. A. Kudrinsky's diary, Belarusian and Polish refugees of the First World War, German colonists, Rogachev city, Mogilev gubernia, evacuation, appearance and life of refugees, refugee camp.

Федот Андреевич Кудринский (1867–1933), уроженец Волынской губернии, окончил Московскую духовную академию. Преподавал в Нижегородской духовной семинарии, а перед Первой мировой войной – в Виленской гимназии. Летом 1915 г. Ф. А. Кудринский оказался по служебным делам в городе Рогачеве Могилевской губернии. Уездный Рогачев с населением в 23 тысячи человек стал одним из центров массового беженского движения благодаря своему расположению на железной дороге «Жлобин–Санкт-Петербург», Варшавском шоссе, реках Днепр и Друть. В 1915 г., по данным регистрации, около 700 тысяч беженцев проследовало через Рогачев. Ф. А. Кудринский, литератор и историк, став свидетелем народной трагедии – массового беженства, в период с июля по ноябрь 1915 г. включительно записывал рассказы

беженцев, свои наблюдения, составившие в итоге книгу «Людские волны. Беженцы», изданную в Петрограде в 1917 г. Через 80 лет, в 1997 г., книга была опубликована в белорусском журнале «Нёман» в сокращении[1]. Книга Ф. А. Кудринского, как и воспоминания других непосредственных участников беженского движения[2], несомненно, заслуживает внимания и будет интересна всем интересующимся проблематикой беженства Великой войны.

Ф. А. Кудринский в предисловии отмечает, что он, в числе прочих современников, поначалу смотрел на беженство как на один из «мелких случайных эпизодов, которыми вообще богат глубокий тыл всякой войны», полагая, что движение скоро прекратится и не стоит обращать на него серьезного внимания. Этим и объясняется «случайность» и «краткость» его первых записей о беженцах. Однако беженство не прекращалось, наоборот, «движение людей разрослось в своего рода “переселение народов”, в широкое народно-государственное явление»[3].

В своих июльских дневниках Ф. А. Кудринский повествует о временном пребывании в Рогачеве партии численностью в 100 человек немцев-колонистов русского подданства с семьями, выселенных из Люблинской и Холмской губерний, находившихся на театре военных действий[4]. Вновь прибывшие расположились под открытым небом на небольшой площади, обнесенной высоким частоколом, недалеко от реального училища. Стояла солнечная и теплая погода. Прямо напротив площади находилось одноэтажное здание женской гимназии, которое отвели детям. Прибывшие сразу приступили к обустройству территории своей стоянки: мужчины делали навесы у забора, устанавливали сундуки и размещали остальные вещи. Женщины хлопотали по хозяйству у костров.

По наблюдению Кудринского, народ был небедный, судя по имевшемуся у него имуществу, среди которого были и швейные машины, и различные кухонные приборы. По-русски колонисты не говорили, а только по-немецки и по-польски. Россию бранили, считая ее виновницей войны. Говорили, что пора уже заключать мир, что Россия никогда не победит Германию[5]. Ф. А. Кудринскому с трудом удалось найти среди

колонистов тех, кто отнесся к нему любезно, как он выразился. Эти люди вступили в разговор и ответили на вопросы, в результате автор узнал о том, что до выселения они были привлечены военной властью к работам по рытью окопов, но потом их посадили на подводы и повезли, описав перед этим все имущество. И вот уже целых четыре недели они едут в направлении Новозыбковского уезда Черниговской губернии. В дороге умерли несколько детей[6].

Колонистам не нравились ни возы, ни кони: «Вот Вильгельм завоюет Россию, так он покажет вам хозяйство», – говорили они. Казенная пища им тоже не нравилась, они сами себе готовили на костре, причем каждая семья на своем костре, некоторые пили кофе. 14 июля 1915 г. обоз выдвинулся из Рогачева на нанятых подводах, сопровождаемый конными стражниками, у которых автор поинтересовался: «Что вы так долго гостили в Рогачеве?». Стражники отвечали, что нельзя было достать подводы, учитывая большую в них надобность на тот период.

От местного исправника Ф. А. Кудринский узнал, что ожидается прибытие беженцев в количестве не менее 65 тысяч человек. На самом деле эта цифра оказалась заниженной в 10 раз[7].

Согласно дневниковой записи от 15 июля 1915 г., первые беженцы появились в Рогачеве в апреле 1915 г. Двенадцать семей, служащих из Тельшевского уезда Ковенской губернии, ночью бежали от немцев, все бросив. В Рогачеве их встретили радушно, предоставили сразу дом. Рогачевские дамы кормили и одевали детишек беженцев, супруга председателя земской управы ежедневно посылала для всех продукты. Это было в апреле, но в августе, с началом массового движения беженцев, «жизнь сильно поднялась в цене. Все вздорожало», как отметил автор. Торговцы неохотно стали менять деньги и давать сдачу, в городе начали принимать в уплату почтовые марки. Появились даже особые «рогачевские деньги» – желтые квитки, заполненные печатными буквами[8].

Начало массового движения беженцев впервые отражено в дневниковой записи от 10 августа 1915 г.[9] Автор отметил, что вдруг мало оживленный город наполнили люди всех

положений, званий и состояний, на тротуарах – почти давка. По главной улице тянулись без конца арбы с шатрами и телеги. Внутри арб – женщины и дети, кухонная утварь, а также рожь, сено, мешок хлеба, сноп овса, дрова. Снаружи к арбе были привязаны котелки и жестяная посуда, запасное колесо. Все это медленно сотни верст тянули две лошадки, некоторые из них вот-вот были готовы упасть, и хозяин помогал им на подъемах, подталкивая плечом арбу.

В Рогачев беженцы прибывали непосредственно из Бобруйска по шоссе. Ф. А. Кудринский пишет, что это была преимущественно «Люблинская и Холмская Русь». Вскоре улицы, ведущие к пристани, были забиты гужевым транспортом. У самого парома, где на маленькой площадке сходилось несколько десятков телег, началась настоящая давка. При наличии моста через Днепр все было бы гораздо проще. Однако проездных мостов не было на всем протяжении Днепра, от Киева до Могилева. Но вскоре эту проблему решили. Ф. А. Кудринский отмечает, что 24 августа в Рогачеве открыли целых два моста: на деревянных столбах (земский) и на железных баржах (военный)[10]. В результате Рогачевские улицы сразу разгрузились.

Интересны наблюдения автора относительно внешнего вида и быта вынужденных мигрантов. Ф. А. Кудринский откровенно любуется уроженцами Холмской губернии: «И какой все это здоровый, красивый, чистоплотный народ...», – пишет он. Девушки большей частью миловидные, одеты пестро, но красиво, голоса звонкие. К своим арбам беженцы прикрепляли следующие вывески: «Приход такого-то села Холмской губернии». В отличие от холмских крестьян, гродненские, проезжавшие в то же время через город, показались Ф. А. Кудринскому мрачными и грязными. У них нескладные телеги, иногда вместо лошади едут на волах. Их арбы обтянуты клетчатой или полосатой материей (продукт кустарного промысла Гродненской губернии), в мирное время стоившей дорого. Представители Минской губернии, ехавшие позже, выглядели серо и как-то безлико. Беженцы откровенно говорили автору, что по дороге они грабят имения, делая это по необходимости,

однако паны-помещики «наставили стражников, которые дают сдачу как следует»[11].

Ф. А. Кудринский описал беженский лагерь, посещенный им в сентябре. При этом он отметил, что лагерь располагался на отведенной территории, где были разбиты палатки и шатры, составленные из деревянных решетчатых щитов, которые обычно ставятся по обеим сторонам железной дороги для защиты от снега. Несмотря на то, что беженцам приходилось жить неделями и более в ожидании отправки по железной дороге, палатки и шатры делались «как попало», по выражению автора[12]. Пища готовилась на кострах, которые горели днем и ночью. На питательных пунктах было много народа, долго приходилось стоять в очереди.

Ф. А. Кудринский обратил внимание на то, что болезни, например, холера щадила беженцев, несмотря на теплую осень, обилие фруктов и овощей. Правда, были дни, когда заболевали сразу 18 человек, но таких дней было немного. За август зарегистрировано лишь 74 случая со смертельным исходом[13]. По мнению врачей, при столь значительном скоплении народа, жертв за этот период могло бы быть несколько сотен.

Беженцам ежедневно выдавались квитанции для дальнейшего следования по железной дороге, но при отсутствии строгого контроля на вокзал приезжали и без квитанций. Автор сам наблюдал, как стражник за пропуск арбы на вокзал брал взятки. Он описал случай, произошедший на вокзале 16 сентября, когда по вине кондукторов поезд с беженцами отправился, не взяв около 200 человек. При этом уполномоченный по отправке беженцев, пытавшийся выяснить ситуацию и принять адекватные меры, встретил со стороны железнодорожных чиновников полное равнодушие к произошедшему, а начальника станции на рабочем месте вообще не оказалось[14].

В конце сентября направление беженского потока было изменено: беженцы теперь двигались на Могилев и Оршу, минуя Рогачев. На улицах меньше стало передвигавшихся гужевым транспортом, но теперь носились автомобили с беженцами.

По данным Кудринского, в октябре 1915 г. с 18 часов через Рогачев регулярно проезжали автомобили «Северопомощи»[15], направляясь на железнодорожные станции. Он описал случай, когда беженцев доставили за 2 часа из Бобруйска в Рогачев, но поездов в этот день уже не было. Людей вместе с вещами выгрузили прямо на дороге. Хорошо, что дров для беженцев было заготовлено достаточно и прибывшие могли разводить костры[16].

Находясь в Рогачеве, Ф. А. Кудринский преподавал в реальном училище, а в свободное от занятий время работал в местном комитете помощи беженцам. Например, в начале октября он занимался определением лиц, наиболее нуждавшихся в теплой одежде и обуви, беженцам выдавались квитанции на получение определенных вещей, а затем участвовал в раздаче уже намеченных вещей. Ф. А. Кудринский описал случаи обмана беженцами уполномоченных при получении от них квитанций на одежду и обувь, а также случаи продажи беженцами полученных вещей или квитанций[17].

В октябре 1915 г. в Рогачеве открыли приют для беспризорных и больных детей и богадельню для стариков и немощных. При опросе беженцев автор выяснил, что престарелые и больные хотели «умереть у своих», а не в богадельне, оставшись в Рогачеве[18]. До этого председатель уездной земской управы Дрибинцев содержал детский приют за собственные средства.

Уже в десятых числах октября автор отмечает, что беженцев стало заметно меньше. Около бараков было мало людей, все находились в землянках и бараках. На питательном пункте получающих пищу меньше, чем было, кормят хорошо, беженцы обедали по нескольку раз. Зато к этому времени расширилось кладбище, по наблюдению Ф. А. Кудринского.

Автора заинтересовало, почему некоторые крестьяне не торопятся покидать рогачевские окрестности. На это он получил ответ, что крестьяне ждут земляков из своей деревни Минской губернии, чтобы уехать вместе, потому что в вагоне 40 мест, а их пока всего 15 человек. Земляки должны были подъехать, как полагали крестьяне, и добавляли: «Если они не поехали другой дорогой»[19].

В Рогачев как один из центров беженства в начале октября 1915 г. Московское юридическое общество направило своего представителя для выяснения юридических вопросов беженства. Так, долгое время не существовало, например, никаких актов о смерти вынужденных мигрантов, даже «суррогатов актов», по выражению Кудринского[20]. Надо отметить, что полноценная регистрация рождений, смертей, браков стала осуществляться после водворения беженцев во внутренние районы империи.

Наконец, к вечеру 20 октября 1915 г. все беженцы выехали из Рогачева железнодорожным транспортом в глубь России. Людей уже не было, а костры все еще продолжали гореть. Постепенно стали закрываться пункты помощи беженцам, на шоссе еще оставались указатели «Северопомощь», «Баня», «Прачешня», «Капля молока»[21]. Ф. А. Кудринский отмечает, что местное отделение Татьянинского комитета под председательством предводителя дворянства В. С. Глуховцова, взяло на себя «львиную долю» забот о беженцах. Однако внимание Ф. А. Кудринского почти целиком сосредоточено на беженцах, уроженцах Западных территорий.

По заключению автора, «с 1 по 11 ноября беженство как массовое явление прекратилось». Однако 12 ноября на городских улицах вновь появилось несколько сотен беженских повозок, в которых сидели почти на голых досках дети и больные старики. Мужчины были не так жалки, т. к. у некоторых были полушубки и сапоги. Это были уроженцы Новогрудского уезда Минской губернии, которых при нашествии немцев выселили в Слуцкий уезд и расселили там по деревням, после этого их снова расселили в деревнях за Днепром, а теперь их направляли в Рогачев для отправки в глубь империи по железной дороге. Люди, конечно, до крайности устали от этих переездов. Беженцы прибывали и на следующий день[22]. И хотя им еще предстояло переночевать в холодных бараках, и то лишь только женщинам и детям, это была уже последняя страница «Рогачевской эпопеи беженства», по выражению Ф. А. Кудринского.

Таким образом, Ф. А. Кудринскому, самому оказавшемуся беженцем и на общественных началах занимавшемуся ока-

занием помощи другим пострадавшим от военных действий людям, удалось в своих дневниках лета – осени 1915 г. передать атмосферу невиданного по своим масштабам массового беженского движения, «волн» людей «выбитых из своих родных мест гулом орудий приближающегося неприятеля». Этому способствовало нахождение Ф. А. Кудринского, так сказать, в нужное время в нужном месте, поскольку уездный г. Рогачев Могилевской губернии по причине своего уникального места расположения стал одним из центров беженства. Через город на восток к местам своего временного размещения проследовало более полумиллиона людей из западных окраин Российской империи.

Примечания / Notes

[1] *Кудринский, Ф. А.* Людские волны. Беженцы // Нёман. – 1997. – № 6. – С. 79–193. KUDRINSKII, F. A. *Lyudskie volny. Bezhentsy* [The human waves: Refugees. In Russ.]. IN: *Neman*, 1997, no. 6, pp. 79–193.

[2] *Белова, И. Б.* «Записки о прошлом» Е. А. Никольского как источник по изучению проблемы беженства Первой мировой войны // Вестник архивиста. – 2020. – № 1. – С. 59–71. doi 10.28995/2073-0101-2020-1-59-71. BELOVA, I. B. *"Zapiski o proshlom" E. A. Nikol'skogo kak istochnik po izucheniyu problemy bezhenstva Pervoi mirovoi voiny* ["Notes on the Past" of E. A. Nikolsky as a Source for Studying World War I Refugees. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 1, pp. 59–71. doi 10.28995/2073-0101-2020-1-59-71; CZARNIAKIEWICZ, A. "Kronika poszukiwania straconej Ojczyzny": doświadczenie powrotu z uchodźstwa w świetele dziennika Piotra Sieruka // Wojna i ludzie. Spoleczne aspekty I wojny swiatowej w europie wschodniej, pod redakcją Doroty Michaluk. Ciechanowiec. Muzeum Rolnictwa w Ciechanowcu, 2015, pp. 319–327. CZARNIAKIEWICZ, A. *"Kronika poszukiwania straconej Ojczyzny": doświadczenie powrotu z uchodźstwa w świetele dziennika Piotra Sieruka* [Chronicle of the search for the lost Homeland: The experience of returning from refugees in the light of Peter Sevruk's diary. In Pol.]. IN: *Wojna i ludzie. Spoleczne aspekty I wojny swiatowej w europie wschodniej.* [MICHALUK, D. (ed.). War and people. Social aspects of World War I in Eastern Europe. In Pol.]. Ciechanowiec, Muzeum Rolnictwa w Ciechanowcu publ., 2015, pp. 319–327; Бежанства 1915 года (Беженство 1915 года) / Рэд. *Віталь Луба.* Выданне другое (Издание второе). – Беласток (Белосток), 2015. – 576 с. *Bezhanstva 1915 goda.* [LUBA, V. (ed.). Refugee status in 1915. In Beloruss.]. 2nd ed. Belostok, 2015, 576 p.

[3] *Кудринский, Ф. А.* Людские волны. Беженцы // Нёман. – 1997. – № 6. – С. 82. KUDRINSKII, F. A., 1997, p. 82.
[4] Там же. – С. 83–88. Ibid., pp. 83–88.
[5] Там же. – С. 85. Ibid., p. 85.
[6] Там же. – С. 87. Ibid., p. 87.
[7] Там же. – С. 88. Ibid., p. 88.
[8] Там же. – С. 90, 92, 93. Ibid., pp. 90, 92, 93.
[9] Там же. – С. 91. Ibid., p. 91.
[10] Там же. – С. 107. Ibid., p. 107.
[11] Там же. – С. 115–117. Ibid., pp. 115–117.
[12] Там же. – С. 131. Ibid., p. 131.
[13] Там же. – С. 143. Ibid., p. 143.
[14] Там же. – С. 124–127. Ibid., pp. 124–127.
[15] «Северопомощь» – правительственная организация во главе с С. И. Зубчаниновым, созданная в конце июня 1915 г. и занимавшаяся эвакуацией и оказанием помощи беженцам в прифронтовых районах Северо-Западного фронта.
[16] *Кудринский, Ф. А.* Указ. соч. – С. 154. KUDRINSKII, F. A., 1997, p. 154.
[17] Там же. – С. 161–163. Ibid., pp. 161–163.
[18] Там же. – С. 170. Ibid., p. 170.
[19] Там же. – С. 166. Ibid., p. 166.
[20] Там же. – С. 156. Ibid., p. 156.
[21] Там же. – С. 184. Ibid., p. 184.
[22] Там же. – С. 187–188. Ibid., pp. 187–188.

Список литературы

Белова, И. Б. «Записки о прошлом» Е. А. Никольского как источник по изучению проблемы беженства Первой мировой войны // Вестник архивиста. – 2020. – № 1. – С. 59–71. doi 10.28995/2073-0101-2020-1-59-71.

CZARNIAKIEWICZ, A. «Kronika poszukiwania straconej Ojczyzny»: doświadczenie powrotu z uchodźstwa w świetele dziennika Piotra Sieruka // Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w Europie Wschodniej, pod redakcją Doroty Michaluk. Ciechanowiec, Muzeum Rolnictwa w Ciechanowcu, 2015, pp. 319–327.

PRYMAKA-ONISZK, A. Bieżeństwo 1915. Zapomniani uchodźcy (Беженство 1915. Забытые беженцы). – Wołowiec: Wydawnictwo Czarne (Воловец: Издательство Чарне), 2016. – 367 s.

References

BELOVA, I. B. *“Zapiski o proshlom” E. A. Nikol’skogo kak istochnik po izucheniyu problemy bezhenstva Pervoi mirovoi voiny* [“Notes on the Past” of E. A. Nikolsky as a Source for Studying World War I Refugees. In

Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 1, pp. 59–71. doi 10.28995/2073-0101-2020-1-59-71

CZARNIAKIEWICZ, A. *"Kronika poszukiwania straconej Ojczyzny": doświadczenie powrotu z uchodźstwa w świetele dziennika Piotra Sieruka* [Chronicle of the search for the lost Homeland: The experience of returning from refugees in the light of Peter Sevruk's diary. In Pol.]. IN: *Wojna i ludzie. Spoleczne aspekty I wojny swiatowej w europie wschodniej* [MICHALUK, D. (ed.). War and people. Social aspects of World War I in Eastern Europe. In Pol.]. Ciechanowiec, Muzeum Rolnictwa w Ciechanowcu publ., 2015, pp. 319–327.

PRYMAKA-ONISZK, A. *Bezhenstvo 1915. Zabytye bezhency* [Refugee 1915. Forgotten Refugees. In Pol.]. Wołowiec, Wydawnictwo Czarne publ., 2016, 367 p.

Сведения об авторах

Белова Ирина Борисовна, доктор исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, кафедра истории, профессор, 248030, г. Калуга, Российская Федерация, 8-905-640-51-43, irina-25.01@mail.ru

About the authors

Belova Irina Borisovna, PhD in History, associate professor, K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, department of history, professor, +7-905-640-51-43, irina-25.01@mail.ru

В редакцию статья поступила 10.06.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Белова, И. Б. «Людские волны»: дневниковые записи Ф. А. Кудринского о беженцах Первой мировой войны. 1915 г. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 229–241. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-229-241

Submitted 10.06.2021, published (for citation):

BELOVA, I. B. *"Lyudskie volny": dnevnikovye zapisi F. A. Kudrinskogo o bezhentsakh Pervoi mirovoi voiny. 1915 g.* ["The Human Waves": F. A. Kudrinsky's Diary Entries about the Refugees of the First World War (1915). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 229–241. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-229-241

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47)+930.253
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-242-256

Брянцев, М. В.
Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

«А хороший человек был Ленин, кто-то теперь?». Реакция населения на смерть В. И. Ленина

Bryantsev, Michail V.
Bryansk state University. Acad. I. G. Petrovsky,
Bryansk, Russian Federation

"Such a Good Man Lenin Was, and Who Is to Take His Place?": Reaction of the Population to the Death of V. I. Lenin

Аннотация
Болезнь, а затем в январе 1924 г. и смерть В. И. Ленина стали важными политическими событиями, затронувшими все слои населения. Еще до того, как появились первые правительственные сообщения о болезни В. И. Ленина, среди населения ходили разнообразные слухи о причинах этого заболевания. Однако официальные сообщения о здоровье вождя убеждали людей в его скором выздоровлении. Последовавшая за этим смерть В. И. Ленина оказалась неожиданной и произвела гнетущее впечатление на жителей страны. Общим состоянием стала растерянность не только рядовых граждан, но и коммунистов, и руководящих работников. Последующая пропагандистская кампания по увековечиванию памяти В. И. Ленина снизила накал напряжения в обществе. Властям удалось использовать смерть вождя в целях консолидации общества и борьбы с оппозицией, формирования его культа. Резолюции многочисленных собраний и митингов требовали увековечить память вождя в названиях улиц, населенных пунктов, каналов, учреждений и организаций. Как бы отвечая на вопрос: «а кто после В. И. Ленина?», власти уверяли граждан не только в прочности советской власти, но и предстоящего коллективного управления страной. На проводимых мероприятиях население не

только выражало сожаление о смерти лидера страны, но и подчеркивало значимость личности В. И. Ленина, связывая все достижения с его именем. Власти охотно поддерживали народные представления о В. И. Ленине. Установлено, что у некоторой части советского общества смерть В. И. Ленина породила волну критики как власти, так и лично вождя. Для части населения советской России фигура В. И. Ленина ассоциировалась с самой советской властью, и его смерть стала поводом усомниться в ее будущем. Многие полагали, что после смерти В. И. Ленина советская власть падет и произойдет перемена общественно-политического строя. Для других отрицательное отношение к новой власти переносилось и на личность вождя, причины его болезни, а смерть В. И. Ленина позволила копившемуся в массах негативу проявиться со всей очевидностью.

Abstract

Lenin's illness and then his death was an important political event that affected all sectors of the population. Even before the first government reports on Lenin's illness, there were rumors among various segments of the population about the causes of his illness. However, government reports of the leader's health assured people of his speedy recovery. Lenin's death that followed was unexpected and made an oppressive impression on the citizens. General mood was that of confusion, and not just among common people, but among communists and leading officials. The subsequent propaganda campaign to perpetuate the memory of Lenin reduced the tension in society. The authorities succeeded in using the leader's death to consolidate the society, to combat the opposition, and to form his cult. Resolutions of numerous meetings and rallies demanded that the memory of the leader be eternalized in the names of streets, settlements, institutions, and organizations. As if answering the question "Who after Lenin?" the authorities assured the population not only of the strength of Soviet power, but also of that of the future collective government. Various events lamented Lenin's death, but also underscore his greatness, linking all achievements to his person. The authorities encouraged popular ideas about Lenin. It has been established that in some part of the Soviet society Lenin's death gave rise to criticism of himself and the power. For some part of Soviet population, the figure of Lenin was associated with the Soviet government itself, and his death gave reason to doubt its future. Many believed that after Lenin's death, Soviet power would fail and there would come a change in the socio-political system. Others transferred their negative attitude towards the new government to the personality of the leader; Lenin's illness and then his death allowed this negative attitude to manifest itself with all clarity.

Ключевые слова
Архив, исторические источники, В. И. Ленин, восприятие личности политического лидера, власть, болезнь, смерть, кампания, культ личности В. И. Ленина.

Keywords
Archive, historical sources, V. I. Lenin, perception of the political leader's personality, power, illness, death, campaign, Lenin's personality cult.

Первое правительственное сообщение о болезни В. И. Ленина появилось 12 марта 1923 г. С этого времени советские газеты стали регулярно публиковать бюллетени здоровья вождя. Понимая, что эти сообщения оказывают сильное влияние на настроения многих жителей страны, представителям ОГПУ на местах была отправлена телеграмма, в которой выражалась тревога за положение в стране. Власти опасались, что болезнь В. И. Ленина создаст в стране осложнения и контрреволюционеры станут распространять «панику и провокационные слухи среди населения, особенно среди крестьян». Предлагалось, среди прочих мер, усилить контроль за настроением населения[1]. В сводке на 24 марта 1923 г. ОГПУ отмечалось, что наиболее горячо отозвались на сообщение о болезни вождя рабочие, крестьяне были более пассивны, а многие из них вообще не знали о болезни вождя. Часть населения страны с недоверием отнеслась к правительственному сообщению[2]. Но как бы там ни было, на всем протяжении 1923 г. сводки стали отмечать, что рабочих «сильно волнует вопрос о состоянии здоровья тов. ЛЕНИНА», за которым они следили по бюллетеням, печатаемым в газетах[3].

Сложнее было с крестьянским миром, менее информированным, где слухи оказывали более заметное влияние на умы. Так, крестьяне Смоленской губернии охотно верили слухам о смерти В. И. Ленина[4]. Другие доверяли молве о бегстве В. И. Ленина за пределы СССР[5]. Крестьяне не могли согласиться с тем, что «тов. Ленин не работал по болезни; они говорили, что тов. Ленина устранили от работы за то, что он смотрел, чтобы не обижали крестьян»[6]. Но какие бы слухи ни будоражили крестьянское сознание, очевидно, что проте-

кание болезни В. И. Ленина и его здоровье вызывали неподдельный интерес крестьян[7]. Причем информаторы отмечали, что среди антисоветски настроенной части крестьянства сведения о болезни вождя вызывали злорадные чувства, а вот деревенская беднота высказывала сожаление[8]. Крестьяне с выздоровлением вождя связывали изменение политики «в лучшую сторону» для них[9].

Важным предметом слухов стало обсуждение причин болезни. Наиболее наблюдательные современники делали вывод о медленном угасании В. И. Ленина, отмечая совпадение болезни с «рурскими событиями». Другие объясняли ленинский недуг тем, что В. И. Ленина «покарал Бог за разорение храмов», что он «вследствие расстрела ЧК его родственника поправел», «что болезнь его вызвана разочарованием в нэпе» и т. д.[10] Для этой части населения причины болезни виделись в проводимой большевиками внешней и внутренней политике. Другие говорили о венерическом заболевании В. И. Ленина, из-за которого он был удален из Совнаркома, а некоторые заявляли, что он сошел с ума[11]. В селениях бывшей «черты оседлости» и центральной России исчезновение вождя с политической арены связывали с отравлением его евреями[12]. Таким образом, причины болезни виделись самыми разными и, вероятно, зависели во многом от отношения говорившего к советской власти вообще, и к В. И. Ленину в частности. Вместе с тем отмечалось, что «Деятельность контрреволюционных элементов в связи с болезнью т. Ленина усилилась весьма незначительно, несмотря на благоприятствующий момент (совпадение правительственного сообщения с временем максимального развития слухов о войне и мобилизации). Эсеры, анархисты и прочие остались совершенно инертными. Меньшевики, несмотря на столь благоприятное для них совпадение времени болезни т. Ленина с празднованием 25-летия партии, активно проявились только в двух пунктах республики (Москва и Брянск)».

Особенно отмечалось «оживление среди быв[ших] коммунистов (по-видимому, из “оппозиционерских” групп). Так, в Екатеринбурге исключенные из партии коммунисты вели среди рабочих агитацию, напирая на то, что “вокруг болезни

т. Ленина подняли большой шум, а вот если бы заболел или даже умер"»[13]. Вся информация о болезни В. И. Ленина, транслировавшаяся властями, порождала уверенность в его выздоровлении и тем неожиданней оказалась его смерть, вызвавшая массу слухов. Широкое распространение получили слухи о том, что В. И. Ленин уже давно умер. Сообщили же об этом только сейчас, только по требованию съезда Советов[14]. Вероятно, именно это вызвало толки о том, что в Колонном зале находилась восковая фигура В. И. Ленина[15]. Мотив подмены вождя имел широкое хождение особенно в крестьянской среде, «рассказы о подлинном Ленине», «очень часто носили выраженный антисемитский характер»[16].

Неожиданность смерти вождя привела к тому, что население, рассуждая о причинах такого исхода, отмечало, что В. И. Ленин скончался «от непосильных трудов, проложенного пути к царству братства и равенства»[17]. Другой причиной кончины вождя считали деятельность эсеров, совершивших покушение на В. И. Ленина в 1918 г.[18] Не обошлось и без «еврейского следа». Среди крестьян Смоленской губернии популярна была мысль о том, что «ЛЕНИНА отравили евреи, чтобы целиком взять власть в свои руки»[19]. В Клинцовском уезде Гомельской губернии говорили о медленном отравлении В. И. Ленина «жидами», стремящимися занять место Ленина, и, «что теперь постараются изжить Калинина и власть будет "жидовская"»[20]. Эти разговоры подогревались суждениями о неслучайности оппозиционности Л. Д. Троцкого, и даже смерть В. И. Ленина была связана с дискуссией, начатой им[21]. Виноваты были и «некоторые видные работники центра (с профессорами, лечившими его), претендующие на власть», а где-то в этом винили всех эсеров[22]. Боязнь, что «у власти станут евреи» вызывала всплеск антисемитизма, особенно на территориях бывшей «черты оседлости» или же близких к ней.

Понимая всю сложность ситуации в стране и опасаясь возможных негативных последствий, председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский днем 22 января 1924 г. направил телеграмму во все органы ОГПУ с указанием тех мер, которые должны предпринять органы ОГПУ: «Первое – мобилизовать.

Второе – сохранить полное спокойствие и предотвратить панику, не давая для нее поводов внешними проявлениями и необоснованными массовыми арестами. Третье – выявлять настроение масс и улицы. Четвертое – обратить главное внимание на черносотенцев, монархистов, белогвардейцев. Пятое – оказать все содействие для поднятия духа армии. Шестое – сплотиться вокруг губкома, руководствуясь его указаниями. Седьмое – о всем важном держать нас в курсе»[23].

Действительно, опасения и принимаемые меры не были излишними, так как сообщение о смерти В. И. Ленина вызвало совершенно разную реакцию. На местах смерть вождя привела к растерянности среди руководителей и коммунистов[24]. Духовщинский уком РКП(б) охарактеризовал это состояние как «чувство-ощущение одиночества-осиротелости». Отмечая подавленность и растерянность, информатор сообщал, что «затем начинается чувствоваться – всеми большая ответственность положения каждого члена организации, а смена настроения упадка в работе – повышением и усилением таковой на твердой сплоченности между членами»[25].

Особую тревогу высказывали рабочие массы. По информации ОГПУ, первые сообщения о смерти В. И. Ленина вызвали среди рабочих «плач, истерики и стихийные демонстрации»[26]. Как замечает информатор, «вся трудовая интеллигенция и публика непа[27] сожалеет о кончине», и если первые вполне искренно, то «вторые боятся, что после смерти тов. Ленина курс новой экономической политики повернет влево». Враждебное отношение было единичным и «со стороны не крестьянского элемента»[28]. Из Смоленска сообщали, что «Обывательские массы городов в противоположность рабочим и крестьянам приняли сообщение о смерти тов. ЛЕНИНА с известным интересом, и среди них особенно много распространяется различных слухов и сплетен, главным образом, антисемитского характера». «Антисоветские элементы (меньшевики, эссеры[29] и проч.) держат себя настороженно и особое внимание обращают на изучение настроения парторганизации». «Среди духовенства особых проявлений настроения ни в ту, ни в другую сторону не отмечается»[30]. Таким образом, в отношении смерти В. И. Ленина большинство населения

проявило выжидательно-настороженное отношение, не проявляя своих взглядов.

По мере осознания случившегося и в результате разъяснительных мероприятий настроение людей стало меняться в сторону повышения оптимизма. Особенно это было характерно в армейских частях, где красноармейцы подвергались планомерной информационной обработке[31]. Однако, несмотря на выраженный оптимизм, среди населения сохранялось опасение, что смерть вождя приведет к ослаблению советской власти, чем не преминут воспользоваться капиталистические страны[32]. Начало войны связывалось и с возможностью прихода к власти евреев, прежде всего Л. Д. Троцкого, с его стремлением к мировой революции. Вообще В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий противопоставляются друг другу – первый, как сторонник мира, а второй – войны. Опасение прихода к власти Л. Д. Троцкого связывалось и с прекращением нэпа[33].

Среди крестьян Клинцовского уезда Гомельской губернии существовало убеждение, что начало войны приведет к государственному перевороту, но «о том, каков государственный строй будет, после этого переворота крестьяне не отдают себе отчета», – отмечалось в сводке. Они были уверены, что «какая бы власть ни была, землю не отберут и не будут брать столько продналога, страховки и т. п. разных налогов»[34]. Очевидно, что за всеми этими уверениями сводок о поддержке советской власти крестьянами скрывалось более глубокое и сложное их отношение к новой власти, стабильность которой, в глазах крестьян, придавала фигура В. И. Ленина. Многие смотрели на В. И. Ленина как на гаранта тех или иных приобретений за годы советской власти и как на фигуру, консолидировавшую советское общество. Именно В. И. Ленин удерживал коммунистов от своеволия, «а теперь коммунисты все в свои руки заберут и беспартийным сделается хуже, так как он больше стоял за интересы беспартийных, нежели другие». В этой связи актуальным оставался вопрос: «кто заменит место тов. Ленина?»[35]. Отвечая на этот вопрос, все исходящие от партийных органов циркуляры, письма и даже резолюции различных собраний проводили мысль о коллективном руководстве и партийной сплоченности[36]. С этим было связано и желание

прекратить всякие дискуссии. Некоторые ячейки призывали повести решительную борьбу с оппозицией и приветствовали решение ЦК партии о снятии оппозиционеров с должностей и исключение их из партии[37]. Не случайно Смоленский губком отмечал, что смерть В. И. Ленина «способствовала отрезвлению оппозиционных элементов и в настоящее время в Смоленской организации с оппозицией можно считать вопрос оконченным»[38].

Мысль о единстве и сплоченности вокруг РКП(б) выражала резолюция жителей села Дроново Карачевского уезда Брянской губернии[39]. Насколько это желание было присуще населению, сложно сказать, но что это было отражением установок партийных властей, очевидно[40].

Смерть В. И. Ленина вызвала у части населения желание встать в ряды коммунистической партии. В сводках, отчетах отмечается тяга крестьян, рабочих, служащих и представителей социалистических партий стать членами ленинской партии[41]. Получает развитие подача коллективных заявлений не только рабочими, но и крестьянскими коллективами[42]. Коллективное стремление вступить в партию проявили учителя Леньевской волости Устюжского уезда Череповецкой губернии[43]. Рабочие Первомайского стекольного завода «в знак солидарности, памяти заветов тов. Ленина» определили пятеро кандидатов «в ряды стальной Коммунистической партии»[44]. Стремящиеся в партию по-разному объясняли свое желание стать коммунистом, но для всех была характерна демонстрация овладения нужной риторикой, позволявшей достигать определенных целей, в том числе и в деле вступления в партию[45].

С целью увековечивания памяти вождя революции среди населения были развернуты политико-пропагандистские мероприятия. Отовсюду сообщали о массовых акциях, связанных со смертью В. И. Ленина. Информационные сводки говорили об активном участии беспартийных в намеченных мероприятиях и даже в вынесении резолюций, выражавших «уверенность о неизменности политики советской власти», и везде отмечалось стремление к изучению наследия В. И. Ленина[46].

Получает развитие сооружение памятников и переименование улиц и населенных пунктов, присвоение имени В. И. Ленина предприятиям и учреждениям. Уже в первые траурные дни горсовет г. Рославля принял решение о сооружении в городе памятника вождю[47]. Сбор средств на постройку памятника В. И. Ленину организовали жители местечка Шумячи, которые постановили: «В память великого Вождя тов. Ленина просить ВЦИК переименовать мест[ечко] Шумячи, назвав его М[естечко] “Ленино”»[48]. Череда переименований затронула не только город, но и деревню. В резолюциях, принимаемых на траурных собраниях, жители сел и деревень желали называть свои селения именем вождя[49].

Сразу же после смерти В. И. Ленина последовала череда прошений о присвоении имени вождя учреждениям, предприятиям и организациям. Одними из первых с такой просьбой выступили «перед соответствующими органами» работники и учащиеся Рославльского педагогического техникума[50].

Своеобразным решением увековечивания памяти вождя стало создание ленинских уголков, где бы концентрировались все материалы, «касающиеся изучения Ленинизма». Комсомольская ячейка и ячейка РКП(б) политико-просветительных органов на объединенном собрании постановили: «чтобы всю воспитательную работу вести в духе Ленинизма»[51].

Такими же средоточиями изучения наследия вождя должны были стать и клубы, названные его именем. Так, на собраниях рабочих и служащих госплемхоза «Токарево» Чалевско-Дорской волости было единогласное решение об открытии рабочего клуба «имени тов. ЛЕНИНА», куда на народные деньги будут закуплены его труды и станет воплощаться один из его заветов – ликвидация неграмотности, для чего открыть школу для рабочих и служащих племхоза»[52].

Для увековечивания памяти В. И. Ленина в некоторых волостях Орловской губернии крестьяне выносили постановления о приобретении хороших портретов вождя в сельсоветы, об учреждении стипендии имени В. И. Ленина из местных средств для обучения детей беднейшего крестьянства в сельскохозяйственных вузах, а в одной из волостей «крестьяне вынесли постановление о посадке деревьев имени Ильича»[53].

Уже 23 января дружинники Карачевской вольно-пожарной дружины и профессиональной команды пожарников при участии представителя укома постановили: «Отныне именовать Карачевскую вольно-пожарную дружину имени тов. Ленина и организовать в ней ячейку РКП», «Срочно приобрести для дружины нагрудные значки с портретом тов. Ленина для постоянного ношения на груди в своей повседневной жизни и во время борьбы на пожарах...»[54].

Были и более прагматичные подходы к увековечиванию памяти В. И. Ленина. В д. Тростной Севского уезда Брянской губернии крестьяне решили, что лучшим памятником В. И. Ленину будет сооружение школы и Дома крестьянина[55]. В Могилевском округе памятником В. И. Ленину сделали канал, соединивший р. Вабичь и протоку Сметанка, длиной в девять верст[56]. Сколько в этом стремлении запечатлеть память о вожде было официального, навязанного властями, а сколько искреннего намерения самих граждан, сказать сложно, но очевидно, что позывы власти и желание населения в этом совпали.

Таким образом, болезнь, а затем последовавшая смерть В. И. Ленина оказалась для многих жителей страны Советов неожиданной в силу того, что официальные власти на протяжении длительного времени сначала умалчивали о состоянии здоровья В. И. Ленина, а затем уверяли население о скором выздоровлении вождя. Неожиданный исход поверг многих в состояние прострации и растерянности, причем это было характерно не только для рядовых граждан, но и для самих коммунистов. Информационные сообщения с мест показывают, что пропагандистская кампания в связи со смертью В. И. Ленина снизила накал напряжения, властям удалось убедить большинство населения в прочности советской власти и утвердить мысль о коллективном наследии.

На проводимых мероприятиях население не только выражало сожаление об уходе из жизни лидера страны, но и подчеркивало значимость В. И. Ленина, связывая все достижения с его именем. Власти охотно поддерживали народные представления о В. И. Ленине, формируя его культ, отраженный в названиях учреждений, улиц, сел и городов, сооружении памятников.

Вместе с тем следует говорить и о том, что у некоторой части советского общества смерть В. И. Ленина породила волну критики как власти, так и лично вождя.

Примечания / Notes

[1] *Виноградов, В. К.* Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. 1922–1923. – М.: [Б. и.], 2001. – С. 51. VINOGRADOV, V. K. *Ob osobennostyakh informatsionnykh materialov OGPU kak istochnika po istorii sovetskogo obshchestva* [On the features of the OGPU information materials as a source on the history of Soviet society. In Russ.]. IN: *"Sovershenno sekretno": Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* ["Top secret": Lubyanka – to Stalin on the situation in the country (1922–34). In Russ]. Vol. 2, part 2: 1922–23. Moscow, 2001, p. 51.

[2] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы 1918–1939. В 4 т. Т. 2. 1923–1929. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 85. *Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy v 4-kh t. T. 2. 1923–1929* [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–39. Documents and materials. In Russ]. In 4 vols. Vol. 2: 1923–29. Moscow, ROSSPEN publ., 2000, p. 85; *Виноградов, В. К.* Указ. соч. – С. 52. VINOGRADOV, V. K., 2001, p. 52.

[3] Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1941. Л. 20–21. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Smolenskoi oblasti* [State Archive of Modern History of the Smolensk Region] (GANISO), fond 3, series 1, file 1941, pp. 20–21.

[4] Там же. Л. 23. Ibid., p. 23.

[5] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. 1922–1923. – М.: [Б. и.], 2001. – С. 651. *"Sovershenno sekretno": Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* ["Top secret": Lubyanka – to Stalin about situation in the country (1922–34). In Russ]. Vol. 1, part 2: 1922–23. Moscow, 2001, p. 651.

[6] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 2. Д. 105. Л. 41. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RGAE), fond 396, series 2, file 105, p. 41.

[7] Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 26а. Л. 2. *Gosudarstvennyi arkhiv dokumentov noveishei istorii Kaluzhskoi oblasti* [State Archive of Documents on the Contemporary History of the Kaluga Region] (GADNIKO), fond P-1, series 6, file 26a, p. 2.

[8] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. 1922–1923. – С. 825. *"Sovershenno sekretno,"* Vol. 1, part 2, p. 825.

[9] Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. П-7. Оп. 1. Д. 348. Л. 9–10 об. *Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti* [State Archive of the Bryansk Region] (GABO), fond P-7, series 1, files 348, pp. 9–10 verso.

[10] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Т. 2. – С. 86. *Sovetskaya derevnya*... Vol. 2, p. 86.

[11] Неизвестная Россия. XX век: В 4 кн. Кн. 4. – М.: Мосгорархив, 1993. – С. 11–21; *Neizvestnaya Rossiya. XX vek* [Unknown Russia. The 20th century. In Russ.]. In 4 books. Book 4. Moscow, Mosgorarkhiv publ., 1993, pp. 11–21; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. 1922–1923. – С. 838. *"Sovershenno sekretno..."* Vol. 1, part 2, p. 838.

[12] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – Т. 2. 1924 г. – М. [Б. и.], 2001. – С. 30; *"Sovershenno sekretno": Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* ["Top secret": Lubyanka – to Stalin on the situation in the country (1922–34). In Russ.]. Vol. 2: 1924. Moscow, 2001, p. 30; Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. – С. 18–19; *Neizvestnaya Rossiya*... Book. 4, pp. 18–19; ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942. Л. 343, 345. GANISO, fond 3, series 1, file 1942, pp. 343, 345.

[13] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Т. 2. – С. 86. *Sovetskaya derevnya*... Vol. 2, p. 86.

[14] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1960. Л. 76. GANISO, fond 3, series 1, file 1960, p. 76; Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. – С. 14. *Neizvestnaya Rossiya*... Book 4, p. 14; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Т. 2. – С. 175. *Sovetskaya derevnya*... Vol. 2, p. 175.

[15] Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. – С. 17. *Neizvestnaya Rossiya*... Book 4, p. 17.

[16] *Азадовский, М. К.* Ленин в фольклоре // Памяти В. И. Ленина: Сб. ст. к десятилетию со дня смерти. 1924–1934. – М.; Л.: АН СССР, 1934. – С. 881–897; AZADOVSKII, M. K. *Lenin v fol'klore* [Lenin in folklore. In Russ]. IN: *Pamyati V.I. Lenina: Sb. statei k desyatiletiyu so dnya smerti. 1924–1934* [V. I. Lenin, in memoriam: Collected articles dedicated to the 10th anniversary of his death: 1924–34]. Moscow, Leningrad, AN SSSR publ., 1934, pp. 881–897; *Панченко, А. А.* Культ Ленина и «советский» фольклор // Одиссей. Человек в истории. Время и пространство праздника. – М., 2005. – С. 334–366. PANCHENKO, A. A. *Kul't Lenina i "sovetskii" fol'klor* [Lenin's cult and "Soviet" folklore. In Russ.]. IN: *Odissei. Chelovek v istorii. Vremya i prostranstvo prazdnika* [Odyssey: Man in history: Time and space of the celebration]. Moscow, 2005, pp. 334–366.

[17] ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1217. Л. 12. GABO, fond P-1, series 1, file 1217, p. 12.

[18] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1958. Л. 44. GANISO, fond 3, series 1, file 1958, p. 44; ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1217. Л. 2, 22, 24. GABO, fond P-1, series 1, files 1217, pp. 2, 22, 24.

[19] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942. Л. 343. GANISO, fond 3, series 1, file 1942, p. 343.

[20] Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2431. Л. 9. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvennykh ob"edinenii Gomel'skoi oblasti* [State Archive of Public Associations of the Gomel Region] (GAOOGO), fond 1, series 1, files 2431, p. 9.

[21] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. – С. 26. *"Sovershenno sekretno."* Vol. 2, p. 26.

[22] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1960. Л. 76. GANISO, fond 3, series 1, file 1960, p. 76; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Т. 2. – С. 188. *Sovetskaya derevnya*... Vol. 2, p. 188; Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. – С. 15. *Neizvestnaya Rossiya*... Book 4, p. 15.

[23] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Т. 2. – С. 28. *Sovetskaya derevnya*... Vol. 2, p. 28.

[24] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1953. Л. 109. GANISO, fond 3, series 1, file 1953, p. 109.

[25] Там же. Д. 1958. Л. 45. Ibid., file 1958, p. 45.

[26] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. – С. 26. *"Sovershenno sekretno."* Vol. 2, p. 26.

[27] Так в тексте, следует читать – нэпа.

[28] ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 91. Л. 2, 4. GADNIKO, fond P-1, series 7, file 91, pp. 2, 4.

[29] Так в тексте, следует читать – эсеры, члены партии социалистов-революционеров.

[30] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942. Л. 345. GANISO, fond 3, series 1, file 1942, p. 345.

[31] Там же. Д. 1932. Л. 137. Ibid., file 1932, p. 137.

[32] *Сарычева, А.* Мифологизация образа В. И. Ленина в газете «Правда» в 1924 г. // Медиаальманах. – 2017. – № 3. – С. 51. SARYCHEVA, A. *Mifologizatsiya obraza V. I. Lenina v gazete "Pravda" v 1924 g.* [Mythologization of the image of V. I. Lenin in the newspaper "Pravda" in 1924. In Russ.]. IN: *Media al'manakh*, 2017, no. 3, p. 51; ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942. Л. 345. GANISO, fond 3, series 1, file 1942, p. 345.

[33] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942. Л. 345. GANISO, fond 3, series 1, file 1942, p. 345.

[34] ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2431. Л. 9. GAOOGO, fond 1, series 1, file 2431, p. 9.

[35] Там же. Л. 8. Ibid., p. 8.

[36] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2586. Л. 15; Д. 1960. Л. 8, 59. GANISO, fond 3, series 1, file 2586, p.15; file 1960, pp. 8, 59.

[37] Там же. Д. 1932. Л. 33, 151. Ibid., file 1932, pp. 33, 151.

[38] Там же. Д. 1942. Л. 345. Ibid., file 1942, p. 345.

[39] ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1217. Л. 6. GABO, fond P-1, series 1, files 1217, p. 6.

[40] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2586. Л. 15. GANISO, fond 3, series 1, file 2586, p. 15.

[41] ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2431. Л. 11–11 об. GAOOGO, fond 1, series 1, file 2431, pp. 11–11 verso.

[42] ГАБО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 786. Л. 156. GABO, fond P-4, series 1, file 786, p. 156.

[43] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 106. Л. 62. RGAE, fond 396, series 2, file 106, p. 62.

[44] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2586. Л. 23. GANISO, fond 3, series 1, file 2586, p. 23.

[45] ГАБО. Ф. П-4. Оп.1. Д. 729. Л. 100–104, 107–109, 139, 144; Ф. П-6. Оп. 1. Д. 185. Л. 271. GABO, fond P-4, series 1, file 720, pp. 100–104, 107–109, 139, 144; Ibid., fond P-6, series 1, file 185, p. 271.

[46] ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 91. Л. 4; ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1066. Л. 5. GADNIKO, fond P-1, series 7, file 91, p. 4; GABO, fond P-1, series 1, file 1066, p. 5.

[47] ГАНИСО. Ф.3. Оп.1. Д.2586. Л.11. GANISO, fond 3, series 1, file 2586, p. 11.

[48] Там же. Л. 24 об. Ibid., p. 24 verso.

[49] Там же. Д. 1958. Л. 43–43 об.; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 105. Л. 33. Ibid., file 1958, pp. 43–43 verso. RGAE, fond 396, series 2, file 105, p. 33.

[50] ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2586. Л. 13. GANISO, fond 3, series 1, file 2586, p. 13.

[51] Там же. Л. 11. Ibid., p. 11.

[52] Там же. Д. 1958. Л. 43 об. Ibid., file 1958, p. 43 verso.

[53] Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 994. Л. 132. *Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti* [State Archive of the Orel Region] (GAOO), fond P-1, series 1, file 994, p. 132.

[54] ГАБО. П-1. Оп. 1. Д. 1217. Л. 95. GABO, fond P-1, series 1, file 1217, p. 95.

[55] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 105. Л. 26. RGAE, fond 396, series 2, file 105, p. 26.

[56] Там же. Л. 29 об. Ibid., p. 29 verso.

Список литературы

Азадовский, М. К. Ленин в фольклоре // Памяти В. И. Ленина: Сб. ст. к десятилетию со дня смерти. 1924–1934. – М.-Л.: АН СССР, 1934. – С. 881–897.

Виноградов, В. К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 1. Ч. 1. 1922–1923. – М.: [Б. и.], 2001. – С. 31–76.

Панченко, А. А. Культ Ленина и «советский» фольклор // Одиссей. Человек в истории. Время и пространство праздника. – М.: [Б. и.], 2005. – С. 334–366.

Сарычева, А. Мифологизация образа В. И. Ленина в газете «Правда» в 1924 г. // Медиаальманах. – 2017. – № 3. – С. 44–56.

References

AZADOVSKII, M. K. *Lenin v fol'klore* [Lenin in folklore. In Russ]. IN: *Pamyati V.I. Lenina: Sb. statei k desyatiletiyu so dnya smerti. 1924–1934* [V. I. Lenin, in memoriam: Collected articles dedicated to the 10th anniversary of his death: 1924–34]. Moscow, Leningrad, AN SSSR publ., 1934, pp. 881–897.

VINOGRADOV, V. K. *Ob osobennostyakh informatsionnykh materialov OGPU kak istochnika po istorii sovetskogo obshchestva* [On the features of the OGPU information materials as a source on the history of Soviet society. In Russ.]. IN: *"Sovershenno sekretno": Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* ["Top secret": Lubyanka – to Stalin on the situation in the country (1922–34). In Russ]. Vol. 2, part 2: 1922–23. Moscow, 2001, pp. 31–76.

PANCHENKO, A. A. *Kul't Lenina i "sovetskii" fol'klor* [Lenin's cult and "Soviet" folklore. In Russ.]. IN: *Odissei. Chelovek v istorii. Vremya i prostranstvo prazdnika* [Odyssey: Man in history: Time and space of the celebration]. Moscow, 2005, pp. 334–366.

SARYCHEVA, A. *Mifologizatsiya obraza V. I. Lenina v gazete "Pravda" v 1924 g.* [Mythologization of the image of V. I. Lenin in the newspaper "Pravda" in 1924. In Russ.]. IN: *Media al'manakh*, 2017, no. 3, pp. 44–56.

Сведения об авторах

Брянцев Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, кафедра теории и истории государства и права, заведующий кафедрой, г. Брянск, Российская Федерация, 8-920-854-29-05, bmwbox@mail.ru

About the authors

Bryantsev Mikhail Vasilievich, PhD in History, professor, Acad. I. G. Petrovsky Bryansk State University, department of theory and history of state and law, head of the department, Bryansk, Russian Federation, +7-920-854-29-05, bmwbox@mail.ru

В редакцию статья поступила 15.05.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Брянцев, М. В. «А хороший человек был Ленин, кто-то теперь?». Реакция населения на смерть В. И. Ленина // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 242–256. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-242-256

Submitted 15.05.2021, published (for citation):

BRYANTSEV, M. V. *"A khoroshii chelovek byl Lenin, kto-to teper'?". Reaktsiya naseleniya na smert' V. I. Lenina* ["Such a Good Man Lenin Was, and Who Is to Take His Place?": Reaction of the Population to the Death of V. I. Lenin. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 242–256. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-242-256

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47)+35.08+329.8
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-257-272

Анфертьев, И. А.
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Участие контрольных комиссий РКП(б) в составе Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции в формировании командно-административной системы СССР. 1923–1924 гг.

Anfertiev, Ivan A.
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Participation of the Control Commissions of the RCP (B) under the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection in the Formation of Command-and-Control System in the USSR: 1923–24

Аннотация
В статье анализируется процесс намеченного Центральным комитетом РКП(б) коренного улучшения советского государственного аппарата, запущенный в связи с болезнью и смертью В. И. Ленина в 1923–1924 гг. Остроту проблеме кадров и кадрового резерва придавала обострившаяся в ЦК РКП(б) борьба за наследие вождя и лидерство в правящей партии и советском государстве. В советской историографии данная проблема замалчивалась, в современной изучена недостаточно. Для восполнения историографических лакун автором использован метод источниковедения. Выявлено, что советские государственные служащие, занимая высокие должности на основании дореволюционного (подпольного) партийного стажа, в рассматриваемый период не всегда соответствовали квалификационным критериям занимаемой должности, многие из них в первую очередь заботились о собственном благополучии в ущерб порученному партией делу, участвовали в хищениях, поощряли протекционизм, имели

помимо жен любовниц, были окружены бюрократами и личностями с сомнительным прошлым и настоящим. Принятые в 1923–1924 гг. административные меры по сокращению государственного аппарата наркоматов на 12–40% не дали желаемого результата, так как вместо ожидаемого сокращения фонда заработной платы произошло его увеличение на 100%, т. е. в два раза, за счет роста так называемых специальных ставок оплаты руководящему составу и специалистам. В качестве паллиатива XIII партийный съезд наметил усилить деятельность объединенной Центральной контрольной комиссии РКП(б) и Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК–НК РКИ). В 1923–1924 гг. члены региональных партийных коллегий участвовали в наиболее важных обследованиях советских органов и учреждений совместно с сотрудниками Наркомата РКИ. Массовые проверки проходили одновременно по советской и по партийной линии. Партийные руководители и государственные служащие проверялись новыми партийно-государственными ревизорами в формате «троек» на соответствие занимаемым постам, выявлялись конфликты между руководителями – членами партии и беспартийными сотрудниками, вскрывались факты коррупции, оппозиционных настроений, мелкобуржуазного уклона, омещанивания, пьянства, бытового разложения. Вместе с тем при вынесении наказаний «тройкам» рекомендовалось учитывать общий низкий культурный уровень руководителей – выдвиженцев из бывших рабочих и крестьян, а также представителей национальных республик. По окончании проверок региональным партийным коллегиям рекомендовалось и впредь «приглядывать» за крупными хозяйственными руководителями, но с пониманием относиться к их недостаткам. Выявлено, что партийные коллегии контрольных комиссий, рассматривая дела о нарушениях, по замыслу руководства ЦК РКП(б), не должны были превращаться исключительно в судебные органы, больше внимания следовало уделять профилактике негативных явлений, привлечению общественности и прессы. Введение массового контроля за руководящими кадрами ускорило формирование командно-административной системы со всеми ее достоинствами и недостатками в советской России.

Abstract
The article analyzes the process of radical improvement of Soviet state apparatus outlined by the Central Committee of the RCP (B) and launched in connection with the illness and death of V.I. Lenin in 1923–24. The personnel (and personnel reserve) problem was aggravated by bitter struggles for inheritance and leadership over the party and Soviet state

within the Central Committee of the RCP (B). In Soviet historiography, this problem was hushed up; in modern historiography it remains insufficiently studied. To fill in the historiographic gaps, the author uses method of source study. It has been revealed that in the studied period, Soviet civil servants, who occupied their high positions on the basis of pre-revolutionary (underground) party experience, did not meet the qualification criteria; many of them cared about their own well-being to the detriment of the case the party entrusted with, embezzled, encouraged protectionism, had mistresses, and were surrounded by bureaucrats and personalities with dubious past and present. Administrative measures adopted in 1923–24 to reduce the state apparatus of the People's Commissariats by 12–40 percent did not produce the desired result: the payroll not only failed to decrease, it actually grew by 100 percent due to the so-called special rates of payment for management personnel and specialists. As a palliative measure, the 13th Party Congress planned to strengthen the Central Control Commission of the RCP (B) and the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection. In 1923–24, members of regional party boards and personnel of the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection conducted important surveys of the Soviet bodies and institutions. Mass checks were run simultaneously in Soviet and party agencies. Party leaders and civil servants were checked by "troikas" of party and state auditors for adequacy to their posts; conflicts between party leaders and non-party employees were revealed, as well as facts of corruption, opposition, petty-bourgeois bias, drunkenness, domestic corruption, etc. Imposed punishments, however, were to take into account the low cultural level of managers from former workers and peasants or representatives of national republics. Following the inspections, the regional party boards were recommended "to keep an eye" on managers, while treating their shortcomings with understanding. It has been revealed that according to the plans of the Central Committee of the RCP (B), party collegiums of control commissions were not to turn into purely judicial bodies considering cases of misconduct, they were to prevent the negative phenomena. Introduction of massive control over leading personnel accelerated the formation of the command-and-control system in Soviet Russia, with all its advantages and disadvantages.

Ключевые слова
Архивный документ, источник, правящая РКП(б), новая экономическая политика, Центральная контрольная комиссия РКП(б), Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции, ЦКК–НК РКИ, партийные репрессии, апелляция, В. В. Куйбышев, И. В. Сталин.

Keywords
Archival document, source, ruling RCP (B), New Economic Policy, Central Control Commission of the RCP (B), People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection, Central Control Commission-People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection, party repressions, appeal, V. V. Kuibyshev, J. V. Stalin.

Период 1923–1924 гг. оказался для правящей РКП(б) крайне сложным. С окончанием Гражданской войны, уходом из жизни В. И. Ленина требовалось оперативно разрешить комплекс экономических проблем: остановить рост разницы цен в городе и в деревне, принять меры по снижению уровня недовольства крестьян. Внутрипартийное положение РКП(б) также обострилось из-за отсутствия единства взглядов на роль и место выдвиженцев из партийного аппарата, сопутствующих их положению привилегий на этапе перехода к мирной жизни, что усиливало панические настроения в среде партийцев. К рассмотрению данных проблем обращались Т. А. Абракова[1], И. Г. Иванцов[2], Д. В. Кадочников[3], Ю. Н. Тимкин[4]. В основе исследования – комплекс архивных документов[5].

В период перехода к новой экономической политике в партии и за ее пределами возникли оппозиционные группы «Рабочая правда», «Рабочая группа в РКП» с требованиями о проведении забастовок и переходу к борьбе с советской властью, организацией по инициативе рабочих самостоятельной партии, борющейся с РКП(б). Руководителям партии пришлось принимать карательные меры, заниматься «разложением изнутри» оппозиции[6]. Прорыв оппозиционного «гнойника», по выражению председателя Центральной контрольной комиссии РКП(б) и наркома Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК–НК РКИ) В. В. Куйбышева, случился в декабре 1923 г., когда получилось, что оппозиция «стягивает вокруг себя, объединяет все худшее, что имеется в нашей партии». Поэтому основной удар проверочных комиссий, создаваемых по решению XII съезда РКП(б), пришелся на советские (государственные) и вузовские ячейки, в которых проявились «наиболее карьеристские, наиболее шкурнические

элементы»[7]. Новой чистке подверглись непролетарские ячейки в четырех губерниях: Московской, Ленинградской, Пензенской и Одесской. В каждом из этих регионов создавались «тройки», в состав которых в основном входили бывшие революционеры-подпольщики, рабочие от станка и партийные выдвиженцы из рабочих. Вычищали из партии скомпрометировавших себя корыстолюбцев, имеющих незаслуженные привилегии и отметившиеся в других злоупотреблениях. В 1924 г. чистки продолжились.

К тому времени в регионах советской России насчитывалось 116 контрольных комиссий – окружных, губернских, областных, автономных и союзных республик[8], которым предстояло заниматься чисткой непролетарских партийных организаций. В мае 1924 г., после XIII съезда РКП(б) и первого пленума нового состава ЦКК, избравшего президиум, был определен состав партколлегии из семи членов ЦКК: Е. М. Ярославского, А. А. Сольца, Н. Ф. Панова, П. Ф. Сахаровой, С. И. Филлер, Н. П. Крумина и А. П. Васильевой. На очередном пленуме президиума ЦКК число членов партколлегии увеличилось до девяти: Е. М. Ярославский, Н. Ф. Панов, А. А. Сольц, А. П. Васильева, С. И. Филлер, С. Н. Смидович, П. Н. Караваев, А. С. Шаповалов и Н. Г. Гуськов[9]. На первом организационном заседании пленум партийной коллегии закрепил своих членов по районам. Рабочим аппаратом партколлегии являлись: пленум партколлегии, тройки членов ЦКК, следователи и сотрудники информационного сектора. Тройки составлялись из одного члена партколлегии и двух членов ЦКК, непосредственно в составе партколлегии не работающих, в порядке очереди[10]. При разногласиях в тройках партколлегии дела передавались на разрешение пленума партколлегии, а также на повторное изучение дела. К середине сентября 1924 г. в работе находилось 38 персональных дел[11]. Аппарат партийных следователей в 1924 г. увеличился до 12 сотрудников из-за необходимости работы по апелляциям, по принятым региональными контрольными комиссиями решениям, а также из-за поступления дел по проверке членов партии. Информационный сектор был включен в организационно-инструкторский отдел ЦКК при Наркомате РКИ.

Документы свидетельствуют, что до 1924 г. из всех видов партийных взысканий, применяемых региональными контрольными комиссиями, на первом месте по их количеству – исключение из партии[12]. Но уже в 1924 г. отношение к партийцам заметно смягчилось, основным взысканием стало объявление выговора. Так, из 8 186 привлеченных в 1924 г. к ответственности членов РКП(б) выговор объявили 43%, в то время как за второе полугодие 1923 г. выговорам было подвергнуто только 37%.

В 1924 г. выговоры членам РКП(б) применялись за следующие проступки: пьянство – 61,1%, склока – 52,6%, халатное исполнение служебных обязанностей – 46%, нарушение партийной дисциплины – 45,1%, нарушение коммунистической этики – 42,5%. При этом выговор объявлялся и рабочим, и крестьянам, но ответственным работникам (служащим) выговор выносился чаще, чем рядовым партийцам. Так, из общего числа наказанных ответственных работников выговор получили 44%, а рядовые коммунисты только 41,9%. Кроме того, были освобождены от ответственных постов 226 партийцев (2,8%), переведено на производство 95 (1,2%), восстановлены в партии 820 ее членов (10%). В 1924 г. подготовлены и направлены в регионы: положение о партийных заседателях (введены только в промышленных губерниях); отчет об участии рабкоров центральных и местных газет в заседаниях троек партколлегии; отчеты о работе троек в партийных организациях фабрик Москвы[13].

Общие итоги работы партколлегии, например, с 15 мая по 1 августа 1924 г. выглядели так: региональными «тройками» рассмотрены 950 дел по результатам проверки[14]. Наказанные члены партии имели право подать апелляции в ЦКК РКП(б).

Анализ данных, приведенных в таблицах 1 и 2, свидетельствует о том, что процент восстановленных партколлегией ЦКК в 1924 г. по сравнению с тем же периодом 1923 г. заметно повысился в отношении рабочих и служащих, а в отношении крестьян – значительно снизился. Тому, что снисхождением пользовались в сравнении с рабочими и служащие, объяснение одно – под служащими понимаются ответственные партийные работники, прежние рабочие, поднявшиеся по партийной

карьерной лестнице. Наиболее суровое наказание, а именно так в соответствии с уставом следует рассматривать исключение из рядов партии, на практике применялось в воспитательных целях, так как влекло за собой отстранение от высоких должностей, лишение привилегий, прежних заслуг. Наличие процедуры апелляций в ЦКК, таким образом, являлось своего рода лазейкой, позволяющей сохранить кадровый состав партии, раскаявшимся поверить и поручить им новые, менее значимые, но и более опасные участки партийной, советской, хозяйственной работы. В связи с этим в этот период широко практиковался метод партийных мобилизаций.

Таблица 1

Социальное положение членов РКП(б), подавших с 15 мая по 1 августа 1924 г. апелляции в Центральную контрольную комиссию РКП(б)

Социальные группы	Подано апелляций	Из них исключено в регионах	Исключено ЦКК РКП(б)
Рабочие	112	74	22
Крестьяне	44	35	19
Служащие	176	153	93
Прочие	28	18	13
Итого	360	280	147

Таблица 2

Социальное положение членов РКП(б), восстановленных по апелляции в 1923–1924 гг. Центральной контрольной комиссией РКП(б)

Социальные группы	Восстановлены в партии за период 1923 г. (в процентах)	Восстановлены в партии за период 1924 г. (в процентах)
Рабочие	56,2	70,3
Крестьяне	54	45,7
Служащие	28	39,2
Прочие	–	27,7

Таблица 3

Сведения
об исключенных из РКП(б) рабочих и крестьян
с 15 мая по 1 августа 1924 г. по отношению к роду занятий

Социальный статус членов РКП(б)	Апеллировали	Исключены из партии региональными контрольными комиссиями	Исключены ЦКК РКП(б)
Рабочие по пункту «а»	18	12	7
Рабочие по пункту «б»	94	60	16
Крестьяне по пункту «а»	1	1	1
Крестьяне по пункту «б»	39	30	18
Итого	152	103	42

Примечание. В таблице 3 указаны члены РКП(б): рабочие по пункту «а» – числившиеся на производстве (от станка); крестьяне по пункту «а» – занимающиеся сельским хозяйством без применения наемного труда (от сохи); рабочие и крестьяне по пункту «б» – в прошлом рабочие и крестьяне, выдвинутые на ответственную партийную, советскую и хозяйственную работу, являвшиеся фактически на тот период служащими.

Таблица 4

Сведения
о восстановленных в РКП(б) рабочих и крестьянах
в 1923–1924 гг. по отношению к роду занятий

Социальный статус членов РКП(б)	Восстановлены ЦКК РКП(б) за первое полугодие 1923 г. (в процентах)	Восстановлены ЦКК РКП(б) за первое полугодие 1924 г. (в процентах)
Рабочие по пункту «а»	69,3	41,6
Рабочие по пункту «б»	58,0	73,3
Крестьяне по пункту «а»	80,0	100,0
Крестьяне по пункту «б»	45,5	40,0

Данные таблиц 3 и 4 свидетельствуют, что количество исключенных рабочих от станка возросло, что свидетельствует о намерении правящей партии, сохраняя кадровый резерв за счет рядовых рабочих, предъявлять к ним и повышенные требования. Рабочих по пункту «б», т. е. ответственных работников из рабочей среды, ЦКК в 1924 г. восстановила заметно больше, чем в 1923 г. Это свидетельствует о том, что за нарушения, включая уголовные преследования, ответственные работники преследовались, но проявлялась к ним снисходительность с учетом их прежних заслуг в революции и Гражданской войне.

В отношении крестьян по пункту «б», т. е. ответственных работников из крестьянской среды, процент восстановленных понизился, из чего можно сделать вывод, что избавлялись и «очищали» партию от малообразованных, профессионально неподготовленных к ответственной руководящей работе членов РКП(б), допустивших, к тому же, серьезные проступки. Что же касается рабочих по пункту «б», то повышение процента восстановленных по этой группе указывает на то, что в регионах контрольные комиссии встали на путь жесткости в целом в отношении ответственных работников. По занимаемой должности общие проценты восстановленных ответственных и рядовых партийцев остались почти без изменений. Исключения из партии за преступления по должности и уголовные преступления, как правило, подтверждались партколлегией ЦКК РКП(б).

Объяснить это обстоятельство можно тем, что после смерти В. И. Ленина в связи с обострением борьбы за власть в высшем партийном слое, независимо от результата схватки в Кремле, требования к единству рядов, повышению партийной дисциплины, безусловному выполнению директив вышестоящих партийных органов возросли в первую очередь к партийцам, занимавшим ключевые посты в региональных партийных, советских, профсоюзных, хозяйственных органах. Руководство партии сделало все возможное, чтобы информация об острых политических схватках в борьбе за власть не распространилась за пределы кремлевских стен, не приобрела масштабный характер, не распространилась на региональный

уровень. На общем фоне хозяйственных трудностей, кризисного состояния государственной промышленности, в связи с введением элементов нэпа, нараставшего социального расслоения возникла опасность обрушения всей партийной вертикали, с таким трудом отстроенной после окончания Гражданской войны.

Таблица 5

Сведения о количестве взысканий, вынесенных членам и кандидатам в члены партии региональными контрольными комиссиями за второе полугодие 1923 г. – первое полугодие 1924 г.

Партийный стаж членов РКП(б)	Количество взысканий, вынесенных членам и кандидатам в члены партии в 1923 г. (в процентах)	Количество взысканий, вынесенных членам и кандидатам в члены партии в 1924 г. (в процентах)
Дореволюционный партийный стаж («подпольщики»)	2,7	3,7
Стаж с февраля по октябрь 1917 г.	4,0	4,2
Стаж с 1917 по 1919 г.	44,3	36,5
Стаж с 1920 по 1923 г.	30,1	36,0
Кандидаты в члены партии	8,1	12,4
Кандидаты в члены партии ленинского призыва	–	1,5
Прочие	10,5	5,6

Значительную разницу, почти в десять раз, первых двух категорий (дореволюционный стаж и стаж 1917 г.) по сравнению с третьей и четвертой категориями (1917–1919 гг. и 1920–1923 гг.) можно объяснить тем, что после 1920 г. в РКП(б) на основании решения II конгресса Коминтерна в массовом добровольном порядке были приняты в члены РКП(б) представители других коммунистических и социа-

листических партий – левые эсеры, меньшевики, коммунисты-максималисты и др. Однако вскоре после этого начался и обратный процесс – добровольного выхода из рядов правящей РКП(б), а также и исключения всех тех, кто до 1920 г. входил в другие партии.

Таблица 6

Сведения о количестве взысканий, вынесенных членам и кандидатам в члены партии региональными контрольными комиссиями РКП(б)

Причины наказания	Второе полугодие 1923 г. (в процентах)	Первое полугодие 1924 г. (в процентах)
Склока	3,1	4,2
Пьянство	24,0	28,6
Религиозные обряды	4,3	3,4
Нарушение партийной дисциплины	26,4	27,2

Сведения в таблице 6 приведены по 36 регионам СССР.

Из приведенных в таблице 6 данных видно, что наибольшее количество наказаний – за пьянство, на втором месте – дисциплинарные проступки, по всей вероятности, за оппозиционные настроения.

Таким образом, введение массового контроля за руководящими кадрами ускорило формирование командно-административной системы уже в условиях новой экономической политики, со всеми ее достоинствами и недостатками, отразившимися впоследствии в советской России. Анализ материалов о применении партийных взысканий партколлегиями региональных контрольных комиссий свидетельствует о том, что общий процент привлеченных к числу членов организаций в 1923–1924 гг. несколько понизился. Общий процент исключенных в 1924 г. понижался по сравнению с 1923 г. за счет увеличения общего применения предупредительных мер за нарушение партийной этики и норм партийного устава,

особенно в отношении рядовых членов партии. Процент исключенных рабочих уменьшался в большей степени, чем процент исключенных крестьян, а последний уменьшался в большей степени, чем процент исключенных служащих. При исключении из партии региональные контрольные комиссии проявляли осторожность и снисходительность в отношении рабочих, занятых непосредственно на производстве; в отношении крестьян, занятых в сельском хозяйстве, такая тенденция не просматривалась. ЦК РКП(б) и будущий лидер советской России усматривали кадровый резерв государственного аппарата прежде всего в рабочем классе, отчасти в беднейших слоях крестьянства, значительно в меньшей степени в интеллигенции.

Примечания / Notes

[1] *Абракова, Т. А.* Органы партийно-государственного контроля в системе губернской власти в 1923–1929 гг. На материалах Нижегородской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 1999. – 166 с. ABRAKOVA, T. A. *Organy partiino-gosudarstvennogo kontrolya v sisteme gubernskoi vlasti v 1923–1929 gg.: Na materialakh Nizhegorodskoi gubernii. Dis. ... kand. ist. nauk* [Bodies of party-state control in the system of gubernia authority in 1923–29: Based on materials of the Nizhny Novgorod gubernia. Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Nizhny Novgorod, 1999, 166 p.

[2] *Иванцов, И. Г.* Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б) 1920–1929 гг. На материалах Кубани. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. – 24 с. IVANTSOV, I. G. *Rol' vnutripartiinogo kontrolya v ukreplenii i razvitii VKP (b) 1920–1929 gg.: Na materialakh Kubani. Avtoref. Diss. ... kand. ist. nauk* [The role of internal party control in strengthening and development of the AUCP (B) in 1920–29: Based on materials of the Kuban: Cand. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Krasnodar, 2005, 24 p.; *Иванцов, И. Г.* Участие региональных контрольных комиссий ВКП(б) и органов рабоче-крестьянских инспекций Наркомата РКИ в репрессиях в начале 1930-х гг. На архивных материалах Кубани и Дона // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 904–915. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-904-915. IVANTSOV, I. G. *Uchastie regional'nykh kontrol'nykh komissii VKP(b) i organov raboche-krest'yanskikh inspektsii Narkomata RKI v repressiyakh v nachale 1930-kh gg. Na arkhivnykh materialakh Kubani i Dona* [Participation of the Regional Control Commissions of the AUCP (B) and Bodies of Workers' and Peasants' Inspections of the Rabkrin in the

Repressions of the Early 1930s: Archival Materials of the Kuban and Don. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2021, no. 3, pp. 904–915. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-904-915

[3] *Кадочников, Д. В.* Документы контрольных комиссий ВКП(б) по Уральской области как исторический источник по борьбе с коррупцией в регионе // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 8. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 167–172. KADOCHNIKOV, D. V. *Dokumenty kontrol'nykh komissii VKP (b) po Ural'skoi oblasti kak istoricheskii istochnik po bor'be s korruptsiei v regione* [Documents of the control commissions of the AUCP (B) in the Ural region as a historical source on fighting corruption in the region. In Russ.]. IN: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity. In Russ.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta publ., 2008, no. 8, pp. 167–172.

[4] *Тимкин, Ю. Н.* Губернская контрольная комиссия РКП(б) 1921–1923 гг. в борьбе с распадом партийных организаций. По архивным материалам Вятской губернии // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 482–495. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-482-495.TIMKIN, Yu. N. *Gubernskaya kontrol'naya komissiya RKP(b) 1921–1923 gg. v bor'be s raspadom partiinykh organizatsii. Po arkhivnym materialam Vyatskoi gubernii* [Gubernia Control Commission of the RCP (B) Fighting the Disintegration of Party Organizations in 1921–23: Archival Materials of the Vyatka Gubernia. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2021, no. 2, pp. 482–495. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-482-495

[5] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): Ф. 17 – Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991); Ф. 52 – Тринадцатый съезд РКП(б) (1924); Ф. 89 – Ярославский Емельян Михайлович (наст. Губельман Миней Израилевич) (1878–1943); Ф. 558 – Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953); Ф. 589 – Комитет партийного контроля при ЦК КПСС (КПК) (1952–1991); Ф. 613. – Центральная контрольная комиссия ВКП(б) (ЦКК) (1920–1934); Оп. 1 – протоколы пленумов, президиума, секретариата, партколлегии и «партийных троек» ЦКК; Оп. 2 – протоколы Центральной проверочной комиссии ЦКК (1924–1926); Оп. 3, 4 – Положения, циркуляры, директивы, отчеты и сводки о работе ЦКК.

[6] См.: Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 265. *Trinadtsatyi siyezd RKP(b). Mai 1924 goda. Stenograficheskii otchet* [The 13th Congress of the RCP (B). May 1924. Verbatim record. In Russ.]. Moscow, Gospolitizdat publ., 1963, p. 265.

[7] Там же. – С. 267. Ibid., p. 267.

[8] Бюллетень ЦКК РКП(б) и НК РКИ. – 1924. – № 21. – С. 7. *Byulleten' TsKK RKP (b) i NK RKI*, 1924, no. 21, p. 7.

[9] Из состава партколлегии ЦКК исключены Н. П. Крумин и П. Ф. Сахарова, введены С. Н. Смидович, Н. Н. Караваев, А. С. Шаповалов и Н. Г. Гуськов.

[10] Заседатели от рабочих парторганизаций в 1924–1925 гг. не принимали участия в работе партколлегии ЦКК, т. к. Московский комитет РКП(б) не провел их перевыборы.

[11] Все постановления пленума партколлегии и троек партколлегии утверждались постановлениями секретариата и президиума ЦКК РКП(б), а после окончания разбора дел, как и протоколы, направлялись на согласование с Оргбюро ЦК РКП(б).

[12] О масштабах партийных репрессий только за 1923 г. свидетельствуют такие цифры: привлечено к ответственности рабочих 16 754, из них исключено 4 461 (28%); крестьян 15 000, исключено 7 000 (46%); служащих – более 9 000, исключено 3 947 (35%). См.: Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 272. *Trinadtsatyi si"yezd RKP(b). Mai 1924 goda. Stenograficheskii otchet* [The 13th Congress of the RCP (B). May 1924. Verbatim record. In Russ.]. Moscow, Gospolitizdat publ., 1963, p. 272.

[13] В газете «Правда», например, в мае–июле 1924 г. было опубликовано около 20 заметок и статей о работе контрольных комиссий РКП(б).

[14] В среднем, как показывают протоколы заседаний, в течение одного рабочего дня в партколлегии рассматривалось до 30 дел.

Список литературы

Абракова, Т. А. Органы партийно-государственного контроля в системе губернской власти в 1923–1929 гг. На материалах Нижегородской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 1999. – 166 с.

Иванцов, И. Г. Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б) 1920–1929 гг.: На материалах Кубани. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. – 24 с.

Иванцов, И. Г. Участие региональных контрольных комиссий ВКП(б) и органов рабоче-крестьянских инспекций Наркомата РКИ в репрессиях в начале 1930-х гг. На архивных материалах Кубани и Дона // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 904–915. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-904-915

Кадочников, Д. В. Документы контрольных комиссий ВКП(б) по Уральской области как исторический источник по борьбе с коррупцией в регионе // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 8. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 167–172.

Тимкин, Ю. Н. Губернская контрольная комиссия РКП(б) 1921–1923 гг. в борьбе с распадом партийных организаций. По архивным материалам Вятской губернии // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 482–495. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-482-495

References

ABRAKOVA, T. A. *Organy partiino-gosudarstvennogo kontrolya v sisteme gubernskoi vlasti v 1923–1929 gg.: Na materialakh Nizhegorodskoi gubernii. Dis. ... kand. ist. nauk* [Bodies of party-state control in the system of gubernia authority in 1923–29: Based on materials of the Nizhny Novgorod gubernia. Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Nizhny Novgorod, 1999, 166 p.

IVANTSOV, I. G. *Rol' vnutripartiinogo kontrolya v ukreplenii i razvitii VKP (b) 1920–1929 gg.: Na materialakh Kubani. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [The role of internal party control in strengthening and development of the AUCP (B) in 1920–29: Based on materials of the Kuban: Cand. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Krasnodar, 2005, 24 p.

IVANTSOV, I. G. *Uchastie regional'nykh kontrol'nykh komissii VKP(b) i organov raboche-krest'yanskikh inspektsii Narkomata RKI v repressiyakh v nachale 1930-kh gg. Na arkhivnykh materialakh Kubani i Dona* [Participation of the Regional Control Commissions of the AUCP (B) and Bodies of Workers' and Peasants' Inspections of the Rabkrin in the Repressions of the Early 1930s: Archival Materials of the Kuban and Don. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2021, no. 3, pp. 904–915. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-904-915

KADOCHNIKOV, D. V. *Dokumenty kontrol'nykh komissii VKP (b) po Ural'skoi oblasti kak istoricheskii istochnik po bor'be s korruptsiei v regione* [Documents of the control commissions of the AUCP (B) in the Ural region as a historical source on fighting corruption in the region. In Russ.]. IN: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity. In Russ.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta publ., 2008, no. 8, pp. 167–172.

TIMKIN, Yu. N. *Gubernskaya kontrol'naya komissiya RKP(b) 1921–1923 gg. v bor'be s raspadom partiinykh organizatsii. Po arkhivnym materialam Vyatskoi gubernii* [Gubernia Control Commission of the RCP (B) Fighting the Disintegration of Party Organizations in 1921–23: Archival Materials of the Vyatka Gubernia. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2021, no. 2, pp. 482–495. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-482-495

Сведения об авторах

Анфертьев Иван Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, исторический факультет, кафедра истории России новейшего времени, профессор, г. Москва, Российская Федерация, 8-916-252-28-22, vestarchive@gmail.com

About the authors

Anfertiev Ivan Anatolievich, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, History and Archives Institute, department of contemporary history of Russia, professor, Moscow, Russian Federation, +7-916-252-28-22, vestarchive@gmail.com

**В редакцию статья поступила 10.06.2021 г.,
опубликована (для цитирования):**

Анфертьев, И. А. Участие контрольных комиссий РКП(б) в составе Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции в формировании командно-административной системы СССР. 1923–1924 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 257–272. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-257-272

Submitted 10.06.2021, published (for citation):

ANFERTIEV, I. A. *Uchastie kontrol'nykh komissii RKP(b) v sostave Narkomata Raboche-krest'yanskoi inspektsii v formirovanii komandno-administrativnoi sistemy SSSR. 1923–1924 gg.* [Participation of the Control Commissions of the RCP (B) under the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection in the Formation of Command-and-Control System in the USSR: 1923–24. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 257–272. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-257-272

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47)+82-6+325.2
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-273-284

Михальченко, С. И., Ткаченко, Е. В.
Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского, г. Брянск,
Российская Федерация

Неопубликованные письма А. Д. Билимовича из Королевства сербов, хорватов и словенцев В. В. Шульгину как исторический источник. 1921–1926 гг.

Mikhalchenko, Sergey I., Tkachenko, Elena V.
Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University,
Bryansk, Russian Federation

Unpublished Letters Written by A. D. Bilimovich in the Kingdom of Slovenes, Croats and Serbs and Addressed to V. V. Shulgin as a Historical Source (1921–26)

Аннотация
История русской эмиграции первой волны продолжает оставаться актуальной темой исследования ученых, множество сюжетов остаются малоизученными. Тем важнее привлечение новых источников, среди которых важное место занимает эпистолярное наследие русских эмигрантов. Роль переписки как ценного исторического источника неоднократно характеризовалась в науке. Для истории эмиграции, где набор источников зачастую ограничен, письма особенно важны. При этом в последнее время особое внимание обращено к анализу не

столько отдельных писем, сколько эпистолярных комплексов, имеющих большую информационную ценность. Статья посвящена анализу хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) писем известного ученого-экономиста, в 1920-е – 1940-е гг. профессора Люблянского университета А. Д. Билимовича его зятю – знаменитому политическому деятелю и журналисту В. В. Шульгину. В фонде Шульгина в ГАРФ сохранились 18 писем за январь 1921 – апрель 1926 гг. (Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 88). Анализ писем авторами показал, что в них поднимаются три основных вопроса. Во-первых, автор писем подробно информирует адресата о начале своей жизни и работы в словенской Любляне, о том, как он осваивает словенский язык, о начале преподавания в местном университете. Характеризуются плюсы и минусы инкорпорации русских эмигрантов в югославянскую среду. Второй важнейшей темой писем является предпринятая А. Д. Билимовичем в 1923–1924 гг. попытка организации русского издательства в Белграде. Среди возможных организаторов-пайщиков издательства указываются известные ученые-эмигранты Е. В. Спекторский, Ф. В. Тарановский, Ан. Д. Билимович и другие. Первой книгой, которую рассчитывало выпустить в свет издательство, должно было стать исследование Спекторского «Христианство и культура». Упоминание книги как завершенной к декабрю 1923 г. является важнейшим фактом истории создания этого одного из важнейших теолого-культурологических сочинений русской эмиграции. Ранее хронологические рамки написания книги были совершенно не прояснены. В дальнейшем предполагалось издание иной учебной, научной и художественной литературы. Идея организации издательства не смогла реализоваться из-за недостатка средств. Третьей темой писем А. Д. Билимовича является организация им «Русской Матицы» – в дальнейшем одной из важнейших общественных организаций эмиграции на Балканах. Эмиграция в Европу многих тысяч русских явилась стимулом к организации «Русской Матицы». Из писем следует, что одной из главных причин организации Матицы оказались неудачи А. Д. Билимовича на издательском поприще. В письмах рассказывается о практической работе А. Д. Билимовича по организации работы «Русской Матицы» в 1924–1926 гг. Характеризуется работа по информированию общественности о новой организации эмиграции, о возникновении четырех филиалов в югославских городах. Таким образом, впервые вводимый в статье в научный оборот эпистолярный комплекс – письма А. Д. Билимовича В. В. Шульгину – позволяют уточнить и прояснить ряд важных моментов истории русской эмиграции первой волны 1920-х гг.

Abstract
While the history of the first wave of Russian emigration remains a significant research topic, many subjects remain poorly studied. It is important to use new sources, among which epistolary heritage of the Russian emigrants occupies an important place. The role of correspondence as a valuable historical source has been repeatedly assessed in scholarship. For the history of emigration with its limited range of sources, letters are especially valuable. However, in recent years, special attention has been drawn to the analysis not so much of individual letters, but of epistolary complexes with great informational value. The article is to analyze the letters of A. D. Bilimovich, famous economist, professor at the University of Ljubljana (1920s–40s), to his son-in-law, famous politician and journalist V. V. Shulgin. The Shulgin fond in the State Archive of the Russian Federation has preserved 18 letters for January 1921 – April 1926 (fond R-5974, series 1, file 88). Analysis of the letters has showed that they raised three main issues. Firstly, the author informed his addressee in detail about the beginning of his life and work in Slovenian Ljubljana, described how he had learned the Slovenian language and begun teaching at the local university. He characterized the pros and cons of incorporation of the Russian emigrants into the Yugoslavian environment. The second most important subject was Bilimovich's attempt to organize a Russian publishing house in Belgrade undertaken in 1923–24. Among possible organizers-shareholders were the well-known émigré scholars E. V. Spektorsky, F. V. Taranovsky, An. D. Bilimovich, and others. The first book, which the publishing house hoped to publish, was Spektorsky's "Christianity and Culture." The book was mentioned as completed in December 1923, which is an important fact in the history of creation of this well-known theological and cultural work of the Russian emigration. Previously, the chronological frameworks for its writing were quite unclear. Further publication of educational and scientific literature and fiction was planned. The publishing plans remained unrealized due to lack of funding. The third subject of the Bilimovich's letters was his organizing of "Russian Matica" – later, one of the most important public organizations of emigration in the Balkans. The emigration of many thousands of the Russians to Europe was an incentive for the organization of the "Russian Matica." It follows from the letters that one of the main reasons for the Matica was Bilimovich's failure in the publishing field. The letters tell about Bilimovich's practical work on organizing the "Russian Matica" activities in 1924–26, on informing the public of this new organization, and on the emergence of its four branches in Yugoslav cities. Thus, the epistolary complex (letters from A. D. Bilimovich to

V. V. Shulgin), which the article introduces in the scientific use for the first time, makes it possible to clarify a number of important points in the history of the Russian emigration of the first wave of the 1920s.

Ключевые слова
Исторические источники, письма ученых, русская эмиграция на Балканах, Королевство сербов, хорватов и словенцев, А. Д. Билимович, Е. В. Спекторский, В. В. Шульгин, «Русская Матица».

Keywords
Historical sources, letters of scientists, Russian emigration in the Balkans, Kingdom of Slovenes, Croats and Serbs, A. D. Bilimovich, E. V. Spektorsky, V. V. Shulgin, “Russian Matica.”

Важность эпистолярного наследия ученых как исторического источника неоднократно отмечалась в литературе. Причем в последнее время исследователи обращают внимание на важность анализа именно эпистолярных комплексов, а не отдельных писем, поскольку только это «позволяет наиболее полно раскрыть их информационный потенциал»[1]. Особое значение имеют письма ученых-эмигрантов, поскольку для истории эмиграции проблема верификации данных в связи с малодоступностью и ограниченностью источников остается весьма серьезной[2]. Одним из таких эпистолярных комплексов, позволяющих дополнить и уточнить многие важные сведения из истории эмиграции, как представляется, являются письма А. Д. Билимовича В. В. Шульгину.

Александр Дмитриевич Билимович (1876–1963) – выдающийся отечественный экономист, к 1920 г. прошедший традиционный для деятеля науки и высшего образования путь[3]. Окончив в 1900 г. юридический факультет университета св. Владимира в Киеве, он затем был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре политической экономии и статистики, в 1904 г. начал преподавательскую деятельность в alma-mater, в 1909 г. там же защитил магистерскую диссертацию, а в 1915 г. в Петроградском университете стал доктором политической экономики и статистики. К революции 1917 г. он подошел ординарным профессором университета св. Владимира. Будучи человеком весьма кон-

сервативных взглядов, А. Д. Билимович принимал активное участие в Белом движении, состоял членом Особого совещания при А. И. Деникине. В 1920 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), где вскоре обосновался в словенской Любляне, став профессором открытого там годом ранее университета. После Второй мировой войны А. Д. Билимович жил в США, где преподавал в Калифорнийском университете в Беркли. Скончался в 1963 г. За долгую жизнь А. Д. Билимович написал немало писем, которые хранятся как в отечественных архивохранилищах, так и за рубежом[4]. Среди них важное место занимают письма известному политическому деятелю и его зятю Василию Витальевичу Шульгину (А. Д. Билимович был женат первым браком на его сестре Алле Витальевне). В фонде В. В. Шульгина в Государственном архиве Российской Федерации сохранилось 18 писем (в том числе 4 открытки) за январь 1921 – апрель 1926 г.

Первый важный вопрос, который поднимается в письмах, – размещение и начало работы русских эмигрантов в словенской части Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также языковые сложности.

«Сначала было очень трудно из-за языка, теперь уже легче; не только читаю лекции по-словенски, но и экзаменую на этом языке, – писал А. Д. Билимович В. В. Шульгину 30 января 1921 г. – Мог ли я подумать, что придется вместо Киева читать в Любляне на словенском языке. Все-таки политическая экономия выручила. Живем пока стесненно, в одной комнате загородного отеля. Жалование профессора здесь небольшое, но все же хватает на жизнь»[5]. Он фактически призывал самого себя «справиться с эмигрантской тоской», осваивать словенский язык («смесь церковнославянского с малорусским, через него с русским и с какими-то наслоениями Западной Европы – немецкого, латинского, сербского (с ним он очень близок)»[6]). 1920–1921 академический год А. Д. Билимович был занят почти исключительно учебной деятельностью (восстанавливал курс, текст которого не смог вывезти из России), занимался изучением языка и обустройством быта на новом месте. Выучить язык он смог не сразу и только в письме от 19 февраля 1922 г. извещал адресата, что уже в значительной

мере с ним освоился. «Читаю по-словенски 5 часов в неделю, веду практические занятия на словенском языке и экзаменую по-словенски. Кое-что уже напечатал по-словенски»[7].

Второй важной темой писем А. Д. Билимовича В. В. Шульгину является попытка организации издательской деятельности. Этот вид работы А. Д. Билимович считал важнейшей частью просвещения эмиграции, в особенности, молодежи. Уже 1 апреля 1921 г. он предложил В. В. Шульгину «организовать издание брошюр и листка вроде бывшего «Освобождения» Струве или «Искры» социал-демократов, которая для России и удобства провоза печаталась на папиросной бумаге. И разными путями направлять эти листки в Россию. Это, как показала работа русских революционеров за границей, вовсе не такая бесплодная вещь. Она подготовляет настроение, направляет мысли и чувства в одну сторону и помогает тому, что в благоприятный момент все, не сговариваясь даже, знают, что им делать. Но только это все следует делать по возможности конспиративно, чтобы большевики не могли легко парировать»[8]. Однако в письме от 19 февраля 1922 г. А. Д. Билимович констатировал, что практической контрреволюционной деятельностью в России заниматься сложно («пожар начинает спадать») и важно именно просвещение[9].

В ноябре 1923 г., во время пребывания в Белграде, А. Д. Билимович провел переговоры с группой русских профессоров Белградского университета на предмет создания русского издательства. Было решено «создать акционерное общество или товарищество на паях с паем по 1000 динар». Согласились участвовать, кроме самого инициатора, его брат известный математик Ан. Д. Билимович, юристы Е. В. Спекторский и Ф. В. Тарановский, медик В. И. Теребинский, экономист П. Б. Струве, причем последний обещал найти финансовую помощь в Праге. В качестве первой книги к изданию «избрали только что законченную книгу Спекторского «Христианство и культура» размером ок. 15 лл.». Далее предполагалось издать ряд учебных и художественных книг, в том числе на сербском языке. А. Д. Билимович полагал, что «создать русское издательство и стать в этом деле независимыми от берлинских еврейских и других издательств – это <...> очень

важное дело, а вместе с тем вложение капитала»[10]. Чрезвычайно актуальной представляется информация о книге Е. В. Спекторского – юриста, философа, историка, бывшего коллеги А. Д. Билимовича по Киевскому университету. Ученых связывали дружеские отношения, о чем свидетельствует их сохранившаяся переписка[11]. В середине 1920-х гг. Е. В. Спекторский преподавал на Русском юридическом факультете в Праге. Под воздействием революционных событий в Европе, будучи свидетелем разрушающегося привычного мироустройства, Е. В. Спекторский в эти годы сформулировал концепцию кризиса государства, которую в приложении к религии изложил в обширной книге «Христианство и культура». В ней он показывает, как влияет христианство на разные стороны человеческой деятельности. Книга сразу оказалась в центре полемики после своего выхода, интерес к ней не спадает и по сей день. Между тем, история ее создания не ясна. В мемуарах ученого упоминается, что она была принята в пражское издательство «Пламя» по рекомендации П. И. Новгородцева и издана там в 1925 г.[12] Ни одно из последних по времени исследований этого сочинения Е. В. Спекторского вообще не поднимает вопроса о времени создания произведения[13]. Из письма же А. Д. Билимовича следует, что книга была готова еще в конце 1923 г., но издать ее тогда не удалось. Таким образом, следует предположить, что время создания книги относится к первому белградскому периоду жизни ученого.

Потерпело фиаско и намерение А. Д. Билимовича издать другие упомянутые в письме книги. Уже через полгода он разочарованно информировал В. В. Шульгина, что издательство «не вытанцевалось», так как организаторы не смогли собрать нужного количества денег. «От П. Б. Струве я не получил не только денег из Праги, о которых он говорил мне, но и ответа, – замечал А. Д. Билимович. – Очевидно, денег не удалось достать, и это смущает его. С грустью приходится это дело считать неудавшимся».

Третья важная тема писем А. Д. Билимовича – зарождение идеи, создание и первые годы существования просветительской организации «Русская Матица». Мысли о создании подобной организации высказывались еще в 1921 г. на Первом

съезде русских ученых в Праге, но тогда до практического завершения дело не дошло[14]. Как следует из писем, на практическую стезю идея создать Русскую Матицу – «т. е. национальную, культурную, просветительскую организацию, которая разбросала бы свои ветви в Югославии, Чехии, Болгарии, насколько удастся в Польше, Литве, Эстонии, Латвии, Германии и т. д., везде, где есть русские» – перешла в 1922 г. По мнению А. Д. Билимовича, эта организация должна была быть «внепартийная, но национальная... Организация внеполитическая, но, конечно, как все национальные, играющая свою политическую роль»[15].

В брошюре, прокламировавшей создание новой общественной организации, о начале ее деятельности А. Д. Билимович пишет скупо: «Сознавая необходимость сделать скромные, но конкретные шаги, группа русских, живущих в Любляне, созвала в Любляне 9 марта 1924 г. предварительное собрание, на котором сделано было сообщение о Р[усской] М[атице] и предложен проект Устава»[16]. И лишь письма ученого позволяют с высокой степенью вероятности предположить, что решающим толчком к созданию Русской Матицы была неудача создания русского издательства в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. «Я не хочу окончательно сдаваться и теперь занят другим. 9 марта [1924 г.] по моей инициативе русские, живущие в Любляне, решили основать “Русскую Матицу”, – сообщал он В. В. Шульгину. – На днях утвержден ее устав. Я посылаю в русские газеты статью с призывом вступить в члены “Русской Матицы” и открывать ее отделения. Строим “Русскую Матицу” по образу многочисленных славянских матиц ...». Таким образом, по крайней мере, на первых порах матица виделась А. Д. Билимовичу как во многом реинкарнация неудавшегося издательства. «Одна из главных задач матицы – это издание народных и популярных книг и учебников», – писал он[17].

А. Д. Билимович активно взялся за дело. Все письма В. В. Шульгину второй половины 1924 г. наполнены информацией о разворачивании деятельности Русской Матицы. «Недавно Русская Матица устроила в Любляне выставку русских книг и графики, – сообщал он 22 июня 1924 г. – Конечно,

наша выставка была меньше пражской (там больше 10 000 книг, у нас 2 000). Но она ознакомила Любляну с русской эмигрантской книгой. На днях выйдет из печати наш устав, пришлю его Вам. В ближайшее время отпечатана будет моя брошюра «Русская Матица»[18]. И брошюра, и устав были посланы В. В. Шульгину. Далее на повестке дня – начало выпуска учебной литературы. 16 декабря того же года А. Д. Билимович делился с адресатом идеей «издать школьную книгу “Русские святители” или “Святители земли Русской”, или “Святая Русь”»[19].

В апреле 1925 г. А. Д. Билимович информировал В. В. Шульгина об открытии четырех отделений матицы в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, в том числе в Загребе, Баня Луке и Нови-Саде[20]. Дальнейшая история матицы в письмах не отражена, поскольку переписка А. Д. Билимовича и В. В. Шульгина за более поздние годы в ГАРФ не сохранилась. Однако и те сведения, которые содержатся в письмах, делают их весьма ценным источником по истории возникновения и организации деятельности этого важного общественного объединения российской эмиграции на Балканах, просуществовавшего до 1945 г.[21]

Таким образом, охарактеризованный эпистолярный комплекс представляется весьма ценным историческим источником. Он позволяет уточнить важные моменты истории эмиграции: детали размещения эмигрантов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, особенности их издательской деятельности в этом государстве, а также организацию и начало деятельности в середине 1920-х гг. общественно-просветительской организации «Русская Матица».

Примечания / Notes

[1] *Кобак, И. В.* Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. – 2012. – № 2. – С. 145. KOBAK, I. V. *Pis’ma kak istoricheskii istochnik: zadachi i priyomy izucheniya* [Letters as a historical source: Tasks and methods of study. In Russ.]. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the St. Petersburg University. Series: History], 2012, no. 2, p. 145.

[2] *Измозик, В. С.* Письма российских эмигрантов середины двадцатых годов как исторический источник // Из истории российской эмиграции. – СПб.: Третья Россия, 1992. – С. 48–52. IZMOZIK, V. S. *Pis'ma rossiiskikh emigrantov serediny dvadtsatykh godov kak istoricheskii istochnik* [Letters of Russian emigrants of the mid-1920s as a historical source. In Russ.]. IN: *Iz istorii rossiiyskoi emigratsii* [From the history of Russian emigration. In Russ.]. St. Petersburg, Tret'ya Rossiya publ., 1992, pp. 48–52.

[3] *Корицкий, Э. Б., Щербаковский, Г. З.* Мир идей Билимовича // *Билимович, А. Д.* Введение в экономическую науку. – СПб.: Росток, 2007. – С. 9–62. KORITSKII, E. B., SHCHERBAKOVSKII, G. Z. *Mir idei Bilimovicha* [The world of Bilimovich's ideas. In Russ.]. IN: BILIMOVICH, A. D. *Vvedenie v ekonomicheskuyu nauku* [Introduction to the Economics. In Russ.]. St. Petersburg, Rostok publ., 2007, p. 9–62.

[4] *Михальченко, С. И., Ткаченко, Е. В.* Личные фонды русских эмигрантов в Архиве Республики Словении // Вестник архивиста. – 2018. – № 4. – С. 1217–1230. doi 10.28995/2073-0101-2018-4-1217-1230. MIKHALCHENKO, S. I., TKACHENKO, E. V. *Lichnye fondy russkikh emigrantov v Arkhive Respubliki Slovenii* [Personal Provenance Fonds of Russian Emigrants in the Archives of the Republic of Slovenia. In Russ.]. IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2018, no. 4, pp. 1217–1230. doi 10.28995/2073-0101-2018-4-1217-1230

[5] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 88. Л. 1. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond R-5974, series 1, file 88, p. 1.

[6] Там же. Л. 3. Ibid., p. 3.

[7] Там же. Л. 6. Ibid., p. 6.

[8] Там же. Л. 2 об. Ibid., p. 2 verso.

[9] Там же. Л. 6. Ibid., p. 6.

[10] Там же. Л. 1, 7, 7 об. Письмо от 2 декабря 1923 г. Ibid., pp. 1, 7, 7 verso. Letter dated December 2, 1923.

[11] *Михальченко, С. И., Ткаченко, Е. В.* Письма Е. В. Спекторскому в Архиве Республики Словении в Любляне // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем. Вып. 4. – Смоленск: СмолГУ, 2018. – С. 230–234. MIKHALCHENKO, S. I., TKACHENKO, E. V. *Pis'ma E. V. Spektorskomu v Arkhive Respubliki Slovenii v Lyublyane* [Letters to E. V. Spektorsky in the Archives of the Republic of Slovenia in Ljubljana. In Russ.]. IN: *Rossiya i Belarus: istoriya i kul'tura v proshlom i v nastoyashchem* [Russia and Belarus: History and culture in the past and in the present. In Russ.]. Smolensk, SmolGU publ., 2018, issue 4, pp. 230–234.

[12] *Спекторский, Е. В.* Воспоминания. – Рязань: Издатель П. А. Трибунский, 2020. – С. 413. SPEKTORSKY, E. V. *Vospominaniya* [Memoires. In Russ.]. Ryazan, P. A. Tribunsky publ., 2020, p. 413.

[13] *Бойко, П. Е., Бойко, Л. А.* Философия христианской культуры Е. В. Спекторского в контексте идейной реформации современного

мира // *Спекторский, Е. В.* Христианство и культура. – М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. – С. 7–30. BOIKO, P. E., BOIKO, L. A. *Filosofiya khristianskoi kul'tury E. V. Spektorskogo v kontekste ideinoi reformatsii sovremennogo mira* [E.V. Spektorsky's philosophy of the Christian culture in the context of the ideological reformation of the modern world. In Russ.]. IN: SPEKTORSKY, E.V. *Khristianstvo i kul'tura* [Christianity and culture. In Russ.]. Moscow, Tsentr strategicheskoy kon"yunktury publ., 2013, pp. 7–30.

[14] *Билимович, А. Д.* Русская Матица. – Любляна: Издание Русской Матицы, 1924. – С. 7. BILIMOVICH, A. D. *Russkaya Matitsa* [Russian Matica. In Russ.]. Ljubljana, Russkaya Matitsa publ., 1924, p. 7.

[15] ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 88. Л. 1, 6 об. GARF, fond R-5974, series 1, file 88, p. 1, 6 verso.

[16] *Билимович, А. Д.* Указ. соч. – С. 7. BILIMOVICH, A. D., 1924, p. 7.

[17] Там же. Л. 8. Письмо от 16 марта 1924. Ibid., p. 8. Letter dated March 16, 1924.

[18] ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 88. Л. 1. Л. 11-11 об. GARF, fond R-5974, series 1, file 88, pp. 11–11 verso.

[19] Там же. Л. 12–12 об. Ibid., pp.12–12 verso.

[20] Там же. Л. 13. Письмо от 11.04.1925 г. Ibid., p.13. Letter dated April 11, 1924.

[21] *Брглез, А.* Организации русских эмигрантов в Словении // Россия и современный мир. – 2016. – № 4. – С. 200. BRGLEZ, A. *Organizatsii russkikh emigrantov v Slovenii* [Organizations of Russian emigrants in Slovenia. In Russ.]. IN: *Rossiya i sovremennyi mir,* 2016, no. 4, p. 200.

Список литературы

Брглез, А. Организации русских эмигрантов в Словении // Россия и современный мир. – 2016. – № 4. – С. 193–200.

Кобак, И. В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. – 2012. – № 2. – С. 142–148.

Михальченко, С. И., Ткаченко, Е. В. Личные фонды русских эмигрантов в Архиве Республики Словении // Вестник архивиста. – 2018. – № 4. – С. 1217–1230. doi 10.28995/2073-0101-2018-4-1217-1230

References

BRGLEZ, A. *Organizatsii russkikh emigrantov v Slovenii* [Organizations of Russian emigrants in Slovenia. In Rus.]. IN: *Rossiya i sovremennyi mir,* 2016, no. 4, pp. 193–200

KOBAK, I. V. *Pis'ma kak istoricheskii istochnik: zadachi i priyomy izucheniya* [Letters as a historical source: Tasks and methods of study. In Russ.]. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the St. Petersburg University. Series: History], 2012, no. 2, pp. 142–148.

MIKHALCHENKO, S. I., TKACHENKO, E. V. *Lichnye fondy russkikh emigrantov v Arkhive Respubliki Slovenii* [Personal Provenance Fonds of Russian Emigrants in the Archives of the Republic of Slovenia. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2018, no. 4, pp. 1217–1230. doi 10.28995/2073-0101-2018-4-1217-1230

Сведения об авторах

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Институт экономики, истории и права, директор института, 8-483-258-05-31, доб. 1245, smikh10@mail.ru

Ткаченко Елена Викторовна, кандидат исторических наук, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Институт экономики, истории и права, доцент, 8-483-258-05-31, доб. 1404, vishnja.78@mail.ru

About the authors

Mikhalchenko Sergey Ivanovich, PhD in History, professor, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University, director of the Institute of Economics, History, and Law, Bryansk, Russian Federation, +7-483-258-05-31, extension 1245, smikh10@mail.ru

Tkachenko Elena Victorovna, PhD in History, I. G. Petrovsky Bryansk State University, Institute of Economics, History, and Law, assistant professor, Bryansk, Russian Federation, +7-483-258-05-31, extension 1404, vishnja.78@mail.ru

Сведения о грантах

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44015.

Grant information

The research has been funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 21-011-44015.

В редакцию статья поступила 31.07.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Михальченко, С. И., Ткаченко, Е. В. Неопубликованные письма А. Д. Билимовича из Королевства сербов, хорватов и словенцев В. В. Шульгину как исторический источник. 1921–1926 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 273–284. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-273-284

Submitted 31.07.2021, published (for citation):

MIKHALCHENKO, S. I., TKACHENKO, E. V. *Neopublikovannye pis'ma A. D. Bilimovicha iz Korolevstva serbov, khorvatov i sloventsev V. V. Shul'ginu kak istoricheskii istochnik. 1921-1926 gg.* [Unpublished Letters Written by A. D. Bilimovich in the Kingdom of Slovenes, Croats and Serbs and Addressed to V. V. Shulgin as a Historical Source (1921– 26). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 273–284. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-273-284

Научная статья / Scientific article
УДК 94(47).084.8+94(57)+394-055.2
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-285-296

Мамонтова, М. А.
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Фролова, А. А.
Омский государственный технический университет,
г. Омск, Российская Федерация

Повседневность женщин Ишима в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Mamontova, Marina A.
F. M. Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russian Federation

Frolova, Alena A.
Omsk State Technical University,
Omsk, Russian Federation

Daily Life of the Ishim Women in the Days of the Great Patriotic War of 1941–45

Аннотация
В статье рассматривается социальная и культурная роль женщин в условиях тылового быта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на материалах города Ишима и Ишимского района Тюменской области. В основу исследования легли впервые вводимые в научный оборот архивные материалы Ишимской обувной фабрики,

Ишимского музейного комплекса П. П. Ершова, Государственного архива в Ишиме, музея Ишимского медицинского колледжа, Ларихинского школьного музея. Делопроизводственная документация отражает официальный уровень восприятия бытовых проблем, содержит количественные показатели деятельности предприятий тыла, источники личного происхождения дают возможность более глубоко понять события на индивидуальном уровне, восстановить картину быта женщин Ишима в годы Великой Отечественной войны, показать тяжести военной повседневности. Историко-антропологический подход с пристальным вниманием к специфике женского письма позволил выделить такие особенности женского мировосприятия, как эмоциональность, максимальная детализация в описании несвойственных для нее «мужских дел». В исследовании показано, что с началом войны происходит изменение положения женщины, появление в ее повседневности мужских профессий, опасных для здоровья и требующих огромных затрат сил. Воспоминания тружениц тыла демонстрируют трудности быта и способы преодоления проблем, особенности проживания в условиях уплотнения населения, специфику питания при острой нехватке продовольствия, активность в организации помощи фронту и эвакуированным, оживление досуга и поддержание уверенности в победе в условиях военного времени. Одновременно женщина продолжает выполнять традиционные функции, связанные с содержанием дома и воспитанием детей, с заботой о семье и близких, здоровье окружающих и борьбе с многочисленными болезнями военного времени, поддержкой и обеспечением быта эвакуированных из Ленинграда детей. В годы войны женщина несла важную социальную функцию, связанную с созданием особой духовной атмосферы, одновременно примиряющей с жестокой военной действительностью и сохраняющей надежду на возврат к мирному времени. Отсюда и формировался императив поведения большинства женщин «работать не под плач, а под пение». Материалы статьи могут быть использованы в обобщающих исследованиях по изучению тыловой повседневности в годы Великой Отечественной войны в качестве эмпирического материала по сибирскому региону, а также при подготовке научно-популярных изданий и учебного материала для студентов и школьников.

Abstract

The article considers the social and cultural role of women under the rear living conditions in the days of Great Patriotic War on the example of Ishim and the Ishim district of the Tyumen region. The study draws on

archival materials of the Ishim Shoe Factory, Ishim Museum Complex of P. P. Ershov, State Archive in Ishim, Ishim Medical College Museum, Larikha School Museum, which are being thus introduced into scientific use. Records keeping documents represent the formal perception of challenges in the way of life and contain quantitative data of the home front enterprises, while personal provenance sources provide a greater awareness of things at an individual level and draw a picture of women's everyday living in Ishim in the days of the Great Patriotic War, showing all the severity of the wartime. Historical and anthropological approach, focusing on the specificity of feminine writing, highlights such features of the feminine world perception as emotionalism and great detailing of "male business." The study shows the changing status of women with the outbreak of the war. Male professions, which were dangerous to human health and needed a greater amount of energy, entered the women's daily life. The memoirs of home front workers tell of the difficulties of everyday life and of ways to overcome the challenges; describe the specificities of living in densely populated accommodations and of nutrition in acute food shortage; showcase their active assistance to the army and evacuees; demonstrate revitalization of leisure activities and their confidence in victory. At the same time, women maintained their traditional social roles relating to house-keeping and child-rearing; care for family, loved ones, and other people; fighting numerous wartime diseases; supporting children evacuated from Leningrad. In the wartime, women had an important social function: they created a special spiritual atmosphere, helping to reconcile with the cruel military reality, to preserve the hope of peace. Thus imperative of the behavior of the majority of women was formed: "to work not with tears, but with song." The material of the article can be used in general research of the rear living conditions during the Great Patriotic War, in study of the Siberian region, as well as in preparation of popular science publications and educational material for students and schoolchildren.

Ключевые слова
Исторические источники, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., история повседневности, тыл, Ишим, женщины, социальные гендерные роли.

Keywords
Historical sources, Great Patriotic War of 1941–45, everyday life history, home front, Ishim, women, social gender roles.

В современной исследовательской литературе на фоне увеличения интереса к военной повседневности[1] тема положения женщин в тылу оказывается менее востребованной и слабоизученной[2]. Недостаточное внимание уделяется воспоминаниям тружениц тыла, собранным в последние десятилетия. Проблема изменения положения женщин в условиях тылового быта при обращении к истории Великой Отечественной войны на региональном уровне является менее востребованной в отличие от боевых подвигов земляков. Это и определило обращение к данной проблеме на материалах города Ишима и Ишимского района, входящих в 1934–1944 гг. в состав Омской области, а после переданных в созданную Тюменскую область. Для изучения повседневности женщин в годы войны были использованы делопроизводственные документы (отчеты и протоколы заседаний городского Совета народных депутатов[3], приказы и отчеты по деятельности Ишимской обувной фабрики[4]), воспоминания современников, материалы периодической печати региональной газеты «Серп и молот». Делопроизводственная документация позволяет увидеть официальную сторону положения женщин в тылу, условия ее труда, изменения обязанностей и ужесточение ответственности. Воспоминания представлены несколькими комплексами источников, отложившимися в Ишимском музейном комплексе П. П. Ершова[5], музее Ишимского медицинского колледжа, архиве Ларихинского школьного музея. Источники личного происхождения помогают восстановить картину быта женщин Ишима в годы Великой Отечественной войны, представить их отношение к событиям повседневной жизни. Несомненно, воспоминания носят субъективный характер и отражают личное восприятие писавшего, поэтому при работе с ними следует учитывать индивидуальные особенности автора, период написания воспоминаний, свойства памяти.

В годы войны мобилизационные и эвакуационные процессы сделали женщину главной фигурой тыла. На нее легла основная нагрузка в разных сферах жизни общества, в первую очередь, оборонной промышленности. В это время в Ишим были эвакуированы военный завод № 6, завод автоприцепов,

обувная фабрика, механический завод, Ладейнопольский завод. Все эти предприятия должны были в короткий срок наладить свое производство. Приказы и отчеты показывают объем полученных заданий. Например, обувная фабрика в третьем квартале 1942 г. должна была изготовить сандалии в количестве 215 000 пар. Воспоминания тружениц тыла дополняют эти сухие цифры красочными деталями, указывающими на трудности организации производства: «С первых дней эвакуации мы стремились полностью обеспечить нужды фабрики... самостоятельно заготавливали и перевозили торф, ходили на заготовку в любую погоду. Торфом топили временные бараки, в которых шли работы. Шили на ручных швейных машинах, электрического освещения не было, поэтому рабочий день совпадал со световым. Многие женщины были из деревень, домой после работы они не уезжали, оставались спать на полу в цехе»[6]. Производство обуви велось одновременно со строительством основных цехов, и рабочие вынуждены были не только шить обувь, но и своими руками изготавливать саманные кирпичи для здания фабрики, заготавливать топливо на зиму. 4 июля 1942 г. фабрика получила директиву из Омского обкома о заготовке торфа на прилегающих к городу территориях, к 15 августа было заготовлено 200 тонн торфа[7]. В числе рабочих были в основном девушки 15–17 лет, на плечи которых легли все организационные вопросы. По воспоминаниям Марии Петровны Осинцевой, «каждый день работали в одну смену. Утром получали текстиль и кожтовары. Уже в бригаде определялось задание. Все делали вручную... Трудно было, но никто не жаловался. Мы понимали, так надо для победы над врагом»[8].

С самых первых дней войны женщины столкнулись с тяжелыми условиями военной повседневности, поэтому и акцентировали внимание на появлении в их деятельности «мужских дел»: рубить лес, заготавливать торф, делать саманные кирпичи. «Мужской характер» некоторые девушки проявляли при исполнении должностных обязанностей. Так, в документах Ишимского винно-водочного завода хранится приказ о награждении ночного сторожа О. К. Дементьевой, задержавшей преступника, пытавшегося похитить спирт с предприятия[9].

Важной составляющей повседневности в тылу становится помощь фронту. В Ишиме к 24-й годовщине Красной армии трудящиеся города собрали для бойцов 1 283 посылки массой 22 тонны, куда положили сливочное масло, мясные туши, жареную свинину и баранину, жареных кур и гусей, печенье, баранки, сухари, махорку и вино[10]. Для жителей тыла, испытывающих постоянный голод, такие посылки были сравнимы с подвигом: «Как-то на фронт отправляли сало, мы его паковали и грузили, мы совсем молоденькие девчонки стояли у вагонов и нюхали, как вкусно оно пахло. Но никто из нас не взял и кусочка»[11].

Состояние постоянного голода было неотъемлемой чертой военной повседневности, с чем столкнулись женщины. Рабочие предприятий и члены их семей отоваривались по карточкам, суточная норма хлеба для них составляла 200–250 граммов, но этого явно не хватало в тяжелых условиях труда. Как отмечали очевидцы тех лет, от голода спасал картофель, в пищу шли даже картофельные очистки: их сушили в печи, потом толкли в ступе и варили вместе с перемолотой в мясорубке морковью[12]. В пищу употребляли щавель, лебеду, крапиву, ягоды, сушеные листья растений и даже водяные лилии[13].

Помимо новых обязанностей за женщиной сохранялись ее традиционные роли. На них лежала забота о семье, детях, эвакуированных в город жителях, новых соседях. В связи с массовой эвакуацией резко увеличилось количество жителей города и района (в 1942 г. почти на треть – до 41 000 человек), при этом значительно сократились нормы жилой площади (в два раза – до 4 м на человека). На этом фоне происходило уплотнение, которое в свою очередь заставляло прилагать дополнительные усилия по обустройству быта не только для себя, но и для приезжих: «Старый дом моего деда был построен для жизни и удобства одной семьи. Смежные комнаты отапливались круглой печью – «голландкой». Двери... забили. В результате мы отапливали новых жильцов, а сами жили в плохо нагревающейся комнате, и пищу нам негде было готовить»[14].

На плечи женщин также легла забота о здоровье окружающих. Условия войны актуализируют проблему гигиены

и роста различных болезней, о чем свидетельствуют воспоминания медицинской сестры Чикеревой: «Бороться с многочисленными эпидемиями было трудно, так как не хватало мыла и бань, кожные заболевания лечили промыванием и сульфидином по 9 месяцев, ежедневно ходили на промывание»[15]. Серьезным испытанием для женщин стала геморрагическая лихорадка, свирепствующая в первые два года войны[16]. Однако далеко не все болезни удавалось остановить или вылечить. Серьезной проблемой оставался туберкулез, от которого гибли в основном дети, причем быстро, в течение двух месяцев.

Эвакуированные дети были главной заботой женщин[17]. «По решению исполкома Омского областного Совета депутатов трудящихся «О размещении эвакуированных детей из г. Ленинграда» необходимо было подготовить в городах и селах помещения, оборудовав их топчанами или кроватями, столами и табуретами, предусмотреть столовые и кухни»[18]. Из средств областного бюджета было выделено 257 000 рублей с последующим восстановлением их за счет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся[19]. В декабре 1941 г. 220 эвакуированных детей разместилось в Ларихинском интернате, сразу же начался сбор средств на их содержание. Призыв «Эвакуированным детям – материнскую заботу», опубликованный в местной газете «Серп и молот», активно поддержало местное население. Так, по инициативе учителей Орловской начальной школы было собрано 5 мешков картофеля, 45 литров молока, 32 кг капусты[20].

Несмотря на условия военного времени, женщина оставалась активным организатором досуга и создателем такой духовной атмосферы, которая позволяла забыть о тяготах военного быта. В большинстве воспоминаний отмечают песню как важное духовное лекарство от повседневных невзгод и трагических известий. Отсюда и формировался императив поведения женщины «работать не под плач, а под пение»[21]. Ярче всего запоминались праздники. Посреди военной повседневности они воспринимались как недолгий быстротечный возврат к мирной жизни: «Скорлупа из-под яйца при помощи красок и чернил приобретала лицо то Деда Мороза,

то Клоуна. Из крашеной бумаги клеили гирлянды. Работали и пели песни»[22].

Таким образом, делопроизводственные документы и воспоминания, отложившиеся в архивах г. Ишима и Ишимского района, позволяют увидеть изменение социальной и культурной роли женщин в условиях военной повседневности. Женщины вынуждены были осваивать мужские профессии, выполнять сложные трудовые функции, преодолевать повседневные проблемы военного времени, связанные с ухудшением обеспеченности продуктами и средствами гигиены, сложной эпидемиологической обстановкой. К ним также добавилась забота об эвакуированных из центральных районов страны работниках предприятий, детях Ленинграда. Ценность таких исторических источников заключается в том, что они показывают субъективную сторону повседневности женщин, дополняя сухие количественные показатели о произведенной продукции или собранных средствах эмоциональным описанием бытовых проблем и способов их преодоления.

Примечания / Notes

[1] *Анисимова, Н. Э.* Подростки на московских предприятиях: военная повседневность (1941–1942) // Российская история. – 2019. – № 5. – С. 50–58. ANISIMOVA, N. E. *Podrostki na moskovskikh predpriyatiyakh: voennaya povsednevnost' (1941–1942)* [Teenage workers of the Moscow enterprises: The wartime mundanity (1941–42). In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2019, no. 5, pp. 50–58; *Красноженова, Е. Е., Кулик, С. В., Кулинок, С. В.* Повседневная жизнь ленинградского студенчества в период оккупации и блокады: 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина) // Вопросы истории. – 2020. – № 8. – С. 76–83. KRASNOZHENOVA, E. E., KULIK, S. V., KULINOK, S. V. *Povsednevnaya zhizn' leningradskogo studenchestva v period okkupatsii i blokady: 1941–1944 gg. (na materialakh Leningradskogo politekhnicheskogo instituta im. M. I. Kalinina)* [Daily life of the Leningrad students under occupation and blockade: 1941–44: Materials of the M.I. Kalinin Leningrad Polytechnic Institute. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2020, no. 8, pp. 76–83.

[2] *Реброва, И. В.* Женская повседневность в экстремальной ситуации: по материалам устных и письменных воспоминаний женщин о Великой Отечественной войне // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 605–630.

REBROVA, I. V. *Zhenskaya povsednevnost' v ekstremal'noi situatsii: po materialam ustnykh i pis'mennykh vospominanii zhenshchin o Velikoi Otechestvennoi voine* [Women's everyday life in an extreme situation: Oral and written memoirs of women about the Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Rossiiskaya povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenii* [Russian everyday life in the mirror of gender relations. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2013, pp. 605–630; *Палецких, Н. П.* Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности: на материалах Урала периода Великой Отечественной войны // Социум и власть. – 2018. – № 5 (73). – С. 121–129. PALETSKIKH, N. P. *Semeino-bytovye aspekty tylovoi povsednevnosti: na materialakh Urala perioda Velikoi Otechestvennoi voiny* [Family and household aspects of everyday life in the rear areas: A case study of the Urals during the Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Sotsium i vlast'*, 2018, no. 5 (73), pp. 121–129.

[3] Государственный архив в г. Ишиме (ГАгИ). Ф. Р-752. Оп. 1. Д. 4. *Gosudarstvennyi arkhiv v g. Ishime* [State Archives in Ishim] (GAgI), fond R-752, series 1, file 4.

[4] Архив Ишимской обувной фабрики (АИОФ). Коробка 1. Папка 1. *Arkhiv Ishimskoi obuvnoi fabriki* [Archive of the Ishim shoe factory] (AIOF), box 1, folder 1.

[5] Ишимский музейный комплекс П. П. Ершова (ИМК). Картон 1. *Ishimskii muzeinyi kompleks P. P. Ershova* [P. P. Ershov Ishim Museum Complex] (IMK), cardboard 1.

[6] АИОФ. Коробка 1. Папка 1. Л. 4. AIOF, box 1, folder 1, p. 4.

[7] Там же. Л. 3. Ibid., p. 3.

[8] ГАгИ. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 1. Л. 17. GAiG, fond R-953, series 1, file 1, p. 17.

[9] Там же. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 3а. Л. 9. Ibid., fond R-195, series 1, file 3a, p. 9.

[10] Ишим и Приишимье: страницы истории: коллективная монография. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2013. – С. 346. *Ishim i Priishim'e: stranitsy istorii: kollektivnaya monografiya* [Ishim and the Ishim region: Pages of history: Collective monograph. In Russ.]. Ishim, Izd-vo IGPI im. P. P. Ershova publ., 2013, p. 346.

[11] АИОФ. Коробка 1. Папка 1. Л. 4. AIOF, box 1, folder 1, p. 4.

[12] Воспоминания Н. В. Генкуленко. Воспоминания жителей Ишима представляют собой листы размером А4, собранные и классифицированные по авторству, сшитые в одну папку. Данный материал был собран сотрудниками Ишимского медицинского колледжа для организации музея. В настоящее время материал хранится в музее «Городская управа» Ишимского музейного комплекса П. П. Ершова.

[13] Из интервью с В. Ф. Новиковой. Материал представляет из себя листы А4, текст напечатан на письменной машинке. Воспоминания были собраны учителями истории с. Лариха для школьного музея. В настоящее время материал хранится в сельской администрации с. Лариха.

[14] *Деева, Н. В.* О днях минувших вспоминая. – Ишим, 2014. – С. 32. DEEVA, N. V. *O dnyakh minuvshikh vspominaya* [Remembering the past days. In Russ.]. Ishim, 2014, p. 32.

[15] ИМК. Картон 1. Л. 15. IMK, cardboard 1, p. 15.

[16] ГАгИ. Ф. Р-752. Оп. 1. Д. 4. Л. 264. GAgI, fond R-752, series 1, file 4, p. 264.

[17] *Сушко, А. В., Носова, М. С.* Дети Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 330–347. SUSHKO, A. V., NOSOVA, M. S. *Deti Leningrada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Children of Leningrad in the days of the Great Patriotic War. In Russ.]. IN*: Noveishaya istoriya Rossii*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 330–347.

[18] *Сушко, А. В., Носова, М. С.* «Дети вышли из всякого терпения ждать посулы, написали письмо тов. СТАЛИНУ...». Спецзаписка начальника районного отделения НКВД о размещении эвакуированных детей из города Ленинграда в Калачинском районе Омской области // Вестник архивиста. – 2020. – № 1. – С. 236–248. doi 10.28995/2073-0101-2020-1-236-248. SUSHKO, A. V., NOSOVA, M. S. *"Deti vyshli iz vsyakogo terpeniya zhdat' posuly, napisali pis'mo tov. STALINU...". Spetszapiska nachal'nika raionnogo otdeleniya NKVD o razmeshchenii evakuirovannykh detei iz goroda Leningrada v Kalachinskom raione Omskoi oblasti* ["The Children Lost All Patience with Promises and Wrote a Letter to Comrade STALIN ...": The Special Note of the Head of the NKVD District Department on Settlement of Children Evacuated from the City of Leningrad in the Kalachinsk District of the Omsk Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 1, pp. 236–248. doi 10.28995/2073-0101-2020-1-236-248

[19] Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-437. Оп. 9. Д. 893. Л. 1. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [Historical Archive of the Omsk Region] (IAOO), fond R-437, series 9, file 893, p. 1.

[20] ИМК. Картон 1. Л. 15. IMK, cardboard 1, p. 15.

[21] *Муромцева, В. С.* Советская женщина в годы Великой Отечественной войны. – М.: Мысль, 1974. – С. 23. MUROMTSEVA, V. S. *Sovetskaya zhenshchina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Soviet woman in the days of the Great Patriotic War. In Russ.]. Moscow, Mysl' publ., 1974, p. 23.

[22] *Деева, Н. В.* Указ. соч. – С. 32. DEEVA, N. V., 2014, p. 32.

Список литературы

Анисимова, Н. Э. Подростки на московских предприятиях: военная повседневность (1941–1942) // Российская история. – 2019. – № 5. – С. 50–58.

Красноженова, Е. Е., Кулик, С. В., Кулинок, С. В. Повседневная жизнь ленинградского студенчества в период оккупации и блокады: 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина) // Вопросы истории. – 2020. – № 8. – С. 76–83.

Палецких, Н. П. Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности: на материалах Урала периода Великой Отечественной войны // Социум и власть. – 2018. – № 5 (73). – С. 121–129.

Реброва, И. В. Женская повседневность в экстремальной ситуации: по материалам устных и письменных воспоминаний женщин о Великой Отечественной войне // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 605–630.

Сушко, А. В., Носова, М. С. «Дети вышли из всякого терпения ждать посулы, написали письмо тов. СТАЛИНУ...». Спецзаписка начальника районного отделения НКВД о размещении эвакуированных детей из города Ленинграда в Калачинском районе Омской области // Вестник архивиста. – 2020. – № 1. – С. 236–248. doi 10.28995/2073-0101-2020-1-236-248.

Сушко, А. В., Носова, М. С. Дети Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 330–347.

References

ANISIMOVA, N. E. *Podrostki na moskovskikh predpriyatiyakh: voennaya povsednevnost' (1941–1942)* [Teenage workers of the Moscow enterprises: The wartime mundanity (1941–42). In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2019, no. 5, pp. 50–58.

KRASNOZHENOVA, E. E., KULIK, S. V., KULINOK, S. V. *Povsednevnaya zhizn' leningradskogo studenchestva v period okkupatsii i blokady: 1941–1944 gg. (na materialakh Leningradskogo politekhnicheskogo instituta im. M. I. Kalinina)* [Daily life of the Leningrad students under occupation and blockade: 1941–44: Materials of the M.I. Kalinin Leningrad Polytechnic Institute. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2020, no. 8, pp. 76–83.

PALETSKIKH, N. P. *Semeino-bytovye aspekty tylovoi povsednevnosti: na materialakh Urala perioda Velikoi Otechestvennoi voiny* [Family and household aspects of everyday life in the rear areas: A case study of the Urals during the Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Sotsium i vlast'*, 2018, no. 5 (73), pp. 121–129.

REBROVA, I. V. *Zhenskaya povsednevnost' v ekstremal'noi situatsii: po materialam ustnykh i pis'mennykh vospominanii zhenshchin o Velikoi Otechestvennoi voine* [Women's everyday life in an extreme situation: Oral and written memoirs of women about the Great Patriotic War. In Russ.]. IN*: Rossiiskaya povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenii* [Russian everyday life in the mirror of gender relations. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2013, pp. 605–630.

SUSHKO, A. V., NOSOVA, M. S. *"Deti vyshli iz vsyakogo terpeniya zhdat' posuly, napisali pis'mo tov. STALINU...". Spetszapiska nachal'nika raionnogo otdeleniya NKVD o razmeshchenii evakuirovannykh detei iz goroda Leningrada v Kalachinskom raione Omskoi oblasti* ["The Children Lost All Patience with Promises and Wrote a Letter to Comrade STALIN ...": The Special Note of the Head of the NKVD District Department on Settlement of Children Evacuated

from the City of Leningrad in the Kalachinsk District of the Omsk Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 1, pp. 236–248. doi 10.28995/2073-0101-2020-1-236-248

SUSHKO, A. V., NOSOVA, M. S. *Deti Leningrada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Children of Leningrad in the days of the Great Patriotic War. In Russ.]. IN*: Noveishaya istoriya Rossii*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 330–347.

Сведения об авторах

Мамонтова Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, кафедра отечественной истории и политологии, заведующая кафедрой, г. Омск, Российская Федерация, 8-3812-67-01-04, 8-904-826-76-23, mamontovama@omsu.ru

Фролова Алена Алексеевна, Омский государственный технический университет, кафедра истории, философии и социальных коммуникаций, аспирант, г. Омск, Российская Федерация, 8-982-934-69-21, alenafr93@mail.ru

About the authors

Mamontova Marina Aleksandrovna, PhD in History, associate professor, F. M. Dostoevsky Omsk State University, department of Russian history and political science, head of the department, Omsk, Russian Federation, +7-3812-67-01-04, +7-904-826-76-23, mamontovama@omsu.ru

Frolova Alena Alekseevna, Omsk State Technical University, department of history, philosophy, and social communications, graduate student, Omsk, Russian Federation, +7-982-934-69-21, alenafr93@mail.ru

В редакцию статья поступила 30.11.2020 г.,
опубликована (для цитирования):

Мамонтова, М. А., Фролова, А. А. Повседневность женщин Ишима в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 285–296. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-285-296

Submitted 30.11.2020, published (for citation):

MAMONTOVA, M. A., FROLOVA, A. A. *Povsednevnost' zhenshchin Ishima v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Daily Life of the Ishim Women in the Days of the Great Patriotic War of 1941–45. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 285–296. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-285-296

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Criticizm and Bibliography

Рецензия / Review
УДК 930(049.32)(470.51)+94(47)+930.253
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-297-304

Воронцов, В. С.
Удмуртский институт истории, языка и литературы,
г. Ижевск, Российская Федерация

Об издании сборника документов «На началах самоопределения… К 100-летию государственности Удмуртии»

Vorontsov, Vladimir S.
Udmurt Institute of History, Language, and Literature,
Izhevsk, Russian Federation

On Publication of the Documents Collection "On the Basis of Self-Determination… To the 100th Anniversary of Statehood of Udmurtia"

Аннотация
В статье рецензируется сборник документов «На началах самоопределения...», подготовленный архивистами Удмуртии в 2020 г. и приуроченный к 100-летию государственности удмуртского народа. В рецензии показано, что для региональной историографии данное издание – практически первый опыт публикации по видам документов: в нем публикуются протоколы первых национально-культурных организаций и удмуртских съездов, общих собраний и сходов граждан, советских и партийных органов 1917–1921 гг., которые документально раскрывают историю подготовки и создания Вотской (позднее Удмуртской) автономной области (ВАО). Описана структура сборника, охарактеризованы вошедшие в него документы. Кроме документов удмуртских архивов, в сборник также вошли документы

федеральных и архивов соседних регионов. В первый раздел сборника включены документы удмуртского национального движения 1917 г. – первой половины 1918 г. Второй раздел содержит документы начального этапа процесса самоопределения удмуртского народа и охватывает период с июня 1918 г. по август 1920 г. В третий раздел вошли документы, демонстрирующие, как проходило образование Вотской автономной области от подготовки и принятия соответствующего декрета ВЦИК и СНК 4 ноября 1920 г. до I съезда Советов ВАО. Отмечено, что включенные в сборник фотодокументы удачно дополняют текстовый массив сборника. Сделан вывод о том, что представленные в новом издании документы достаточно полно освещают процесс реализации права удмуртского народа на самоопределение. В рецензии высоко оценивается научно-справочный аппарат сборника. Подробная вводная статья способствует глубокому пониманию первоисточников. Обширные примечания, подготовленные составителями, помогают ориентироваться в документах и дополняют их содержание, позволяют расширить региональный контекст и встроить его в российский исторический процесс. Проанализирован состав приложений, в числе которых списки участников съездов и биографические сведения о наиболее активных деятелях национально-государственного строительства. В итоге сделан вывод о том, что рецензируемый сборник достойно пополнил документальную базу исторических исследований по ранней советской истории региона. Он будет способствовать активизации изучения истории национальной политики и национально-государственного строительства в первые годы советской власти, а также может использоваться в образовательном процессе в учебных заведениях Удмуртии.

Abstract

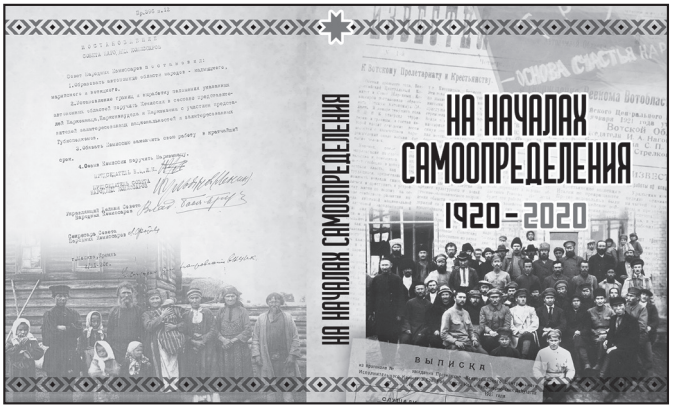
The article reviews the documents collection “On the principles of statehood,” prepared by the archivists of Udmurtia in 2020 and dedicated to the 100th anniversary of the statehood of the Udmurt people. The review shows that, for regional historiography, this publication is almost the first experience of publishing of documents by type. It publishes minutes of the first national-cultural organizations and Udmurt congresses, general meetings and gatherings of citizens, Soviet and party bodies of 1917–21, which highlight the history of preparation and creation of the Udmurt Autonomous Oblast. The structure of the collection is described, and the documents included are characterized. In addition to documents from the Udmurt archives, the collection also includes documents from federal archives and those from neighboring regions.

The first section includes documents of the Udmurt national movement in 1917 – the first half of 1918. The second section contains documents on the initial stage of the self-determination process of the Udmurt people covering the period from June 1918 to August 1920. The third section includes documents on formation of the Votyak Autonomous Oblast (VAO) from preparation and adoption of the decree on November 4, 1920 to the First Congress of Soviets of the VAO. It should be noted, that photo documents included in the collection complement the text nicely. It is concluded that the documents in the new edition sufficiently cover the realization of the right of the Udmurt people to self-determination. The review appreciates the scientific and reference apparatus of the collection. A detailed introductory article contributes to a deeper understanding of the sources. Extensive notes prepared by the compilers help navigating the documents and supplement their content, expanding the regional context and integrating it into the Russian historical process. The appendices are analyzed. They include lists of participants of the congresses and biographical data on the most active figures of the national-state construction. It is concluded that the reviewed collection adequately replenishes the source base on the early Soviet history of the region. It contributes to intensification of the study of the history of national politics and national-state construction in the first years of Soviet power and can also be used in the educational process in the educational institutions of Udmurtia.

Ключевые слова
Исторические источники, национальное самоопределение, Вотская (Удмуртская) автономная область, архивные документы, протоколы, раннесоветское общество.

Keywords
Historical sources, national self-determination, Votyak (Udmurt) Autonomous Oblast, archival documents, minutes, early Soviet society.

4 ноября 2020 г. в Удмуртии отметили 100-летие со дня образования удмуртской автономии в составе РСФСР. В 1920 г. в этот день был принят декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР об образовании Вотской автономной области (ВАО). Весь 2020 г. в республике прошел под знаком этого исторического события. В честь 100-летнего юбилея архивистами Удмуртии подготовлен и издан сборник документов «На началах самоопределения»[1].



Обложка сборника документов «На началах самоопределения... К 100-летию государственности Удмуртии»
Cover of the Documents Collection “On the Basis of Self-Determination... To the 100th Anniversary of Statehood of Udmurtia”

Актуальность издания определяется тем, что единственный тематический сборник, посвященный образованию удмуртской государственности, – «К истории образования удмуртской автономии» был издан в 1960 г. и давно стал библиографической редкостью. Отдельные документы по данной теме вошли в ранее опубликованные сборники документов[2]. Однако их состав далеко не полон и не раскрывает сложный процесс создания удмуртской автономии.

В основу нового сборника положен видовой принцип отбора документов: в нем публикуются протоколы первых удмуртских съездов, конференций, заседаний национальных, советских и партийных органов, общественных организаций, которые отражают процесс подготовки и создания национальной области. Практически первое подобное издание в региональной историографии представляет особый интерес, так как именно данный вид документов наиболее рельефно и всесторонне отразил актуальные проблемы и пути их решения. Составители подошли к публикации источников ответственно, тщательно выверяя имеющиеся варианты, отмечая все имеющиеся разночтения и исправления.

Это особенно важно с учетом особенностей сохранности документов 1910–1920-х гг.

В сборник включено 102 документа, большая часть из которых публикуется впервые. Основу сборника составляют документы удмуртских архивов – Центрального государственного архива Удмуртской Республики и Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики, в него вошли также документы федеральных и архивов соседних регионов. Хронологические рамки издания охватывают 1917–1921 гг.: с начала зарождения и обсуждения идеи национального самоопределения удмуртского народа до I съезда Советов ВАО, впервые сформировавшего региональные органы власти и управления.

Сборник состоит из трех разделов. Он открывается документами 1917–1918 гг. Этот период был отмечен консолидацией национальной интеллигенции, активизацией культурно-просветительской работы, поиском путей и форм государственного устройства. Впервые публикуются протоколы I съезда мелких народностей Поволжья (май 1917 г.). Деятельность удмуртской интеллигенции по подготовке условий для самоопределения демонстрируют протоколы заседаний делегатских съездов удмуртов, Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов, I Всероссийского съезда удмуртов (26–27 июня 1918 г.). Второй раздел содержит документы начального этапа процесса самоопределения удмуртского народа и охватывает период с июня 1918 по август 1920 г. В него вошли протоколы II Всероссийского съезда удмуртов (сентябрь 1919 г.); уездных съездов национальных меньшинств осенью 1919 г., I Всероссийской конференции коммунистов-удмуртов (6–11 июня 1920 г.). Работа по формированию региональных органов власти и управления отражена в третьем разделе сборника, в который вошли протоколы ревкома области, комиссии по сдаче и приемке дел от Вятского губернского исполкома ревкому области, I съезда Советов области (16–20 июля 1921 г.). Представленные в сборнике документы охватывают широкий круг проблем по истории национально-государственного строительства и служат достаточной базой для комплексных исследований по заявленной проблематике.

Отрадно, что в год 100-летия республики составителям удалось отдать дань деятелям, стоявшим у истоков государственности. Их голоса звучат в выступлениях на форумах, представлены в списках членов удмуртских обществ и делегатов первых удмуртских съездов, биографических очерках. Текстовый массив удачно иллюстрируют фотодокументы (портреты удмуртских деятелей, фотографии участников съездов, сканированные документы).

Обширные примечания, подготовленные составителями, помогают ориентироваться в документах, дополняют их содержание, позволяют расширить региональный контекст и встроить его в российский исторический процесс. Этому же служит подробная вводная статья, подготовленная известным удмуртским историком А. Н. Кутявиным.

Научное значение рецензируемого издания состоит в том, что оно является первым, документально представляющим процесс оформления элементов государственности удмуртского народа в целом. Публикация выявленных источников позволяет значительно расширить представления о состоянии и решении национального вопроса в период российских революций и первые годы советской власти, скорректировать и уточнить целый ряд оценочных суждений. Сборник является достойным вкладом архивной отрасли в празднование юбилея Удмуртской Республики.

Примечания / Notes

[1] На началах самоопределения... К 100-летию государственности Удмуртии. Сборник документов. – Ижевск: Удмуртия, 2020. – 464 с. *Na nachalakh samoopredeleniya... K 100-letiyu gosudarstvennosti Udmurtii: Sbornik dokumentov* [On the basis of self-identification... To the 100th anniversary of the statehood of Udmurtia: Collected documents. In Russ.]. Izhevsk, Udmurtia publ., 2020, 464 p.

[2] Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сборник документов и материалов (1917–1918 гг.). – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1957. – 395 с. *Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Udmurtii. Sbornik dokumentov i materialov (1917–1918 gg.)* [October Socialist Revolution in Udmurtia: Collected documents and materials (1917–18). In Russ.]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 1957. – 395 p.;

Совнарком – Совет Министров – Правительство Удмуртии. Сборник документов и материалов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 302 с. *Sovnarkom – Sovet Ministrov – Pravitel'stvo Udmurtii. Sbornik dokumentov i materialov* [Sovnarkom – Council of Ministers – Government of Udmurtia: Collected documents and materials. In Russ.]. Izhevsk, Udmurtiya publ., 2005. – 302 p.; Хрестоматия по истории Удмуртии. Т. 2. Документы и материалы. 1917–2007. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2007. – 769 с. *Khrestomatiya po istorii Udmurtii* [Anthology on the history of Udmurtia. In Russ.]. Vol. 2: *Dokumenty i materialy. 1917–2007* [Documents and materials. 1917–2007]. Izhevsk, Udmurt. in-t istorii, yaz. i lit. URO RAN publ., 2007, 769 p.

Список литературы

К истории образования удмуртской автономии. Сборник документов. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1960. – 127 с.

Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сборник документов и материалов (1917–1918 гг.). – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1957. – 395 с.

Совнарком – Совет Министров – Правительство Удмуртии. Сборник документов и материалов. – Ижевск: Удмуртия, 2005 – 302 с.

Хрестоматия по истории Удмуртии. Т. 2. Документы и материалы. 1917–2007. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2007. – 769 с.

References

K istorii obrazovaniya udmurtskoi avtonomii. Sbornik dokumentov [On the history of the formation of the Udmurt autonomy. Collection of documents. In Russ.]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 1960, 127 p.

Na nachalakh samoopredeleniya... K 100-letiyu gosudarstvennosti Udmurtii. Sbornik dokumentov [On the basis of self-identification ... To the 100th anniversary of the statehood of Udmurtia: Collected documents. In Russ.]. Izhevsk, Udmurtia publ., 2020, 464 p.

Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Udmurtii. Sbornik dokumentov i materialov (1917–1918 gg.) [October Socialist Revolution in Udmurtia: Collected documents and materials (1917–18). In Russ.]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 1957, 395 p.

Sovnarkom – Sovet Ministrov – Pravitel'stvo Udmurtii. Sbornik dokumentov i materialov [Sovnarkom – Council of Ministers – Government of Udmurtia: Collected documents and materials. In Russ.]. Izhevsk, Udmurtiya publ., 2005, 302 p.

Khrestomatiya po istorii Udmurtii [Anthology on the history of Udmurtia. In Russ.]. Vol. 2: *Dokumenty i materialy. 1917–2007* [Documents and materials. 1917–2007]. Izhevsk, Udmurt. in-t istorii, yaz. i lit. URO RAN publ., 2007, 769 p.

Сведения об авторах

Воронцов Владимир Степанович, кандидат исторических наук, Уральское отделение РАН, Удмуртский федеральный исследовательский центр, Удмуртский институт истории, языка и литературы, отдел междисциплинарных и прикладных исследований, старший научный сотрудник, г. Ижевск, Российская Федерация, 8-341-268-52-94, 8-912-873-79-65, vvorontsov@rambler.ru

About the authors

Vorontsov Vladimir Stepanovich, PhD in History, Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, department of interdisciplinary and applied research, senior researcher, Izhevsk, Russian Federation, +7-341-268-52-94, +7-912-873-79-65, vvorontsov@rambler.ru

В редакцию статья поступила 07.06.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Воронцов, В. С. Об издании сборника документов «На началах самоопределения... К 100-летию государственности Удмуртии» // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 297–304. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-297-304

Submitted 07.06.2021, published (for citation):

VORONTSOV, V. S. *Ob izdanii sbornika dokumentov "Na nachalakh samoopredeleniya... K 100-letiyu gosudarstvennosti Udmurtii"* [On Publication of the Documents Collection "On the Basis of Self-Determination... To the 100th Anniversary of Statehood of Udmurtia". In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 297–304. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-297-304

Рецензия / Review
УДК 94(47)«1928/1945»+930.25+049.32
DOI 10.28995/2073-0101-2022-1-305-311

Храмкова, Е. Л.
Самарский государственный
социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация

Тузова, О. В.
Самарский государственный технический университет,
г. Самара, Российская Федерация

«Материально-техническое обеспечение РККА: 1928–1945 гг.»: к изданию Российским государственным архивом в г. Самаре нового сборника документов

Khramkova, Elena L.
Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation

Tuzova, Olga V.
Samara State Technical University, Samara,
Russian Federation

"Material and Technical Support of the Red Army: 1928–45": Publication of a New Documents Collection at the Russian State Archive in Samara

Аннотация
В рецензии на сборник документов, подготовленный сотрудниками Российского государственного архива в г. Самаре (РГА в г. Самаре) О. Н. Солдатовой и Е. С. Богдановой, отмечается, что спектр вопросов материально-технического обеспечения РККА в 1928–1945 гг. исследован в историографии недостаточно. Подчеркивается, что уникальность издания связана с освещением его научных и технологических аспектов. Основные тематические направления вызывают несом-

ненный интерес: форменная одежда и обувь для офицеров и солдат, снаряжение и продовольствие для армии; инновационные технологические разработки крепления верха и подошвы обуви, сырья для снаряжения. Выделены подборки документов, содержащие информацию о технике для киносъемки и кинопоказа, о конвейерных хлебопекарных печах, использовании заменителей кожи, специальных тканей и защитных пропиток для одежды, выпечке хлеба и хлебобулочных изделий, производстве консервов и концентратов, замораживании продуктов и их транспортировке, результатах экспериментальных испытаний. Подчеркивается, что составителями проведена огромная работа по выявлению и археографическому анализу впервые вводимых в научный оборот документов, в том числе ранее засекреченных, из 18 фондов. Указывается, что всестороннее отражение проблемы обеспечения армии детерминировано выбором документов различных видов: делопроизводственных, планово-отчетных, нормативных, справочных, фотодокументов, чертежей, схем, периодической печати. Проведен анализ архитектоники сборника, отмечены ее структурные достоинства (археографическое предисловие, терминологический словарь, объектный справочник, именной указатель, перечень публикуемых документов, перечень использованных фондов, список сокращений) и высокий профессиональный уровень археографического оформления документов. Эти характеристики свидетельствуют о безусловной ценности научно-справочного аппарата, нацеленного на максимально эффективную работу исследователей со сборником. Сделан вывод о том, что документы имеют богатый информативный потенциал, увеличивают эмпирическую базу и открывают возможности поиска новых исследований исторического и междисциплинарного плана, в том числе по военной, научно-технической, инновационной проблематике.

Abstract

The review of the documents collection prepared by O. N. Soldatova and E. S. Bogdanova at the Russian State Archive in Samara (RGA v g. Samara) notes that the issues of material and technical support of the Red Army in 1928–45 have not been sufficiently studied in historiography. It emphasizes the uniqueness of the publication covering its scientific and technological aspects. The main thematic areas are of undoubted interest: uniforms and footwear for officers and soldiers, equipment and food for the army; innovative technological developments for fastening soles of shoes; raw materials for equipment. The review highlights documents containing information on technology of filming and movie screening,

conveyor ovens, use of leather substitutes, special fabrics and prepared tissues, production of bread and bakery, canned food and concentrates, freezing and transportation of products, results of experimental tests. The compilers have carried out great work to identify and analyze the archaeographic documents (including those previously classified) from 18 fonds, which are being introduced into scientific use for the first time. The comprehensive treatment of army provisioning is predicated upon the choice of various types of documents: recordkeeping, plans and reports, normative, reference, photographic documents, drawings, diagrams, periodicals. An analysis of the collection architectonics has been carried out, its structural advantages are noted (archaeographic preface, terminological dictionary, object reference, index, list of published documents, list of used fonds, list of abbreviations), as well as high professional level of archaeographic preparation of documents. These characteristics bespeak of unconditional value of scientific and reference apparatus facilitating effective work with the collection. It is concluded that the documents have rich informative potential, increasing empirical base and opening opportunities for new historical and interdisciplinary research, including that of military, scientific-technical, and innovative issues.

Ключевые слова
Российский государственный архив в г. Самаре, военное строительство в СССР, материально-техническое обеспечение, рабоче-крестьянская Красная армия (РККА).

Keywords
Russian State Archive in Samara, military construction in the USSR, material and technical support, Workers' and Peasants' Red Army.

Новый сборник документов[1], подготовленный сотрудниками Российского государственного архива в г. Самаре (РГА в г. Самаре) – доктором исторических наук О. Н. Солдатовой и главным специалистом отдела изучения и публикации документов Е. С. Богдановой, логично завершил предшествующее издание[2]. Составители провели кропотливую работу по выявлению документов в 18 фондах архива. В три раздела сборника вошли 130 документов (в основном подлинники или заверенные копии), сгруппированные по тематико-хронологическому принципу. Все они впервые

Обложка сборника.
Cover of the documents collection

вводятся в научный оборот, часть была ранее засекречена. Комплекс документов не ограничивается критерием принадлежности его к научно-технической группе (конструкторская, патентная, научно-исследовательская), он включает в себя также и делопроизводственную документацию (приказы, протоколы, письма, инструкции, нормативы, стандарты и т. д.), что позволяет всесторонне осветить проблему материального обеспечения армии. Кроме того, документы отличает их видовое разнообразие – схемы и чертежи, фотографии и рисунки, наглядно иллюстрирующие технические тексты.

В документах первого раздела зафиксированы результаты импрегнирования обмундирования с целью повышения защитных свойств ткани, испытаний образцов обуви, новых типов обуви для военнослужащих с учетом гигиенических, производственных, климатических требований и др. Отметим документ № 34, посвященный созданию специальной обуви для женщин-военнослужащих[3].

Во втором разделе представлены документы, отразившие материалы испытаний шорно-седельного снаряжения; разработки тканей и веревок специального назначения; техники для киносъемки и кинопоказа. Особое внимание уделено документам, раскрывающим изобретательское творчество ученых и конструкторов.

В документах третьего раздела рассмотрены вопросы обеспечения военнослужащих качественным питанием: результаты испытаний сотрудниками НИИ пищевой промышленности по стерилизации и выпеканию ржаного и пшеничного хлеба, дегустации хлебных консервов, рецептуры и технологии изготовления пищевых концентратов, консервов и др.

Приведены объяснительные записки к проектам походного хлебозавода и акты об испытании образцов хлебопекарных печей в 1942–1943 гг.

Рецензируемое издание отличает высокий уровень археографического оформления документов, обширный научно-справочный аппарат и удобная навигация: археографическое предисловие, терминологический словарь, объектный справочник, именной указатель, перечень публикуемых документов, перечень использованных фондов, список сокращений, постраничные пояснения и комментарии. В предисловии доктор исторических наук, профессор Г. М. Ипполитов охарактеризовал конкретно-исторические реалии конца 1920-х – 1945 гг., в которых осуществлялся процесс материально-технического обеспечения РККА.

Уникальность сборника предопределена привлечением документов, дающих представление о практически неизученных в российской историографии научно-технологических аспектах обеспечения вооруженных сил страны[4]. Имеются в виду основные направления деятельности научно-исследовательских институтов, министерств и ведомств для летного и технического состава ВВС и ВМФ, нового сырья для армейского снаряжения, продовольственного обеспечения и др.

Данное издание расширяет арсенал источников и траектории исследований в области истории, в том числе военной, компаративной, истории науки и техники и проч. Инициатива архивистов РГА в г. Самаре представляет несомненную ценность, является важной для дальнейшего изучения влияния военных процессов на развитие науки и технологии, проблем внедрения инновационных разработок в массовое производство для армии, их эффективность и оцениваемое потребителем качество; создания расширенной тематической базы персоналий, вопросов армейской повседневности и др.

Примечания / Notes

[1] Материально-техническое обеспечение РККА: 1928–1945 гг.: сборник документов / Сост. О. Н. Солдатова, Е. С. Богданова. Под ред. О. Н. Солдатовой. – Самара: РГА в г. Самаре, 2020. – 399 с. *Material'no-tekhnicheskoe*

obespechenie RKKA: 1928–1945 gg.: sbornik dokumentov [SOLDATOVA, O. N. (ed.), SOLDATOVA, O. N., BOGDANOVA, E. S. (comps.). Material and technical support of the Red Army: 1928–45: Collection of documents. In Russ.]. Samara, RGA v Samare publ., 2020, 399 p.

[2] Создание вооружения для РККА. 1920–1945 гг.: обзор и публикация документов из фондов филиала РГАНТД / Авт.-сост. О. Н. Солдатова, Е. С. Богданова. Под ред. О. Н. Солдатовой. Т. 1. – Самара: Научно-технический центр, 2012. – 297 с. *Sozdanie vooruzheniya dlya RKKA. 1920–1945 gg.: obzor i publikatsiya dokumentov iz fondov filiala RGANTD* [SOLDATOVA, O. N. (ed.), SOLDATOVA, O. N., BOGDANOVA, E. S. (auth.-comps.). Creation of weapons for the Red Army, 1920–45: Review and publication of documents from the fonds of the RGANTD branch. In Russ.]. Vol. 1. Samara, Nauchno-tekhnicheskii tsentr publ., 2012, 297 p.; Создание вооружения для РККА. 1920–1945 гг.: обзор и публикация документов из фондов филиала РГАНТД / Сост. О. Н. Солдатова, Е. С. Богданова. Под ред. О. Н. Солдатовой. Т. 2. – Самара: Научно-технический центр, 2015. – 174 с. *Sozdanie vooruzheniya dlya RKKA. 1920–1945 gg.: obzor i publikatsiya dokumentov iz fondov filiala RGANTD* [SOLDATOVA, O. N. (ed.), SOLDATOVA, O. N., BOGDANOVA, E. S. (auth.-comps.). Creation of weapons for the Red Army, 1920–45: Review and publication of documents from the fonds of the RGANTD branch. In Russ.]. Vol. 2. Samara, Nauchno-tekhnicheskii tsentr publ., 2015, 174 p.

[3] Материально-техническое обеспечение РККА: 1928–1945 гг. ... – С. 102–103. SOLDATOVA, O. N. (ed.), SOLDATOVA, O. N., BOGDANOVA, E. S. (auth.-comps.), 2020, pp. 102–103.

[4] Материально-техническое обеспечение Красной армии в вооруженных конфликтах и локальных войнах (конец 1930-х – начало 1940 гг.): Военно-теоретический труд / Под общ. ред. С. К. Шойгу; Д. В. Булгаков (рук. авт. кол.), Б. В. Березин, Е. А. Бочков [и др.]. – СПб.: ВАМТО, 2016. – 382 с. *Material'no-tekhnicheskoe obespechenie Krasnoi armii v vooruzhennykh konfliktakh i lokal'nykh voinakh (konets 1930-kh – nachalo 1940 gg.): voenno-teoreticheskii trud* [SHOIGU, S. K. (ed.), BULGAKOV, D. V. (head of authoring team), BEREZIN, B. V., BOCHKOV, E. A. et al. Material and Technical Support of the Red Army in Armed Conflicts and Local Wars (late 1930s – early 1940s): Military Theoretical Work. In Russ.]. St. Peterburg, VAMTO publ., 2016, 382 p. и др.

Список литературы

Материально-техническое обеспечение Красной армии в вооруженных конфликтах и локальных войнах (конец 1930-х – начало 1940 гг.): Военно-теоретический труд / Под общ. ред. С. К. Шойгу; Д. В. Булгаков (рук. авт. кол.), Б. В. Березин, Е. А. Бочков [и др.]. – СПб.: ВАМТО, 2016. – 382 с.

References

Material'no-tekhnicheskoe obespechenie Krasnoi armii v vooruzhennykh konfliktakh i lokal'nykh voinakh (konets 1930-kh – nachalo 1940 gg.): voenno-teoreticheskii trud [SHOIGU, S. K. (ed.), BULGAKOV, D. V. (head of authoring team), BEREZIN, B. V., BOCHKOV, E. A. et al. Material and Technical Support of the Red Army in Armed Conflicts and Local Wars (late 1930s – early 1940s): Military Theoretical Work. In Russ.]. St. Peterburg, VAMTO publ., 2016, 382 p.

Сведения об авторах

Храмкова Елена Ленаровна, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра отечественной истории и археологии, профессор, г. Самара, Российская Федерация, 8-927-763-00-80, hramkova@rambler.ru

Тузова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, доцент, Самарский государственный технический университет, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, профессор, г. Самара, Российская Федерация, 8-987-902-40-16, ovtuzova@mail.ru

About the authors

Khramkova Elena Lenarovna, PhD in History, professor, Samara State University of Social Sciences and Education, department of national history and archeology, professor, Samara, Russian Federation, +7-927-763-00-80, hramkova@rambler.ru

Tuzova Olga Vladimirovna, PhD in History, associate professor, Samara State Technical University, department of philosophy, social sciences and humanities, professor, Samara, Russian Federation, +7-987-902-40-16, ovtuzova@mail.ru

В редакцию статья поступила 21.04.2021 г.,
опубликована (для цитирования):

Храмкова, Е. Л., Тузова, О. В. «Материально-техническое обеспечение РККА: 1928–1945 гг.»: к изданию Российским государственным архивом в г. Самаре нового сборника документов // Вестник архивиста. – 2022. – № 1. – С. 305–311. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-305-311

Submitted 21.04.2021, published (for citation):

KHRAMKOVA, E. L., TUZOVA, O. V. *"Material'no-tekhnicheskoe obespechenie RKKA: 1928-1945 gg.": k izdaniyu Rossiiskim gosudarstvennym arkhivom v g. Samare novogo sbornika dokumentov* ["Material and Technical Support of the Red Army: 1928–45": Publication of a New Documents Collection at the Russian State Archive in Samara. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2022, no. 1, pp. 305–311. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-305-311

ВЕСТНИК АРХИВИСТА

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста» в 2021 г.

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

Абеленцева, О. А. Выпись из «отдельных» книг как правоустанавливающий документ на вотчины и угодья. По материалам архива Успенского Тихвинского монастыря XVII в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 675–686. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-675-686

Авдашкин, А. А. Вынужденные мигранты из Средней Азии в ракурсе архивных документов 1991–2002 гг. На материалах Челябинской области // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 767–778. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-767-778

Богданов, С. В., Остапюк, В. Г., Залюбовская, В. В. Агентура русской вспомогательной полиции на оккупированной немецкими войсками территории Курской области. По материалам архивно-следственных дел территориальных управлений КГБ СССР // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 57–67. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-57-67

Болокина, Л. А. Протоколы совещаний начальников участков Красногородского района как источник по изучению нацистской оккупации Калининской области. 1941–1944 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1076–1087. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1076-1087

Гатилов, Э. В., Николашин, В. П. Источники по проблематике поземельных конфликтов в черноземной деревне. 1917–1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1039–1050. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1039-1050

Головнев, И. А. Образы советской колонизации в архивном кино: «Евреи на земле» Абрама Роома. 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1051–1063. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1051-1063

Гонина, Н. В., Павлюкевич, Р. В., Славина, Л. Н. Фонды региональных плановых органов как наиболее ценный источник по динамике и уровню жизни городского населения Восточной Сибири. 1954–1984 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1088–1105. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1088-1105

Дампилова, Л. С. Тайны советского архива: бурятские шаманские материалы в книге Б. Ринчена // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 68–81. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-68-81

Ефремова, И. С. Классификация документов архивных фондов городовых магистратов. На примере Курского наместничества второй четверти XVIII в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 997–1008. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-997-1008

Иванов, В. А. Причины отказа служащим гражданских учреждений Калужской губернии в получении классных чинов в 1849–1854 гг. По материалам кратких списков о службе // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 356–366. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-356-366

Иванов, И. О. Деятельность Комитета Архива Московской духовной консистории по разбору и систематизации епархиальных документов. 1831–1859 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 343–355. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-343-355

Калекин, В. В., Капустин, Л. Г., Петин, Д. И. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак в поездке на Тобольский фронт: к анализу неизвестного фотодокумента 1919 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 390–404. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-390-404

Кривошеев, Ю. В., Соколов, Р. А. Деятельность экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища в 1957–1958 гг. По материалам архивных данных // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 82–92. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-82-92

Курышев, И. В., Любимов, А. А. Источники о социально-политических настроениях крестьянства Ишимского округа Уральской области в 1925–1927 гг. По материалам сводок окружного отдела ОГПУ // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 418–427. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-418-427

Лиджиева, И. В. Кочевые инородцы Юга России: восприятие в контексте «управленцы – управляемые» в XIX в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 687–698. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-687-698

Лиманова, С. А. Коронационный вояж Николая II в Европу. По записям камер-фурьерского журнала за 1896 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1023–1038. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1023-1038

Ляховицкий, Е. А. Опись Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г.: опыт использования спектрозональной визуализации для реконструкции истории текста // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 651–664. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-651-664

Мицюк, Н. А., Белова, А. В., Пушкарева, Н. Л. Источниковедческий потенциал фондов родильных домов и отделений в дореволюционной России. Вторая половина XVIII – начало XX в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1009–1022. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1009-1022

Овчинникова, Н. А. Судьба эпистолярного наследия великоустюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 331–342. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-331-342

Пасс, А. А., Потемкина, М. Н. Архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории как источник изучения экономической преступности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1064–1075. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1064-1075

Петин, Д. И., Стельмак, М. М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвоя адмирала А. В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 725–740. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-725-740

Пивовар, Е. И., Косован, Е. А. Документальные интернет-выставки центральных государственных архивов Украины как способ коммеморации Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 118–129 doi 10.28995/2073-0101-2021-1-118-129

Пивовар, Е. И., Ханова, И. Е., Катагощина, М. В. Архивное наследие как сфера интеграции Казахстана в научно-информационное и культурное пространство Евразии. 1998–2021 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1106–1117. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1106-1117

Пивоваров, Н. Ю., Тихонов, В. В. Проблемы советской медицины в письмах читателей по поводу интервью министра Б. В. Петровского «Литературной газете» в 1974 г. По документам фондов Российского государственного

архива новейшей истории // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 105–117. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-105-117

Пушкарева, Н. Л., Богдашина, И. В. Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950–1960-х гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 93–104. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-93-104

Пчелов, Е. В. Территориальная геральдика Московского царства в «Титулярнике» 1672 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 665–674. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-665-674

Раздорский, А. И. Таможенные книги XVII–XVIII вв. в региональных архивах России. Некоторые предварительные итоги выявления // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 971–982. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-971-982

Разиньков, М. Е. Приветственные телеграммы крестьян Центрального Черноземья Государственной думе в марте–апреле 1917 г.: источник и его информационные возможности // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 378–389. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-378-389

Родионова, К. И. Религиозная жизнь Харбина: христиане веры евангельской (пятидесятники). 1930–1940-е гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 755–766. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-755-766

Румянцева, Н. М., Трубицын, И. О. Социально-экономический портрет депутата Дворянского собрания во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 367–377. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-367-377

Сенюткина, О. Н., Христофоров, В. С. Рассекреченные документы ГПУ–ОГПУ 1920-х гг. как исторический источник // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 405–417. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-405-417

Сидорова, Е. З., Бузинская, Э. Ю. Исторические памятники правовых предписаний о детоубийстве в Древней Руси и дореволюционной России // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 34–44. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-34-44

Соловьева, С. В., Болотова, Е. Ю. Документы органов представительной власти как источник по истории урбанонимов г. Волгограда: источниковедческий аспект. 1950–1970-е гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 428–439. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-428-439

Спичак, А. В. Особенности делопроизводства о назначении вдов просфорнями в XIX – начале XX в. в Тобольской епархии // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 699–712. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-699-712

Сухова, О. А. Советская модерность в представлениях сельского населения СССР второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. по источникам личного происхождения // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 741–754. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-741-754

Усачев, А. С. Феодосий Вятка – духовник Ивана Грозного: портрет на фоне эпохи // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 11–23. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-11-23

Феклова, Т. Ю. Уничтожена и забыта. К истории библиотеки магнитно-метеорологической обсерватории Академии наук в Пекине XIX в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 45–56. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-45-56

Филиппова, Т. П. Дневник В. Н. Вебера о работе российско-шведской экспедиции по градусным измерениям на архипелаге Шпицберген в 1901 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 713–724. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-713-724

Цеменкова, С. И. «...Иметь генеральные и партикулярные ландкарты»: источниковедческий анализ документов «Чертежной» уральской горной

администрации 1720–1730-х гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 983–996. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-983-996

Черных, В. В. Иркутские летописи XVII–XIX вв. как исторический источник // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 24–33. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-24-33

Исторические исследования

Алимджанов, Б. А., Чориев, Ш. Х. Служащие среднеазиатских филиалов Волжско-Камского коммерческого банка: биографии и деятельность на рубеже XIX – начала XX в. в контексте имперской периферии // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 450–468. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-450-468

Байрамов, Р. С., Коровин, В. В. Документы Центрального архива Минобороны РФ о проблеме сохранности конского состава в войсках Центрального фронта весной–летом 1943 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1191–1202. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1191-1202

Богомазов, Н. И. Первая мировая война и переустройство Петроградского железнодорожного узла. 1914–1918 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1155–1167. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1155-1167

Бодрова, Е. В., Калинов, В. В. О степени и способах заимствований западных научно-технических достижений в нефтяной промышленности в годы форсированной индустриализации. 1930-е гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1179–1190. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1179–1190

Воронцов, Р. С., Коровин, В. В. Состояние кадрового потенциала региональной пищевой промышленности в первые послевоенные годы. 1946–1948 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 840–851. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-840-851

Гагиева, А. К. Влияние российской модернизации на систему управления в Коми крае в XVIII в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 779–790. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-779-790

Горлова, Н. И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России. По материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 193–204. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-193-204

Жиров, Н. А. Аграрная миграция крестьянства губерний Центральной России в конце XIX – начале XX в. по документам Государственного архива Орловской области // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 440–449. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-440-449

Зарубина, К. А., Шевелёва, С. В. Профессиональная преступность в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. По материалам Государственного архива Курской области // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 130–140. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-130-140

Комаров, Д. Е., Комарова, О. В. Состояние законности и правопорядка на территории Смоленщины после вражеской оккупации 1943–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 156–167. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-156-167

Корноухова, Г. Г. Торговая деятельность Н. Н. Коншина в Персии во второй половине 1880-х гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 791–802. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-791-802

Морозова, О. М. 1918 год: «нулевая» германская оккупация российского Дона // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 141–155. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-141-155

Новосельский, С. С. Республиканские идеи в российской политической мысли 1905 г. По материалам записок, направленных на рассмотрение Совета министров Российской империи // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 469–481. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-469-481

Орнацкая, Т. А. Трудный путь становления корейского отдела Восточной секции Коммунистического интернационала. 1919-й – первая половина 1920-х гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 803–815. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-803-815

Платонова, Н. М., Синиченко, В. В. Социально-экономическое развитие Сучанского каменноугольного рудника в 1920-е гг. в документах Государственного архива Хабаровского края // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 816–826. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-816-826

Степанова, О. Б. Охотничий промысел северных селькупов в 1920-х – начале 1960-х гг.: обзор рукописи Е. Д. Прокофьевой // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 827–839. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-827-839

Степанова, О. Б. Рукопись Е. Д. Прокофьевой «Рыболовство тазовско-туруханских селькупов» из архива Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН как источник по истории и этнографии Сибири. 1920–1960-е гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 168–180. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-168-180

Стрекалов, И. Н. Проблемы развития советской демократии в деятельности рабочей группы при ЦК КПСС по разработке новой Конституции СССР в январе–апреле 1962 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 181–192. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-181-192

Тимкин, Ю. Н. Губернская контрольная комиссия РКП(б) 1921–1923 гг. в борьбе с распадом партийных организаций. По архивным материалам Вятской губернии // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 482–495. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-482-495

Хисамутдинова, Р. Р., Васильева, С. Ю. Легкая промышленность Урала в годы новой экономической политики в контексте раннеиндустриальной модернизации конца XIX – середины XX в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1168–1178. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1168-1178

Шкаревский, Д. Н. Кадровый состав лагерных судов 1944–1956 гг. в СССР: проблемы эволюции // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 496–507. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-496-507

Научная публикация архивных документов

Богомолов, И. К. Письмо Н. И. Левитского А. И. Лысаковскому о представителях МИД в Петроградской военно-цензурной комиссии. 1916 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 581–592. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-581-592

Жалсанова, Б. Ц., Курас, Л. В. «Кто останется после этой войны живым, тот будет навсегда счастлив и свободен ...». Фронтовой дневник Героя Советского Союза В. Б. Борсоева как источник по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 218–231. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-218-231

Князев, М. А. Новые документы по истории Февральской революции 1917 г. и обстоятельствам отречения императора Николая II от власти // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 866–878. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-866-878

Лазарев, Я. А. «Учинено будет по его императорского величества указу». Ответы Малороссийской коллегии А. Д. Меншикову. Ноябрь–декабрь 1722 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 852–865. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-852-865

Легкий, Д. М. «Как бы то ни было, но судебная реформа скоро явится на свет». Неизвестный источник о подготовке в Российской империи Судебной реформы 1864 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1131–1142. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1131-1142

Магарамов, Ш. А. Рапорт бригадира А. Ветерани императору Петру I: новый документ об экспедиции российских войск в село Эндирей в Дагестане. 1722 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1118–1130. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1118-1130

Слискова, В. В. «По нашумевшему за последнее время вопросу об омоложении». Письмо генетика Ю. А. Филипченко директору Института экспериментальной биологии Н. К. Кольцову. 29 августа 1923 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1143–1154. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1143-1154

Сушко, А. В., Петин, Д. И. «Вышлите нам несколько пистолетов и гранат...». Обращение молодых украинских националистов из Сибири к единомышленникам ОУН–УПА на Украине в 1950 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 232–247. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-232-247

Тишин, В. В. Анализ неизвестного ранее эстампажа надписи Тоньюкука, выявленного в Кяхтинском краеведческом музее им. академика В. А. Обручева // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 205–217. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-205-217

Электронные архивы и документы

Миронова, В. П., Лызлова, А. С., Иванова, Л. И. Электронно-информационные формы сохранения, доступности и популяризации архивных материалов // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 289–300. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-289-300

Мустафина, А. Х. Теоретические и практические аспекты реализации проекта «Единый архив электронных документов» Казахстана // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 532–542. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-532-542

Сабенникова, И. В. Электронные документы в системе информационного обмена архивов // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 520–531. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-520-531

Шульга, Т. В. Из опыта изучения практик создания и сохранения электронных документов личного происхождения в контексте архивной работы по формированию личных фондов // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 508–519. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-508-519

Люди. События. Факты

Долгова, Е. А. С. В. Бахрушин в Институте Красной профессуры: лекции по истории народов Сибири. 1936 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 275–288. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-275-288

Маджаров, А. С. «Дело» историка А. П. Щапова в Государственном архиве Российской Федерации (1861–1864 гг.): новизна и проблемы достоверности комплекса документов // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1217–1228. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1217-1228

Раскин, Д. И. В. В. Бедин во главе Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде. 1945–1952, 1954–1964 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 916–926. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-916-926

Учаев, А. Н., Учаева, Н. А., Демидова, Е. И. Восприятие СССР премьер-министром Канады У. Л. М. Кингом в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. //

Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 593–602. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-593-602

Зарубежная архивная Россика

Даниш, М., Рокина, Г. В. Архивная Россика в Словакии: документы по истории русско-словацких контактов в архиве Матицы словацкой // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 543–554. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-543-554

Обзоры архивных фондов и коллекций

Заболотных, Е. А., Главацкая, Е. М. «Рассыпьтесь молодцы за камни и кусты...»: жизнь и судьба евреев-кантонистов в Екатеринбурге. 1843–1858 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 555–568. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-555-568

Землин, А. И., Петров, Ю. И. Опыт правового регулирования и организации подготовки специалистов транспорта в Императорском московском инженерном училище. 1896–1913 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 248–258. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-248-258

Иванцов, И. Г. Участие региональных контрольных комиссий ВКП(б) и органов рабоче-крестьянских инспекций Наркомата РКИ в репрессиях в начале 1930-х гг. На архивных материалах Кубани и Дона // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 904–915. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-904-915

Конкин, Д. В. Обзор деятельности Новороссийского комитета (1801–1803 гг.). По материалам из фондов Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1203–1216. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1203-1216

Софьин, Д. М., Софьина, М. В. Обзор личного фонда великого князя Сергея Александровича в Государственном архиве Российской Федерации // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 891–903. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-891-903

Трошина, Т. И. Февраль 1920 г. в Архангельской губернии: цепная реакция «бескровной революции» в Архангельске // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 259–274. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-259-274

Хазиахметова, Р. Р. Скорбные листы как исторический источник. На примере историй болезней хирургического отделения Первой рабочей больницы г. Казани 1918–1920 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 569–580. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-569-580

Музейные и архивные коллекции

Андреева, А. В., Артамонова, Л. М. Штурмовик Ил-2 в архивном и архитектурном проявлении исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1245–1256. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1245-1256

Анфертьев, И. А. Сталинская ликвидация кулачества как класса и организация процесса пролетаризации советского крестьянства // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1229–1244. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1229-1244

Емельяненко, Т. Г. Материалы И. М. Пульнера по этнографии грузинских евреев в архиве Российского этнографического музея. 1926–1929 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 603–614. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-603-614

Морозова, А. В. Домашнее воспитание и обучение в России 1910–1920-х гг. По воспоминаниям Т. П. Знамеровской, хранящимся в Российской национальной библиотеке // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 301–312. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-301-312

Салихов, А. Г. Арабографичные письменные памятники Федоровского района Республики Башкортостан. XIX – первая половина XX в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 879–890. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-879-890

Генеалогия: отечественный и зарубежный опыт

Астафьев, Д. А., Годовова, Е. В. Источниковая база генеалогического исследования служилых родов XVII в. // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 927–938. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-927-938

Долженкова, Т. И. Проблема научного подхода к изучению родословной скульптора-монументалиста, народного художника России В. М. Клыкова // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 615–625. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-615-625

Критика и библиография

Баканов, С. А. Эвакуация в региональном измерении: издание документов челябинских архивистов к 75-летию Победы // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 626–632. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-626-632

Воробьев, Е. П. «Потом история взвесит, оценит, рассудит». К изданию коллективной монографии «Минин: портрет на фоне эпохи» // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1257–1264. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1257-1264

Иванов, А. А. Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документальные свидетельства // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 633–639. doi 10.28995/2073-0101-2021-2-633-639

Иноземцева, З. П. История сирийских христиан на страницах книги «Урмийская трагедия. Житие священномученика Пимена (Белоликова), епископа Семиреченского и Верненского» // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 946–952. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-946-952

Мазур, Л. Н. Больше теорий хороших и разных: размышления над монографией Г. А. Двоеносовой о теории документа в парадигме междисциплинарного знания // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1273–1279. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1273-1279

Пьянков, С. А. «Путь к Победе»: новый сборник документов архивистов Челябинской области по истории эвакуации // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 953–959. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-953-959

Сушко, А. В. Сибирский церковный собор: опыт новейшей археографии // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 939–945. doi 10.28995/2073-0101-2021-3-939-945

Юркин, И. Н. «Соединить телескоп и мелкоскоп»: об одной попытке разрешения методологических и источниковедческих проблем изучения истории российского крестьянского рода Епифанского уезда XVI–XX вв. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1265–1272. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1265-1272

Указатель материалов / Index of materials

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста / *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*» в 2021 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 313–319. Index of materials published in the "*Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*" in 2020/ Information. In Russ. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2021, №. 1, pp. 313–319

РЕДАКЦИЯ медиагруппы: «Вестник архивиста» (печатная версия); сетевые журналы «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.herald-of-an-archivist.com) – на английском языке; «Вестник архивиста.TV» (www.tv.vestarchive.ru) – видеожурнал; «Вестник архивиста.Vk.com» (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

И. А. Анфертьев – доктор исторических наук, главный редактор (г. Москва, Российская Федерация); В. В. Борисов – редактор и системный администратор сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); М. Е. Заболотникова – дизайн и верстка (г. Москва, Российская Федерация); З. П. Иноземцева – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); М. С. Исакова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан); С. В. Кулинок – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь); К. И. Ляшенко – магистр истории, заместитель главного редактора (шеф-редактор сетевых журналов) (г. Москва, Российская Федерация); Е. Ю. Нуйкина – кандидат исторических наук, первый заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); Д. И. Петин, кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Сибирском федеральном округе (г. Омск, Российская Федерация); В. Б. Прозорова – кандидат исторических наук, руководитель представительства журналав Европе (г. Париж, Франция); Д. В. Савин – ведущий научный редактор (г. Москва, Российская Федерация); М. А. Скляр – редактор-переводчик печатной версии журнала и сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); О. Н. Солдатова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе (г. Самара, Российская Федерация).

EDITORIAL STAFF of the magazines group: 'Herald of an Archivist' (printed version), 'Herald of an Archivist.ru' (www.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist.com' (www.herald-of-an-archivist.com), 'Herald of an Archivist.TV' (www.tv.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist' (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

I. A. Anfertiev – PhD in History, editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); V. V. Borisov – editor and system administrator of the supplements to print magazine – online magazines (Moscow, Russian Federation); M. E. Zabolotnikova – design and lead out (Moscow, Russian Federation); Z. P. Inozemtseva – PhD in History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); M. S. Isakova – PhD in History, director of the magazine branch in Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan); S. V. Kulinok – PhD in History, director of the magazine branch in Belarus (Minsk, Belarus); K. I. Lyashenko – Master of History, deputy editor-in-chief (managing editor of the supplements to print magazine – online magazines) (Moscow, Russian Federation); E. Yu. Nuykina – PhD in History, first deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); D. I. Petin, PhD in History, director of the magazine branch in the Siberian Federal District (Omsk, Russian Federation); V. B. Prozorova – PhD in History, director of the magazine branch in Europe (Paris, France); D. V. Savin – leading scientific editor (Moscow, Russian Federation); M. A. Sklyar – editor-translator of print magazine and online magazine (Moscow, Russian Federation); O. N. Soldatova – PhD in History, director of the magazine branch in the Volga Federal District (Samara, Russian Federation).

Допечатная подготовка выполнена в Издательском центре
Российского государственного гуманитарного университета (ИЦ РГГУ).
Подписано в печать 14.03.2022 г. Печать офсетная. Формат 60 × 84 1/16.
Уч.-изд. л. 19,5. Усл. печ. л. 18,6.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1427
Отпечатано: ИЦ РГГУ, 125047, ГСП-3, Москва,
Миусская площадь, д. 6. Тел.: 8-499-973-42-05; 8-499-973-42-00
Prepress by the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities.
Signed to print 14.03.2022. Offset print. Format 60 x 84 1/16. Volume of 20 printed sheets.
Printrun of 1000 copies.
Printed in the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities,
Miusskaya sq., 6, Moscow, GSP-3, 125047. Tel.: 8-499-973-42-05; 8-499-973-42-00